

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций

*Сборник научных трудов по материалам
I Международной научно-практической конференции
(17–18 октября 2019 г., Саратов)*

Саратов
2019

УДК 349.8(082)
ББК 67.4я43
П78

Рецензенты:

заведующий кафедрой служебного и трудового права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор *С. Е. Чаннов*;
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН
Р. В. Амелин

*Все права на размножение и распространение издания в любой форме остаются за разработчиком.
Нелегальное копирование и использование запрещено.*

П78 Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций : сб. науч. тр. по матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 17–18 октября 2019 г.) / под ред. Н.Н. Ковалевой ; ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019. – 184 с.

ISBN 978–5–7924–1551–5

Издание представляет собой публикацию научных статей I Международной научно-практической конференции «Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций», организованной ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».

Данный сборник предназначен для ученых, политических деятелей, представителей органов власти и местного самоуправления, правоохранительных органов, бизнесменов, юристов, политологов, социологов, экономистов, педагогов, работников социальных учреждений, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов, а также для широкого круга читателей, интересующихся научными исследованиями состояния и развития современного общества.

УДК 349.8(082)
ББК 67.4я43

ISBN 978–5–7924–1551–5

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалёва Н.Н. ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.....	4
Полякова Т.А. ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	10
Минбалеев А.В. МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	14
Шаршун В.А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ НОРМОТВОРЧЕСТВА: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	17
Терещенко Л.К. ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СФЕРЫ СВЯЗИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	22
Камалова Г.Г. ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОСТОЯНИЕ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА.....	24
Шугуров М.В. ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ.....	29
Волков Ю.В. МЕТОДИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: НЕДОСТАТКИ И НАХОДКИ.....	35
Зырянов И.А. К ВОПРОСУ О ПРИНЯТИИ ЗАКОНА О ЦИФРОВЫХ ГАРАНТИЯХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГАРАНТИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	39
Привалов С.А. СВОБОДА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА В РОССИИ И ГЕРМАНИИ.....	43
Жирнова Н.А. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	47
Перепелица Е.В. ПРАВОВОТВОРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ЦИФРОВОМ КОНТЕНТЕ.....	50
Ермолова О.Н. ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	54
Лазарева О.В. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ.....	58
Солдаткина О.Л. ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОРГАНАХ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ.....	62
Торосян Р.А. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ.....	65
Чайковский Д.С. АНАЛИТИКА БОЛЬШИХ ДАННЫХ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ.....	68
Шалаева Т.З. ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА.....	71
Голубитченко М.А. РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИИ.....	74
Кунец А.Г. СУЩНОСТНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГЕНЕЗИСА ПОНЯТИЯ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО».....	78
Radim Chalupa ELECTRONIZATION OF THE CZECH JUDICIARY.....	83
Суровягин Д.П. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОБРАБОТКА ТЕКСТОВ С ПОМОЩЬЮ ГЛУБОКИХ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ¹	87
Архангельская Е.В. СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБУЧАЮЩИХ РАЗРАБОТОК ДОСТУПНЫМИ ПРОГРАММНЫМИ СРЕДСТВАМИ.....	92
Новикова Е.А. СОДЕРЖАНИЕ ИТ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ.....	97
Герасценко А.И. ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЕЗЛИЧЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ДАННЫХ ПРИ РАЗРАБОТКЕ, ТЕСТИРОВАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕДИЦИНСКОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА.....	104

Лапунин М.М. НЕОБХОДИМОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В СВЕТЕ СКВОЗНЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	109	Андреева Л.В. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	149
Брянцев И.И., Брянцева О.В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛЯ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.....	113	Беляева О.А. РЕЖИМ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК: ПУТИ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ.....	153
Ересько П.В., Варламова Е.В., Новикова Е.А. ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ФГОС У ОБУЧАЮЩИХСЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ ПОСРЕДСТВОМ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ.....	118	Шмелёва М.В. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ЗАКУПОК.....	156
Изотова В.Ф. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КИБЕРФИЗИЧЕСКИХ СИСТЕМ И РОБОТОТЕХНИКИ.....	125	Богатова Е.В. ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК.....	160
Хлус А.М. ИНФОРМАТИЗАЦИЯ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА В АСПЕКТЕ ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	128	Соболева Ю.В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРИНЦИП ГЛАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, НАДЕЛЕННЫХ ПУБЛИЧНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ.....	163
Афанасьев С.Ф. ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СООТНОШЕНИЕ НОРМ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА.....	132	Холодная Е.В. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДАНИИ: ОПЫТ ЛИДЕРА ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО».....	165
Борисова В.Ф. МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ.....	135	Басова А.В. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РОБОТОВ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ.....	168
Юсупова А.Н., Кухарева О.А. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВОСУДИИ.....	138	Анисимова А.С. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ» С УЧЕТОМ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	170
Григорьева Т.А., Кружалова А.В. ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН.....	142	Ударцев С.Ф. НЕПРИЗНАННОЕ ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО ASGARDIA: КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ.....	175
Родионова О.М. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ.....	145	Фёдоров В.К., Афонюшкина Н.В. СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРОТИВ «ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ».....	179

Н.Н. Ковалёва,

*д.ю.н., профессор, и.о. заведующего кафедрой информационного права
и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии
e-mail: kovaleva.natalia@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация: *Цель.* Обзор подготовлен по итогам I Международной научно-практической конференции «Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций», прошедшей 17–18 октября 2019 г. в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». *Методология:* диалектика, анализ, формально-юридический метод. *Результат.* На конференции обсуждены современные направления научных исследований в информационной сфере, трансформации права в условиях развития цифровых технологий, регулирование технологий блокчейн, идентификации субъектов и цифрового профиля, методологии правового регулирования общественных отношений в сфере использования цифровых технологий и оборота данных, развития цифровой экономики и единой цифровой среды доверия, проблемы систематизации информационного законодательства.

Ключевые слова: информационное право, информационная безопасность, цифровизация, цифровая трансформация, искусственный интеллект, персональные данные, научные исследования.

N.N. Kovalyova,

*doctor of law, Professor, acting head of the Department of information law
and digital technologies Saratov state law Academy
e-mail: kovaleva.natalia@mail.ru*

PROBLEMS AND CHALLENGES OF DIGITAL SOCIETY: TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL TRANSFORMATIONS

Annotation: *Purpose.* The review was prepared following the results of the international scientific and practical conference «Problems and challenges of digital society: trends in the development of legal regulation of digital transformations», held on October 17-18, 2019 in the Saratov state law Academy. *Methodology:* dialectics, analysis, formal legal method. *Result.* The conference discussed the modern directions of scientific researches in the field of information, transformatsii law in the context of development of digital technology, regulation technology, the blockchain, the identification of subjects and digital profile, the methodology of legal regulation of social relations in the sphere of use of digital technologies and turnover data, development, digital economy and digital environment, the problems of systematization of information legislation.

Keywords: information law, information security, digitalization, digital transformation, artificial intelligence, personal data, scientific research.

17–18 октября 2019 года в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» проходила I Международная научно-практическая конференция «Проблемы и вызовы цифрового общества: тенденции развития правового регулирования цифровых трансформаций».

17 октября состоялось пленарное заседание Международной конференции, которое открыл выступивший с приветственным словом проректор по науке ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», доктор юридических наук, профессор **Е.В. Вавилин**. Он поддержал важность научной проблематики трансформации права в условиях развития цифровых технологий, регулиро-

вания технологий блокчейн, идентификации субъектов и цифрового профиля, методологии правового регулирования общественных отношений в сфере использования цифровых технологий и оборота данных, развития цифровой экономики и единой цифровой среды доверия, проблемы систематизации информационного законодательства, а также вопросы междисциплинарного подхода в современных научных исследованиях процессов цифровых трансформаций. Он положительно оценил предложения кафедры информационного права и цифровых технологий о необходимости сделать Международную научно-практическую конференцию «Проблемы и вызовы цифрового общества: тенден-

ции развития правового регулирования цифровых трансформаций» ежегодной.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась и.о. заведующего кафедрой информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», д.ю.н., профессор **Н.Н. Ковалёва**, которая подчеркнула особую значимость изучения методологии правового регулирования исследования и использования систем искусственного интеллекта в «цифровом обществе» и международного опыта цифровизации на современном этапе и его правового регулирования.

В рамках Пленарного заседания конференции с докладом «Проблемы обеспечения информационной безопасности» выступила заведующая сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ **Т.А. Полякова** отметила актуальность продолжения работы по правовому обеспечению информационной безопасности, особенно в условиях развития цифровой экономики, необходимости реализации Стратегии научно-технологического развития России и заявлений о разработке информационно-коммуникационного и цифрового кодекса. Она подчеркнула, что обеспечение информационной безопасности является перспективным направлением в рамках международного сотрудничества, что особенно актуально в условиях развития цифровой экономики.

Выступление заместителя директора Национального центра правовой информации Республики Беларусь, к.ю.н. **В.А. Шаршуна** было посвящено цифровизации нормотворчества в Республике Беларусь и сделан вывод об особом значении информационных ресурсов, обеспечивающих нормотворческую деятельность, включая терминологические ресурсы и ресурсы правоприменительной информации. Анализируются новации нового Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» в аспекте применения информационных технологий при подготовке проектов нормативных правовых актов. Рассматриваются перспективные направления цифровизации нормотворческого процесса, в том числе разработка и внедрение общегосударственной системы обеспечения нормотворческой деятельности (АИС «Нормотворчество»), позволяющей осуществлять подготовку проектов правовых актов, их согласование в электронном виде с заинтересованными государственными органами, подписание, направление соответствующих правовых актов на обязательную юридическую экспертизу и официальное опубликование, а также мониторинг правоприменения.

Л.К. Терещенко, заместитель заведующего отделом административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, д.ю.н., заслуженный юрист России, рас-

сказывая о государственном регулировании сферы связи в условиях цифровизации: реальность и перспективы, отметила что основной объем регуляции в сфере связи лежит на государстве, тенденцию к дерегулированию можно усмотреть только по вопросам ценообразования. Вместе с тем есть направления, имеющие важность как для государства, так и для бизнеса, по которым должны прилагаться совместные усилия. В первую очередь, это вопросы безопасности. Здесь государство осуществляет правовое регулирование, оставляя возможность для субъектов в выборе наиболее оптимальных средств защиты, определение собственных требований безопасности, формирование собственной политики безопасности и др. К сфере совместных усилий государства и операторов связи, осуществляемых не только правовыми средствами, но и в рамках собственных инициатив, можно отнести борьбу с детской порнографией, инициативы по формированию «безопасного интернета» и др.

А.В. Минбалеев, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права РАН, доктор юридических наук, доцент, эксперт РАН, выступил на тему «Модели регулирования цифровых отношений (Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16014 «Место и роль правового регулирования в развитии цифровых технологий, правовое регулирование и саморегулирование, в том числе с учетом особенностей отраслей права)». В своем выступлении он указал, что для Российской Федерации механизмы правового регулирования отношений в сфере использования цифровых технологий являются приоритетными. Планирование развития нормативного регулирования цифровой среды в рамках цифровой экономики и его реализация свидетельствуют, что законодатель ставит задачи урегулировать на уровне федерального законодательства как общие вопросы, затрагивающие все цифровые технологии (экспериментальные правовые режимы («цифровые песочницы»), вопросы идентификации и аутентификации в цифровой среде, цифровые права и др.), так и отдельные технологии (блокчейн, большие данные, искусственный интеллект и др.). Несмотря на определенные попытки внедрения механизмов саморегулирования в данные процессы, реальных действий не со стороны профессионального сообщества так и не предпринято, существуют и законодательные препятствия по использованию механизмов саморегулирования в сфере цифровых технологий. В большей степени в России могут найти развитие механизмы саморегулирования в сфере отдельных цифровых технологий, при котором государство будет устанавливать нормативные правовые требования, а профессиональное сообщество

будет разрабатывать механизмы контроля за исполнением данного законодательства и развивать сферу.

На площадке академии собрались более 100 ученых разных направлений: юристы, экономисты, философы, ученые в сфере ИКТ, представителей бизнеса и органов государственной власти.

Представители органов власти приняли активное участие не только на основной площадке конференции, но и в проходивших в ее рамках круглых столах: **А.А. Шугаев** – советник министра информации и печати Саратовской области, кандидат политических наук, **Н.А. Калашникова** – заместитель министра экономического развития Саратовской области – начальник управления контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд выступил с докладом о контроле в сфере государственных и муниципальных закупок, **Е.Е. Устинов** – и.о. заместителя председателя контрольно-аналитического комитета Саратовской области – с докладом о выявленных нарушениях в сфере внутреннего государственного финансового контроля, **А.Н. Гордеев** – начальник отдела функционирования контрактной системы Управления Федерального казначейства по Саратовской области – с докладом об инновациях, в сфере государственных закупок, **Ю.Л. Потапов** – начальник управления бюджетного учета и отчетности государственных закупок, мониторинга деятельности учреждений министерства здравоохранения Саратовской области – с докладом об особенностях и проблемах закупки товаров, работ и услуг в сфере здравоохранения, **А.П. Батракова** – референт отдела формирования материально-технической базы и государственных закупок министерства культуры Саратовской области – с докладом об особенностях и проблемах закупки товаров, работ и услуг в сфере культуры, **А.А. Серебряков** – прокурор отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции – с докладом о прокурорском надзоре за исполнением законов в сфере электронных закупок для государственных и муниципальных нужд, **А.В. Коновалов** – старший прокурор отдела по надзору за исполнением законов в сфере экономики и природоохранного законодательства управления по надзору за исполнением федерального законодательства – с докладом о прокурорском надзоре за исполнением законов в сфере государственных и муниципальных закупок.

Среди представителей бизнес-структур, проявивших максимальную заинтересованность, были **В.А. Руденко** – главный метролог ПАО «Саратовнефтегаз», кандидат технических наук, **Т.В. Турбина** – руководитель Департамента правового обеспечения АО «НЭСК», **С.Е. Коротков** – системный аналитик ООО «Мария».

Участие в работе I Международной конференции принимали зарубежные ученые из республик Казахстан, Беларусь, Чехии и др., известные отечественные ученые и специалисты в области инфор-

мационного права и информационной безопасности, представители бизнеса и управления.

В рамках работы конференции выступили:

Н.И. Сухова – к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Эволюция права в условиях информационно-цифровых технологий: цифровая трансформация права или правовая цифровизация?»*. Выступающий отметил актуальность и сложность проблем, обсуждаемых в ходе работы конференции, остановилась на анализе оснований использования понятия «цифровое право». Проведенный анализ имеющейся литературы позволил сформулировать несколько аргументов о преждевременности и поспешности его широкого применения в исследованиях правовой сферы. В частности, было указано, что никакого перевода права в Цифру не состоялось и речь в большинстве случаев идет о технологическом сопровождении подготовки и создания права (закона) и его реализационного процесса. Не сформировалось и самостоятельной отрасли «цифровое право» с присущими дифференцирующими признаками. Понятие «цифровое право» могло бы претендовать на субстанциональность хотя бы в случае использование его в действующем законодательстве, что дало возможность исследовать его в научной среде и делать инструментом в познании современной правовой реальности;

О.В. Лазарева – к.ю.н., доцент, доцент кафедры теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Тенденции развития права в цифровом обществе»*;

Е.В. Перепелица – к.ю.н., старший научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения правовой информатизации управления правовой информатизации Национального центра правовой информации Республики Беларусь с докладом *«Правотворческая политика в цифровом контенте»*;

И.В. Шестерякова – д.ю.н., профессор, зав. кафедрой трудового права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Трудовые отношения в эпоху цифровизации»*;

Н.А. Жирнова – к.ю.н., доцент кафедры информационного права и цифровых технологий, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Перспективы правового регулирования криптовалют в Российской Федерации»*;

Г.Г. Камалова – к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой информационной безопасности в управлении Удмуртского государственного университета с докладом *«Правовое обеспечение конфиденциальности информации в цифровую эпоху: современное состояние и место в системе информационного права»*;

Р.Д. Акшалова – докторант специальности «6D030200 – Международное право» Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева с докладом *«Информационно-коммуникационные*

технологии и возобновляемые источники энергии: международно-правовые аспекты»;

Ю.В. Волков – к.ю.н., доцент, доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета с докладом *«Методика информационных правовых исследований: недостатки и находки»;*

И.В. Шугурова – к.ю.н., доцент, профессор кафедры международного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Вопросы развития права интеллектуальной собственности в программно-стратегических документах ЕАЭС в сфере цифровой повестки»;*

Д.С. Чайковский – к.ф.-м.н., доцент кафедры информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Аналитика больших данных в государственном управлении»;*

С.А. Привалов – ассистент кафедры конституционного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Свобода массовой информации и социальные медиа в России и Германии»;*

Р.А. Торосян – к.ю.н., старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права СГУ имени Н.Г. Чернышевского с докладом *«К вопросу о введении электронных трудовых книжек в России: проблемы и перспективы»;*

Е.В. Архангельская – к.ф.-м.н., доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Создание электронных обучающих разработок доступными программными средствами»;*

О.В. Брянцева – к.ф.-м.н., доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» совместно с **И.И. Брянцевым** – к.социол. н., доцентом кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, ПИУ им. П.А. Столыпина с докладом *«Цифровизация поля публичной политики как фактор демократизации законотворческого процесса»;*

Е.А. Новикова – старший преподаватель кафедры информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Содержание ИТ компетенций обучающихся в юридическом вузе»;*

В.Ф. Изотова – к.ф.-м.н., доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Критическая информационная инфраструктура государства. Понятие, значение, мировая практика»;*

А.Г. Кунец – магистр юридических наук, аспирант кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, научный сотрудник отдела научно-мето-

дического обеспечения правовой информатизации управления правовой информатизации Национального центра правовой информации Республики Беларусь с докладом *«Сущностные предпосылки генезиса понятия “информационное общество”»;*

Д.П. Суровягин – к. филос. н., доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Интеллектуальная обработка текстов с помощью глубоких нейронных сетей: основные проблемы и результаты»* (исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-311-00091);

М.В. Шугуров – д. филос. н., доцент, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Политико-правовой механизм цифровой трансформации экономики в Европейском союзе»;*

А. Геращенко – младший юрист-эксперт фонда развития интернет-инициатив, стажер-исследователь Международной лаборатории по праву информационных технологий и интеллектуальной собственности НИУ ВШЭ, студентка 1-го курса магистратуры факультета права НИУ ВШЭ с докладом *«Перспективы использования обезличенных медицинских данных при разработке, тестировании и использовании медицинского искусственного интеллекта»;*

М.А. Голубитченко – к.ю.н., старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Развитие правового режима криптовалюты в России»;*

М.Б. Кузнецова – к. филос. наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«О некоторых вызовах цифровизации общества»;*

Л.Ю. Пионткевич – к. филос. н., доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Этические аспекты современной цифровой культуры»;*

О.В. Костина – д. филос. н., профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» с докладом *«Особенности коммуникации в современной культуре: вызовы цифрового общества»;*

А.С. Анисимова – к.ю.н., младший научный сотрудник Саратовского филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института государства и права Российской академии наук с докладом *«Трансформация общетеоретической модели “механизм правового регулирования” с учетом развития инновационных информационных технологий»;*

А.М. Хлус – к.ю.н., доцент, доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета с докладом *«Информатизация и цифровизация общества в аспекте влияния на развитие преступной деятельности».*

Кроме того, в рамках конференции прошли 4 круглых стола: «Теория и практика использования искусственного интеллекта в правосудии по гражданским и административным делам», «Цифровые государственные и муниципальные закупки: опыт, проблемы, перспективы», «Противодействие киберпреступности: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты», «Право и искусственный интеллект: опыт, проблемы, перспективы».

Среди выступающих можно выделить доклады:

А.В. Минбалеева – д.ю.н., доцента, заведующего кафедрой информационного права и цифровых технологий ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им О.Е. Кутафина (МГЮА)» – «Государственная политика в области искусственного интеллекта: мировой опыт»;

Е.В. Вавилина – д.ю.н., профессора, заведующего кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» – «Внедрение современных гражданско-правовых механизмов осуществления цифровых государственных и муниципальных закупок»;

О.М. Родионовой – д.ю.н., доцента, профессора кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» – «Гражданское право в цифровом формате: возможности и пределы»;

Е.В. Холодной – к.ю.н., доцента, доцента кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета им О.Е. Кутафина (МГЮА) – «Цифровизация Дании: опыт лидера по реализации проекта «электронное правительство»;

Ю.В. Соболевой – д.ю.н., доцента, и.о. заведующего кафедрой административного и муниципального права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» – «Цифровизация и принцип гласности в деятельности негосударственных организаций, наделенных публичными полномочиями»;

А.А. Волос – к.ю.н., доцента кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» – «Проблемы правового регулирования отношений, возникающих в связи с использованием технологии смарт-контракта» (исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-11-00538);

А.В. Павлюка – к.ю.н., доцента, заместителя заведующего кафедрой государственного управления Московского государственного института международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации – «Повы-

шение эффективности деятельности корпораций с государственным участием за счет внедрения технологии искусственного интеллекта» (доклад подготовлен в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями);

А.Я. Ахмедова – к.ю.н., доцента кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» – «Субъекты гражданского права в период перехода к цифровой экономике» (исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-11-00538);

Е.Н. Быстрякова, И.В. Усанова – к.ю.н., доцентов, доцентов кафедры криминалистики ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» – «Цифровой аспект технологии извлечения криминалистической информации из инцидентного киберпространства в процессе оперативно-розыскной деятельности»;

А.М. Хлус – к.ю.н., доцента, доцента кафедры криминалистики Белорусского государственного университета «Проблемы методического обеспечения противодействия киберпреступлениям»;

Э.Г. Хомякова – к.ю.н., доцента кафедры криминалистики и судебных экспертиз Удмуртского государственного университета – «Об отдельных проблемах расследования киберпреступлений»;

Ю.В. Францифорова – д.ю.н., профессора, профессора кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» – «Особенности возбуждения уголовных дел о киберпреступлениях»;

М.В. Шмелевой – докторанта, к.ю.н., доцента, доцента кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» – «Система госзакупок в век интеллектуальной экономики»;

О.Ф. Фаст – к.ю.н., доцента, доцента кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» – «Виртуальная собственность как объект закупок».

18 октября 2019 года как результат проведения конференции состоялось подписание международного Соглашения с Национальным центром правовой информации Республики Беларусь и открытие на базе Саратовской государственной юридической академии Центра доступа к эталонной правовой информации Республики Беларусь (ЦЭПИ) при кафедре информационного права и цифровых технологий.

По результатам конференции также планируется издание сборника статей, которые будут размещены в eLibrary.ru для включения в РИНЦ.

Т.А. Полякова,

главный научный сотрудник, и.о. заведующего сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры информационного права, информатики и математики Всероссийского государственного университета юстиции при Минюсте России Российского государственного университета правосудия при Верховном Суде РФ
e-mail: polyakova_ta@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

Аннотация: в статье рассматриваются отдельные вопросы, связанные с изменениями, происходящими в жизни современного инновационного общества в условиях инновационного развития, цифровизации экономики, совершенствования государственного управления. Как эти вызовы отражаются на российской правовой системе в целом и правовом обеспечении информационной безопасности. На основе научных исследований и зарубежного опыта обосновывается вывод о тенденциях правового регулирования в системе правового обеспечения информационной безопасности и приоритетных направлениях. Особое внимание обращено на вопросы формирования государственной политики, документы стратегического планирования, значение мониторинга и юридического прогнозирования для нормотворческого процесса и правоприменительной практики.

Ключевые слова: информационная сфера, цифровые технологии информационная безопасность, система, международная информационная безопасность, правовое обеспечение информационной безопасности, научные исследования, институционализация, экспериментальные правовые режимы, юридическое образование, прогнозирование, искусственный интеллект, робототехника.

T.A. Polyakova,

chief scientific officer, acting head of the sector of information rights and international information security, Institute of state and law, Russian Academy of Sciences, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of informational law, Informatics and mathematics of Russian state University of justice the Ministry of justice of the Russian state University of justice of the Supreme court of the Russian Federation
e-mail: polyakova_ta@mail.ru

PROBLEMS AND CHALLENGES OF DIGITAL TRANSFORMATION AND TRENDS OF LEGAL PROVISION OF INFORMATION SECURITY

Annotation: the article deals with some issues related to the changes taking place in the life of modern innovative society in the conditions of innovative development, digitalization of the economy, improvement of public administration. How these challenges affect the Russian legal system as a whole and the legal provision of information security. On the basis of scientific researches and foreign experience the conclusion about tendencies of legal regulation in system of legal maintenance of information security and priority directions is proved. Special attention is paid to the issues of public policy formation, strategic planning documents, monitoring and legal forecasting for the rule-making process and law enforcement practice.

Keywords: information sphere, digital technologies information security, system, international information security, legal support of information security, research, institutionalization, experimental legal regimes, legal education, forecasting, artificial intelligence, robotics.

В глобальном информационном обществе в цифровую эпоху развития инновационных технологий, и связанных с ними новых вызовов

* *Статья написана в рамках государственного задания по теме «Правовое регулирование цифровой экономики, искусственного интеллекта информационной безопасности».*

и угрозам информационной безопасности, неизбежно возникают новые общественные отношения, которые и соответственно потребуют развития правового регулирования, т.е. определенной трансформации системы права, что детерминировано расширением информационной сферы, появлением новых объектов и субъектов. Вместе с тем,

как показывает история развития права, традиционно оно имеет инерционный характер, и в отношении цифровых технологий, киберфизических систем юридическая наука не выработала пока выверенных правовых решений, механизмов, инструментов регулирования, преодоления рисков – достойных ответов вызовам в целях обеспечения национальных интересов личности, общества и государства. При этом необходимо определить роль и место синергетических процессов в информационной сфере, которая состоит из совокупности информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений¹. Указанные составляющие информационной сферы, как развивающейся системы, являются объектами научных исследований не только в области информационного права, но и в целом ряде входящих в него комплексных правовых институтов. Эти направления эволюционного развития, включая и синергетические процессы, поскольку зарождающаяся цифровая цивилизация наряду с развитием сквозных цифровых технологий² вызывает необходимость модернизации правовых подходов к урегулированию новых общественных отношений.

Следует обратить внимание на важность исследования отдельных уровней и элементов системы правового обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе, а также механизмов трансформации (имплементации) международных правовых норм, регулирующих вопросы информационной безопасности, в российскую систему правового регулирования обеспечения информационной безопасности. К системе документов стратегического планирования в данной области относятся Стратегия национальной безопасности (2015 г.), Доктрина информационной безопасности (2016 г.), Стратегия научно-технологического развития (2016 г.) Стратегии развития информационного общества (2017 г.) и целый ряд других. К анализу состояния указанной системы документов в рассматриваемой сфере автор настоящей ста-

ть неоднократно обращался в своих публикациях и монографиях³.

На современном этапе развития «цифровой цивилизации» необходимо правовое осмысление особенностей взаимодействия субъектов в цифровой среде, современных подходов к их идентификации, правовому статусу, правовому регулированию экспериментальных правовых режимов и иных правовых проблем. С одной стороны неизбежно будущее с его сингулярностью и его не надо бояться, как прогнозирует Рэй Курцвейл, ведь оно неизбежно и надо попытаться его понять. Глобальное информационное общество волнуют проблемы, связанные с появлением, например, киберфизических систем, правомерности признания роботов субъектами права, освободят ли они человека от рутинной работы или сделают его безработным? Эти актуальные правовые и этические вопросы требуют системных научно обоснованных решений и неслучайно приобретают уровень национальных проектов.

Несомненно, представляет научный интерес зарубежный опыт стратегических, доктринальных политико-правовых решений в области обеспечения информационной безопасности, в связи с этим важны фундаментальные разносторонние исследования, анализ тенденций правового регулирования отношений в информационной сфере в иностранных государствах, принятие международных актов. Одним из стратегических направлений научно-технологического развития является исследование мозга, развитие искусственного интеллекта включая биологические, этические, технологические проблемы, вопросы ответственности.

Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. В ней определены задачи развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, меры, направленные на его использование в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов, в том числе в области научно-технологического развития⁴. Необходимо обратить внимание, что этот политико-правовой документ стратегического планирования должен учитываться при реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 г.г., национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и иных национальных проектах (программах), федеральных и региональных

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50, ст. 7074.

² Больших данных, облачных технологий, искусственного интеллекта и робототехники, нейротехнологий и биотехнологий, системы распределенного реестра, включая блокчейн и др., квантовых технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальностей и т.д.

³ См.: *Афиногенов Д.А., Полякова Т.А.* Система документов стратегического планирования: проблемы и перспективы // Вестник Академии права и управления. 2017. № 3 (48). С. 22–32.; *Полякова Т.А., Химченко А.И.* Юридическое прогнозирование как составляющая стратегического планирования для целей развития информационного права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 38–42.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

проектах, в рамках реализации которых возможно использование технологий искусственного интеллекта и т.д. Следует отметить закрепление понятийного аппарата в данном правовом акте, основных принципов и при этом значительное внимание уделяется безопасности в целях недопустимости использования искусственного интеллекта для умышленного причинения вреда гражданам и юридическим лицам, а также предупреждения и минимизации рисков возникновения негативных последствий использования технологий искусственного интеллекта.

Зарубежный опыт показывает, что на национальном уровне государства в своих стратегиях и программах развития цифровых экономик определяют актуальные задачи по выработке ответа вызовам цифровой трансформации экономики и направления их реализации. При этом в современных условиях приобретает особое значение международное сотрудничество, интеграционный фактор обеспечения доверия дополнительной устойчивости и возможностей для масштабирования экономик государств в ответ на глобальные вызовы цифровой трансформации.

Правовые вопросы, связанные с «большими данными» пока не нашли своих решений (правовой режим, обеспечение информационной безопасности и др.). Вместе с тем по прогнозам такие технологии должны широко использоваться в государственном управлении, в бизнесе, в жизни каждого из нас. Происходящие процессы цифровой трансформации государства, общества, а соответственно и их влияние на систему права в современных условиях имеют глобальный характер и влияют на систему не только национального, но и международного права.

Одним из направлений развития права как на международном, так и на национальном уровне сегодня становится так называемое «робоправо»¹. О внимании государств к этой проблематике свидетельствует исследование «регуляторного ландшафта» и мирового опыта регулирования робототехники и технологий искусственного интеллекта, проведенное по заказу Фонда «Сколково»².

Очевидно, в цифровом мире, необходимо единообразно понимать, что такое цифровая трансформация, экономика, экосистема цифровой экономики. При этом нельзя все связывать только с использованием технологий блокчейн, которые не только значительно расширяют возможности рынков, но и создают для них угрозы правового характера. Ри-

ски сегодня связывают с тем, что нет общих правил использования распределенного реестра, криптовалюты, смарт-контрактов, насколько определенными они являются. Но определиться с понятиями в информационной сфере сложно, поскольку нужны и технические знания в этой области. Например, Интернет – это среда, хранилище информации, средство коммуникации, и выполняет много других функций, как качественно новый объект правового регулирования, особенности которого обусловлены в первую очередь его сетевой архитектурой, неясным правовым статусом, синергией новых отношений и значительным объемом проблем, поскольку это неограниченная сфера распространения различной информации, затрудняющая регулирование в рамках устоявшихся сегодня теоретико-правовых представлений и научных учений. Это целый ряд новых правовых институтов или модернизация правоотношений, относящихся к группе сетевых, которая проявляется в наличие связи указанных правоотношений в информационно-коммуникационной сети Интернет.

Новые понятия появились, например, в приказе Генпрокуратуры России от 14 сентября 2017 г. № 627 «Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года»³, где под цифровой инфраструктурой понимается «обеспечение реализации нового качества электронного взаимодействия органов прокуратуры всех уровней с гражданами, организациями, государственными органами на основе создания безопасной высокотехнологичной универсальной цифровой среды, а под средой доверия – обеспечение технической, организационной и правовой защиты интересов граждан, бизнеса и государственных интересов при осуществлении взаимодействия в обновленной цифровой экосистеме органов прокуратуры»⁴.

Отсутствие согласованной политики в цифровой сфере в рамках региональных форматов может стать препятствием для достижения синергетических эффектов в развитии цифровой экономики государств-членов и глобального цифрового пространства. В связи с этим так важно развитие интеграционного сотрудничества с учетом глобальных вызовов цифровой трансформации, в обеспечении качественного и устойчивого экономического роста государств, в том числе для ускоренного перехода экономик на новый технологический уклад, формирования новых индустрий и рынков, разви-

¹ См.: Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / [В. В. Архипов и др.]: под ред. А. В. Незнамова. М.: Инфотропик Медиа, 2018.

² См.: Новые законы робототехники. Регуляторный ландшафт. Мировой опыт регулирования робототехники и технологий искусственного интеллекта / [В. В. Бакуменко и др.]: под ред. А. В. Незнамова. М.: Инфотропик Медиа, 2018.

³ См.: Законность. 2017. № 12 // СПС «Консультант-Плюс» (высокотехнологичный надзор определяется как формирование на основе комплексной оптимизации выполнения надзорных функций единой безопасной цифровой платформы для обеспечения электронного взаимодействия органов прокуратуры всех уровней между собой и с другими государственными органами, внедрение современных механизмов и технологий противодействия киберпреступности и правонарушениям в цифровой среде).

⁴ См.: Там же.

тия трудовых ресурсов, синхронизации цифровых трансформаций. В соответствии со Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 одной из основных задач научно-технической политики государства в предстоящий период должно быть повышение восприимчивости экономики к инновациям и развитие наукоемкого бизнеса (п. 33)¹.

Национальные стратегии, доктрины определяют цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики государств развития инфор-

мационного пространства, информационного общества, формирования цифровой экономики, общества знания, обеспечения национальных интересов и реализации стратегических приоритетов. Это касается и задач формирования системы обеспечения международной информационной безопасности. Представляет интерес и заслуживает внимания один из первых учебников для вузов, изданный к 75-летию МГИМО, по международной информационной безопасности².

Тема эта многогранна, многоаспектна и требует дальнейших научных исследований.

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642 «Об утверждении Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6887.

² См.: Международная информационная безопасность: теория и практика: в 3 т. Т. 1: учебник для вузов / под общ. ред. А.В. Крутских. М.: Аспект Пресс, 2019.

А.В. Минбалеев,

*д.ю.н., доцент, зав. кафедрой информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), главный научный сотрудник сектора информационного права
и международной информационной безопасности
Института государства и права РАН, эксперт РАН
e-mail: alexmin@bk.ru*

МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Аннотация: статья посвящена исследованию актуальных проблем поиска путей и моделей регулирования современных цифровых отношений. Выявлены основные проблемы правового регулирования цифровых отношений, возможности саморегулирования и роль этического регулирования в этом процессе. Выделены возможные модели регулирования цифровых отношений в мире. Сделано предложение о возможных вариантах развития регулирования цифровых отношений в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровые отношения, цифровизация, модели регулирования, правовое регулирование, саморегулирование, этическое регулирование, техническое регулирование, методы регулирования цифровых отношений.

A. V. Minbaleev,

*Head Department of information law and digital technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Leading Researcher of the Information Law Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Associate Professor, the expert RAS
e-mail: alexmin@bk.ru*

MODELS OF REGULATION OF DIGITAL RELATIONS

Annotation: the article is devoted to the study of actual problems of finding ways and models of regulation of modern digital relations. The main problems of legal regulation of digital relations, the possibility of self-regulation and the role of ethical regulation in this process are revealed. The possible models of regulation of digital relations in the world are highlighted. A proposal is made on possible options for the development of regulation of digital relations in the Russian Federation.

Keywords: digital relations, digitalization, models of regulation, legal regulation, self-regulation, ethical regulation, technical regulation, methods of regulation of digital relations.

Использование цифровых технологий значительно влияет на изменение общественных отношений в различных сферах деятельности в информационном обществе, что детерминируют трансформацию сложившихся фундаментальных правовых категорий, институтов и теоретико-методологических основ права в целом и информационного права в частности. Появление систем искусственного интеллекта и робототехники кардинально меняет представления о возможностях правового регулирования новых отношений. Механизмы действия правовых норм оказываются бездейственными, если не работают технические стандарты. В результате право оказывается перед выбором – или полностью запретить, или интегрироваться и трансформироваться в новые сложноорганизованные юри-

дико-технические механизмы регуляции уже не общественных отношений, а отношений, обусловленных программно-инженерным программированием функционирования системы искусственного интеллекта. Любая современная правовая система не может только за счет правовых средств осуществлять регулирование систем искусственного интеллекта и робототехники. Необходимо комплексное регулирование, учитывающее технические, правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники.

В процессе планирования и определения регуляторных механизмов развития цифровой экономики государство, к сожалению, не определилось с ролью и возможностями тех или иных регуляторов, которые необходимы для развития цифровой экономики. Фактически мы можем говорить, что происходит попытка законодательного регулирования на основе плана и анализа зарубежного опыта, но без учета национальной системы и технологий правовотворческого процесса, а также без обеспечения

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16014 «Место и роль правового регулирования в развитии цифровых технологий, правовое регулирование и саморегулирование, в том числе с учетом особенностей отраслей права».

учета научно-методической, материально-технической, организационной, идеологической, информационной, образовательной основ, которые, бесспорно, должны сопровождать процессы правового регулирования цифровой экономики.

В этих условиях наблюдается развитие отраслевого законодательства в части регулирования использования отдельных цифровых технологий. Так, активно развивается гражданское и предпринимательское законодательство в части цифровых прав, гражданского оборота цифровых объектов. Сфера искусственного интеллекта и робототехники активно начинает регулироваться транспортным законодательством, особенно в части беспилотных летательных транспортных средств.

Саморегулирование сегодня оказывает различное влияние на процессы развития цифровых технологий как в России, так и во всем мире. Можно выделить несколько направлений такого влияния.

Во-первых, ставится вопрос о возможности использования механизма саморегулирования для развития ряда направлений информационно-телекоммуникационной сферы, сферы массовых коммуникаций, в которых активно используются цифровые технологии. Причем это не только традиционное регулирование Интернет-среды, но и отдельные отрасли использования криптовалют, блокчейн-технологий, искусственного интеллекта и других.

Во-вторых, это использование цифровых технологий в процессе развития саморегулирования в уже действующих сферах. Так, цифровизация строительной отрасли, включающая функционирование информационных систем, основанных на использовании больших данных, блокчейн-технологии, искусственного интеллекта, предполагает создание единого информационного пространства, охватывающего всех субъектов системы саморегулирования строительной отрасли в Российской Федерации.

Анализ российского опыта и опыта зарубежных стран свидетельствует о наличии нескольких моделей правового регулирования цифровых технологий.

1. Модель, основанная исключительно на механизме правового регулирования, не допускающая прямого использования механизмы иных регуляторов, за исключением технического регулирования создания и использования цифровых технологий. В рамках данной модели не допускается саморегулирование, сорегулирование цифровых технологий, этические регуляторы разводятся с правовыми.

2. Модель, основанная на преимущественном использовании механизма правового регулирования, допускающая использование механизмов иных регуляторов, в том числе активно использующая техническое регулирование создания и использования цифровых технологий. В рамках данной модели саморегулирование, сорегулирование цифровых

технологий допускается формально, но существуют препятствия для его реализации.

3. Модель, основанная на делегировании государством части своих функций по регулированию цифровых технологий профессиональным сообществам в этой сфере. В рамках таких моделей государство может на уровне стратегического планирования определять приоритетные направления в сфере цифровых технологий, принимать общие нормы о поддержке использования и об ограничениях в сфере цифровых технологий. При этом этические регуляторы оказывают непосредственное воздействие, поскольку профессиональное сообщество активно разрабатывает кодексы этического поведения и следит за их исполнением. Техническое регулирование также при этом лежит в основе как государственного регулирования, так и становится основой для формирования норм профессиональных сообществ.

Современное правовое регулирование и его модели, в тех случаях, когда речь идет об информационных системах и информационных и цифровых технологиях, может осуществляться только на основе и с учетом теории и методологии информатики. Любые модели (как локальные, так и национальные и наднациональные, как основанные исключительно на механизме правового регулирования, так и допускающие механизмы иных регуляторов) регулирования цифровых технологий должны формироваться на технико-юридическом методе, основанном на методах информатики, лежащих в основе исследований природы и особенностей функционирования информационных систем в цифровом мире. Это и обуславливает, что в любой модели регулирования цифровых технологий определяющее значение играет техническое регулирование, которое и является основой для правового регулирования использования цифровых технологий, а также саморегулирования и сорегулирования.

Этическое регулирование при этом оказывает воздействие на все иные виды регулирования цифровых технологий и должно быть важным ограничителем для технического регулирования и основой для иных видов регулирования цифровых технологий.

Для Российской Федерации механизмы правового регулирования отношений в сфере использования цифровых технологий являются приоритетными. Планирование развития нормативного регулирования цифровой среды в рамках цифровой экономики и его реализация свидетельствуют, что законодатель ставит задачи урегулировать на уровне федерального законодательства как общие вопросы, затрагивающие все цифровые технологии (экспериментальные правовые режимы («цифровые песочницы»), вопросы идентификации и аутентификации в цифровой среде, цифровые права и др.), так и отдельные технологии (блокчейн, большие данные, искусственный интеллект и др.). Несмотря

на определенные попытки внедрения механизмов саморегулирования в данные процессы, реальных действий не со стороны профессионального сообщества так и не предпринято, существуют и законодательные препятствия по использованию механизмов саморегулирования в сфере цифровых технологий. В большей степени в России могут найти

развитие механизмы саморегулирования в сфере отдельных цифровых технологий, при котором государство будет устанавливать нормативные правовые требования, а профессиональное сообщество будет разрабатывать механизмы контроля за исполнением данного законодательства и развивать сферу.

В.А. Шаршун,

*к.ю.н., заместитель директора Национального центра правовой информации
Республики Беларусь
e-mail: sharsh1970@gmail.com*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ НОРМОТВОРЧЕСТВА: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Аннотация: в статье проанализированы основные направления применения информационных технологий в нормотворческой деятельности в Республике Беларусь. Рассматриваются этапы внедрения информационных технологий в данную сферу на протяжении новейшей истории Беларуси, а также информационные ресурсы и системы, применяемые в нормотворчестве на различных стадиях данного процесса (при подготовке проектов нормативных правовых актов (НПА), при проведении их публичного обсуждения, обязательной юридической экспертизы, регистрации в Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь и официальном опубликовании на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь). Особое внимание уделяется информационным ресурсам, обеспечивающим нормотворческую деятельность, включая терминологические ресурсы и ресурсы правоприменительной информации. Анализируются новации нового Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» в аспекте применения информационных технологий при подготовке проектов нормативных правовых актов. Рассматриваются перспективные направления цифровизации нормотворческого процесса, в том числе разработка и внедрение общегосударственной системы обеспечения нормотворческой деятельности (АИС «Нормотворчество»), позволяющей осуществлять подготовку проектов правовых актов, их согласование в электронном виде с заинтересованными государственными органами, подписание, направление соответствующих правовых актов на обязательную юридическую экспертизу и официальное опубликование, а также мониторинг правоприменения.

Ключевые слова: нормотворчество, нормативный правовой акт, правовая информатизация, цифровизация, информационные системы.

V.A. Sharshun,

*Deputy Director of the National Center of Legal Information of the Republic of Belarus,
candidate of juridical sciences
e-mail: sharsh1970@gmail.com*

DIGITALIZATION OF LAW-MAKING: EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Annotation: the article analyzes the main directions of the application of information technologies in law-making in the Republic of Belarus. The stages of the introduction of information technologies in this area throughout the recent history of Belarus, as well as information resources and systems used in law-making at various stages of this process (in the preparation of draft normative legal acts (NPA), conducting their public discussion, mandatory legal expert examination, registration in the National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus and official publication) are considered. Particular attention is paid to information resources that support law-making activity, including terminological resources and legal-practice information resources. The innovations of the new Law of the Republic of Belarus «On normative legal acts» in the aspect of the use of information technologies in the preparation of draft normative legal acts are analyzed. Promising areas of digitalization of the law-making process are considered, including the development and implementation of the national system for supporting law-making (AIS «Law-making»), which allows to carry out the preparation of draft legal acts, their approval in electronic form by interested state bodies, signing, sending relevant legal acts to mandatory legal expert examination and official publication, as well as monitoring their implementation practice.

Keywords: law-making, normative legal act, legal informatization, digitalization, information systems.

Одной из характерных тенденций развития современного общества является всеобъемлющая информатизация всех сфер его жизнедеятельности.

Современные цифровые тренды охватывают практически все сферы: от медицины и образования до вызова такси, характеризуются «убериза-

цией», т.е. процессом, характеризующимся отказом от посредников, экономики и осуществляются посредством специальных цифровых платформ. Все это характерно и для правовой сферы государственной и общественной жизни, в рамках которой циркулируют огромные массивы информации

– от законодательства до правоприменительной практики.

Правовая сфера является одной из важнейших, определяющей законность, правопорядок и в конечном итоге поступательное развитие социума и государственных институтов. В этой связи данная сфера также претерпевает коренные преобразования, обусловленные проникновением информационных технологий в современных условиях развития информационного общества. Как справедливо отмечает А.А. Карцхия, формируется модель правового регулирования на базе цифровых технологий – модель цифрового права¹. Д.А. Пашенцев, Д.Р. Алимова отмечают, что в цифровом обществе будет востребована новая форма закона, которой может стать цифровой закон с изменяющимся содержанием, выступающий гибким регулятором общественных отношений и приспособляющийся к меняющимся интересам участников этих отношений².

Особую значимость в рамках правовой системы государства имеют процессы формирования правовых норм, которые также подвержены цифровой трансформации – цифровизации. Данный термин в литературе определяется как процесс, имеющий целью использование информационных систем, ресурсов и технологий, являющийся одним из важнейших факторов ускорения социально-экономического развития страны, повышения эффективности государственного и муниципального управления³.

Цифровизация нормотворческой деятельности имеет особое значение, поскольку данная деятельность обуславливает качество правового регулирования. Именно в ходе нормотворческой деятельности осуществляется обобщение и анализ огромного массива правовой и иной информации для выработки оптимального правового регулирования. Ошибки и просчеты в данной сфере весьма болезненны, так как в конечном итоге это влечет как необходимость частого изменения законодательства, так и правовую инфляцию, и в конечном итоге не способствуют авторитету государственной власти.

Использование информационных технологий дает возможность повысить оперативность, качество и эффективность правового регулирования. Развитие цифровой экономики, равно как и цифровизация государственного управления, ставят перед государствами вызовы по управлению новой реальностью, в том числе и правовыми средствами. В этой связи важным является осмысление как пройденного в нашей стране пути в направлении цифровизации нормотворческой деятельности, так

и перспектив ее развития, оценки трансформации деятельности по созданию правовых норм в условиях формирования новой цифровой реальности.

В сфере внедрения информационных технологий в нормотворческую деятельность следует выделить два основных направления:

- цифровизация информационно-правового обеспечения нормотворческой деятельности;

- цифровизация нормотворческого процесса.

Цифровизация информационно-правового обеспечения нормотворческой деятельности

В процессе нормотворческой деятельности используется большое количество различной информации (правовой, правоприменительной, экономической, статистической и др.). Поэтому эффективная нормотворческая деятельность невозможна без надлежащего информационно-правового обеспечения, представляющего систему форм, методов и средств, предназначенных для обеспечения пользователей необходимой информацией. Целью информационно-правового обеспечения нормотворческой деятельности является как организация процессов сбора, хранения, обработки, актуализации информации, так и организация массивов информации, обеспечение своевременности ее предоставления для подготовки нормативных правовых актов.

Сегодня такое обеспечение основано на современных информационно-коммуникационных технологиях и включает в том числе предоставление субъектам нормотворческой деятельности доступа к базам и банкам данных, содержащим правовую информацию, использование ими соответствующих терминологических ресурсов, интернет-ресурсов для проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов и др.

В настоящее время широкое распространение получило использование информационно-поисковых систем (далее – ИПС), содержащих массив законодательства, правоприменительной практики и юридической доктрины. В частности, формирование и развитие государственной системы правовой информации, создание эталонного банка данных правовой информации Республики Беларусь (далее – ЭБДПИ) позволило обеспечить государственные органы, организации и граждан эталонной правовой информацией, а также соответствующими ресурсами, содержащими материалы судебной и иной правоприменительной практики (ИПС «ЭТАЛОН» и «ЭТАЛОН-ONLINE», включающие банки данных правовой информации «Законодательство Республики Беларусь», «Решения органов местного управления и самоуправления», «Международные договоры», банки данных «Судебная практика», «Правоприменительная практика», «Формы документов» и др.). Такое информационно-правовое обеспечение жизненно необходимо для эффективной деятельности всех нормотворческих органов, обеспечения развития национального законодательства. В частности, в настоящее время в ИПС «ЭТАЛОН» содержится свыше 301 000 документов, в том числе в ЭБДПИ – свыше

¹ См.: Карцхия А.А. Цифровая трансформация права // Мониторинг правоприменения. 2019. № 1. С. 26.

² См.: Пашенцев Д.А. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 105.

³ См.: Тихомиров Б.И. Цифровизация социально-экономического развития: тернистый путь к новому качеству информационного общества // Экономика. Налоги. Право. 2019. № 4. С. 21.

228 000 правовых актов, 37 000 судебных решений и иных материалов судебной практики, 35 000 материалов иной правоприменительной практики и форм документов¹. Информационный массив правовой информации постоянно растет. Так, только объем ЭБДПИ ежегодно в среднем увеличивается на 10 000 правовых актов.

Важное значение в современной нормотворческой деятельности имеет банк данных проектов законов Республики Беларусь. Данный информационный ресурс функционирует в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 105 «О банке данных проектов законов Республики Беларусь»². В банк данных, помимо текстов проектов законов, включается также информация о проекте закона (законопроекте), формируемая в рамках законотворческого процесса, а также в порядке осуществления обязательного предварительного контроля конституционности законов. Кроме того, для обеспечения доступа граждан к информации о законопроектах их тексты размещаются Национальным центром правовой информации Республики Беларусь (далее – НЦПИ) в свободном доступе на Национальном правовом интернет-портале Республики Беларусь.

К числу информационно-правовых ресурсов, обеспечивающих нормотворческую деятельность, также можно отнести и терминологические ресурсы. Так, в составе ИПС «ЭТАЛОН» имеется словарь юридических терминов, в котором содержится свыше 22 000 терминов и их определений, которые существуют в законодательстве. В сети Интернет в свободном доступе размещен созданный НЦПИ интернет-ресурс «Юридический словарь»³, который содержит свыше 29 000 юридических терминов на белорусском, русском и английском языках со всеми определениями, которые существуют в актах законодательства, в том числе признанных утратившими силу. Так, например, в белорусском законодательстве содержится 58 определений термина «перевозчик», 23 различных определения термина «близкие родственники». Данный ресурс позволяет исследовать термины с учетом разнообразия и особенностей современной терминологии белорусского законодательства, тематических связей с другими терминами, а также проследить динамику их изменений.

Для формирования эффективного законодательства большое значение имеет изучение правоприменительной практики, которая находит свое

отражение и в локальных правовых актах государственных органов и организаций. В этой связи для обеспечения подготовки проектов правовых актов представляют интерес банки данных локальных правовых актов государственных органов и иных организаций. В соответствии с п. 5 Указа Президента Республики Беларусь от 15 июня 2015 г. № 243 «Об электронном документообороте при подготовке и принятии правовых актов» на системной основе организована работа по формированию в республике всеми государственными органами, включая местные, и подчиненными им организациями совместно с НЦПИ банков данных принимаемых ими локальных правовых актов⁴. В настоящее время осуществляется формирование более 850 таких банков данных, в которых содержится более 280 000 документов. Эти банки данных интегрированы в ИПС «ЭТАЛОН», тексты локальных правовых актов имеют связь с соответствующими актами законодательства, имеется соответствующая система поиска и классификации таких документов. Поэтому при подготовке проектов правовых актов соответствующими ведомствами целесообразно использовать указанные банки данных для изучения правоприменительной практики в соответствующей сфере и выработки предложений по совершенствованию правового регулирования. В перспективе возможна интеграция таких банков данных в единый ресурс и использование его возможностей для различных аналитических исследований локального нормативного массива.

Цифровизация нормотворческого процесса

Цифровизация нормотворческого процесса в Республике Беларусь связана со становлением и развитием государственной системы правовой информации. По существу она была начата с внедрения информационных технологий на завершающей стадии данного процесса – на стадии официального опубликования нормативного правового акта. Переход к электронному официальному опубликованию осуществлялся поэтапно и был закончен 1 июля 2012 г.⁵

Принятие нового Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»⁶ (далее – Закон) придало новый импульс цифровизации нормотворческого процесса.

Так, для упрощения разработчикам подготовки текстов проектов нормативных правовых актов в соответствии со ст. 78 Закона в составе ИПС «ЭТА-

¹ См.: ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь // Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

² См.: Указ Президента Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 105 «О банке данных проектов законов Республики Беларусь» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

³ См.: Юридический словарь. URL: <http://multilang.etalonline.by> (дата обращения: 01.09.2019).

⁴ См.: Указ Президента Республики Беларусь от 15 июня 2015 г. № 243 «Об электронном документообороте при подготовке и принятии правовых актов» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

⁵ См.: Шаршун В.А. Генезис и периодизация истории обнародования (официального опубликования) правовых актов в Беларуси // Право.бу. 2012. № 5. С. 131–135.

⁶ См.: Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

ЛОН» создан банк данных правовой информации «Нормотворчество». Данный ресурс содержит 142 шаблона текстов проектов нормативных правовых актов на русском и белорусском языках, а также основные нормативные правовые акты и различные методические материалы по вопросам нормотворческой деятельности.

Законом четко урегулированы вопросы проведения публичного обсуждения нормативных правовых актов. В соответствии со ст. 7 Закона в качестве основной интернет-площадки для публичного (общественного или профессионального) обсуждения проектов нормативных правовых актов определен сайт «Правовой форум Беларуси». Данный ресурс ведется НЦПИ с 2013 года и является своего рода коммуникативной площадкой для обсуждения гражданами различных вопросов правоприменения и проектов правовых актов. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 января 2019 г. № 56 утверждено Положение о порядке проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, которое детально регламентирует проведение этой важной процедуры нормотворческой деятельности с использованием информационных технологий¹. С момента создания сайта «Правовой форум Беларуси» на данном ресурсе проведено публичное обсуждение свыше 230 проектов нормативных правовых актов, в том числе в 2019 году – 121.

Одной из актуальных тенденций цифровизации нормотворчества является исключение бумажного документооборота и создание специализированных систем, обеспечивающих автоматизацию нормотворческого процесса. Как справедливо отмечает С.В.Липень, перспективным направлением развития информационных технологий в правотворческой деятельности является не просто переход на электронный документооборот, а использование автоматизированных поисковых (информационных) систем, в которых и происходит все «движение» проекта нормативного правового акта (правотворческая инициатива, экспертизы, согласования, внесение в правотворческий орган и т.д.)².

Закон впервые четко закрепляет возможность применения электронного документооборота в нормотворческом процессе. Так, п. 3 ст. 46, п. 3 ст. 47, п. 3 ст. 50 Закона предусматривают возможность согласования, направления на обязательную юридическую экспертизу и внесение на рассмотрение соответствующего нормотворческого органа проекта нормативного правового акта в виде электронного документа.

¹ См.: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 28 янв. 2019 г. № 56 «О публичном обсуждении проектов нормативных правовых актов» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

² См.: Липень С.В. Информационные технологии в правотворческой деятельности // Lex Russica. 2019. № 8. С. 118.

С 16 апреля 2018 г. в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 12 апреля 2018 г. № 135 «Об обязательной юридической экспертизе технических нормативных правовых актов» все правовые акты предоставляются для включения НРПА только в электронном виде, без бумажного экземпляра³. В настоящее время нормативно определены два канала представления правовых актов для включения в реестр – посредством системы межведомственного документооборота, а также специально разработанной системы для нужд правовой информатизации – автоматизированной системы, обеспечивающей формирование НРПА (далее – АИС НРПА).

АИС НРПА обеспечивает электронное взаимодействие свыше 310 субъектов, включая все районные и областные исполнительные комитеты и Советы депутатов, республиканские органы государственного управления и Аппарат Совета Министров Республики Беларусь. Система охватывает такие стадии нормотворческого процесса, как проведение обязательной юридической экспертизы нормативных и технических нормативных правовых актов, включение их в НРПА и официальное опубликование. АИС НРПА по существу является цифровой инфраструктурой, с помощью которой осуществляются названные стадии нормотворческого процесса. С 1 января 2016 г. по 17 сентября 2019 г. посредством АИС НРПА в НЦПИ поступило свыше 22 071 правовых актов, в том числе актов базового (районного) уровня – 20 816, из Министерства юстиции – 668, технических нормативных правовых актов – 587.

АИС НРПА рассматривается как основа дальнейшего развития цифровизации нормотворческого процесса. На ее базе предполагается создание общегосударственной системы обеспечения нормотворческой деятельности. Следует отметить, что подобные системы существуют в ряде зарубежных государств, например, в Литве, Эстонии, Молдове⁴.

В этой связи НЦПИ запланировано в 2019–2021 годах создание АИС «Нормотворчество». На первом этапе планируется цифровизация нормотворческой деятельности Администрации Президента Республики Беларусь, Правительства и подчиненных ему государственных органов и организаций, а в дальнейшем – всех остальных субъектов нормотворческой деятельности. Предполагается, что АИС «Нормотворчество» обеспечит комплексную автоматизацию нормотворческого процесса, в том числе:

³ См.: Указ Президента Республики Беларусь от 12 апр. 2018 г. № 135 «Об обязательной юридической экспертизе технических нормативных правовых актов» // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2019.

⁴ См.: Шаршун В.А. О некоторых вопросах применения информационных технологий в нормотворческом процессе: новации Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. «О нормативных правовых актах» // Право.by. 2018. № 6. С. 46–52.

■ автоматизацию процесса формирования текста проекта нормативного правового акта с использованием необходимых шаблонов, программных средств, государственных информационно-правовых ресурсов;

■ согласование, проведение обязательной юридической экспертизы, лингвистического контроля проекта внутри государственного органа – разработчика проекта;

■ согласование проекта с заинтересованными государственными органами;

■ направление проекта для публичного обсуждения на сайт «Правовой форум Беларуси» и получение результатов такого обсуждения;

■ доработку проекта после этапов согласования и публичного обсуждения;

■ направление проекта на обязательную юридическую экспертизу;

■ внесение проекта в соответствующий нормотворческий орган;

■ представление проекта на подпись уполномоченному должностному лицу нормотворческого органа и его подписание;

■ направление нормативного правового акта в НЦПИ для включения в НРПА и его официального опубликования.

Помимо цифровизации нормотворческого процесса важной задачей является создание автоматизированных систем, обеспечивающих аналитическую обработку нормативной правовой и правоприменительной информации, выявление пробелов в правовом регулировании, его избыточности и недопущения правовой инфляции. В этих целях представляется перспективным использование технологий нейронных сетей и больших данных. В частности, имеет огромный исследовательский потенциал массив судебных решений и материалов иной правоприменительной практики. В этой связи значительный интерес представляет опыт работы с большими данными в аналитических системах, в частности, в американских системах LexisNexis¹, ориентированных, благодаря возможностям искусственного интеллекта, технологий машинного обучения и визуализации данных, на решение современных задач в сфере бизнеса и юридической практики. Как справедливо отмечает Е.В. Булгакова, одними из первоочередных задач по применению технологий «больших данных» в юриспруденции являются формирование систем поддержки принятия решений, систем аналитической обработки

данных и выявления закономерностей, систем организации и управления данными². Применение данных технологий очень актуально и для нормотворческой деятельности, что позволит повысить качество принимаемых правовых актов.

Таким образом, цифровизация нормотворческого процесса в Республике Беларусь осуществлялась поэтапно, начиная с формирования и становления государственной системы правовой информации. Именно эта система, аккумулирующая всю необходимую правовую информацию, является базисом внедрения информационных технологий в процесс подготовки и принятия нормативных правовых актов. Важное значение для нормотворческого процесса имеет его информационно-правовое обеспечение как система форм, методов и средств, предназначенных для предоставления пользователям необходимой нормативной и правоприменительной информации с использованием информационных технологий.

Первоначально в Республике Беларусь цифровизация затронула завершающую стадию нормотворческого процесса – официальное опубликование нормативных правовых актов, затем была осуществлена цифровизация стадий обязательной юридической экспертизы и включения в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. На современном этапе осуществляется разработка общегосударственной системы обеспечения нормотворческой деятельности (АИС «Нормотворчество»), которая будет обеспечивать прохождение всех проектов нормативных правовых актов по всем стадиям нормотворческого процесса, включая создание проекта, его согласование, публичное обсуждение и официальное опубликование. Внедрение данной системы станет очередным значительным этапом в развитии государственной системы правовой информации и национальной правовой системы в целом, позволит повысить эффективность нормотворческой деятельности и оперативность принятия и вступления в силу актов законодательства, сократить затраты государственных органов на документооборот и формирование ЭБДПИ, сроки официального опубликования нормативных правовых актов, обеспечить осуществление мониторинга правоприменения. Также перспективным направлением в цифровизации нормотворчества является создание соответствующих аналитических систем с использованием технологий больших данных и искусственного интеллекта.

¹ Lexis Analytics // LexisNexis. Mode of access. URL: <https://www.lexisnexis.com/en-us/products/lexis-analytics.page> (дата обращения: 15.02.2017).

² См.: Булгакова Е.В. Методы анализа больших данных в решении юридических задач // Право и информация: вопросы теории и практики : сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Президентская библиотека, 2017. С. 96.

Л.К. Терещенко,

*д.ю.н., заместитель заведующего отделом административного права и процесса
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации
e-mail: adm2@izak.ru*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СФЕРЫ СВЯЗИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: статья посвящена исследованию актуальных проблем правового регулирования отношений в сфере связи. Выявлены основные проблемы правового регулирования сферы связи в условиях цифровизации. Сделан вывод о том, что основной объем регуляции в сфере связи лежит на государстве, тенденцию к дерегулированию можно усмотреть только по вопросам ценообразования.

Ключевые слова: отношения в сфере связи, цифровизация, регулирование, техническое регулирование, методы регулирования сферы связи.

L. K. Tereshchenko,

*Deputy head of the Department of administrative law and process Institute of legislation
and comparative law at, Doctor of law, Honored lawyer of the Russian Federation
e-mail: adm2@izak.ru*

STATE REGULATION OF COMMUNICATIONS IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION: REALITY AND PROSPECTS

Annotation: the article is devoted to the study of actual problems of practical regulation of relations in the field of communication. The main problems of legal regulation of the sphere of communication in the conditions of digitalization are revealed. It is concluded that the bulk of regulation in the field of communications lies with the state, the tendency to deregulation can be seen only on pricing issues.

Keywords: relations in the sphere of communication, digitalization, regulation, technical regulation, methods of regulation of the sphere of communication.

Широкое распространение современных цифровых технологий в экономике и управлении ставит в качестве важнейшей задачи права разработку современной модели государственного регулирования практически всех сфер общественной жизни, формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием.

Основные направления модернизации государственного регулирования сферы телекоммуникаций основываются на программных документах, в первую очередь, на документах, направленных на реализацию Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Для дальнейшего развития этой сферы (как, впрочем, и других) безразлично, в каком направлении будет происходить модернизация государственного регулирования.

Модернизация государственного регулирования сферы связи – это не только новые услуги, но, прежде всего, создание условий для эффективного развития отрасли, устранение препятствий на пути внедрения современных технологий. Одна из глав-

ных проблем сферы связи, которая не решается уже долгие годы, – распределение и использование радиочастотного спектра. В частности, создание и функционирование сетей связи пятого поколения осложняется вследствие отсутствия выделения перспективных радиочастот.

На разных этапах развития экономических отношений мы наблюдаем разное соотношение государственного регулирования и дерегулирования в тех или иных сферах, что зависит от целого ряда причин. При этом одним из основных критериев выбора модели воздействия на общественные отношения является эффективность/неэффективность правового регулирования и отсутствие социальной необходимости жесткого регулирования.

Анализ существа и направленности изменений в правовом регулировании показывает, что только меры по переходу от прямого регулирования цен и тарифов к контролю за обоснованностью ценообразования в сфере связи можно рассматривать как дерегулирование. На данный момент отказ от прямого регулирования цен и тарифов – одно из главных направлений дерегулирования. Полагаем, что в тех случаях, когда имеет место ограниченность ресурса (например, радиочастотный спектр, ресурс

нумерации), существует необходимость в правовом регулировании, контроле государства, что не исключает возможности включения рыночных механизмов в рамках правового регулирования.

Далеко не всегда дерегулирование рассматривается как исключительно положительное явление. Ряд исследователей указывают на негативные последствия дерегулирования в виде возрастания неопределенности в обществе в отсутствие прозрачных рычагов воздействия со стороны государства¹. Еще одна опасность, на которую указывают специалисты, это уменьшение возможности государственных органов управления осуществлять контроль за экономическим развитием своих стран. В любом случае меры по сокращению правового регулирования, должны быть не менее оправданы и обоснованы, чем ужесточение правового регулирования.

Активное включение в жизнь новых технологий создает условия для устранения монополии в сфере связи, что, в свою очередь, оказывает влияние на ослабление жесткости государственного регулирования. По мере изменения технологий, появления новых технологий монополия может утратить статус естественной, что мы можем наблюдать в сфере связи при появлении альтернативных решений, новых видов связи, новых услуг связи, которые возможно использовать в публичных интересах. Соответственно, меняется и степень жесткости воздействия государства на эту сферу.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»² в качестве одного из основных направлений определила нормативное регулирование цифровой среды, которое, как следует из Программы, направлено на разработку и принятие ряда нормативных правовых актов, направленных на снятие первоочередных барьеров, препятствующих развитию цифровой экономики, в частности, в таких сферах как телекоммуникации. В Программе прямо не предусмотрено дерегулирование отношений, в том числе в сфере связи. Напротив, речь идет о правовом регулировании.

Отчетливой тенденцией является изменение структуры и объемов телекоммуникационного рынка. Так, происходят процессы замещения традиционных услуг связи новыми мобильными технологиями. Уменьшается объем местной и внутризоновой телефонной связи, которую замещает подвижная радиотелефонная связь, международную и междугороднюю телефонную связь замещает интернет-телефония³. Существенное понижение потребности в тех или иных видах услуг связи может

способствовать снижению жесткости их правового регулирования. Развитие технологий, появление новых видов связи, новых услуг связи приводит, в том числе, и к появлению новых отношений, требующих правовой регламентации, что создает проблемы в праве. В этом случае в течение определенного времени новые услуги связи не имеют правового регулирования, аналогичного традиционным услугам связи. Это, однако, не означает, что правовое регулирование отсутствует: применительно к этим отношениям действуют нормы Гражданского кодекса. В качестве одного из вариантов дальнейшего развития правового регулирования услуг связи видится возможность более широкого охвата Гражданским кодексом существующих услуг связи.

Услуги по предоставлению доступа к сети Интернет. Применительно к этому блоку отношений можно твердо сказать, что сфера государственного воздействия неуклонно расширяется. Во многом это связано с борьбой государства с незаконным или вредным контентом, с терроризмом, с обеспечением информационной безопасности, но во всех случаях затрагиваются интересы операторов связи, на которых возлагаются дополнительные обязанности. Так, например, с 5 мая 2019 г. вступило в силу постановление Правительства Российской Федерации о правилах идентификации пользователей мессенджеров. Оно принято в связи с изменениями Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в соответствии с которыми организатор сервиса обмена мгновенными сообщениями обязан передавать электронные сообщения только идентифицированных пользователей. Запрос оператору связи для уточнения данных пользователя направляет администрация мессенджера. Дополнительные обязанности оператора связи вытекают также из требований по локализации персональных данных, по хранению данных о соединениях, по защите прав правообладателей и т.д.

Таким образом, основной объем регуляции в сфере связи лежит на государстве, тенденцию к дерегулированию можно усмотреть только по вопросам ценообразования. Вместе с тем есть направления, имеющие важность как для государства, так и для бизнеса, по которым должны прилагаться совместные усилия. В первую очередь, это вопросы безопасности. Здесь государство осуществляет правовое регулирование, оставляя возможность для субъектов в выборе наиболее оптимальных средств защиты, определение собственных требований безопасности, формирование собственной политики безопасности и др. К сфере совместных усилий государства и операторов связи, осуществляемых не только правовыми средствами, но и в рамках собственных инициатив, можно отнести борьбу с детской порнографией, инициативы по формированию «безопасного интернета» и др.

¹ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2005. С. 27, 53–54.

² См.: Протокол от 24 декабря 2018 г. № 16: утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам.

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 6 сентября 2011 г. № 1540-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Центрального федерального округа до 2020 года» // СЗ РФ. 2011. № 39, ст. 5489.

Г.Г. Камалова,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз,
и.о. заведующего кафедрой информационной безопасности в управлении
Удмуртского государственного университета
e-mail: gulfia.kamalova@gmail.com*

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: СОСТОЯНИЕ И МЕСТО В СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА

Аннотация: в статье автором анализируются и обоснованы основные направления развития правового института информации ограниченного доступа в системе правового обеспечения информационной безопасности в условиях развития информационного общества и цифровой трансформации. К важнейшим факторам, влияющим на динамику правового обеспечения конфиденциальности информации, отнесены кибератаки, использование зарубежного программного и аппаратного обеспечения, недостаток специалистов в сфере защиты информации, событийное решение возникающих проблем, а также новые риски, возникающие в условиях внедрения технологий больших данных (Big Data), промышленного интернета и интернета вещей, робототехники и искусственного интеллекта и иных прорывных технологий. В контексте расширения и усиления доступности интернет торговли активизируются вопросы контроля приобретения неуполномоченными лицами технических средств, функцией которых является негласное получение информации. Появление новых цифровых технологий ставит задачи, выработки дополнительных правовых механизмов обеспечения конфиденциальности информации. Отмечается, что право при активизации цифровизаций и инноваций должно отойти от «догоняющего» регулирования, когда нормы права устаревают в момент их принятия, и выйти на новые рубежи, предлагая на основе прогностических моделей новейшие правовые концепции.

Ключевые слова: информационное общество, цифровая трансформация, конфиденциальность информации, информационно-коммуникационные технологии.

G.G. Kamalova,

*candidate of law, associate Professor, associate Professor of criminology and forensic science,
acting head of the Department of information security in management Udmurt state University
e-mail: gulfia.kamalova@gmail.com*

LEGAL PROTECTION OF CONFIDENTIALITY INFORMATION IN THE DIGITAL AGE: STATE AND PLACE IN THE INFORMATION LAW SYSTEM

Annotation: in the article the author analyzes and substantiates the main directions of development of the legal Institute of information of limited access in the system of legal provision of information security in the conditions of development of the information society and digital transformation. The most important factors affecting the dynamics of legal protection of information confidentiality include cyber attacks, the use of foreign software and hardware, the lack of specialists in the field of information protection, event-based solutions to emerging problems, as well as new risks arising from the introduction of big data technologies (Big Data), the industrial Internet and the Internet of things, robotics and artificial intelligence and other breakthrough technologies. In the context of expanding and strengthening the availability of Internet trade, the issues of control over the acquisition by unauthorized persons of technical means, the function of which is the secret receipt of information, are becoming more active. The emergence of new digital technologies poses challenges, the development of additional legal mechanisms to ensure the confidentiality of information. It is noted that the law with the activation of digitalization and innovation should move away from the “catch-up” regulation, when the rules of law become obsolete at the time of their adoption, and reach new frontiers, offering on the basis of predictive models of the latest legal concepts.

Keywords: information society, digital transformation, information confidentiality, information and communication technologies.

Приобретение информацией значения системообразующего фактора, детерминирующего состояние всех сфер, привело к формированию понятия «информационное общество». Для России стратеги-

чески важно вхождение в информационное общество в роли полноправного участника при одновременном сохранении самобытности и контроля над национальным информационным пространством,

что требует проведения взвешенной и целенаправленной государственной политики. Стратегия развития информационного общества в России¹ среди основных принципов указывает обеспечение прав доступа к информации, свободы выбора средств получения знаний, законности и разумной достаточности при сборе и обработке информации о гражданах и организациях, защиту интересов граждан в информационной сфере, что ставит перед юридической наукой и практикой задачи перехода на уровень, адекватный существующим вызовам, угрозам и рискам.

Цифровые технологии позволяют собирать, анализировать и обмениваться значительными объемами данных. Их эволюция оказывает воздействие на государственные структуры, институты гражданского общества, все сферы деятельности и образ жизни человека, позволив исследователям говорить о цифровом императиве современности². Российская Федерация стремится занять достойное положение в современном мире. Важнейшим на этом пути является разработка и внедрение новейших национальных цифровых продуктов, инновационных способов и методов осуществления информационных процессов на основе «сквозных» цифровых технологий при обязательном соблюдении прав человека и обеспечении национальной безопасности, что представляется невозможным без охраны конфиденциальности информации, связанной с безопасностью личности, общества и государства и правами, свободами и законными интересами различных субъектов.

Сегодня в системе правового обеспечения информационной безопасности в информационном праве сформировалась относительно устойчивое объединение норм права, регулирующих общественные отношения по обеспечению конфиденциальности сведений, – институт информации ограниченного доступа. Общественные отношения по обеспечению конфиденциальности сведений являются особым видом правоотношений, направленных на охрану прав, свобод и законных интересов субъектов в информационной сфере и обеспечение информационной безопасности путем ограничения конституционно зафиксированных информационных прав, когда указанные цели не достижимы иным способом. Полнота регулирования достигается комплексным охватом отношений по ограничению доступа к информации, включая определение правового статуса субъектов, порядка защиты режима конфиденциальности и юридической ответственности за его нарушение. Регулирование типичных

¹ См.: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

² См.: Карцхия А.А. Цифровой императив: новые технологии создают новую реальность // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2017. № 8. С. 17–26.

общественных отношений по охране конфиденциальности комплексно осуществляется однородными нормами различной отраслевой принадлежности, образующих в совокупности единый относительно скоординированный массив, имеющий свои принципы, использующий правовые понятия специального характера и т.д. Правовой институт информации ограниченного доступа включает совокупность норм-дефиниций, управомочивающих, запрещающих и других норм, обеспечивающих относительную системность и беспробельность регулирования. Нормативная обособленность этого института выражается в закреплении норм в специализированных федеральных законах, отдельных их главах и выделенных статьях. Все это позволяет говорить о сформированном правовом институте информации ограниченного доступа, занимающем значимое место в системе правового обеспечения информационной безопасности.

Риски, вызовы и угрозы, обусловленные усиленным развитием цифровых технологий, в информационном обществе достигают гигантских масштабов. Так, еженедельно структуры Сбербанка фиксируют более пяти тысяч кибератак, в результате которых клиенты кредитной организации раскрывают свои персональные данные и финансово-кредитную информацию, переводят денежные средства на посторонние счета. Общий потенциальный ущерб оценивается порядка семисот миллионов рублей³. Ситуация в зарубежных странах аналогична. Так, в мае 2014 г. удаленному взлому подверглась база данных Департамента здравоохранения штата Монтана (США). Неустановленные хакеры получили несанкционированный доступ к персональным данным 1,3 млн клиентов медицинских организаций⁴. В августе 2019 г. Российские железные дороги подтвердили факт утечки и публикации в открытых источниках персональных данных 703 тыс. работников компании предположительно в результате взлома базы данных⁵. Эти и иные факты свидетельствуют о ключевом значении обеспечения безопасности использования цифровых технологий для охраны конфиденциальности информации. Вместе с тем здесь имеется множество нерешенных проблем.

Помимо хакерских атак факторами, влияющими на информационную безопасность личности, общества и государства, в России являются сохра-

³ См.: Еженедельно Сбербанк фиксирует свыше 5 тыс. атак с применением социальной инженерии. 4 июня 2017 г. // Securitylab.ru by positive technologies. URL: <http://www.securitylab.ru/news/486533.php> (дата обращения: 29.08.2019).

⁴ См.: Крупные атаки хакеров в 2001–2016 годах: хронология // ТАСС: Информационное агентство России. URL: <http://tass.ru/info/1408961> (дата обращения: 29.08.2019).

⁵ См.: РЖД подтвердили утечку данных более 700 тыс. сотрудников // Коммерсантъ. Новости. 2019. 27 августа. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4073595> (дата обращения: 29.08.2019).

нящееся широкое распространение программно-аппаратных средств использование зарубежных серверов и платформ, нехватка специалистов в сфере обеспечения информационной безопасности, несформированность единой методологии организации компонентов безопасности государственных и муниципальных автоматизированных систем, событийное решение вопросов защиты информации, недостаток координации и недофинансирование мер обеспечения информационной безопасности и другие. Сегодня в открытом доступе и незаконном обороте можно встретить большое число баз данных государственных органов, содержащих персональные данные и служебную информацию, что показывает недостаточность принимаемых мер.

Имеющиеся проблемы усугубляются в условиях внедрения технологии больших данных, искусственного интеллекта, робототехники, систем распределенного реестра, квантовых технологий, промышленного интернета и интернета вещей, технологий виртуальной и дополненной реальности¹.

В России принят целый массив федеральных законов и подзаконных актов, заложивших базу для правового обеспечения информационной сферы, цифровых технологий и достижения информационной безопасности. При этом цифровизация трансформирует сферу правового обеспечения информационной безопасности, включая охрану конфиденциальности информации. Поэтому сегодня требуется дальнейшее совершенствование информационного законодательства, которое должно развиваться не только «на злобу дня», решая текущие проблемы, но и создать условия для выхода страны на передовые рубежи. Пока же ученые и специалисты права нередко констатируют, что правовое регулирование развивается достаточно медленно и часто не учитывает современные тенденции.

Определенная консервативность права, безусловно, способствует попыткам использовать наличествующий правовой инструментарий, но меняющаяся реальность требует формирования нового. На этом фоне специалистами в сфере информационных технологий и защиты информации нередко высказываются неудовлетворенность динамикой правового регулирования сферы цифровых технологий. Однако нельзя не учитывать специфику правового регулирования общественных отношений, характеризующейся значительной консервативностью, детерминированной потребностями в определенности действующих правил и предсказуемости последствий деяний. Вместе с тем технологиям и инновациям, особенно в информационной сфере, свойственна постоянная и порой революционная изменчивость. Эта дихотомия современных условий развития права требует отхода от «догоняюще-

¹ См.: Камалова Г.Г. Роль цифровых технологий в трансформации права в условиях развития информационного общества // Современные проблемы частного правового регулирования: сб. статей / отв. ред. Н.В. Кузнецова, Е.А. Ходырева. Ижевск, 2019. С. 78–85.

го» регулирования инноваций и технологий, когда нормы права устаревают в момент их принятия, и выводит на новые рубежи передовую юридическую науку, предлагающую на основе прогностических моделей будущих общественных отношений новейшие правовые концепции. При этом потребность в изменениях становится все более и более явственной и затрагивает весь комплекс правового обеспечения конфиденциальности информации.

Нормативные акты предъявляют специальные требования к автоматизированным системам, содержащим государственную тайну. Для охраны иной информации ограниченного доступа в государственных автоматизированных информационных системах разработаны и утверждены специальные требования². Они предусматривают обязанность обеспечения защиты информации лицом, обрабатывающим сведения из государственного информационного ресурса по поручению обладателя или оператора и (или) предоставляющее для этого вычислительные ресурсы. Одним из требований выступает использование сертифицированных средств защиты информации. Дополнительные требования предъявляются в отношении официальных сайтов органов государственного управления, государственных информационных систем и автоматизированной обработки служебной информации.

Вместе с тем в процессе создания и сопровождения официальных сайтов государственных органов, органов местного самоуправления и иных организаций могут возникать некоторые организационно-правовые проблемы. Новейшей истории зарубежных государств известны примеры ущемления права неприкосновенности частной жизни путем нарушения конфиденциальности личной информации при обеспечении прозрачности деятельности публичных органов, опубликовавших на своих сайтах имена, адреса, данные о доходах и налоговом статусе³. Поэтому, несомненно, для исключения разглашения информации ограниченного доступа при размещении материалов на сайте в информационно-коммуникационной сети Интернет необходим предварительный анализ публикуемого.

Однако предпринимаемые меры могут быть недостаточными вследствие использования аппаратных средств, их элементной базы, операционных систем, иного системного программного обеспечения и пакетов прикладных программ зарубежного производства. Поэтому Российская Федерация предпринимает активные усилия по импортозаме-

² См.: Требования о защите информации, не составляющей государственную тайну, содержащейся в государственных информационных системах: утв. Приказом ФСТЭК России от 11 февраля 2013 г. № 17 (в ред. от 15 февраля 2017 г.) // Российская газета. 2013. 26 июня.

³ См.: Плято С.С. Сохранность критически важной информации и обеспечение открытости власти // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2010. № 1. С. 25–29.

щению в отношении указанных объектов. Так, отечественными разработчиками созданы для нужд защиты государственной тайны операционная система «ОСЪ», для нужд вооруженных сил России операционные системы «Заря», а также «Альт Линукс СПТ», соответствующая руководящим документам Федеральной службы по техническому и экспертному контролю России. Вместе с тем их базой традиционно выступает семейство открытых операционных систем «Linux». Думается, с позиции обеспечения информационной безопасности более предпочтительно создание отечественного системного программного обеспечения без использования открытого кода зарубежного производства.

Компрометация защищенности информации со свойством конфиденциальности (секретности), используемой в информационных системах и сайтах государственных органов и органов местного самоуправления, влечет не только ущемление прав, свобод и законных интересов, но и подрыв веры в идею эффективного электронного взаимодействия и отрицательно повлияет на темпы внедрения новых форм информационного обслуживания населения, включая идеи цифрового профиля гражданина. Указанные проблемы усугубляются в связи с угрозами информационных войн. Попадание конфиденциальной информации в руки противоборствующей стороны, представленной и интерпретированной в определенном выгодном недружественным государствам ракурсе, позволяет сформировать восприятие событий и фактов в нежелательном для эффективного государственного управления свете и затормозить развитие России.

Юридическое сообщество в последние годы все активнее обсуждает правовые проблемы технологии больших данных (Big Data)¹. Важнейшим вопросом, требующим решения в контексте обеспечения конфиденциальности, здесь является охрана неприкосновенности частной жизни и обеспечение прав субъектов персональных данных. Правовое регулирование отношений при использовании этой цифровой технологии должно строиться с учетом принципа баланса интересов всех сторон, что сопряжено с определением пределов вмешательства в частную жизнь граждан.

Основными рисками обработки больших данных в контексте защиты прав человека являются возможность слежки, утечки и личных данных, в том числе за рубеж, раскрытия личных данных, коммерциализации данных, навязчивой рекламы, целенаправленной пропаганды, информационного давления и информационного пузыря. Поэтому следует анализировать допустимость обработки оператором данных пользователей для третьих лиц без их информированного согласия. Не меньшую

¹ См.: *Жарова А.К., Елин В.М.* Обеспечение безопасности персональных данных в эпоху больших данных // *Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы: сб. науч. тр. / отв. ред. Т.А. Полякова, В.Б. Наумов, Э.В. Талапина.* 2018. С. 174–181.

значимость имеет создание условий для обработки больших данных с соблюдением законодательства о персональных данных, так как граждане все чаще сталкиваются с утратой возможности контролировать свои данные. Кроме того, значительная часть больших данных локализована в наднациональной сфере Интернета, что требует регламентации их обработки на международном уровне.

С появлением интернет-торговли одной из правовых проблем становится предотвращение приобретения на зарубежных сайтах товаров, запрещенных или ограниченных к обороту в России. Поэтому стоят вопросы контроля приобретения технических средств, функцией которых является негласное получение информации. Они могут быть закамуфлированы в повседневные предметы. Так, привычная USB-флешка, не вызывающая подозрений, может быть не только запоминающим устройством, но и средством для получения информации негласным путем, содержа встроенный диктофон. Конечно, стоит обратить внимание на положение Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46, которым указано, что необходимо учитывать, с какой целью приобретено устройство². На этом фоне следует уделить внимание вопросам дистанционной торговли, где значимым в силу своих технических особенностей является интернет-магазин.

Развитие робототехники и искусственного интеллекта ставит перед юристами новые вызовы, среди прочего усугубляя проблемы охраны неприкосновенности частной жизни. Уже сегодня медицинские, бытовые, торговые роботы, роботы в сфере социального обслуживания, искусственный интеллект в поисковых системах осуществляют сбор личных данных, включая персональные данные. Поэтому исследователи выражают обеспокоенность распространением технологий на основе искусственного интеллекта. Учитывая высокую закрытость для непосвященного человека моделей принятия решений подобными системами и значительности риска нарушения прав человека, следует выравнивать возникающую информационную асимметрию средствами права, на что справедливо обращал внимание А.И. Савельев³.

Динамика робототехники и искусственного интеллекта делает очевидной недостаточность существующих норм, направленных на обеспечение права на неприкосновенность частной жизни, охрану личной и семейной тайны, а также персональных

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // *Российская газета.* 2019. 9 января.

³ См.: *Савельев А.И.* Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». М.: Статут, 2017. С. 113.

данных. Решение этой проблемы требует поиска баланса интересов соблюдения прав человека при использовании этих систем и интересов их разработчиков и производителей. С одной стороны, необходимо устранять существующие правовые ограничения и препятствия на пути развития цифровых технологий, а с другой в аспекте баланса гарантия безопасности обработки персональных данных должна рассматриваться как ключевой фактор. В связи с этим В.В. Архиповым и В.Б. Наумовым еще в 2017 г. высказывалась мысль, что в перспективе нормы законодательства о блокировке сайтов в сети Интернет «могут быть дополнены нормами

о принудительном вмешательстве в деятельность робота путем доступа уполномоченных лиц к его информационной системе, имеющей целью прекращение правонарушения»¹.

Таким образом, можно утверждать, что цифровизация трансформирует правовое обеспечение конфиденциальности информации, ставя перед юридической наукой задачи выработки адекватных механизмов охраны прав, свобод и законных интересов различных лиц посредством ограничения доступа к информации в условиях активизации внедрения сквозных технологий, несущих для охраняемых прав новые угрозы и риски.

¹ См.: Архипов В.В., Наумов В.Б. Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // Информационное право. 2017. № 1. С. 19–27.

М.В. Шугуров,

д. филос. н., доцент, профессор Саратовской государственной юридической академии
e-mail: shugurovs@mail.ru

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ*

Аннотация: в статье анализируются политические и правовые основы перехода ЕС к цифровой экономике и цифровому обществу. Автор приходит к выводу о реализации в рамках ЕС особой региональной модели цифровой трансформации, в которой ключевым звеном является Единый цифровой рынок, развитие которого вызывает мультипликационный эффект цифровизации остальных сфер общества. В соответствии с данной моделью управление процессами цифровизации осуществляется на основе особого механизма, предполагающего использование правовых инструментов наднационального права, а также инструментов стратегического регулирования – стратегий и программ, предусматривающих не только мероприятия по формированию соответствующей правовой базы, но и организационные меры по инфраструктурному обеспечению цифровизации. В ходе исследования было установлено, что принципами работы анализируемого механизма является реализация мер по согласованию национальных цифровых повесток, расширение мультистейкхолдерского диалога, а также четкая система мониторинга степени реализации пунктов цифровой повестки ЕС.

Ключевые слова: Европейский союз, цифровая повестка, Единый цифровой рынок, региональная экономическая интеграция, цифровые технологии.

M.V. Shugurov,

doctor of philosophical sciences, associate professor, professor of Saratov State Academy of Law
e-mail: shugurovs@mail.ru

POLITICAL-LEGAL MECHANISM OF DIGITAL TRANSFORMATION OF ECONOMY AND SOCIETY WITHIN THE FRAMEWORK OF THE EUROPEAN UNION

Annotation: this article analyzes political and legal foundations of ensuring the EU's transition to digital economy and digital society. The author comes to a conclusion that within the EU a particular model of regional digital transformation is realizing. Its key element is the Single Digital Market the developing thereof gives rise to many-sided effects of digitization of rest society areas. In compliance with given model, the governing processes of digitization are based on mechanism providing for use of supranational legal instruments and the instruments of strategical regulation, namely strategies and programmes planning the formation of related legal basis but also organizational measures on infrastructural support of digitization. In course of researching there was ascertained that principles of functioning of this mechanism are coordination of national digital agendas, widening the multistakeholder dialog and, finally, improving of observing the extent of EU's digital agenda implementation.

Keywords: European Union, regional digital agenda, Single Digital Market, regional economic integration, digital technologies.

Процессы цифровизации экономики, будучи тесно связаны с цифровизацией подавляющего числа сфер общественной жизни, по историческим мерам происходят не так давно. Однако здесь накоплен определенный опыт не только на уровне отдельных государств, но и целых регионов, особенно в рамках международных организаций региональной экономической интеграции. В целом под экономической интеграцией следует понимать встраивание национальных хозяйственных, а ныне также

и научно-технологических комплексов в единую систему. Это приводит к взаимозависимости и экономической связанности, что создает новые возможности для развития. Данная интеграция – предмет целенаправленного воздействия государств и наднациональных структур.

Сегодня в пространство интеграционных процессов вовлечено формирование региональной цифровой экономики. Интеграционные объединения государств исходят из того, что цифровые технологии будут содействовать дальнейшим процессам интеграции, выступая ключевым фактором производства и институциональных изменений. В свою очередь, как правильно отмечается в литературе, использование интеграционного инстру-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-011-00805 «Развитие права интеллектуальной собственности ЕАЭС и ЕС в рамках региональных моделей цифровой трансформации экономики: сравнительно-правовой анализ»).

ментария позволяет целенаправленно стимулировать процессы цифровизации, в результате чего они обладают способностью «служить средством социально-экономического развития стран-участниц, обеспечивающим им такие результаты, которые не могли быть получены без него»¹. Одновременно открывается новое, своего рода «сквозное» измерение интеграции, которое выходит за пределы исключительно экономики и охватывает государственное управление, социальную сферу, а также сферу культуры, науки и образования.

Наиболее развитая фаза интеграции в сфере цифровизации экономики, а также общества характерна для ЕС. За последнее десятилетие данным межгосударственным объединением накоплен богатый опыт цифровизации, который может быть полезен для ЕАЭС в целом и его государств – членов в частности. Поэтому можно видеть, что исследования данного опыта все более интенсивно проводятся в сравнительном ключе². Добавим одновременно, что анализ опыта цифровизации ЕС проводится по разным направлениям. Сюда следует отнести анализ стратегического регулирования цифровизации ЕС в интеграционном формате³, исследование некоторых вопросов правового регулирования цифровой экономики на наднациональном уровне⁴. Кроме этого, в поле внимания исследователей находится проблематика измерения – при помощи соответствующих индексов – степени и глубины цифровизации стран ЕС⁵.

Однако, несмотря на достигнутые результаты, повышенной актуальностью отличается исследование политико-правового механизма цифровой трансформации экономики и общества в ЕС в интеграционном формате. Данного рода подход позволяет пролить свет на модель цифровой трансформации экономики и общества в ЕС, которая достаточно интересна в силу своей глобальной конкурентоспособности и высокой степени эффективности.

¹ См.: Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Морева Е.Л. Региональная интеграция как фактор стимулирования социально-экономического развития (опыт ЕС) // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 4. С. 112.

² См.: Трунцевский Ю.В., Ефремов А.А. Цифровая интеграция – путь в будущее // Международное публичное и частное право. 2018. № 1. С. 6–12; Гурский Р.А. Правовое регулирование сегмента цифровых технологий и электронной коммерции (по материалам конференции Digital World Conference, December 1–2, 2016 Brussels, Belgium) // Актуальные проблемы правоведения. 2017. № 2. С. 16–25; Ефремов А.А. Единые цифровые пространства: в поиске баланса между интеграцией и суверенностью // Информационное право. 2016. № 3. С. 36–39.

³ См.: Ревенко Н.С. Европейский союз на пути к единому цифровому рынку // Мир новой экономики. 2016. № 2. С. 6–15.

⁴ См.: Гуцин Е.С. Регулирование «цифровой экономики» в ЕС // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 9. С. 122–132.

⁵ См.: Головенчик Г.Г. Рейтинговый анализ уровня цифровой трансформации экономик стран ЕАЭС и ЕС // Цифровая трансформация. 2018. № 2. С. 5–18.

Поэтому предмет научного интереса составляют не только мероприятия по цифровизации и их результаты, а также последовательность принимаемых мер, но и композиция политических, финансовых, нормативно-правовых и организационных мер, направленных на цифровизацию экономики и общества в Европе.

Целью статьи является анализ процессов цифровизации экономики и общества ЕС как процесса, обусловленного действием соответствующего политико-правового механизма. Отсюда, по логике исследования, событийная канва процессов цифровой трансформации будет рассматриваться как проявление действия данного механизма.

Инструментами цифровизации как направления интеграционных процессов в ЕС являются акты наднационального права (директивы и регламенты), программы, а также документы стратегического характера, исходящие от Европейской комиссии. Сюда также необходимо отнести разного рода инициативы в рамках кросс-государственно-частного партнерства, демонстрирующего мультистейкхолдерский подход к цифровизации.

Фундаментальные стратегические основы задают направления движения по цифровизации, предполагая реализацию организационных мер и законодательных инициатив. Обращает на себя внимание и то, что в ЕС (равно, как и в ЕАЭС) выработываемые меры и инициативы правового и организационного характера имеют своего рода планомерный характер, что укладывается в представление о Цифровой повестке – своего рода мета-программы, исходящей из стратегии будущей Европы. Данная повестка в свою очередь претерпевает эволюцию, в результате чего происходит процесс развития политико-правового механизма обеспечения цифровизации.

В свете сделанного разъяснения напомним, что на уровне государств – членов данного межгосударственного объединения к 2015 г. было заявлено пятнадцать национальных инициатив и стратегий по цифровизации. Но, как оказалось, собственно национальных ресурсов оказалось недостаточно для того, чтобы осуществить цифровизацию. Поэтому последняя стала предметом интеграционного взаимодействия⁶.

Как известно, в мае 2010 г. Европейская комиссия объявила Стратегию Европа-2020⁷ – масштабный план для продвижения европейской экономики посредством реализации *семи ключевых иници-*

⁶ См.: Coordination of European, national & regional initiatives. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/coordination-european-national-regional-initiatives> (дата обращения: 01.10.2019).

⁷ См.: Communication from the Commission. “Europe-2020. A strategy for smart, sustainable and inclusive growth” // COM(2010)2020 (Brussels, 3.3.2010). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52010DC2020&7from=en> (дата обращения: 14.09.2019).

атив (развитие исследований и инноваций, развитие мобильности молодежи, цифровая повестка для Европы, включающая формирование Единого цифрового рынка и т.д.). К инструментам их реализации отнесены – финансовые рычаги и политические средства. Но мы бы включили сюда и правовые средства, на которые мы далее укажем.

В сообщении Еврокомиссии «Цифровая повестка для Европы»¹ мы видим детализацию одной из инициатив, предполагающую формирование Единого цифрового рынка (далее – ЕЦР), а также лучшее использование потенциала ИКТ для стимулирования инноваций, экономического роста и достижения общего прогресса. Таким образом, Цифровая повестка предполагает использование всего потенциала ИКТ для того, чтобы стимулировать инновации, экономический рост и прогресс. Обращает на себя внимание то, что все сферы, выделенные в Цифровой повестке, составляют одно целое (усиление совместимости сетей и сервисов; усиление онлайн-безопасности и доверия; содействие доступу к сверхскоростному Интернету; инвестиции в исследования и разработки; содействие цифровой грамотности; выгоды для европейского общества, вытекающие из использования ИКТ). Ключевые инициативы нацелены на решение накопившихся тематических проблем, начиная от фрагментации цифрового рынка и заканчивая пробелами в сфере цифровой грамотности и цифровых навыков.

В качестве одной из сфер деятельности было выделено формирование гибкого ЕЦР. На 2010–2012 г. по данному направлению было запланировано осуществление большого количества мероприятий, которые предполагали не только принятие новых директив в сфере авторского права и смежных прав, но и внесение изменений в Директиву об электронной торговле, проведение обзора Директивы об электронной подписи и т.д.

В развитие «Цифровой повестки для Европы» Комиссия в апреле 2011 г. опубликовала сообщение «Первый Акт о Едином рынке»². Данный документ предусматривал реализацию двенадцати проектов, обеспечивающих укрепление Единого рынка к 2012 г. В октябре 2012 г. была предложена вторая серия действий (Single Market Act II) в целях даль-

¹ См.: Communication from Commission to the European parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “A digital Agenda for Europe” // COM(2010)245 final (Brussels, 19.5.2010). URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2010:0245:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 18.10.2019).

² См.: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Single market act”. Twelve levers to boost growth and strengthen confidence “Working together to create new growth” // COM/2011/0206 final (Brussels, 13.4.2011). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52011DC0206&from=en> (дата обращения: 06.09.2019).

нейшего развития Единого рынка и использования его потенциала как инструмента для экономического роста³. Данные действия также предусматривают формирование цифровой экономики.

Дополнительной конкретизацией Стратегии-2020 стал «план Юнкера» (the Juncker Plan) – крупный инвестиционный план 2014 г., нацеленный на обеспечение социально-экономического развития ЕС, включая стимулирование инноваций и цифровизации. Данный план являлся одним из трех приоритетов, намеченных Ж.-К. Юнкером в качестве программы своего будущего президентства⁴, и ставшего своего рода парадигмой дальнейшего реформирования ЕС и развития интеграционных процессов. При этом надо отметить, что под реализацию данного плана была подведена надежная институциональная база. Так, был создан Европейский фонд стратегических инвестиций, в число статей расходов которого вошли расходы на НИОКР и цифровые производства. Помимо этого, предусматривалась обширная законопроектная работа: была предложена идея подготовки 30 законодательных инициатив. В настоящее время из них согласовано 28, большая часть из которых реализована. Их можно объединить в шесть групп на основе их тематики: 1) связь, 2) электронная торговля, 3) данные, 4) авторское право и смежные права, аудиовизуальные сервисы, 5) доверие и безопасность, 6) электронное правительство.

И, наконец, в 2015 г. была заявлена целостная стратегия Единого цифрового рынка⁵, представляющая собой программу по обеспечению свободы движения товаров и услуг на внутреннем цифровом рынке, что должно усилить конкурентоспособность ЕС в условиях развития Интернета и цифровых технологий. Одновременно она предполагала выход на новые рубежи межгосударственной интеграции в рамках ЕС.

В процессе разработки данной стратегии Европейская комиссия учитывала предложения государств, стремясь гармонизировать наднациональные, национальные и местные усилия. Данная Стратегия исходит из того, что глобальная экономика

³ См.: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Single Market Act II” // COM(2012)0573 final (Brussels, 3.10.2012). URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52012DC0573> (дата обращения: 24.09.2019).

⁴ См.: A Digital Single market for the benefit of all Europeans. Towards A More United, Stronger and More Democratic Union. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/digital-single-market-benefit-all-europeans> (дата обращения: 13.10.2019).

⁵ См.: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. “A Digital Single Market Strategy for Europe” // COM (2015)192 final (Brussels, 6.5.2015). URL: http://ec.europa.eu/priorities/digital-single-market/docs/dsm-communication_en.pdf (дата обращения: 15.10.2019).

стремительно становится цифровой, а поэтому намечает освоение новых цифровых технологий и развитие основанных на них производств. Но при этом ИКТ рассматриваются не просто как специфический сектор, а как основа для всех современных инновационных экономических систем. Наиболее фундаментальная цель – максимально преодолеть фрагментацию цифровой среды в ЕС и противостоять американским интернет-компаниям. В последнем случае был объявлен курс на «цифровой суверенитет» как форму реагирования на монополизацию мирового цифрового рынка. Смысл же ЕЦР заключается в обеспечении благоприятной среды, обеспечивающей доступ бизнеса и потребителей к цифровой продукции по всей Европе посредством развития кросс-границной электронной торговли. Все это предполагало устранение национальных барьеров в цифровой среде между государствами – членами ЕС.

Данную стратегию дополняют различные инициативы и программы, не говоря уже об аналитических работах, в которых детально разворачиваются и обосновываются положения Стратегии¹. Приложением к Стратегии ЕЦР является инициатива «шестнадцать шагов», которая представляет собой «дорожную карту» реализации Стратегии на период до 2016 г.² и предполагает комплекс мероприятий, направленных на реализацию стратегических целей. Вполне понятно, что реализация данных инициатив требует развития соответствующей нормативно-правовой базы, что задает новый вектор правовой политики ЕС в сфере цифровизации. В итоге можно говорить о формировании права ЕС, обеспечивающего цифровизацию экономики и общества.

Большой интерес вызывают механизмы обеспечения запланированных целей, объединенных в три блока. Остановимся на первом блоке «Доступ», предполагающий облегчение доступа потребителей и бизнеса к товарам и услугам через Интернет в пределах ЕС. В рамках поднаправления 1.1 «Оптимизация трансграничной сетевой торговли и защита прав потребителей» предполагается совершенствование правил ведения трансграничной торговли, включая гармонизацию правил в сфере заключения контрактов и защиты потребителей при покупке любого товара в физической или электронной форме. Для этого в 2016 г. было выдвинуто предложение по реформированию Регламента о сотрудничестве в области защиты прав потребителей

¹ См.: Commission Staff Working document "A Digital Single market strategy for Europe – Analysis and Evidence" // SWD(2015)100 final (Brussels, 6.5.2015). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:52015SC0100> (дата обращения: 21.10.2019).

² См.: Roadmap for completing the Digital Single Market // A Digital Single Market for Europe: Commission sets out 16 initiatives to make it happen. Brussels, 6 May 2015. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-4919_en.htm (дата обращения: 19.09.2019).

в части полномочия властей. Обращает на себя внимание также предложение о разработке в рамках поднаправления 1.2. «Эффективная и доступная почтовая доставка» о разработке Регламента трансграничных служб доставки посылок, который предусматривал бы облегчение и большую защиту купли-продажи товаров и услуг посредством Интернета. В целях прекращения неоправданного блокирования по географическому принципу были внесены изменения в Директиву об электронной торговле, а также в правовые акты, упоминающиеся в ст. 20 Директивы об услугах на внутреннем рынке.

Если вкратце говорить о втором блоке «Создание благоприятных условий для развития цифровых сетей и услуг. Инфраструктура и управление», то 14 сентября 2016 г. Европейская комиссия предложила Европейский кодекс электронных коммуникаций – единый свод правил для услуг связи, а также план по достижению европейского лидерства в беспроводной технологии 5G. В дополнение к этому были предложены поправки в Директиву об аудиовизуальных медиауслугах в целях, например, обеспечения реализации норм для формирования технологических разработок, создания равных условий для появления новых аудиовизуальных СМИ и т.д. Все это было также дополнено мерами в рамках поднаправления 2.3 «Развитие нормативной базы в целях содействия функционированию платформ и борьба с нелегальным контентом в Интернете», предполагающего дальнейшую гармонизацию нормативного регулирования цифровых платформ и принятие мер по борьбе с оборотом нелегального контента. В целях повышения доверия и безопасности в процессе оказания цифровых услуг и работы с персональными данными 4 мая 2016 г. был принят Регламент о защите персональных данных. Он предусматривающего осуществление гражданами контроля над своими персональными данными.

Следует отметить, что достаточно многое в ЕС делается в рамках третьего блока «Экономика и общество: максимизация потенциала роста цифровой экономики». Здесь предполагаются инфраструктурные и нормативные инициативы. В первом случае это завершение консультаций по Европейской облачной инициативе, предполагающей учреждение Европейского облака открытой науки, дополняемого Европейской инфраструктурой данных. В целях повышения конкурентоспособности посредством межоперационной совместимости и стандартизации создана Многосторонняя платформа по стандартизации в области ИКТ. И, наконец, интересные инициативы предпринимаются по поднаправлению 3.3 «Предоставление равных возможностей для всех в электронном обществе». В их число входит пилотный проект, позволяющий реализовать принцип однократности подачи документов в электронном виде для бизнеса и граждан, а также разработка и запуск Плана действий электронного правительства на 2016–2020 гг., который будет пред-

усматривать достижение совместимости реестров юридических лиц. Важной вехой в реализации инициатив в данном направлении стала Таллиннская декларация 2017 г. об электронном управлении¹. Не будем забывать и о проблематике кибербезопасности. В данном случае предложен проект Регламента об учреждении агентства по кибербезопасности. Одновременно с этим важное значение имеет Акт о кибербезопасности, принятый 13 сентября 2017 г.

Особенностью стратегии цифровизации в ЕС является то, что в качестве наиболее общей цели выбрано развитие именно ЕЦР, обеспечивающего устойчивый и инклюзивный экономический рост. Данный рынок рассматривается как одно из условий цифровизации общества. Это говорит о приверженности подходу, который предполагает мультипликативные эффекты. На наш взгляд, все это ярко свидетельствует о специфической модели цифровизации экономики и общества в ЕС, реализацию которой обеспечивает соответствующий политико-правовой механизм. В частности, торговля в рамках ЕЦР оказывает обратное воздействие не только на появление новых рынков, но и на стимулирование новых производств, что в свою очередь стимулирует инновации и технологические разработки. Именно парадигма мультипликационных эффектов – основа для разработки и запуска политических, финансовых, законодательных, организационных и управленческих инструментов. Вполне заметна комплексность данных инструментов.

Данные инициативы требуют серьезных инвестиций. Так, создание Облака европейского научного сообщества предполагает финансирование в объеме 6,7 млрд евро, которое предполагается привлечь из Европейского фонда стратегических инвестиций, Структурного и инновационного фонда ЕС, а также рамочной программы Горизонт-2020, в рабочую программу которой на 2018–2020 гг. включен приоритет, который коррелятивен Цифровой повестке, а именно – цифровизация и трансформация европейской промышленности и сектора услуг с одновременным вниманием к развитию ИКТ.

Формирование ЕЦР в Европе – это своего рода перманентный процесс в рамках развития интеграционных процессов. Но, тем не менее, его формирование в общих чертах приближается к завершению. Это позволяет говорить о качественно новом уровне европейской цифровой экономики, повестка которой в настоящее время включает преодоление различий в степени цифровизации между государствами – членами². Одновременно с этим налицо

формирование единого цифрового пространства, создающего условия для реализации идеи преодоления границ, которые следует понимать, в том числе, в качестве сохраняющихся различий в правовых порядках. Думается, что поскольку так понимаемые «границы» в ближайшем будущем не устранимы, то масштабирование виртуального пространства позволит восполнить те недостатки, которые они вызывают, причем это нацелено на обеспечение резкого подъема конкурентоспособности ЕС в глобальном масштабе. ЕЦР, открывая новые возможности для кросс-границной торговли товарами и услугами, а также движения капитала и рабочей силы, обратными образом воздействует на обеспечение устойчивого и инновационного роста экономики.

Цели Европейской комиссии идут гораздо дальше и заключаются в формировании инклюзивного цифрового общества, получающего выгоды от ЕЦР. Это означает создание «умных» городов, улучшение доступа к электронному правительству, услугам электронного здравоохранения и совершенствование цифровых навыков. Все это будет делать возможным подлинное цифровое европейское общество, которое предполагает владение цифровыми навыками. На их формирование направлена программа по формированию у европейцев навыков, необходимых для работы на новых производствах (New Skills Agenda for Europe). С этой целью создаются партнерства, опирающиеся на такой инструмент как интернет-платформы.

В связи с тем, что цифровая экономика – это экономика цифровых платформ, то развитию последних Европейская комиссия уделяет повышенное внимание, стремясь обеспечить их прозрачность и одновременно ответственность. С целью мониторинга данных платформ создана специальная обсерватория. Следуя духу времени, уже в 2016 г. Европейская комиссия выпустила специальное Сообщение об онлайн-платформах и Едином цифровом рынке³. Здесь был подтвержден подход, содержащийся в Директиве об электронной торговле об относительной ответственности платформ за нелегальный контент, размещенный на них, и подтвержден гибкий подход к их регулированию. Буквально за два года платформы превратились в объект наднационального правового регулирования. Фундаментальную роль играет здесь Регламент 2019/1150 о содействии честности и прозрачности онлайн-посреднических сервисов, принятый 20 июня 2019 г.⁴ «Мягким» регулятором

³ См.: Communication from the Commission to the European parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Online Platforms and the Digital Single Market Opportunities and Challenges for Europe” // COM(2016)288 final (Brussels, 25.5.2016). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1466514160026&uri=CELEX:52016DC0288> (дата обращения: 12.10.2019).

⁴ См.: Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online

¹ См.: Tallinn Declaration on e-Government at the ministerial meeting during Estonian Presidency of the Council of the EU on 6 October 2017. URL: <https://www.mkm.ee/en/objectives-activities/information-society/tallinn-declaration> (дата обращения: 01.11.2019).

² См.: Парфенова Л.Б. Европейская стратегия развития цифровой экономики: региональная дифференциация // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2018. № 3. С. 36.

стала Рекомендация Европейской комиссии 2018 года о мерах по решению проблемы нелегального контента.

Несмотря на достигнутые успехи, на пути цифровизации экономики и общества в рамках ЕС возникают различные проблемы, например, некоторая рассогласованность национальных цифровых повесток, элементы бюрократической инертности и т.д. К тому же от запуска ЕЦР ожидалось дополнительные выгоды в 415 млрд евро ежегодно. Но конкретный интеграционный эффект в стоимостном эквиваленте от реализации цифровой повестки пока остается не установлен. Поэтому составной частью политико-правового механизма управления цифровизацией являются меры, направленные на решение возникающих здесь проблем. Сюда можно отнести Платформу национальных инициатив, призванную устранить рассогласование действий властей разных уровней. Она была создана в 2016 г. Ее участники – стейкхолдеры, которые заинтересованы в обеспечении выработки и реализации необходимых инициатив. Наряду с этим чрезвычайно полезным является статистический инструмент, такой как индекс I-DESI, через систему показателей индицирующий результаты цифровизации¹. В одном ряду с этими показателями находится использование статистических данных, позволяющих в форме среднесрочного обзора наглядно видеть степень достижения того или иного пункта Стратегии ЕЦР, включая поэтапное принятие директивных указаний².

В настоящее время ЕС так или иначе достиг результатов, запланированных в инициативе «шестнадцать шагов»³. Поэтому возникает вопрос о дальнейших перспективах. В связи с этим повышенный интерес вызывает предложенный Европейской комиссией проект Регламента об учреждении Ев-

ропейской Цифровой программы⁴. Данный проект исходит из ориентиров по подготовке рабочих программ на 2021–2022 г.⁵ В результате данная программа приобретает правовой статус. Согласно сопроводительному аналитическому документу, Программа цифровой Европы, бюджет которой составляет 9,2 млрд евро, должна быть ориентирована на: 1) формирование цифровых навыков, 2) дигитализацию секторов экономики и общества. Документ предусматривает такие задачи, как формирование европейских суперкомпьютерных систем, использование цифровых технологий в целях устойчивого развития, развития здравоохранения, перехода к цифровому образованию и обучению; развитие лингвистических технологий, усиление безопасности цифровой среды, максимальное использование возможностей технологий блокчейн, цифровизацию культурного наследия. В целом, здесь в подчеркнутой форме речь уже идет о всеобъемлющей цифровизации не просто экономики, но и всего общества.

Сказанное еще раз показывает, что в ЕС функционирует и постоянно развивается широкий комплекс мер, составляющих политико-правовой механизм цифровизации. Достижения и недостатки, имеющие место в ЕС, в настоящее время представляют значимость для цифровой интеграции ЕАЭС, а именно для понимания важности выработки собственной конкурентоспособной модели управления цифровым форматом интеграции. Но ясно одно, что интеграция ЕС в данной сфере по целому ряду причин является на сегодняшний день на порядок масштабнее и глубже, чем в ЕАЭС. Все это может рассматриваться как своего рода вызов, стоящий перед ЕАЭС, для которого, по общему признанию, характерна высокая скорость интеграционных процессов. Но сохранение данных темпов, а также сами перспективы интеграции в настоящее время зависят от скоординированности действий его государств – членов в сфере цифровизации как «сквозного» направления интеграции.

intermediation services. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1568719209879&uri=CELEX32019R1150> (дата обращения: 17.10.2019).

¹ Данный индекс включает более 30 коэффициентов, например, связь, человеческий капитал, внедрение цифровых технологий в бизнесе и др.

² См.: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on the Mid-Review on the implementation of the Digital Single Market Strategy “A connected Digital Single Market for All” // COM(2017)228 final (Brussels, 10.5.2017). URL: <https://ec.europa.eu/transparency/regdoc/rep/1/2017/EN/COM-2017-228-F1-EN-MAIN-PART-1.PDF> (дата обращения: 31.08.2019).

³ См.: Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions “Completing a trusted Digital single Market for all”. The European Commission’s contribution to the Informal EU Leaders’ meeting on data protection and the Digital single Market in Sofia on 16 May 2018. URL: https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-trusted-digital-single-market-for-all_en.pdf (дата обращения: 16.10.2019).

⁴ См.: European Commission. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council for Regulation of the establishing the Digital Europe programme for the period 2021–2027 // COM/2018/434final (Brussels, 6.6.2018). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2018%3A434%3AFIN&print=true> (дата обращения: 27.10.2019).

⁵ См.: Digital Europe. Draft Orientation for the preparation of the work programme(s) 2021–2022. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/news/digital-excellence-forum-ict-proposers-day-2019> (дата обращения: 25.10.2019).

Ю.В. Волков,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры информационного права
Уральского государственного юридического университета
e-mail: yurii.volkov@usla.ru

МЕТОДИКА ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: НЕДОСТАТКИ И НАХОДКИ

Аннотация: в работе представлен краткий обзор отдельных недостатков и интересных моментов (находок), которые имеют место в исследованиях информационных отношений и правоотношений. Цель работы – обратить внимание на существование проблемы в методическом обеспечении информационных правовых исследований. Методы исследования – анализ, сравнительный, догматический. В работе представлены примеры констатации некоторыми авторами «нематериальной» (идеальной) сущности информации, а также иные неточности применения информационных терминов и некорректное их толкование. Решение данной проблемы предлагается в плоскости совершенствования методики правовых исследований. Одновременно, в исследовательской практике предлагается использовать новые методы анализа текстов (метод корпусной лингвистики и векторного анализа). Это должно повысить уровень правовых исследований. Точный и быстрый анализ ситуаций, изложенных в векторном формате, позволит сэкономить время, повысить скорость принятия решений, обеспечить высокую прозрачность процесса. Возможность автоматической обработки юридического документа обеспечит его универсальность и заданное качество.

Ключевые слова: закон, информация, исследование, метод, право, текст.

Y.V. Volkov,

candidate of Law sciences, docent, associate professor of Department of Information Law
Ural State Law University
e-mail: yurii.volkov@usla.ru

INFORMATION LEGAL RESEARCH METHODOLOGY: DISADVANTAGES AND DISCOVERIES

Annotation: the article provides a brief overview of individual disadvantages (shortcomings) and interesting points (discoveries) that occur in the study of information relations and legal relations. The purpose of the work is to draw attention to the existence of a problem in the methodological support of information legal research. Research methods – analysis, comparative, dogmatic. The paper presents examples of the statement by some authors of the «intangible» (ideal) nature of information, as well as other inaccuracies in the use of information terms and their incorrect interpretation. A solution to this problem is proposed in terms of improving the methodology of legal research. At the same time, in research practice it is proposed to use new methods of text analysis (the method of corpus linguistics and vector analysis). This should increase the level of legal research. An accurate and quick analysis of the situations outlined in the vector format will save time, increase the speed of decision-making, and ensure high transparency of the process. The ability to automatically process a legal document will ensure its versatility and specified quality.

Keywords: act, information, law, method, research, text.

В зарубежных диссертационных исследованиях по информационной и правовой тематике закрепились традиция выделять специальный раздел (главу) с описанием методики исследования (методологии)¹. Она, как правило, именуется «мето-

дология», но для разграничения общенаучного направления и описания отдельных способов, предлагается называть эту часть методическим разделом. В российских диссертациях такая тенденция проявляется в отдельных работах², но еще не стала

¹ См., например: *Hay D.R. Broadcasting Policy Advice 1986–88: a critical evaluation of New Zealand's broadcasting policy framework* : Thesis ... Master of Public Policy. Wellington, 1999. pp. 15–20; *Carter D.B. Crossing the Wires: The Interface between Law and Accounting and the Discourse Theory Potential of Telecommunications Regulation* : Thesis ... PhD. Wellington, 2008. pp. 198–215; *Luyombya D.*

Framework for Effective Public Digital Records Management in Uganda : Thesis .. PhD. London, 2010. pp. 85–105; *Kelso D.R. Open access to next generation broadband* : Thesis ... PhD. Queensland, 2008, pp. 38–48.

² См.: *Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: дис. ... д-ра юрид. наук.* М., 2017. С. 68–77.

традицией. Отечественные правоведы используют разные методы, но основным остается формально-юридический (догматический). Значительное место ему уделено в работах С.С. Алексеева¹. Он отмечал, что «догматический метод связан с использованием правил логики и языка, поскольку бытие права неотделимо от текстов законов...»². Советские правоведы анализировали право с позиций юридической догмы только «в виде формально-юридического метода, юридико-технических разработок»³. Данный метод незаменим при анализе источников права.

Однако в условиях постоянного обновления законодательства правоведы не могут довольствоваться «старыми инструментами». Более того, отсутствие осознанной методики приводит к существенным недостаткам, особенно при исследованиях информационных отношений. Рассмотрим несколько примеров констатации «нематериальности» информации. А.Г. Карташян поставил задачу философского плана: «установление сущности информации»⁴. Решением, по мнению автора, стало утверждение: «информация имеет нематериальную сущность»⁵. И далее: «свойство нематериальности информации является определяющим для правового регулирования»⁶. Н.М. Васильева обосновала налогообложение информационных продуктов «в зависимости от формы (материальной или нематериальной)»⁷. Н.А. Дорохова констатирует: «сама информация нематериальна, но ее получение (ознакомление с ней) возможно только, если информация имеет объективную форму выражения»⁸. При этом она не отрицает, что с информацией могут осуществляться разные действия⁹. Подчеркнем, что констатация авторами «нематериальной сущности информации» – явление не массовое, но встречается достаточно часто. Большая часть из них

обходится без комментария «нематериальности» информации. Некоторые, одновременно описывают информацию и как материальный объект. Авторы, как правило, игнорируют тот факт, что они как субъекты вполне материальные, но при этом способны познать «нематериальную» (идеальную) сущность информации. Вероятно, данная путаница возникает в сознании большинства по причине неточности формулировок, неправильного подбора служебных терминов: вещьность информации подменяется материальностью информации. В результате, противопоставление (дихотомия) вещный – не вещный (электронный) переходит в дихотомию материальный – не материальный (идеальный). Вопрос о материальной сущности информации был поставлен и решен еще пионерами кибернетики. Так Норберт Винер отмечал, что «механический мозг не выделяет мысль, «как печень выделяет желчь», что утверждали прежние материалисты, и не выделяет ее в виде энергии, подобно мышцам. Информация есть информация, а не материя и не энергия. Тот материализм, который не признает этого, не может быть жизнеспособным в настоящее время»¹⁰. Многие читатели вырывают слова «не материя и не энергия» из контекста и представляют их, как определение. Однако полное цитирование все расставляет «по местам». Весьма основательно данный вопрос проработал П.В. Копнин. Он выделил в своем исследовании целую главу «Отражение и информация»¹¹. И по поводу материальности высказался однозначно: «информация как и отражение, является свойством материи и вне материального взаимодействия не существует»¹². Решение вопроса о «нематериальности» информации лежит в плоскости совершенствования методики правовых (и не только) исследований информационных отношений.

Другим «острым углом» в информационных исследованиях является проблема произвольного, либо неточного (некорректного) применения терминов. Так, например, А.В. Штырев определил «правовой статус общедоступной информации»¹³. А.А. Аманов рассматривает понятие информация как субъект (!) права, дословно: «правовой статус же информации как субъекта гражданского права...»¹⁴. Полагаем, это авторская редакционная (не редакторская) ошибка. Проблема представления терминов-концептов имеет место и в работе М.А. Ефремовой. Она вынесла на защиту определе-

¹ См.: Алексеев С.С. О составе гражданского правонарушения // Известия высших учебных заведений. Правоведение, 1958. № 1. С. 47–53; *Его же*. Право и правовая система // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 1. С. 27–34; *Его же*. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 130.

² Алексеев С.С. О составе гражданского правонарушения. С. 47–53.

³ Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 129; а также: *Его же*. Методологические проблемы современного правоведения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002.

⁴ Карташян А.Г. Гражданско-правовой режим коммерческой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 6.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Васильева Н.М. Правовое регулирование налогообложения электронной коммерции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 11.

⁸ Дорохова Н.А. Договоры по поиску, обработке, хранению и (или) передаче информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 12.

⁹ См.: Там же. С. 18–19.

¹⁰ Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. М., 1958. С. 166.

¹¹ Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. М., 1974. С. 116–123.

¹² Там же. С. 120.

¹³ Штырев А.В. Общедоступная информация как гражданско-правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 12.

¹⁴ Аманов А.А. Информация как объект гражданского права: теоретико-правовой анализ // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ): Юридические науки, 2016. № 6. С. 7–10.

ние «информационным ресурсом следует считать информацию (сведения), представленную в виде отдельного документа или массива документов (в том числе в электронной форме)»¹. Определение информационных ресурсов существует во множестве работ и в качестве законодательных дефиниций². В чем авторская новизна? Полагаем, что в данном случае имеет место неполнота исследований характерная для отраслевых (не информационных правовых) исследователей. Еще ряд работ для анализа типичных ошибок. О.А. Шубина, перечислив источники права на информацию, утверждает, что «проведен анализ термина “информация”»³. А.А. Исманжанов в 2019 г. обозначил предметом исследования «определение правового режима информации как объекта гражданского права»⁴. Э.В. Талапина утверждает, что «Интернет – не просто технология, а средство коммуникации, представляющее организационную форму»⁵. Интернет – не технология, а сеть (объект), сформированная основе адресации IP-протокола, сетями без шлюзов (переходов). Средством коммуникации является телефон, смартфон и т.д.⁶ Предварительно констатируем, что для повышения качества исследований необходимы специальные курсы, программы повышения квалификации⁷.

При всех недостатках в практике исследований имеют место и новации. На фоне ускоряющихся социальных процессов способы работы с текстами оставались, а во многих местах остаются и поныне прежними (чтение, анализ, выводы). Эти традиционные способы уже не удовлетворяют многих. Любой комментарий, интервью, сообщение, в том числе и о ненадлежащем применении закона, могут стать достоянием социальных сетей в считанные секунды. С другой стороны, анализ, проверка фактов, толкование положений закона требуют значительного времени. Ситуация осложняется

¹ *Ефремова М.А.* Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 14.

² См.: Федеральный закон от 4 июля 1996 г. № 85-ФЗ «Об участии в международном информационном обмене» // СЗ РФ. 1996. № 28, ст. 3347; Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // СЗ РФ. 1995. № 8, ст. 609.

³ *Шубина О.А.* Историко-правовой анализ развития информационного законодательства в РФ // Наука и современность (юридические науки), 2010. С. 377–379.

⁴ *Исманжанов А.А.* Информация как объект гражданского права в контексте смежных правовых категорий // Информационное право. 2019. № 1. С. 13–16.

⁵ *Талапина Э.В.* О возможностях правового регулирования интернета // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3 (55). С. 59.

⁶ Интернет долгое время был предметом спекуляций, которые сводились к «дискуссиям» типа: Интернет – объект права; Интернет – субъект права.

⁷ Данное предложение было включено также в Резолюцию международной конференции «III Сибирские правовые чтения» в 2018 году.

постоянным ростом объемов законодательства и, что отмечается многими правоведами, снижением его качества. Решением для некоторых вопросов могут быть разработанные в лингвистике математические методы анализа текстов⁸. Важную роль в продвижении компьютерной лингвистики сыграли работы Ноама Хомского и Джорджа Миллера⁹. Акцентируя внимание на строении текста, они позволяют перейти от синтагматического (знакового, буквенного) к семантическому (смысловому, понятийному), а затем и к векторному (общему текстовому) анализу. Но особенный интерес представляет метод векторного анализа, ставший возможным в связи с развитием современных информационных технологий. Он описан исследователями А. Кутузвым и Е. Кузьменко¹⁰, а также реализован на общедоступном сетевом ресурсе¹¹. Следует отметить, что данный метод на фоне иных аналогичных методов корпусной лингвистики является, если не самым, то одним из самых передовых. Он позволяет представить результат литературного анализа термина или текста в числовом формате. Таким образом, любой индивид, который просто знает цифры и как из них складываются числа, сможет наглядно сравнить исследуемые объекты. Метод применялся неоднократно¹² и показал свою доступность и эффективность. Сторонником данного метода является также другой автор, Д.В. Бондарчук, который предложил сравнивать характеристики отдельных слов в документе, отличать их не только по написанию (лексикографически), но и по смысловому содержанию (семантически)¹³.

Д.А. Савельев, первым из правоведов, предложил к широкому практическому применению метод корпусной лингвистики. Он описал и представил данные о формировании для свободного использования корпус текстов российских законов. Это позволяет разработчикам и исследователям проводить компьютерный (в том числе и векторный) ана-

⁸ См.: *Кодухов В.И.* Общее языкознание: учебник. М., 1974. С. 87, 96.

⁹ См.: *Хомский Н., Миллер Дж.* Введение в формальный анализ естественных языков: пер. с англ. 3-е изд. М., 2010.

¹⁰ См.: *Kutuzov A., Kuzmenko E.* WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. In: Ignatov D. et al. (eds) Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2016. Communications in Computer and Information Science, vol 661. Springer, Cham, pp. 155–161.

¹¹ См.: URL: <http://rusvectors.org/ru>

¹² См.: *Волков Ю.В.* Векторный анализ юридических текстов // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: сб. по матер. VIII Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. В.Ю. Меликян. Вып. 8. Ростов н/Д, 2018. С. 6–9; *Его же.* Уточнение юридического термина распространение методами современной лингвистики // Проблемы становления гражданского общества: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (17 января 2018 года, г. Тюмень). Стерлитамак, 2018. С. 54–56.

¹³ См.: *Бондарчук Д.В.* Векторная модель представления знаний на основе семантической близости термов // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Вычислительная математика и информатика. 2017. Т. 6, № 3. С. 73–83.

лиз¹. Вариантом применением данного метода является анализ юридических тестов (законов, постановлений, решений и т.д.) в целом. Модель данного процесса можно представить следующим образом. Текст закона подвергается анализу на предмет установления всех возможных «векторов», ключевых терминов. Затем текст переводится в векторную модель, обозначим ее – корпус закона. Дальнейшее применение закона рассматривается через формирование векторных моделей подзаконных и правоприменительных актов. Любой акт (подзаконный или акт правоприменения), приведенный в векторный вид, может быть проверен путем сравнения с векторами корпуса закона. Наличие отклонения покажет степень соответствия или несоответствия эталону (корпусу закона). Первым текстом, базовой моделью («точкой отсчета») может послужить Конституция. На основе ее текста можно сформировать (рассчитать) конституционный корпус. Все последующие принятые и принимаемые законы могут служить, с одной стороны, дополнением законодательного (конституционного) корпуса, с другой стороны, предметом векторного анализа. Несомненную пользу данный метод может представлять при отправлении правосудия и иной правоприменительной практики. Точный и быстрый анализ ситуаций, изложенных в векторном (исходно в текстовом) формате, позволит сэкономить

время для судьи и обеспечит более высокую гласность процесса. Естественно, что первое, на чем будут тренироваться отрабатывать технологию экспериментаторы – это существующий банк судебных решений. Прогнозируем множество вопросов. Еще один фактор – возможность в автоматическом режиме работать с актуальной версией юридического документа (закона, постановления, решения и т.д.). Следующим фактором является скорость принятия и объемы текстов законов, разработанных весьма ограниченным составом экспертов. Важное значение для анализа имеет также наличие свободных вычислительных мощностей.

В итоге констатируем, что повышение качества правовых информационных исследований возможно достигнуть введением специальных курсов повышения квалификации об информационных технологиях и об их правовом регулировании. С другой стороны, для повышения качества правовых информационных исследований необходимо применение, наряду с традиционными, новых методов анализа источников права. Действительно перспективными на современном этапе можно признать методы корпусной лингвистики и векторного анализа. Полагаем, что все предложенное не является окончательным утверждением, напротив, требует тщательной верификации и обсуждения в научном сообществе.

¹ См.: Савельев Д.А. О создании и перспективах использования корпуса текстов российских правовых актов как набора открытых данных // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 26–44.

И.А. Зырянов,
к.ю.н., доцент кафедры конституционного права
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: zyryanovv@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ПРИНЯТИИ ЗАКОНА О ЦИФРОВЫХ ГАРАНТИЯХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ГАРАНТИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация: в статье цифровое право исследуется как форма права, общественные отношения, правовой институт и субъективное право человека и гражданина. Методология исследования основана на проблеме отхода государства от охраны естественных прав и свобод человека и позитивного права к цифровизации права, необходимости учета моральных и религиозных аспектов, общественного мнения. Искусственный интеллект в исследовании определяется как источник повышенной опасности, который не может являться самостоятельным субъектом права по Конституции РФ. В виду существующих угроз несоблюдения естественных прав и свобод человека и экономических рисков в цифровом праве предлагается концепция специального федерального закона.

Ключевые слова: цифровое право – форма права – институт права – естественные права человека – цифровые права человека бионическое протезирование – клонирование человека – Конституция РФ – киберконституция.

I.A. Zyryanov,
PhD in Law, Associate Professor of Department of Constitutional Law
of Saratov State Academy of Law
e-mail: zyryanovv@yandex.ru

ON THE ADOPTION OF THE LAW ON CYBER HUMAN RIGHTS GUARANTEES AND GUARANTEES OF THE CYBER ECONOMY

Annotation: the article examines cyber law as a form of law, social relations, a legal institution, and subjective right of a human and citizen. The research methodology is based on the problem of the state moving away from protecting natural human rights and freedoms and positive law to digitalization the law, the need to take into account moral and religious aspects, and public opinion. Artificial intelligence in the research is defined as a source of increased danger, which cannot be an independent subject of right under the Constitution of the Russian Federation. In view of the existing threats of non-compliance with human rights and freedoms and economic risks, the concept of a special federal law is proposed in cyber law.

Keywords: digital law – form of law – institute of law – natural human rights – cyber human rights – bionic prosthetics – human cloning – Constitution of the Russian Federation – cyberconstitution.

Что такое «цифровая» жизнь? Жизнь в Интернете, на порталах, жизнь в виртуальной реальности? Нет, поскольку это уже давно обычная информационная жизнь. Цифровая жизнь и цифровые институты, революционно внедряемые в реальность, сегодня связаны с искусственным интеллектом, человеком сопряженным организмом с таким интеллектом или гаджетами, с малопонятными для большинства граждан нейросистемами, нанотехнологиями в сфере экономики, медицины, космосе и главное – с крупнейшими инвестициями.

Корни цифровизации права следует искать в коренных общественных отношениях, приносящих, прежде всего, пользу обществу. Например, хирургический робот «Da Vinci» сегодня в США выполняет сложнейшие операции, в Китае роботы оказывают социальные услуги на дому. В мире активно развивается телемедицина, использование искусственного интеллекта в образовательных и социальных услугах, оказании юридических и полицейских ус-

луг, цифровом голосовании. С использованием технологий 3-D принтера все больше инвалидов получают возможность получать бионические (кибер) протезы, в том числе и в России, но пока что на коммерческой основе, а не по обязательному медицинскому страхованию.

Все больше в мире становится людей, организм которых сопряжен с гаджетами и искусственным интеллектом (роботочеловеки). В многофункциональных центрах в Перми предложено использовать промороботов, которые оказывают государственные услуги¹. Коммерческие It-компании бесконтрольно предлагают создание самых различных искусственных интеллектов, что требует конституционного контроля со стороны государства в целях национальной безопасности.

¹ См.: Медведев в Перми посмотрел «показательные выступления» андроидов. URL: <https://ria.ru/20190402/1552321429.html> (дата обращения: 30.04.2019).

Существует и обратная тенденция, когда посредством права внедряются новые цифровые институты. Так, с 2013 г. в России введены электронные паспорта гражданина РФ с биометрическими данными, до 2025 года должны быть введены генетические паспорта по Указу Президента РФ от 11 марта 2019 г. № 97, в марте 2019 г. был разработан проект федерального закона о цифровом профиле человека (включает 57 видов ключевых личных данных). С 2019 г. были введены цифровые избирательные участки с использованием дистанционного голосования посредством Интернета, с 2014 г. предлагается введение биометрического голосования, облегченного при помощи электронных паспортов, введение которых полностью взамен бумажных планируется после 2021 г. Социологические доказательства подтверждают, что россияне против тотального цифрового контроля над их жизнью: в 2018 г. опрос ВЦИОМ выявил, что 2/3 граждан против электронных паспортов, есть ряд общественных инициатив против цифровой биометрической идентификации личности¹. Православные верующие граждане постоянно направляют петиции Президенту РФ, Государственной Думе РФ с просьбой оставить в обороте альтернативные бумажные документы, которые не противоречат их религиозным убеждениям, выступая против чипизации и цифровизации их жизни, ее демонизации искусственным интеллектом.

Однако что о цифровизации общественной жизни, внедрении искусственного интеллекта в повседневные дела говорит современная наука, насколько научно обоснованы государственные концепции, программы, национальные стратегии и доктрины? Безопасны ли для жизни человека высокотехнологические процессы и насколько они защищены? Нам удалось найти через электронные библиотечные системы и веб-ресурсы около 300 работ отечественных и зарубежных правоведов, писавших об общих или отдельных правовых аспектах искусственного интеллекта². Гораздо больше работ – по научной фантастике, философии, прикладным наукам, физике, связанных с высокотехнологическим развитием нейросистем, робототехники и программированию искусственного интеллекта.

Не сложилось еще научной парадигмы относительно цифрового права как самостоятельной отрасли или подотрасли права либо законодательства, поэтому научные споры вокруг этого многогранного явления обоснованы.

¹ См.: А я против! // РГ. 2018. 10 янв.; Запретить биометрические паспорта и прочие документы, хранящие биометрические данные. URL: <https://www.roi.ru/20403/> (дата обращения: 18.06.2019); Требуем отклонить Законопроект о биометрической идентификации. URL: <https://петиция-президентурф> (дата обращения: 18.06.2019).

² Например, в монографии *Морхат П.М.* Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017, на страницах 13–35 была проанализирована библиография по 2017 год более двухсот источников различных отраслей наук отечественных и зарубежных авторов по этой проблематике.

Во-первых, цифровое право – форма права наряду с существующими естественным, позитивным и религиозными формами. Сегодня среди общественных благ и ценностей цифровым правом охватываются цифровая экономика, цифровая валюта, цифровая медицина, цифровые выборы, цифровые документы, цифровые персональные данные, цифровые права человека и прочие.

Во-вторых, цифровое право – реально существующие общественные отношения, которые на данный момент государственного развития опережают правовое регулирование, осуществляемое преимущественно подзаконными актами, доктринами, концепциями и стратегиями.

В-третьих, цифровое право – правовой институт. Все отрасли права берут начало из Конституции РФ и отрасли конституционного права. Исходя из концепции саратовской научной школы права о системе отрасли права, состоящей из подотраслей, институтов, подинститутов и норм права, цифровое право можно отнести к подинституту конституционного права. Данный подинститут относится к подотрасли основ конституционного строя, институту прав и свобод человека и гражданина (подинститут цифровые права и свободы человека и гражданина)³.

Вопрос о четком отнесении киберсуверенитета и цифровой экономики к самостоятельным институтам цифрового права еще не проработан и требует последующих доказательств в науке и практике. Пока что их можно рассматривать как цифровую форму таких подотраслей основ конституционного строя как институты государственного суверенитета и свободы экономической деятельности.

Как правило, институты конституционного права находят отражение в других отраслях права. В узком смысле цифровое право с этих позиций можно рассматривать как межотраслевой правовой институт, включающий себя нормы конституционного, административного, гражданского, уголовно-правового и процессуальных отраслей права. В связи с чем, вполне уместен спор об отнесении цифрового права к административному праву, институту или подинституту информационного права.

В-четвертых, цифровое право – субъективное право человека. В этом смысле цифровое право представляет собой разновидность естественного права, когда эффективная жизнедеятельность человека, органически соединенного с компьютерными устройствами и искусственным интеллектом невозможна без работы цепочки цифровых алгоритмов, соединенных с нейронными цепочками организма. Среди таких прав человека – право на киберпротезирование, право на запись сознания или образа мышления человека на цифровые носители, право

³ Косвенным доказательством этого тезиса может служить отдельная рубрика «Цифровое и медицинское право» в авторитетном журнале, включенном в перечень ВАК, «Вестник РУДН». Сер.: Юридические науки, исследования которой посвящены цифровым правам человека в публично-правовом аспекте.

на цифровую смерть, право на нейронет и ограничения связанные с защитой от него личности и другие.

Именно в последнем аспекте цифрового права как субъективного права человека особо стоит вопрос об автономии человека, его личной неприкосновенности, персональных данных от слежения со стороны государства с помощью искусственного интеллекта или навязывания цифровых услуг. Могут ли железные роботы, различные государственные автоматизированные системы как искусственный интеллект, быть субъектами конституционного права? Знать, что такое демократия; хоть и «железки», но по-человечески, с уважением, относиться к нам и оказывать государственные услуги в соответствии со ст. 2 Конституции РФ? Кто и с какими моральными или религиозными убеждениями будет программировать и учить «человечности» таких роботов и искусственный интеллект, ЭВМ, нейросети; будет ли их избирать либо предлагать народ или контролировать государство?

Особо отметим, что цифровые новации должны иметь социальный спрос, выноситься на всенародные обсуждения, быть научно обоснованы с позиций справедливости, преамбулы и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Искусственный интеллект не является субъектом конституционного права или даже других отраслей права и законодательства, ему не дано право полноправно управлять обществом. Народ по ст. 3 Конституции РФ государство на это не уполномочивал, он есть полноправный субъект контроля над искусственным разумом и нейросетями.

Бесспорно, искусственный интеллект сегодня признается объектом права и объектом правоотношений в различных отраслях права, а по гражданскому законодательству его по аналогии с транспортным средством можно признать источником повышенной опасности. Ведь любой современный автомобиль, автопилот самолета, беспилотные автомобили такси, смартфоны и прочая техника – тот же самый робот с искусственным интеллектом, источник повышенной опасности. А если речь пойдет о нейросистемах, о более сильном сверхскоростном искусственном интеллекте? Значит, общественная опасность, как и экономические риски в цифровой экономике, становятся в разы, а то и в тысячи раз больше, и нужны новые ограничения таких объектов права, их владельцев и создателей. Более сложной является проблема, когда искусственному интеллекту или роботу предлагают придать правовой статус квазисубъекта гражданско-правовых отношений или «электронного лица»¹.

Таким образом, цифровые права и свободы человека, цифровые институты, если они вводятся, должны выступать гарантией естественных прав и свобод, но не наоборот, идти по пути социального государства, обеспечения личной неприкосновен-

¹ См., например: *Ястребов О.А.* Дискуссия о предпосылках для присвоения роботам правового статуса «электронных лиц» // Вопросы правоведения. 2017. № 1.

ности и информационной безопасности личности. В зарубежной конституционной практике имеются случаи отказа от цифровых институтов в виду чрезмерного ограничения ими или лишения определенных прав, неэффективности их работы. Так в Германии Федеральный конституционный суд запретил электронное голосование, поскольку оно не гарантирует честные и прозрачные выборы. Ряд европейских государств отказались от применения биометрических технологий на выборах, в т.ч. по причине нарушения тайны голосования (Великобритания, Нидерланды, Норвегия, Португалия), либо приостановили их в виду кибернебезопасности (например, Франция при проведении президентских и парламентских выборов в 2017 г.)².

Отрицательный опыт имеется на Украине, когда Верховный Суд в 2018 г. обязал вернуть бумажные паспорта в оборот взамен цифровых по иску верующих, т.к. это противоречит конституции. В Индии Верховный Суд в 2017 г. указал, что каждый гражданин страны имеет право на конфиденциальность, где более миллиарда граждан не могут получать социальные услуги без их биометрической «оцифровки». Уже в 2019 г. в Эстонии подделали цифровой паспорт, хотя первый успешный эксперимент по подделке биометрического паспорта известен в 2008 г.³, СМИ пестрят сообщениями о цифровых несложных взломах банковских систем и карт, хищении цифровых активов. Избирательный Суд Бразилии в 2018 г. не допустил к выборам 3,4 млн избирателей из-за несданных отпечатков пальцев, половина которых традиционно поддерживает партии левого толка⁴, а введение же аналогичной идентификации граждан искусственным интеллектом без должного научного обоснования может привести к краху социальной системы и блокированию неудобных власти лиц. Верховный суд аннулировал результаты выборов Президента Кении 8 августа 2017 г., когда было заявлено о взломе (хакерской атаке) и потасовке выборов, несмотря на введенную биометрическую систему регистрации для борьбы с дубликатами и «мертвыми душами»⁵, результаты выборов отменили. Как видно, проблема

² См.: *Лысенко В.* Технологии Интернет-голосования, блокчейна и выборы: зарубежный опыт. URL: <http://www.rfsv.ru/education/obuchenie/tekhnologii-internet-golosovaniia-blokcheina-i-vybory-zarubezhnyi-opyt> (дата обращения: 18.06.2019).

³ См., например: *Елкина В.* Единый реестр биометрических данных превращает жизнь индийских граждан в антиутопию. URL: <http://rb.ru/story/aadhaa-dystopia> (дата обращения: 1.05.2019); Верховный суд разрешил выдавать гражданам Украины паспорта старого образца вместо ID-карты. URL: <https://Interfax.com.ua/news/general/532984.html> (дата обращения: 1.05.2019); Запретить биометрические паспорта и прочие документы, хранящие биометрические данные. URL: <https://www.roi.ru/20403/> (дата обращения: 11.05.2019).

⁴ См.: URL: <https://www.interfax.ru/world/630835> (дата обращения: 30.04.2019).

⁵ См.: *Зеньков А.* Как в Кении боролись за честные выборы с помощью технологий (но ничего не вышло). URL:

с защитой цифровых данных и коррупцией не решена целиком ни одним государством, а громкие заявления о том, что новейшие цифровые технологии невозможно украсть либо подделать, несостоятельны – все можно купить за деньги или взломать.

В России сегодня более 170 банков собрали более 1 млн биометрических данных граждан, а с июня 2019 г. ряд из них отказывают в обслуживании счетов граждан без их предоставления. Особо отметим ненадежность сегодня таких систем в России родом из цифровой экономики (коммерческой), а не идейных начал, поскольку продвигаются коммерческие интересы банковских фирм, которые предлагают купить-продать свои продукты государству и гражданам. Есть вполне обоснованные опасения и по поводу незаконных дистанционных способов снятия (записи) биометрических данных с человека сканерами («по воздуху») без его согласия считываемыми устройствами самовольно искусственным интеллектом, либо хакерами.

Самые опасные проблемы – совершение преступлений с помощью неправомерного захвата чужих цифровых прав, биометрических данных и произвольное изменение таких данных в случае использования с искусственным интеллектом. Все сказанное может привести к полному аннулированию социально-юридического механизма обеспечения защиты прав человека, когда без киберпространства и цифровых документов нельзя будет реализовать любые сделки и естественные потребности.

Искусственный интеллект должен нести пользу, но иметь ограничения, дабы чрезмерно не ограничивать и не умалять право на личную неприкосновенность, личную тайну, персональные данные. Указанные проблемы требуют научного осмысления.

Самую тревожную проблему методологии в науке и практике сейчас должен составлять не отход государства от естественных прав и свобод человека к позитивному праву на практике, а отход от позитивного права к цифровизации права. Не справившись с коррупцией, с повсеместным уважением и соблюдением прав человека, данных ему от рождения и закрепленных позитивным правом (об этом говорят доклады институтов ООН, Уполномоченного по правам человека в РФ), государство молниеносно переходит к «заботе» о цифровых правах и свободах человека, которые мало контролируются народом, отдалены от него в блокчейнах.

С позиций методологии права, большое значение будет иметь дальнейшее исследование складывающихся административной и судебной практики по защите социальных прав работников и людей с ограниченными возможностями, персональных данных человека и социальных прав и свобод, в том числе международной практики, связанных с использованием роботов и искусственного интеллекта. При введении и разработке государственных

концепций и программ особое внимание следует уделять компаративистскому исследованию моральных и правовых аспектов применения искусственного интеллекта в реализации социальных прав и свобод и государственном управлении, уважении прав верующих.

В связи с выделенными теоретическими и практическими проблемами, целесообразно законодательно урегулировать баланс между естественными правами и свободами человека, учитывая и атеистические и религиозные подходы, и цифровыми полномочиями субъектов права и цифровыми институтами государства и общества, которые должны выступать гарантией естественных, но не наоборот. С этой целью требуется принятие специального федерального закона РФ «О цифровых гарантиях прав человека и гарантиях цифровой экономики».

Например, в законе можно прописать гарантии получения киберпротезов для инвалидов, новые цифровые методы лечения, установить гарантии развития цифровой паллиативной медицинской помощи для работочеловека как бесплатную медицинскую помощь, ввести запрет на цифровое клонирование человека, чтения и записи его мыслей, цифрового образа посредством технологий «цифровой телепатии» – нейронета. Производство сильного искусственного интеллекта и нейросистем должно быть лицензируемо государством под контролем ФСБ РФ. Цифровые институты не должны ограничивать естественные свободы человека. Должен быть узаконен цифровой рубль (а не его наличие на кредитных картах и цифровых счетах), как национальная валюта, курс такого рубля целесообразно исчислять в иностранных валютах, а не наоборот, что подымет его престиж, обеспечит конституционную стабильность и рентабельность. Для разрешения споров по цифровым правам и экономике, защите киберсуверенитета с использованием искусственного интеллекта стоит учредить специальный арбитраж над роботами и искусственным интеллектом – киберсуд (как альтернативный вариант – Киберсуд по правам человека). Участниками такого Суда могут стать нейросистемы и ЭВМ, самостоятельно осуществляющие контроль и блокирование над другими вредоносными программами, интеллектами и ЭВМ в сегменте Интернета и нейронета, новых открытых информационных полях Земли в будущем.

Необходимо будет обеспечить уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты новых цифровых институтов, прав и свобод. Править Конституцию РФ и принимать новую конституцию здесь не стоит, все естественное и нужное человеку в ней уже есть. Предлагаемый закон может претендовать на права национальной киберконституции в широком смысле, тогда как в узком смысле киберконституцию мы понимаем как фактическое внутреннее строение организма человека, соединенное с искусственным интеллектом или цифровой электроникой, поддерживающих его жизнеобеспечение.

<https://rb.ru/story/kenya-elections/> (дата обращения: 11.05.2019).

С.А. Привалов,
ассистент кафедры конституционного права
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: priwalov.balantre@yandex.ru

СВОБОДА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Аннотация: статья посвящена проблеме правового регулирования социальных медиа и обеспечения свободы массовой информации в их функционировании. Ряд специфических черт данных медиа превращают их в крайне неудобный объект правового регулирования. В статье рассматривается ряд правовых норм, регулирующих социальные медиа, в том числе немецкий Закон о совершенствовании правоохранительной деятельности в социальных сетях и российский Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в редакции от 18 марта 2019 года. Цель: анализ основ конституционно-правового регулирования свободы массовой информации в деятельности социальных медиа в России и Германии. Методологическая основа: диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой методы познания. Выводы: во-первых, социальные медиа сегодня оказывают колоссальное влияние на формирование общественного мнения по любым сколько-нибудь значимым вопросам. Во-вторых, социальные медиа играют важную роль в вопросе обеспечения участия граждан России и ФРГ в управлении делами государства, предоставляя последним площадку в целях выражения конституционного конструктивного протеста. В-третьих, применяемые сегодня в РФ и ФРГ шаги по правовому регулированию функционирования социальных медиа, создают опасные прецеденты правотворческой деятельности, могущие в перспективе привести к возникновению цензуры в социальных медиа.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, свобода массовой информации, социальные медиа, Конституция РФ, Основной закон ФРГ, конституционный протест.

S.A. Privalov,
Assistant of the Department of constitutional law Saratov State Academy of Law
email: priwalov.balantre@yandex.ru

FREEDOM OF MEDIA AND SOCIAL MEDIA IN RUSSIA AND GERMANY

Annotation: the article is devoted to the problem of legal regulation of social media and ensuring freedom of mass information in their functioning. A number of specific features of these media turn them into an extremely inconvenient object of legal regulation. The article considers a number of legal norms regulating social media, including the German Law on the improvement of law enforcement in social networks and Russian Federal law "On information, information technologies and information protection" as amended on March 18, 2019. Objective: to analyze the fundamentals of constitutional and legal regulation of freedom of mass information in the activities of social media in Russia and Germany. Methodological basis: dialectical, formal-legal, comparative-legal methods of cognition. Conclusions: first, social media today have a huge impact on the formation of public opinion on any significant issues. Secondly, social media is playing an important role in ensuring the participation of citizens of Russia and Germany in managing the Affairs of the state, before-taking note of the last pad in order to Express the constitutional constructive protest. Third, the steps taken today in Russia and Germany to regulate the legal functioning of social media create dangerous precedents of law-making activities that could lead to the emergence of censorship in social media in the long term.

Keywords: constitutional rights and freedoms, freedom of mass information, social media, the Constitution of the Russian Federation, the Basic law of Germany, constitutional protest.

Бурное развитие технологий во второй половине XX – начале XXI в. привело к возникновению социокультурного базиса, детерминировавшего создания и развития информационного общества. Данный процесс был характерен для многих стран, в том числе и для России. В качестве сравнительной модели используем ФРГ, во-первых, как одну из наи-

более развитых стран Западной Европы и мира в целом; во-вторых, важного партнера РФ в культурной и экономической сферах; в-третьих, как страну, имеющую ряд схожих черт государственного и правового устройства.

Говоря о развитии информационных технологий, следует указать на все более плотное и глу-

боее их проникновение в повседневную жизнь рядовых граждан. Так, согласно Росстату, число абонентов фиксированного широкополосного доступа в Интернет в РФ в 2011 г. составляло 12,2 % от общего числа населения, в 2017 г. – 21 %; число абонентов мобильного широкополосного доступа в Интернет в 2011 г. составляло 47,8 %, в 2017 г. – 79,9 %¹. В свою очередь в ФРГ в период с 2011 по 2017 год количество пользователей Интернета выросло с 76 до 84 %².

Одним из новейших инструментов информационных технологий, являются так называемые социальные медиа, вносящие серьезные конструктивные изменения в сам процесс производства, распространения, хранения и обмена информацией. Стоит отметить, что сегодня существует множество определений социальных медиа. Наиболее предпочтительным из них представляется определение, данное профессорами Высшей школы коммерции (ESCP Europe) А.М. Капланом и М. Хенлейном: «социальные медиа – это группа интернет-приложений, которые основываются на идеологических и технологических основах Web 2.0 и позволяют создавать пользовательский контент и обмениваться им»³. Ключевые понятия в нем это Web 2.0 и пользовательский контент.

Авторство термина Web 2.0 принадлежит американскому программисту Т. О'Райли, которой понимает под ним тенденцию развития Интернет-сайтов, в основе которых лежит нацеленность на социализацию проектов и сервисов, их улучшение самими пользователями⁴. Это значит, что концепция Web 2.0 предполагает «открытие» Интернет-сайтов для их всеобъемлющего редактирования и составление пользователями.

Второй термин – пользовательский контент – содержательно дополняет и выводит на новый уровень Web 2.0 в раскрытии понимания социальных медиа. Использование данного термина в определении социальных медиа подчеркивает их главную черту – возможность пользователей не просто редактировать Интернет-сайт, но и быть источником размещаемой на нем информации. Именно данная особенность выделяет социальные медиа из всего семейства медиа ресурсов, поскольку она отмечает способность пользователей таких сайтов быть

в одно и тоже время приемщиком, производителем, редактором и распространителем информации. Стихийность производства информации, ее колоссальный объем и быстрота распространения, а также «плавающая» роль «производитель-потребитель» крайне сильно осложняют любое правовое регулирование социальных медиа.

Объектом социальных медиа является информация, распространяемая среди неопределенного круга лиц. Это означает, что правовым базисом социальных медиа является конституционная свобода массовой информации. Ключевыми нормами закрепляющими данную свободу в России и Германии являются ч. 5 ст. 29 Конституции РФ и абз. 1 ст. 5 Основного закона ФРГ соответственно. Следует отметить, что немецкий Основной закон имеет более четкую формулировку, указывающую на применимость свободы массовой информации к социальным медиа. Так, ранее обозначенная норма конституции ФРГ говорит, что: «каждый имеет право свободно выражать и распространять свое мнение посредством устных и письменных слов, и изображений, а также беспрепятственно черпать знания из общедоступных источников»⁵. Такая формулировка идеально подходит для рядовых пользователей социальных медиа способных быстро менять свои позиции в коммуникационной деятельности. В свою очередь, формулировка ч. 5 ст. 29 Конституции РФ устанавливает общее лаконичное правило гарантирующее свободу массовой информации⁶. Как следствие, более подробно оно раскрывается в ином нормативно-правовом акте, а именно в Законе Российской Федерации «О средствах массовой информации», согласно которому «не подлежат ограничениям ... поиск, получение, производство и распространение массовой информации», при этом под массовой информацией понимаются предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы⁷. Таким образом, и российское, и немецкое конституционное законодательство в равной степени допускает выступление социальных медиа в качестве субъектов свободы массовой информации.

При этом социальные медиа являются важным институтом в сфере производства и распространения массовой информации. Это связано с их более близким положением к народу в сравнении с классическими СМИ. Медиа контент производимый и распространяемый масс-медиа прежде чем до-

¹ См.: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/figure/anketa1-4.html (дата обращения: 09.07.2019).

² См.: Kultur, Medien, Freizeit: Statistisches Bundesamt. URL: https://www.destatis.de/SiteGlobals/Forms/Suche/ServicesucheBuehne_Formular.html?nn=2110&resourceId=2416&input_2110&pageLocale=de&templateQueryString=Kultur%2C+Medien%2C+Freizeit&submit.x=0&submit.y=0 (дата обращения: 09.07.2019).

³ Цит. по: Социальные медиа как ресурс интегрированных коммуникативных практик: монография / под ред. Л.П. Шестеркиной. Челябинск: ИЦ ЮУрГУ, 2017. С. 15.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: vom 23. Mai 1949 (BGBl. S. 1), zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes vom 13. Juli 2017 (BGBl. I S. 2347).

⁶ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398.

⁷ Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 2016. № 27, ч. 1, ст. 4213.

стичь потребителя проходит через систему «фильтров», к которым относятся определенные журналистские этические требования, редакционная проверка, внутренняя а зачастую и внешняя цензура. В тоже время в социальных медиа существует прямая связь между производителем и потребителем информации, которые к тому же могут меняться местами. В результате в социальных медиа источником информации может являться рядовое физическое лицо, необремененное какими-либо профессиональными, а иногда и этическими правилами. Кроме того, велик риск, что на конкретного журналиста или на масс-медиа в целом может быть оказано внешнее или внутреннее давление. Вероятность оказания подобного давления на обычного человека несравнима меньше. Следовательно, социальные медиа, в сравнении с классическими масс-медиа: во-первых, являются более доступными для рядовых людей; во-вторых, обладают большей мобильностью в информационном обмене; в-третьих, в наименьше степени подвержены контрольному воздействию.

Однако указанные характеристики в своей совокупности, сильно осложняют отслеживание и устранение неприемлемого с правовой точки зрения контента.

Сразу же следует указать на то, что в принципе существование сведений, распространение и хранение которых запрещено либо ограничено не является нарушением свободы массовой информации. Это следует из положений норм некоторых международных актов, например, п. 3 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., п. 2 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Возможность ограничения прав и свобод предусматривается так же Конституцией Российской Федерации и Основным законом Германии. Так, ч. 3 ст. 55 российской Конституции закрепляет возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина, в целях защиты иных охраняемых законом благ, путем принятия федерального закона¹. Точно также абз. 1 ст. 19 Основного закона ФРГ предусматривает возможность ограничения основных прав общим законом либо на основании общего закона, если Основным законом допускается ограничение данного конкретного права².

Из всего написанного выше следует, что конституционные правовые акты допускают в определенных случаях и определенном порядке ограничение свободы массовой информации.

Однако, как уже было отмечено ранее, подобного рода вмешательство в достаточной степени затруднено в силу определенных характеристик социальных медиа. Тем не менее в ФРГ относитель-

но недавно были предприняты определенные шаги в данном направлении. Так, 1 сентября 2017 г. в Германии был принят Закон о совершенствовании правоохранительной деятельности в социальных сетях (Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken). Данный закон обязует социальные сети блокировать явно противоправный контент в течении 24 суток, по общему правилу, а в отношении иного, неявно противоправного контента – в течение 7 суток, если иное не предусмотрено данным законом, с момента поступления жалобы³. В случае невыполнения данных требований закон предусматривает наложения штрафных санкций на социальную сеть.

В свою очередь 7 марта 2019 г. был внесен ряд изменений в Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации». В соответствии с новой редакцией Федерального закона № 149-ФЗ, при обнаружении недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений, которая создает угрозу причинения вреда ряду охраняемых законом интересов, Роскомнадзор уведомляет редакцию сетевого издания о необходимости удаления указанной информации, а в случае если издание проигнорировало данное требование – обращается к оператору связи с требованием ограничить доступ к сетевому изданию⁴.

Следует отметить, что исходя из текста данных законов, они оба не создают новых ограничений свободы массовой информации. В тоже время только немецкий Закон о совершенствовании правоохранительной деятельности в социальных сетях напрямую вмешивается в деятельность социальных медиа, возлагая на них обязанность по блокированию противоправного контента источником которого может быть любой пользователь социальной сети. В свою очередь, внесенные изменения в российский Федеральный закон № 149-ФЗ касаются сетевых изданий, то есть классических средств массовой информации.

При этом следует обозначить опасность любого посягательства на свободу массовой информации, в том числе в рамках социальных медиа. Любое вмешательство в деятельность социальных медиа по формированию контента со стороны государства может в последующем привести к возникновению цензуры. Подобная опасность относится и к ранее обозначенному немецкому закону. Кроме того, перекладывание обязанности по борьбе с распространением противоправной информации на социальную сеть, обеспеченное к тому же возможностью применения санкций к последним за ненадлежащее исполнение данной деятельности, с большой долей

³ См.: *Netzwerkdurchsetzungsgesetz vom 1. September 2017 (BGBl. I S. 3352)*.

⁴ См.: *Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 18 марта 2019 г.) // СЗ РФ. 2019. № 12, ст. 1221.*

¹ См.: Конституция Российской Федерации.

² См.: *Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: vom 23. Mai 1949 (BGBl. S. 1), zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes vom 13. Juli 2017 (BGBl. I S. 2347)*.

вероятности, приведет к ужесточению внутренней цензуры в социальных медиа. В тоже время стоит отметить, что, несмотря на косвенное отношение к социальным медиа, явные недостатки изменений внесенных в российский Федеральный закон № 149-ФЗ. Так, закон не устанавливает порядок определения достоверности информации.

Конституция РФ в числе основ конституционного строя закрепляет плюрализм мнений и запрет моногосударственной идеологии. Системное единство этих норм с гарантированием права на участие в управлении делами государства и правом на свободу слова потенциально позволяет российским гражданам конструктивно выражать несогласие с решениями и (или) действиями власти, т.е. в публично-правовых отношениях допускает конструктивный протест¹. Аналогичным образом, возможность выражения конструктивного протеста в ФРГ основывается на ряде статей немецкого Основного закона. Более того, абзац 4 статьи 20 Основного закона ФРГ в крайних случаях допускает в целях защиты существующего в Германии конституционного строя не только выражение конструктивного протеста, но и оказание сопротивления².

Социальные медиа предоставляют любому гражданину возможность выразить и довести до неопределенно широкого круга лиц свое недовольство, проводимой государством, его органом либо долж-

ностным лицом политикой, что повышает эффективность конструктивного протеста. В связи с этим, представляется актуальным как для РФ, так и для ФРГ, в целях обеспечения становления и развития демократического строя, сохранения истинной свободы массовой информации в социальных медиа.

В итоге следует констатировать высокий уровень популярности социальных медиа в России и Германии, который, согласно статистическим данным, продолжает расти. Это породило тенденцию к попыткам правового урегулирования социальных медиа со стороны государства. Однако предпринятые сегодня в РФ и ФРГ шаги в данном направлении носят скорее деструктивный характер, и ведут не к предупреждению противоправных действий в медиа-сфере, а к созданию опасной для свободы массовой информации обстановки, в перспективе могущей привести к ее ущемлению. Более верным представляется принятие комплекса правовых норм, которые, во-первых, устанавливали бы общие принципы правового регулирования деятельности социальных медиа, в том числе гарантировали незабываемость, с одной стороны, свободы массовой информации, а с другой – недопустимость ущемления прав человека; во-вторых, фиксировали бы механизм правового обеспечения нормального функционирования социальных медиа.

¹ См.: Липчанская М.А., Рубанова М.Е. Специфика реализации свободы слова в качестве формы конституционного конструктивного протеста // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6 (119). С. 103.

² См.: Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: vom 23. Mai 1949 (BGBl. S. 1), zuletzt geändert durch Artikel 1 des Gesetzes vom 13. Juli 2017 (BGBl. I S. 2347).

Н.А. Жирнова,

к.ю.н., доцент кафедры информационного права и цифровых технологий
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: NatalyaZhirnova79@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КРИПТОВАЛЮТ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: основное внимание в работе уделено рассмотрению перспектив в направлении правового регулирования таких новых финансовых инструментов как криптовалюты. Проанализирован ряд законопроектов и законов, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе реализации программы «Цифровая экономика». Выделены проблемы, которые необходимо решить законодателю, чтобы осуществлялось адекватное правовое регулирование новых общественных отношений. Также в статье рассматривается еще один аспект использования криптовалют в современном мире, а именно уголовно-правовой. В статье выделены направления использования рассматриваемых финансовых инструментов в противозаконных целях. Сделан вывод о том, что на сегодняшний день разработка правового режима новых финансовых инструментов – криптовалют, является настоящей необходимостью. От скорейшего решения этой проблемы зависит в конечном итоге развитие Российского государства.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, цифровой финансовый актив, цифровые права, краутфандинг, токен.

N.A. Zhirnova,

candidate of law, associate Professor of the Department of information law
and digital technologies of Saratov State Law Academy
e-mail: NatalyaZhirnova79@mail.ru

PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: the main attention is paid to the prospects in the direction of legal regulation of such new financial instruments as cryptocurrencies. A number of draft laws and laws regulating social relations in the process of implementing the program «Digital economy» are analyzed. The problems that need to be solved by the legislator to ensure adequate legal regulation of new social relations are highlighted. The article also discusses another aspect of the use of cryptocurrencies in the modern world, namely – the criminal law. The article highlights the directions of the use of the financial instruments in question for illegal purposes. It is concluded that today the development of the legal regime of new financial instruments – cryptocurrencies, is an urgent need. Ultimately, the development of the Russian state depends on a speedy solution to this problem.

Keywords: cryptocurrency, blockchain, digital financial asset, digital rights, crowdfunding, token.

Несомненным является то, что сегодня человечество переживает очень интересный момент в своем развитии, а именно – эпоху информационного общества. Об этом свидетельствует множество факторов, самым очевидным из которых является информатизация всех сфер общественной жизни. И Российская Федерация также не осталась в стороне от данных тенденций¹. С каждым годом чис-

¹ См., например: *Моисеев Н.Н.* Информационное общество: возможности и реальность. URL: <https://www.civisbook.ru/files/File/1993-3-2-Moiseev.pdf> (дата обращения: 18.04.2018); *Еляков А.* Современное информационное общество // Высшее образование в России. 2001. № 4. С. 77–85; *Смирнов А.И.* Информационная глобализация и Россия. М.: Парад, 2005. С. 28–38; *Скородумова О.Б.* Отечественные подходы к интерпретации информационного общества: постиндустриальная, синергетическая и постмодернистская парадигмы // Информационный

ло пользователей сети Интернет в нашей стране неуклонно возрастает. При этом наблюдается «перемещение» различных процессов человеческой и общественной жизни в онлайн-сферу, возникают качественно новые общественные отношения, которые требуют адекватного законодательного регулирования. К сожалению, законодатель не всегда успевает за стремительной трансформацией социальных связей. Весьма наглядным примером такого положения вещей служит появление и широкий оборот криптовалют.

Криптовалюта (цифровая валюта, виртуальная валюта) может быть определена как средство платежа, обладающее следующими признаками:

гуманитарный портал ЗНАНИЕ. ПОНИМАНИЕ. УМЕНИЕ. 2009. № 4. С. 4.

децентрализованность, анонимность, необеспеченность никакими гарантиями¹. Криптовалюты функционируют на базе блокчейн-технологий, то есть выстроенных по определенным правилам непрерывных последовательных цепочек блоков, содержащих информацию, хранящихся на множестве разных компьютеров независимо друг от друга. Данная технология ускоряет передачу данных, делает ее дешевле и безопаснее за счет исключения посредников, действует автоматизировано².

В России в июле 2017 г. была принята Федеральная целевая программа «Цифровая экономика»³, одной из целей реализации которой является: «создание экосистемы цифровой экономики Российской Федерации, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности и в которой обеспечено эффективное взаимодействие, включая трансграничное, бизнеса, научно-образовательного сообщества, государства и граждан». Реализация Программы рассчитана до 2024 г., общая стоимость проектов оценивается в 1,8 трлн рублей, из которых 1,5 млрд рублей выделены на совершенствование нормативной базы в сфере цифровой экономики⁴. Федеральному Собранию Российской Федерации предстоит принять около пятидесяти законов, регулирующих различные аспекты цифровой экономики.⁵

Так, в настоящее время на рассмотрении в Государственной Думе РФ находится проект Федерального закона «О цифровых финансовых активах»⁶. Криптовалюта в данном документе понимается как «цифровой финансовый актив», то есть «имущество в электронной форме, созданное с использованием криптографических средств» (технологии блокчейн). Вводится также понятие «токен» – цифровой финансовый актив, выпущенный юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем с целью привлечения денежных средств.

¹ См., например: *Хидзев А.Т.* Криптовалюта: правовые подходы к формированию понятия // *Право и современные государства*. 2014. № 4. С. 11.

² См.: *Заколдаев Д.А., Ямщиков Р.В., Ямщикова Н.В.* Технология блокчейн в России: достижения и проблемы // *Вестник Московского государственного областного университета: электронный журнал*. 2018. № 2. С. 94.

³ См.: Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // *СЗ РФ*. 2017. № 32, ст. 5138.

⁴ См.: *Терехин К.* Какие законопроекты о криптовалюте будут приняты Госдумой весной 2019 года? // *Информационный портал о криптовалютах*. URL: <https://ruscoins.info/news/kakie-zakonoproekti-o-kriptovalyute-budut-prinyati-vesnoy-2019-goda/> (дата обращения: 22.08.2019).

⁵ См.: *Замахина Т.* Прыжок в будущее // *Российская газета*. 2018. 20 февраля.

⁶ См.: Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» // СПС «Консультант Плюс».

В марте 2019 г. был принят Федеральный закон № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»⁷ (так называемый Закон о цифровых правах).

Данный нормативный акт вносит следующие изменения в Гражданский кодекс РФ: во-первых, закрепляет такое определение, как «цифровое право», являющееся базовым. Цифровые права – это обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Цифровые права являются теперь объектами гражданских прав в соответствии с положениями ст. 128 ГК РФ. Во-вторых, для упрощения процессов совершения сделок с цифровыми правами теперь к простой письменной форме сделки приравнивается выражение лицом своей воли с помощью электронных или других аналогичных технических средств (с помощью смартфона или отправки СМС, например). В-третьих, осуществляется регулирование смарт-контрактов («самоисполняемых» сделок). В-четвертых, в законе решен вопрос о легализации сбора и обработки больших массивов информации, находящейся в обезличенной форме («Big data»).

В августе 2019 г. был принят еще один значимый документ – Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸ (так называемый Закон о краудфандинге). Данный нормативно-правовой акт предусматривает правовое регулирование использования смарт-контракта и токенов в инвестировании средств на инвестиционных платформах.

Минэкономразвития России, подготовлен проект Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁹, предусматривающий возможность использования электронных платформ (так называемых «маркетплейсов»). На данных платформах гражданам будут предоставляться брокерские, страховые и финансовые услуги. По замыслу авторов законопроекта сделки здесь возможно будет осуществлять с использованием криптовалют.

⁷ См.: *СЗ РФ*. 2019. № 12, ст. 1224.

⁸ См.: *СЗ РФ*. 2019. № 31, ст. 4418.

⁹ См.: Федеральный портал проектов нормативных правовых актов Российской Федерации. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=93066> (дата обращения: 01.08.2019).

Нельзя не отметить, что принятие данных законов имеет очень большое положительное значение, так как без определения правового режима данных правовых явлений невозможна дальнейшая трансформация действующего российского законодательства в «цифровом» направлении.

В рассматриваемой проблеме существует еще один аспект, требующий пристального внимания со стороны законодателя, а именно – обеспечение прав и законных интересов субъектов, использующих криптовалюты, а также необходимость обеспечения информационной безопасности в целом. Банк России в письме от 27 января 2014 г. указал, что «в связи с анонимным характером деятельности по выпуску «виртуальных валют» неограниченным кругом субъектов и по их использованию для совершения операций граждане и юридические лица могут быть, в том числе непреднамеренно, вовлечены в противоправную деятельность, включая легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма»¹.

К сожалению, рассматриваемые новые финансовые инструменты все чаще используются в криминальной среде: при совершении коррупционных преступлений, в торговле наркотическими и психоактивными веществами, порнографией. Чаще всего данные деяния осуществляются в нелегальном Интернете (Даркнете)².

Выделяют три основных сектора криптопреступности: незаконная продажа психоактивных веществ (наркотических средств, психотропных веществ и др.), иных запрещенных товаров, контента

или услуг; отмывание преступных доходов с использованием новой цифровой валюты; хищение криптовалюты и иные преступления против собственности³.

Таким образом, назревает необходимость признания криптовалюты предметом уголовно-правовой охраны от имущественных посягательств, а это, в свою очередь, неизбежно должно повлечь за собой правовую оценку данного финансового инструмента как предмета преступлений против собственности. А это возможно при условии признания, что криптовалюта соответствует всем признакам чужого имущества как предмета имущественных преступлений.

Российский законодатель, несомненно, предпринимает шаги в направлении правового регулирования криптовалют, но пока в основном в сфере гражданских правоотношений. Хотя в феврале 2019 г. Пленумом Верховного Суда Российской Федерации было принято постановление, в соответствии с которым обналичивание криптовалют в России теперь будет контролироваться в соответствии со статьями Уголовного кодекса об отмывании денежных средств⁴.

Подводя итоги, нужно отметить, что на сегодняшний день разработка правового режима новых финансовых инструментов – криптовалют, является настоятельной необходимостью. От скорейшего решения этой проблемы зависит в конечном итоге развитие Российского государства и промедление чревато тем, что наша страна может оказаться на обочине мирового прогресса.

¹ См.: Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 01.08.2019).

² См.: *Иванцов С.В., Сидоренко Э.Л., Спасенников Б.А., Березкин Ю.М., Суходолов Я.А.* Преступления, связанные с использованием криптовалюты: основные криминологические тенденции // *Всероссийский криминологический журнал*. 2019. № 1. С. 86.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 февраля 2019 г. № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 “О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем”» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2019. № 4.

Е.В. Перепелица,

*к.ю.н., старший научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения
правовой информатизации управления правовой информатизации
Национального центра правовой информации Республики Беларусь
e-mail: perepelinka@gmail.com*

ПРАВОВОТВОРЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ЦИФРОВОМ КОНТЕНТЕ

Аннотация: в настоящее время органической и неотъемлемой частью нашей жизни стали информационные технологии. Данные технологии проникают в правотворческую политику многих стран мира как часть формирования электронного документооборота. В цифровом контенте сокращаются сроки подготовки нормативных правовых актов, оптимизируется процессуальная форма нормотворческой деятельности. Внедрение информационно-коммуникационных технологий приводит к экономии финансовых и трудовых ресурсов, связанных с разработкой законопроектов, ведением переписки между государственными органами и организациями в рамках нормотворческого процесса, производством экспертиз и совершением многих рутинных действий. В аспекте цифровизации безусловно важны технические и организационные перемены в правотворческой политике. Но не менее важно использовать позитивную энергию информационных технологий для улучшения качественного содержания нормотворческих и законотворческих решений. Новые технологии сокращают время, расстояние и облегчают коммуникацию между отдельными лицами и организациями. Они могут служить эффективным инструментом вовлечения общества в нормотворческий процесс и расширения потенциальных возможностей участия в нем обычных граждан. В таком контексте правотворческая политика получает новый импульс в плане укрепления легитимной основы будущих нормативных правовых актов.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровизация, правотворчество, теория правовой политики, сетевая коммуникация.

E.V. Perepelitsa,

*Ph.D. in Law, research officer of the department of research methodical ensuring Management of legal informatization department of legal informatization National Center of Legal Information of the Republic of Belarus
e-mail: perepelinka@gmail.com*

HUMAN RIGHTS POLICY IN DIGITAL CONTENT

Annotation: currently, information technology has become an organic and integral part of our life. These technologies penetrate the law-making policy of many countries of the world as part of the formation of electronic document management. In digital content, the time required to prepare normative legal acts is reduced, and the procedural form of normative activity is optimized. The introduction of information and communication technologies leads to savings in financial and labor resources associated with the development of bills, conducting correspondence between government bodies and organizations as part of the rule-making process, conducting expert reviews and many routine actions. In the aspect of digitalization, technical and organizational changes in law-making policy are certainly important. But it is equally important to use the positive energy of information technology to improve the quality of content of legislative and legislative decisions. New technologies reduce time, distance and facilitate communication between individuals and organizations. They can serve as an effective tool for involving society in the rule-making process and expanding the potential opportunities for ordinary citizens to participate in it. In this context, lawmaking policy receives a new impetus in terms of strengthening the legitimate basis of future normative legal acts.

Keywords: information technology, digitalization, law-making, theory of legal policy, network communication.

Информационные технологии стали неотъемлемой частью нашей жизни. До изобретения книгопечатания основная часть мирового культурного опыта была устной. В информационном обществе вновь доминирует устный формат коммуникации, но ее качество становится принципиально иным. Цифровой формат упрощает общение между отдельными

лицами и организациями. Постепенно вытесняются традиционные, внетехнологические условия межличностного и социального взаимодействия, создается новое коммуникативное пространство.

Цифровая реальность все больше влияет на право и правовую политику. Приобщение к современным средствам связи и освоение их потенциала

становится причиной серьезных изменений в механизмах образования и действия права. Призванное регулировать общественные отношения, право так или иначе подпадает под регулирующее воздействие со стороны новых технологий. Цифровой контент несет в себе неоспоримые и безусловные преимущества. В аспекте сжатия пространства и времени многие юридические процессы протекают с более высокими скоростями. Трансформируются прежние правовые отрасли и институты, формируются новые информационно-правовые отношения. Хотя правовая политика уже фактически погружена в цифровой контент, одновременно она призвана к выработке средств адаптации самого права к таким переменам. Данное обстоятельство побуждает по-новому взглянуть на такую политику во всех ее разновидностях и формах реализации.

Правовая политика имеет множество ипостасей и форм реализации¹. Это одновременно и явление, и общетеоретическая категория, и целенаправленная деятельность, и научная теория, и искусство.

Как политико-правовое явление правовая политика представляет перманентное совершенствование права, формирование и реализацию правовых идей стратегического характера. Как категория правовая политика отражает многогранную действительность, связанную с правотворчеством, применением права, его интерпретациями.

Как целенаправленная, системная деятельность правовая политика состоит в определении общей направленности правового регулирования общественных отношений, его базовых ориентиров и принципов. В ходе осуществления такой деятельности решаются вопросы о том, «какими путями и средствами можно воздействовать на правовую ситуацию в обществе в целях приближения к правовому идеалу»².

Как научная теория правовая политика представляет собой направление исследований в области теории права, призванное вырабатывать понимание сущего на фоне должного. Вопреки мнению М. Вебера, считающего политику делом сугубо практики, правовая политика – это область исследований. Теория правовой политики ищет ответы на вопросы о том, каким должно быть право и как достигнуть желательных изменений. Существует взгляд на правовую политику как на целую науку, призванную оценивать действующее право и законодательство и способствовать выработке более эффективного права и законодательства.

В когнитивном измерении правовая политика есть искусство реализации ценностей. Такая интерпретация позволяет раскрыть аксиологическую сущность рассматриваемого явления и смысл юридически значимых ценностей.

¹ См.: Малько А.В. Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 247.

² Поляков А.В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход: курс лекций. 2-е изд. доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 421.

В любой своей ипостаси правовая политика есть определение общей направленности правового регулирования, его базовых ориентиров, а также принципов организации правовой жизни общества.

Правовая политика различна в зависимости от сфер осуществления. Она реализуется посредством права и политики, принадлежит к государственно-властной и к правовой сферам. Будучи политико-правовым явлением, она нетождественна ни «праву в политике», ни «политике в праве». Синтез «права» и «политики» в этом явлении заключается в их взаимодействии и взаимопроникновении. Но этот синтез имеет свои пределы. Политизированное право (право, отданное на служение политике) неминуемо лишает правовую политику значения собственно правовой.

Определяя стратегию и тактику правового развития государства, его юридический облик, правовая политика становится мерой политики. «Будучи одной из разновидностей политики вообще (как родового понятия) правовая политика представляет собой комплекс идей, задач, целей, программ, методов, реализуемых в сфере действия права и посредством права»³.

Правовая политика включает в себя ряд взаимосвязанных подсистем, дифференцируемых на основании разнообразных критериев. Скажем, с учетом отраслевого подхода правовая политика подразделяется на конституционно-правовую, уголовно-правовую, судебную-правовую и прочие составляющие. Если говорить о разновидностях и формах реализации правовой политики, то основными здесь вполне справедливо считать правотворческую, правоприменительную, правоохранительную.

Не ставя цели категориально понять каждый из обозначенных аспектов, заметим, что в доминирующем научном дискурсе правовая политика представляется именно как политика в сфере право-, законо-, нормотворчества. Преимущественно так правовая политика воспринимается со стороны общества⁴. То, насколько верно познаны, учтены и лингвистически выражены в конкретных правовых предписаниях реальные потребности субъектов правовых отношений, определяет право перед лицом обычных граждан. Напротив, искусственные, надуманные постулаты, будучи воплощенными и легализованными посредством в законах, не несут обществу ожидаемых благ.

Как и всякий отдельный вид правовой политики, правотворческая политика органически сочетает в себе содержательные и инструментальные компоненты. Первые – обуславливаются выбором и обоснованием приоритетов и целей, стоящих пе-

³ Матузов Н.И. Общая концепция и основные приоритеты российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2000. № 1. С. 28.

⁴ См.: Поленина С.В. Правотворческая политика // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: НОРМА, 2003. С. 180.

ред государством на конкретном отрезке его развития. Данный идейно-теоретический компонент постулируется, например, в виде наиболее полного обеспечения и защиты прав и свобод человека, подконтрольности власти народу, акцентуации на социальности государства, сосредоточении внимания на либерализации экономики и условий ведения бизнеса и т.д. Второй компонент – инструментарий – представляет собой те средства, способы и механизмы, посредством которых реализует свое действие содержание. Хотя правовая политика и политика права не одно и то же, здесь уместно высказывание И.А. Ильина о том, что «политика права – это такое исследование, которое должно установить и доказать единую, высшую цель, осуществляемую правом и правовыми союзами людей, и вслед за тем подыскать верные средства, ведущие к осуществлению этой цели; оно рассматривает каждое правовое явление и каждую правовую норму с точки зрения их практической годности и негодности и даст указание и советы мудрому правителю»¹.

В правотворческой политике нет мелочей. Стратегические погрешности и просчеты, допущенные как в содержании, так и в инструментах, с помощью которых оно реализуется, негативно сказываются на состоянии практически всех областей общественной и государственной жизни. Действенный и адекватный инструментарий позволяет достигать поставленных целей. В ситуации недостаточно выверенных ценностей, ожиданий и потребностей общества, нечеткости приоритетов даже самый искусный инструментарий принесет обществу то, что не вполне соответствует его чаяниям и надеждам. В то же время, качественное обоснование теоретико-методологической части правотворческой политики не является гарантией внедрения в жизнь действительных общественных ценностей. Для этого требуются надлежащие юридические методы и средства, должные организационные приемы и механизмы. При неизменности исходных, базовых оснований и долговременных ориентиров (например, таких, как формирование правовой государственности), императивы правотворческой политики с течением времени меняются, подвергаются обновлению и переосмыслению.

Сегодня одним из основных трендов законодательной политики большинства цивилизованных государств является цифровизация. «Новый век ставит перед правовой политикой новые цели. Появление новых каналов коммуникации открыло перед человечеством новые возможности социальной организации»².

¹ Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве // Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 4. С. 87.

² Тихонова С.В. Коммуникативное пространство как объект правовой политики: теоретические проблемы формирования пространственного подхода // Изд. Самар. ун-та. Нов. сер.: Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 2, ч. 2. С. 437.

Влияние цифрового фактора очевидно в аспекте автоматизации нормотворческого процесса, исключения монотонных и рутинных операций, неизбежных в ходе подготовки текстов нормативных правовых актов. Нормотворческий процесс предполагает использование большого числа различных документов, обработки, хранения и передачи данных. Современные средства связи облегчают и повышают эффективность деятельности нормотворческих органов. Внедрение информационно-коммуникационных технологий положительно сказывается на всех стадиях нормотворческого процесса, приводит к снижению финансовых, трудовых и временных ресурсов, связанных с подготовкой соответствующих проектов, ведением переписки с государственными органами и организациями в рамках нормотворческой деятельности, проведением экспертиз. Освоение информационных возможностей приносит всем акторам правотворческой политики вполне очевидные и бесспорные преимущества. Использование таких преимуществ должно сопровождаться обязательной оценкой возможных рисков.

Не менее, а может быть, и более весомым является то, что цифровые средства дают обществу (в лице обычных граждан) и государству (в лице нормотворческих органов) уникальную возможность интеракций и диалога. Цифровизация открывает перед правотворческой политикой новые перспективы. Сетевое взаимодействие стихийно и непредсказуемо. В силу самой своей природы коммуникацию, проходящую в информационном пространстве, нельзя загнать в заданное русло. Однако опыт многих современных государств свидетельствует о том, что информационные технологии могут с успехом использоваться для разработки и принятия законодательных и нормотворческих решений. Различным юрисдикциям известны общественно-государственные форумы, правовой лоббизм, общественные экспертизы, совещательные и экспертные советы, публичные слушания, правотворческое делегирование, краудсорсинг и иные формы гражданского участия.

Информационные технологии – те инструменты правотворческой политики, посредством которых законы могут отразить весь диапазон интересов населения. Концепт со решающего участия граждан в процессе разработки нормативных правовых актов должен войти в теорию, методологию и практику правотворческой политики конкретных государств. Интерактивный диалог общества и государства может обеспечить искомую степень легитимности нормативных правовых актов и придать правотворческой политике должную меру социальной обоснованности. Эта актуальная и важная задача, стоящая перед информационным правом.

В современных правовых системах есть немало примеров конструктивной цифровизации правотворческой политики. Страны мира, позиционирующие себя как IT-государства, используют различные продукты технического прогресса для

обнародования и обсуждения нормотворческих инициатив, подготовки проектов нормативных правовых актов, их обсуждения и согласования, а также для проведения мониторинга регуляторного воздействия законодательства.

Благодаря цифровым средствам возможны позитивные структурные изменения формы, содержания и темпа нормотворчества. Традиционная процессуальная форма нормотворчества предполагает алгоритм, то есть строгий порядок действий, следующих одно за другим. Скорость, с которой уполномоченные органы и должностные лица совершают процессуальные действия и выполняют возложенные на них задачи, получает шанс вырасти в цифровом контенте. Также может ускоряться процесс согласования проектов правовых актов с заинтересованными государственными органами.

Цифровые технологии способны оптимизировать отдельные стадии нормотворческого процесса и повлиять на его общую эффективность. Для этого необходима адаптация правил, приемов и средств юридической техники, применяемых в нормотворчестве, к цифровым реалиям. Высокотехнологический инструментарий можно использовать для

снижения количества нормотворческих дефектов и ошибок, обнаружения коллизий, коммуникации общества и государства.

Таким образом, современная правотворческая политика соприкасается с цифровыми технологиями. Общий кумулятивный эффект от ее погружения в цифровой контент является положительным. Необходимость освоения новейших технологических инструментов этой сферой не ставится под сомнение. Актуальным вопросом теории, методологии и практики правотворческой политики является то, как посредством цифровых инструментов модифицировать нормо-, законо-, правотворческий процесс, чтобы это улучшало качество издаваемых нормативных правовых актов. Цифровой контент влияет на форму документооборота в нормотворчестве. Но не менее важны вопросы о влиянии высокотехнологичного инструментария на качественные характеристики будущих нормативных правовых актов, включая социальную полезность, легитимность, эффективность. Подобные вопросы не имеют должного теоретического решения и требуют серьезного внимания со стороны теории права и информационного права.

О.Н. Ермолова,

*к.ю.н., доцент, профессор кафедры конкурентного права
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: olga_ermolova@bk.ru*

ВОЗДЕЙСТВИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: в статье освещаются основные начала правового регулирования предпринимательской деятельности, прежде всего, конституционные принципы и гарантии, а затем исследуется воздействие на них со стороны процесса цифровизации, происходящего в экономике. Отмечается, что значительная трансформация экономических отношений приводит к необходимости пересмотра правовых норм, в том числе принципов права. Приоритет в совершенствовании регулирования экономической деятельности в условиях цифровизации отдается в пользу использования новых технологий, базовых механизмов цифровой экономики. Существенным изменениям подвергнется контрольно-учетная функция государственного регулирования предпринимательства. В качестве одного из новых направлений отмечается тенденция формирования правовых условий для использования технологий децентрализованного ведения реестров. Значительной трансформации подвергнется принцип публичности (информационной открытости) предпринимательской деятельности, в связи с усилением прозрачности ее ведения в условиях цифровизации.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, правовое регулирование, принципы права, цифровизация, контроль, государственная регистрация, реестры.

O.N. Ermolova,

*the candidate of jurisprudence, docent, professor of the department of civil and international private law of Saratov State Law Academy
e-mail: olga_ermolova@bk.ru*

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE BASIS OF LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Annotation: the article highlights the basic principles of legal regulation of entrepreneurial activity, first of all, constitutional principles and guarantees, and then examines the impact on them from the process of digitalization occurring in the economy. It is noted that a significant transformation of economic relations leads to the need to revise legal norms, including the principles of law. Priority in improving the regulation of economic activity in the conditions of digitalization is given to the use of new technologies, the basic mechanisms of the digital economy. Significant changes will undergo the control and accounting function of state regulation of entrepreneurship. As one of the new directions the tendency of formation of legal conditions for use of decentralized registry technologies is noted. The principle of publicity (information openness) of entrepreneurial activity will undergo a significant transformation, in connection with the increasing transparency of its conduct in the context of digitalization.

Keywords: entrepreneurship activity, legal regulation, principles of law, digitalization, control, state registration, registers.

Правовое регулирование предпринимательской деятельности, как любой другой элемент системы российского права, базируется на основополагающих началах, установленных Конституцией Российской Федерации. Конституционные основы предпринимательской деятельности трудно переоценить: они формируют необходимые предпосылки для предпринимательской деятельности; определяют содержание и условия ее осуществления; обеспечивают право на предпринимательскую деятельность соответствующими гарантиями, формируя таким образом принципы правового регулирования предпринимательской деятельности в РФ.

Значение принципов права заключается в том, что они обладают наивысшей обобщенностью и в концентрированном виде характеризуют право в целом. Принципы права отражают объективные закономерности: в обобщенном виде выражают характеристики действующего законодательства, определяют тенденции его развития и практику применения¹.

Основные принципы предпринимательства закреплены в нормах Конституции РФ об основных

¹ См.: Теория государства и права: учебник / [А.А. Гогин, Д.А. Липинский, А.В. Малько и др.] / под ред. А.В. Малько, Д.А. Липинского. М.: Проспект, 2016 // СПС «Гарант».

экономических правах и свободах – о праве на использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34), о праве на свободный выбор рода деятельности и профессии (ст. 37), о праве частной собственности (ст. 35, 36), о праве на защиту своего доброго имени (ст. 23), что в экономической сфере означает право на защиту деловой репутации, о праве на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц (ст. 53), о праве на объединение для совместной экономической деятельности – свобода выбора организационно-правовых форм предпринимательской деятельности и образования в уведомительном порядке различных предпринимательских структур (ч. 1 ст. 34); о праве иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами, свободе владеть, пользоваться и распоряжаться землей и другими природными ресурсами – свободе обладания недвижимостью (ст. 34 и 35) и свободе рынка земли (ч. 2 ст. 36); о праве на свободу договора – свобода заключать гражданско-правовые и иные сделки (ч. 2 ст. 35); о праве на защиту от недобросовестной конкуренции (ч. 2 ст. 34) и других правах, а также конституционных гарантиях предпринимательства (ч. 1 ст. 74, ч. 2 ст. 75)¹.

Помимо конституционных основ в правовом регулировании предпринимательской деятельности были выделены ряд начал, закрепленных в ином законодательстве и образующих следующую совокупность:

- ограничение свободы предпринимательской деятельности в общегосударственных интересах;
- контроль за осуществлением предпринимательской деятельности;
- государственная регистрация субъектов предпринимательской деятельности;
- публичность (информационной открытости);
- безопасности предпринимательской деятельности;
- защита прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности;
- содействие развитию предпринимательства, прибыльности предпринимательской деятельности².

¹ См.: *Скворцова Т.А., Смоленский М.Б.* Предпринимательское право: учеб. пособие / под ред. Т.А. Скворцовой. М.: Юстицинформ, 2014 // СПС «Гарант».

² Подробнее об этом: *Ермолова О.Н.* Принципы правового регулирования предпринимательской деятельности в российском законодательстве // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности: сб. ст. участников IV Ежегод. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н.М. (5 июня 2015 г., Москва) / ответ. ред. Ю.С. Харитонов. М., 2015. С. 146–152.

Изменения, происходящие в экономике, ее разворот в сторону цифровизации предопределяют необходимость анализа в этом ключе правовых основ предпринимательства, выявления тенденций их изменения.

Цифровая среда воздействует на предпринимательскую деятельность, изменяя ее как в технологическом, так и в содержательном аспектах.

Как отмечает П.У. Кузнецов, интеграционный характер цифровой информации как объекта общественных отношений не может не влиять на правовую систему, что проявляется не только в цифровизации, но и в наполнении законодательства нормами, регулирующими общественные отношения информационного типа³.

При этом мнения авторов относительно необходимости изменения законодательства разделились. Одни исследователи полагают, что модернизация экономики России невозможна без эффективного регулирования предпринимательской деятельности с учетом новой парадигмы развития. Однако, по их мнению, регулирование предпринимательской деятельности может осуществляться с помощью имеющихся правовых средств, прежде всего гражданско-правовых договоров⁴.

Другие же отмечают в качестве основной проблемы факт появления новых форм экономического взаимодействия, которые не вписываются в нормативы правового регулирования, разработанные для форм нецифровой экономики⁵. Цифровая трансформация экономики должна происходить в условиях развивающейся правовой системы⁶.

«Уже сейчас отдельные юридически значимые действия могут совершаться исключительно в цифровой среде», подчеркивает А.В. Михайлов, приводя пример с проведением эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» и отмечая дальнейшие перспективы технических возможностей применительно к регистрации предпринимателей, сбору отчетности, проведению собраний органов управления юридических лиц, заключению и исполнению предпринимательских договоров⁷.

³ См.: *Кузнецов П.У.* Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Российский юридический журнал. 2018. № 6 // СПС «Гарант».

⁴ См.: *Рубцова Н.В., Чумакова Л.П.* Некоторые особенности правового регулирования предпринимательской деятельности в контексте цифровой экономики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 94–98 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: *Ивардава Л.И.* Изменение сферы и пределов правового регулирования в условиях цифровой экономики // Безопасность бизнеса. 2019. № 1. С. 39–47 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: *Лантев В.А., Соловяненко Н.И.* Предпринимательское право в условиях инновационной (цифровой) экономики: пути развития // Юрист. 2019. № 5. С. 45–50.

⁷ См.: *Михайлов А.В.* Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в ус-

Здесь нельзя не подчеркнуть, что такая ситуация обусловлена исключительно свободным характером предпринимательской деятельности, закрепленным в Конституции РФ в качестве принципа правового регулирования.

То есть изменения в предпринимательстве оказались возможными в силу общего дозвоительно-го характера регулирования предпринимательской деятельности в аспекте ее свободного самостоятельного осуществления, тяготеющего к совершенствованию. В свою очередь, значительная трансформация экономических отношений приводит впоследствии к необходимости пересмотра иных законодательных предписаний, в том числе принципов права, совершенствованию законодательства.

В правовой литературе справедливо, указывается, что свобода предпринимательской деятельности не безгранична, она может быть ограничена и ограничивается. Правовой принцип ограничения свободы предпринимательской деятельности в общегосударственных интересах базируется на положениях Конституции РФ и реализуется путем осуществления публичного (государственного и муниципального) регулирования предпринимательства.

Следует отметить, что ограничение прав предпринимателей подчиняется конституционному принципу допустимости ограничения прав только на основании федерального закона. Согласно п. 3 ст. 55 права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В условиях цифровизации, по мнению В.А. Вайпана, акценты в регулировании экономической деятельности должны смещаться в сторону использования новых технологий, обеспечивающих возможность ускоренного развития базовых механизмов цифровой экономики и отражающих специфику технологического взаимодействия в цифровых отношениях¹. С данной позицией нельзя не согласиться. Развитие права и законодательства происходит в конкретных экономических условиях и соответственно этому должны быть расставлены приоритеты совершенствования нормативно-правовой базы.

Установление обязательных требований и ограничений к осуществлению предпринимательской деятельности в процессе государственного регулирования с неизбежностью влечет необходимость осуществления контроля за их соблюдением в целях обеспечения их соблюдения.

ловиях цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2019. № 3. С. 7–13 // СПС «КонсультантПлюс».

¹ См.: Вайпан В.А. Правовое регулирование цифровой экономики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 1. С. 12–17 // СПС «КонсультантПлюс».

Достижению целей регулирования и контроля содействует, прежде всего, процедура государственной регистрации субъектов предпринимательства, осуществляемая в целях придания статуса, учета, систематизации сведений, оперативного получения информации.

Задачи правового института государственной регистрации многочисленны, разнообразны и призваны обеспечить реализацию широкого круга интересов как частного, так и публичного характера. На основании исследования целей и задач государственной регистрации в литературе выделены функции этого института: легитимационная; контрольно-учетная; информационная; охранительная².

В соответствии с законодательством государственная регистрация представляет собой акт уполномоченного федерального органа исполнительной власти, осуществляемый посредством внесения сведений в государственный реестр.

При этом необходимо отметить, что формирование и ведение соответствующих реестров осуществляется в рамках различных направлений деятельности по регулированию и контролю: при определении круга субъектов малого и среднего предпринимательства, субъектов естественных монополий, недобросовестных поставщиков, при лицензировании деятельности, обеспечении учета проверок и других случаях. Такая тенденция законодательства, попав в поле зрения исследователей, была охарактеризована как реестризация³.

Сложившаяся система регулирования и контроля позволяет обозначить учетную функции в числе основных не только при государственной регистрации, но и при иных видах воздействия на предпринимательскую деятельность.

В аспекте анализируемой проблематики нельзя не отметить, что одной из особенностей цифровой экономики является именно система учета. Учет и прогнозирование, осуществляемое на его основе, в цифровой экономике происходит благодаря компьютерам и вычислительной мощи всей сети⁴.

В связи с этим делаются обоснованные прогнозы о том, что предпринимательский оборот в условиях цифровой экономики будет отличаться подробной фиксацией данных о субъектах и об объектах экономических отношений, что, возможно, приведет к усилению контроля практически во всех областях деятельности предпринимателей⁵.

² См.: Современное предпринимательское право: монография / отв. ред. И.В. Ершова. М.: Проспект, 2014. С. 290–291; Трофимова Е.В. Государственная регистрация субъектов предпринимательской деятельности: цели, задачи и правовые проблемы // Предпринимательское право. Приложение к журналу. 2012. № 2. С. 59–65.

³ См.: Михайлов А.В. Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 68–73 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Ивардава Л.И. Указ. соч.

⁵ См.: Михайлов А.В. Перспективы развития законодательства о предпринимательской деятельности в усло-

Исследователи указывают в качестве одного из новых направлений формирование правовых условий для использования технологий децентрализованного ведения реестров и удостоверения прав¹.

Активно высказываются идеи о том, что цифровые технологии блокчейн способны кардинально изменить многие реестры, привести к созданию коммерческих аналогов государственных реестров, сращиванию их со справочными правовыми системами и впоследствии – к созданию полноценных роботов-юристов². Одной из основ правового регулирования предпринимательства является требование публичности (информационной открытости).

Цифровизация экономики не может не коснуться данного направления правового регулирования и, по мнению ученых, приведет к усилению прозрачности отношений, когда многие аспекты экономической жизни будут открыты как для общества, так и для контролирующих органов. Отмечается, что существующее применение онлайн-касс приводит к практически полному контролю операций. Несмотря на возможные негативные последствия доступность информации в целом характеризуется как положительное явление³.

Положения законодательства направлены не только на регулирование и контроль предпринимательской деятельности, но и на ее защиту, а также развитие. Общие положения о защите прав предпринимателей как субъектов имущественного оборота регламентируются Гражданским кодексом РФ,

в ст. 12 которого закрепляется способы защиты нарушенных прав, а ст. 11 – судебный порядок защиты. Анализ нормативных актов свидетельствует о правовой идее поддержания бизнеса в состоянии функционирования на соответствующем уровне – получения прибыли от своей деятельности, дальнейшего развития предприятия⁴.

Цифровая экономика также не сможет эффективно развиваться без соответствующих мер поддержки и стимулирования, в числе которых указываются установление налоговых и иных льгот для организаций, осуществляющих деятельность, связанную с развитием современных технологий, стимулирование импортозамещения и реализации экспортно ориентированных проектов в области цифровых технологий, развитие механизмов венчурного инвестирования и государственно-частного партнерства в области цифровой экономики⁵.

Нельзя не согласиться, на наш взгляд, с утверждением о том, что эффективное решение задач государственной экономической политики предполагает создание и поддержание в Российской Федерации благоприятного делового, предпринимательского и инвестиционного климата и условий для ведения бизнеса посредством стимулирования законной предпринимательской деятельности, осуществляемой ее субъектами самостоятельно, на свой риск и основанной на принципах юридического равенства и добросовестности сторон, свободы договора и конкуренции⁶.

виях цифровой экономики // СПС «КонсультантПлюс».

¹ См.: *Вайпан В.А.* Указ. соч.

² См.: *Михайлов А.В.* Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Там же.

⁴ См.: *Ермолова О.Н.* Принципы правового регулирования предпринимательской деятельности в российском законодательстве // *Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности*: сб. ст. участников IV Ежегод. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. памяти заслуженного юриста РФ, доктора юридических наук, профессора Коршунова Н.М. (5 июня 2015 г., Москва) / ответ. ред. Ю.С. Харитонов. М., 2015. С. 147–148.

⁵ См.: *Вайпан В.А.* Указ. соч.

⁶ См.: *Рубцова Н.В., Чумакова Л.П.* Указ. соч.

О.В. Лазарева,

*к.ю.н., доцент кафедры теории государства и права
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: mureksin_sar@mail.ru*

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВА В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация: в представленной статье определены основные тенденции развития российского права в условиях становления цифрового общества, проанализирована отечественная правовая основа цифровизации, направленная на закрепление национальных интересов в области цифровой экономики, представлен обзор исследований российских ученых по данной тематике. В целях обеспечения технологической независимости страны и защиты интересов российских граждан государство поставило задачу устранить препятствия для использования передовых технологий и создать систему стимулов для их внедрения. Кроме того, для развития цифровой экономики необходимо такое правовое регулирование отношений в сфере робототехники и применения технологий искусственного интеллекта и иных технологий, чтобы автоматизировать и повысить эффективность правоприменительной деятельности. Автор обращает внимание на дальнейшие перспективные изменения российского права в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое общество, цифровые права, трансформация права, робототехника, технологии искусственного интеллекта.

O.V. Lazareva,

*candidate of legal Sciences, associate Professor Department of theory of state and law
Saratov state Academy of law
e-mail: mureksin_sar@mail.ru*

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF LAW IN THE DIGITAL SOCIETY

Annotation: the article identifies the main trends in the development of Russian law in the conditions of the formation of a digital society, analyzes the domestic legal basis of digitalization, aimed at consolidating national interests in the field of digital economy, presents a review of research by Russian scientists on this topic. In order to ensure the technological independence of the country and protect the interests of Russian citizens, the state has set a task to remove obstacles to the use of advanced technologies and create a system of incentives for their implementation. In addition, the development of the digital economy requires such legal regulation of relations in the field of robotics and the use of artificial intelligence and other technologies to automate and improve the effectiveness of law enforcement. The author draws attention to further promising changes in Russian law in the digital economy.

Keywords: digitalization, digital society, digital rights, transformation of law, robotics, artificial intelligence technologies.

До чего дошел прогресс,
Труд физический исчез,
Да и умственный заменит
Механический процесс.
Позабыты хлопоты,
Остановлен бег,
Вкальвают роботы,
А не человек!

*Ю. Энтин,
к/ф «Приключения
электроника», 1979 г.*

Начавшаяся в XXI в. четвертая промышленная революция обусловила цифровизацию многих областей и процессов, происходящих в обществе. В связи с этим общество, в котором применяются цифровые технологии, постепенно приобретает цифровой характер. Основу общества составляют

экономические отношения, которые под влиянием цифровых технологий начинают изменяться в первую очередь, что ведет к изменению их правовой регламентации и разработке новых направлений правового регулирования.

Правовую основу цифровизации в России составляют поэтапно принятые нормативные правовые акты, направленные:

■ на устранение барьеров для использования передовых технологических решений и создание системы стимулов для их внедрения (Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2016 г. № 317 «О реализации Национальной технологической инициативы»¹ (в ред. от 31 августа 2019 г.));

■ формирование цифровой экономики и закрепление национальных интересов в этой области

¹ См.: СЗ РФ. 2016. № 17, ст. 2413; 2019. № 36, ст. 5029.

(развитие российской экосистемы цифровой экономики, обеспечение технологической независимости и безопасности инфраструктуры, используемой для продажи товаров и оказания услуг российским гражданам и организациям, защита интересов граждан, обеспечение их занятости и др.) (Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в России на 2017–2030 годы»¹);

■ создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанной на гибком подходе в каждой сфере, внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий (Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (в ред. от 19 июля 2018 г.²), паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденный протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7, паспорт федерального проекта «Нормативное регулирование цифровой среды», утвержденный протоколом президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности от 28 мая 2019 г. № 9³);

■ регулирование оборота цифровых прав (Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴);

■ создание государственной единой облачной платформы в связи с необходимостью обеспечения технологической независимости страны (Распоряжение Правительства РФ от 28 августа 2019 г. № 1911-р «Об утверждении Концепции создания государственной единой облачной платформы»⁵). В итоге перечисленные нормативные правовые акты отличаются программным характером и призваны определять основные направления по комплексному правовому регулированию цифровой среды.

Основополагающим актом, регулирующим развитие цифровой экономики в России, является Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», вступивший в силу с 1 октября 2019 г. Закон содержит нормы для регулирования оборота цифровых прав. С этой целью в ст. 128 ГК РФ при перечислении объектов гражданских прав указываются цифровые права, а в ст. 141.1 ГК РФ

цифровые права определяются как особые «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу».

Кроме того законом создаются правовые условия для формирования сферы электронного гражданского оборота и признания юридической силы электронного документа:

1) определяются условия соблюдения письменной формы сделки, совершенной с помощью электронных либо иных технических средств, позволяющих воспроизвести на материальном носителе в неизменном виде содержание сделки;

2) регламентируется, что договор розничной купли-продажи считается заключенным в надлежащей форме с момента выдачи продавцом покупателю в том числе электронного документа, подтверждающего оплату товара;

3) закрепляются особенности договора об оказании услуг по предоставлению информации;

4) предусматривается, что договор номинального счета, договор страхования могут быть также заключены путем составления одного электронного документа, подписанного сторонами, или обмена электронными документами. Однако закон предусматривает предел цифровой трансформации права, устанавливая запрет составления завещания с использованием электронных либо иных технических средств.

Российские исследования по воздействию цифровизации на национальное право связаны с изучением правовых аспектов робототехники и технологий искусственного интеллекта, в частности, правосубъектности и ответственности роботов, юридического взаимодействия человека и робота, а также трансформации правового регулирования труда, цифровизации правосудия, юридической природы и гражданско-правового режима цифровых прав, становление цифровых финансовых активов, использование цифровых технологий в банковской деятельности⁶.

⁶ См.: *Архипов В.В., Наумов В.Б.* О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170; *Василевская Л.Ю.* Токен как новый объект гражданского права: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119; *Гаджиев Г.А.* Является ли робот-агент лицом? (поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Журнал российского права. 2018. № 1; *Грищенко Г.А.* Искусственный интеллект в государственном управлении // Российский юридический журнал. 2018. № 6 (123). С. 27–31; *Иванов А.А.* О глубине механизации права // Закон. 2018. № 5. С. 35–41; *Карцхия А.А.* Цифровизация

¹ См.: СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

² См.: СЗ РФ. 2018. № 20, ст. 2817; 2018. № 30, ст. 4717.

³ См.: URL: <https://digital.gov.ru> (дата обращения: 09.07.2019).

⁴ См.: СЗ РФ. 2019. № 12, ст. 1224.

⁵ См.: СЗ РФ. 2019. № 36, ст. 5066.

Цифровая трансформация права становится предметом изучения не только в научных статьях, но и в научных изданиях, диссертационных исследованиях¹ и в работе по подготовке и обсуждению законопроектов. Так, в 2016 г. председателем совета директоров Mail.Ru Group Д.С. Гришиным был подготовлен и доведен до широкого круга общественности проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники»². Законопроект не вносился в Государственную Думу Федерального Собрания РФ, а был размещен на сайте исследовательского центра проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. Согласно проекту планировалось дополнить часть первую Гражданского кодекса РФ шестой главой, регламентирующей правовой статус робота-агента, а часть вторую – конкретизирующими положениями относительно ответственности за действия робота-агента. Предлагаемые основные нововведения заключались в закреплении:

в праве и правоприменении // Мониторинг правоприменения. 2018. № 1 (26). С. 36–40; Клюковская А., Минюкова Т. Электронное протоколирование судебного заседания как вектор на пути к цифровизации правосудия // Вестник судейского сообщества Белгородской области. 2019. № 10. С. 10–12; Наумов В.Б. Право в эпоху цифровой трансформации: в поисках решений // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 6 (108). С. 4–11; Наумов В.Б. Общие вызовы права и государственного управления в цифровую эпоху // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 43–57; Незнамов А.В., Наумов В.Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. № 2. С. 69–90; Некрасов В.Н. Уголовная ответственность роботов: актуальные проблемы и направления дальнейшего развития // Государство и право. 2019. № 5. С. 134–140; Нестеров А.В. Возможны ли правоотношения и юридические взаимодействия между людьми и роботами? // Юридический мир. 2017. № 8. С. 57–60; Полякова В.В., Токун Л.В. Становление рынка цифровых финансовых активов в Российской Федерации // Вестник университета. 2019. № 6. С. 150–153; Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. № 1. С. 91–109; Понкин И.В., Редькина А.И. Цифровая формализация права // International Journal of Open Information Technologies. 2019. Вып. 7. № 1. С. 39–48; Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16; Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

¹ См.: Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018; Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А.В. Незнамова. М.: Infotropic Media. 2018; Филипова И.А. Трансформация правового регулирования труда в цифровом обществе // Искусственный интеллект и трудовое право: научное издание. Н. Новгород, 2019.

² См.: Сайт исследовательского центра проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта. URL: <http://robopravo.ru> (дата обращения: 12.10.2019).

1) новых понятий робота и робота-агента. Если роботом признавалось «устройство, способное действовать, определять свои действия и оценивать их последствия на основе информации, поступающей из внешней среды, без полного контроля со стороны человека», то роботом-агентом – «робот, который по решению собственника и в силу конструктивных особенностей предназначен для участия в гражданском обороте». Исходя из определения, робот-агент приравнивается к юридическим лицам, так как может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, отвечать по своим обязательствам своим обособленным имуществом;

2) регистрации видов моделей роботов-агентов в едином государственном реестре на добровольной основе;

3) наделяния роботов-агентов правоспособностью при условии его регистрации и с момента публичного заявления собственника о действии робота в таком качестве;

4) специфики правовой природы робота-агента. В одном случае он мог выступать в качестве субъекта договорных отношений и отвечать по своим обязательствам, а в другом – быть предметом сделки или объектом (имуществом, источником повышенной опасности), за действие которого отвечает собственник и (или) владелец.

В 2017 г. Исследовательский центр «Робоправо» по инициативе сотрудников международной юридической фирмы Dentons A. Незнамова и В. Наумова разработал модельную конвенцию о робототехнике и искусственном интеллекте³. Она предусматривает правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта. В самом документе указана цель разработанной конвенции – определение основных проблем, которые могут возникнуть в обществе и правовой системе в связи с активным развитием киберфизических систем и обозначение возможных направлений решения существующих и ожидаемых проблем.

В настоящее время одной из актуальных проблем, обсуждаемых российскими учеными, остается положение о возможности и своевременности признания сложных роботов электронными лицами или имуществом особого рода. Законодателью в ближайшей перспективе предстоит решить данную проблему путем регламентации правового статуса или режима «умного» робота, а также внедрять механизм формирования и использования машиночитаемых норм в целях автоматизации и повышения эффективности правоприменительной деятельности.

Если «умные» роботы станут субъектами права и приобретут правовой статус, то такое нововведение повлечет за собой ряд правовых последствий. Потребуется уточнить существующий правовой статус личности, продумать эффективный меха-

³ См.: Там же.

низм защиты ее прав, скорректировать и наполнить новым содержанием принципы российского права, в частности принцип свободы объединения работников, принцип недопустимости дискриминации в трудовом праве.

Таким образом, основными тенденциями развития российского права в условиях становления цифрового общества являются:

1) трансформация права и правового регулирования отношений, а также изменение правовой системы общества в целом;

2) конвергенция отраслей публичного и частного права;

3) изменение отраслевых принципов права;

4) появление новых субъектов и объектов права;

5) законодательное закрепление пределов цифровой трансформации права;

6) изменение правового статуса личности (права, свободы, обязанности, гарантии, правосубъектность, юридическая ответственность);

7) разработка новых механизмов защиты прав личности;

8) переосмысление юридических понятий и конструкций;

9) появление новых составов правонарушений;

10) цифровизация законотворчества и правоприменения, алгоритмизация юридической деятельности.

О.Л. Солдаткина,

*к.ю.н., доцент кафедры информационного права и цифровых технологий
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: buzum@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОРГАНАХ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ*

Аннотация: в статье намечаются основные проблемы использования систем искусственного интеллекта в органах судебной власти: правосубъектность роботов, вопрос их безопасности, проблемы нового расслоения. В результате делается вывод о том, что говорить о внедрении систем искусственного интеллекта для рассмотрения дел, пусть даже элементарных, в отечественный судебный процесс представляется преждевременным.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правосубъектность роботов, LegalTech, Резолюции Европарламента о гражданско-правовых нормах, касающихся робототехники, электронное лицо.

O.L. Soldatkina,

*Candidate of Law, Associate Professor, Department of Information Law
and Digital Technology of Saratov State Law Academy
e-mail: buzum@mail.ru*

PROBLEM USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE JUDICIARY SYSTEM

Annotation: the article outlines the main problems of using artificial intelligence systems in the judiciary: the legal personality of robots, the question of their safety, the problems of a new stratification. As a result, it is concluded that it is premature to talk about the introduction of artificial intelligence systems to consider cases, even elementary ones, in the domestic litigation.

Keywords: artificial intelligence, legal personality of robots, LegalTech, European Parliament Resolutions on civil law relating to robotics, electronic person.

Обосновывать необходимость научных разработок по теме правового регулирования использования систем искусственного интеллекта во всех сферах юридической деятельности сейчас практически не нужно. Тема что называется «на слуху», поиск юридических конструкций идет во всем мире – так же, как практически везде наблюдается отставание законодательства от темпов развития и внедрения роботов во всех видах деятельности. Судебные органы не исключение.

Так, В 2019 г. в судах нескольких субъектов России начали работу системы автоматического стенографирования (Свердловский и Шебекинский районные суды Белгородской области, например¹), ранее проходившие апробацию в 10 залах районных судов г. Москвы. Данные системы не только ведут аудиозапись заседания, но и распознают речь, ведут протокол в электронном виде. Кроме того, в планах Мосгорсуда присутствует внедрение элементов искусственного интеллекта для

подготовки судебных решений по так называемым бесспорным делам – в этом случае дело будет передаваться на рассмотрение в судебном заседании только в случае жалобы на решение². И это только часть из имеющихся инициатив.

Однако даже в случае использования систем искусственного интеллекта для осуществления по сути вспомогательной (но тем не менее важной) операции ведения протокола судебного заседания возникает целый пласт проблем, никак не связанной с ее технической составляющей: пока не установлен правовой статус таких систем и меры исправления, редактирования электронных протоколов секретарем судебного заседания, существуют возможность манипуляций с ним (управляемые «неисправности»). Ссылки на «технические неисправности» вообще могут использоваться, чтобы свести на нет потенциал судебной аудиозаписи, в том числе в случае, если такая аудиозапись обяза-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

¹ См.: Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие». URL: <http://iac.cdcp.ru/index.php?id=9&item=207> (дата обращения: 09.09.2019).

² См.: Мосгорсуд внедрит программу автоматической подготовки протокола судебного заседания // Адвокатская газета. 2018. 29 Мая. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/mosgorsud-vnedrit-programmu-avtomaticheskoy-podgotovki-protokola-sudebnogo-zasedaniya/> (дата обращения: 09.09.2019).

тельна или протоколирование ведется автоматически. Конечно, представителями адвокатского сообщества предлагаются различные выходы из данной ситуации¹, но пока эти конструкции существуют в лучшем случае только в виде инициатив.

Между тем проблем в области правового регулирования искусственного интеллекта хватает, причем каждая из них вызывает ожесточенные споры научного сообщества. Назовем только основные из них:

1. Прежде всего встает вопрос о правосубъектности систем искусственного интеллекта, и родственный ему вопрос ответственности за их ошибки. Конечно, когда речь идет о вспомогательных операциях типа ведения протокола, где робот выступает только помощником секретаря-человека, беря на себя рутинную работу, указанных проблем не возникает. Но если робота рассматривать как самообучающееся устройство, способное пройти тест Тьюринга и самостоятельно принимать решения, да еще и наделить функцией принятия юридически важного решения – вот тут и выходит на свет весь комплекс неразрешенных вопросов юридического статуса систем искусственного интеллекта.

Споры вокруг нее хватает, не вдаваясь в эту полемику, ограничимся только основными диаметрально противоположными позициями, удачно сформулированными в статье Г.А. Гаджиева и Е.А. Войниканис:

1) правовой консерватизм, чьи сторонники высказывают серьезные возражения против любой перспективы наделяния роботов правосубъектностью²;

2) правовой прагматизм, сторонники которого выступают за «признание вины искусственного агента», то есть формирование отношения к роботу, как к некоторой виртуальной личности³.

В целом, на современном этапе развития технологий представляется наиболее актуальный

¹ См., например: в 2019 г. в судах нескольких субъектов России заработают системы автоматического стенографирования // Адвокатская газета. 2018. 29 мая. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/v-2019-g-v-sudakh-neskolkih-subektov-rossii-zarabotayut-sistemy-avtomaticheskogo-stenografirovaniya/> (дата обращения: 25.12.2019).

² См., например: European Parliament. REPORT with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). Debates, 15 February 2017. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=CRE&reference=20170215&secondRef=ITEM-014&language=EN&ring=A8-2017-0005> (дата обращения: 31.08.2019); *Nievans N.* European Civil Law Rules in Robotics. Study. European Parliament's Legal Affairs Committee. 2016. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/committees/fr/supporting-analysessearch.html> (дата обращения: 31.08.2019).

³ См., например: *Chopra S., White L.* A legal theory for autonomous artificial agents. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2011; *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2.

некоторый половинчатый подход, выработанный авторами одного из основных и самых показательных нормативных документов в сфере правовой регламентации деятельности систем искусственного интеллекта – конечно же речь идет о принятой в 2017 г. Европарламентом резолюции о гражданско-правовых нормах, касающихся робототехники⁴: закрепляя тезис о том, что «на современном этапе ответственность должна лежать на человеке, а не на работе», в документе подчеркивается, что вопросы распределения ответственности необходимо решать в зависимости от степени самостоятельности робота и в будущем для наиболее сложных автономных роботов целесообразно предусмотреть специальный правовой статус «electronic persons» (электронных лиц), которые несут ответственность за причиненный ими вред и могут иметь определенные права и обязанности. Отложив таким образом решение ключевого вопроса, Европарламент одновременно и закрыл правовую «дыру», возложив ответственность на человека, и обеспечил себе время на всестороннюю проработку вопроса механизмов привлечения самообучающихся систем искусственного интеллекта к самостоятельной юридической ответственности.

2. Вторая проблема связана с технической составляющей и вопросами обеспечения безопасности при работе с системами искусственного интеллекта. По сути, робот представляет собой «черный ящик», внутри которого протекают непонятные и невидимые пользователю процессы, а потому возможны злоумышленные действия со стороны разработчиков системы. Но даже если такой «помощник» разработан вполне добросовестно, никто не гарантирует, что завтра он не будет каким-либо образом «заражен» и не превратится в «шпиона». Частично данная проблема может быть решена путем предложенной в статье А.А. Соколовой правовой регламентации процедуры разработки алгоритма поиска правовой информации⁵ (в совокупности с возложением ответственности на разработчиков за ее нарушение), но представляется, что только юридические средства здесь все же недостаточны – в дополнении к указанной регламентации в тесном сотрудничестве с специалистами в IT сфере должны быть созданы и стандарты технической защиты систем искусственного интеллекта, в том числе и используемых в суде.

3. Следующий вопрос носит философский и моральный характер. Создание полноценной цифровой личности сегодня, конечно, пока лежит в области фантастики, но сама возможность этого вызывает определенные опасения. Подкрепляется

⁴ См.: Civil Law Rules on Robotics European Parliament resolution of 16.02.2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)). EP reference number: P8_TA(2017)005.

⁵ См.: *Соколова А.А.* Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 350–356.

эта настороженность излишне оптимистичными высказываниями отдельных ученых¹ (а их становится все больше) о полной замене человеческого правосудия на цифровое. И конечно при прочих равных социум склонен выбрать робота-судью, «непогрешимого», лишённого эмоций. Однако представляется, что эта непогрешимость – видимая, ведь робот создан людьми и ошибки могут быть заложены в сами алгоритмы или «железо». Оспорить же такое решение в случае ошибки будет практически невозможно. Кажется, что авторы таких высказываний не совсем осознают вполне реальную возможность появления нового вида

расслоения общества – «неравенства человека и искусственного интеллекта».

В такой ситуации говорить о внедрении систем искусственного интеллекта для рассмотрения дел, пусть даже элементарных, в отечественный судебный процесс представляется мягко говоря преждевременным. На уровне «помощников» роботов можно и нужно – это даст возможность разгрузить судей и их секретарей, избавив их от рутинной работы – но только при законодательном решении проблемы ответственности искусственного интеллекта и технико-правовой регламентации работы таких систем.

¹ См., например: *Глебов И.Н.* Искусственный юридический разум // Гуманитарное право: сетевой науч. юрид. жур. 2018. URL: <https://humanlaw.ru/9-article/26-artificial-intelligence.html> (дата обращения: 08.09.2019); *Бевзенко Р.* Как я победил судебного робота-юриста и почему это будет длиться недолго. URL: <https://www.pgplaw.ru/news/article/roman-bevzenko-how-i-beat-trial-of-robot-lawyer-and-why-it-will-not-last-long> (дата обращения: 08.09.2019).

Р.А. Торосян,

*к.ю.н., старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права
Саратовского национального исследовательского государственного университета*

им. Н.Г. Чернышевского

e-mail: rima_t@mail.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ

Аннотация: в статье рассматривается влияние технологий искусственного интеллекта на изменения содержания современного образования. Анализируются возможности технологий искусственного интеллекта в условиях цифрового общества, роль преподавателя в виду развития цифровых технологий в сферу образования. Выявлены актуальные преимущества использования данных для повышения эффективности образовательного процесса, а также проблемы, которые препятствуют эффективному внедрению технологий интеллектуального в сферу образования. Автором отмечается, что внедрение цифровых технологий в сферу образования призвано, с одной стороны, повысить эффективность образовательного процесса путем расширения каналов передачи знаний, а с другой стороны, направлено на активизацию концепции персонализированного подхода к обучающимся и поддержку составления индивидуальных образовательных траекторий.

В заключении отмечается, что не смотря на положительные аспекты искусственного интеллекта, вероятно, он не заменит, но послужит бесценным дополнением в образовательном процессе, помогая учителям, преподавателям более эффективно удовлетворять разнообразные потребности многих обучающихся.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обучение, цифровые технологии.

R.A. Torosyan,

*Ph. D., senior lecturer of the Department of constitutional law and municipal law
of the Saratov national research state University named after N.G. Chernyshevsky*

e-mail: rima_t@mail.ru

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN EDUCATION: POSITIVE AND NEGATIVE SIDES

Annotation: the article considers the influence of artificial intelligence technologies on changes in the content of modern education. The possibilities of artificial intelligence technologies in a digital society, the role of the teacher in the development of digital technologies in education are analyzed. The actual advantages of using data to improve the efficiency of the educational process, as well as the problems that prevent the effective implementation of intellectual technologies in education are revealed. The author notes that the introduction of digital technologies in education is designed, on the one hand, to improve the efficiency of the educational process by expanding the channels of knowledge transfer, and on the other hand, is aimed at activating the concept of personalized approach to students and support the preparation of individual educational trajectories.

In conclusion, it is noted that despite the positive aspects of artificial intelligence, it probably will not replace, but will serve as an invaluable addition to the educational process, helping teachers to more effectively meet the diverse needs of many students.

Keywords: artificial intelligence, training, digital technologies.

В настоящее время, искусственный интеллект (далее – ИИ) охватывает различные сферы жизнедеятельности общества. Представляет собой совокупность средств, технологий, которые позволяют выполнять ряд функций, традиционно отнесенные к прерогативе человека¹.

С одной стороны, это заметно упрощает жизнь современного человека, а с другой ставит перед обществом вообще и образованием, в частности, новые задачи без решения которых, невозможно представить себе гармоничное развитие социума и сбалансированное сосуществование человека и технологий.

¹ См.: *Поблагуев С.И.* Искусственный интеллект как стратегический инструмент обеспечения безопасности в системе образования // Цифровая трансформация

образования: электрон. сб. тезисов докладов 1-й науч.-практ. конф. 2018. С. 473.

На сегодняшний день, ИИ является быстро прогрессирующей отраслью информатики, построенной вокруг понимания механизмов, которые воспроизводят человеческое мышление и поведение. Данный механизм систематизации и сбора информации направлен на запрограммирование данных из различных информационных ресурсов, использование подобных технологий может освободить время для творческой деятельности и иной интеллектуальной деятельности человека¹.

Важно отметить, что быстрое развитие технологий существенно способствовало к изменениям в системе образования, открывая новые возможности для преподавания и обучения в любом месте, в любое время и предоставляя новые инструменты и методы для улучшения результатов обучения и поддержки инновационного преподавания и обучения.

Использование систем ИИ могут быть весьма полезны для повышения уровня успеваемости обучающихся различных образовательных учреждений, а также повысит уровень их понимания, так как каждый человек воспринимает информацию по-разному. Одним проще прочитать, другим – услышать, третьим – увидеть. Так информационные технологии в системе образования определяют уровень понимания как группы учеников, так и каждого ученика в отдельности, подстраиваются под обучающегося и предоставляют информацию, которая будет обработана и структурирована персонально для него, с целью наилучшего восприятия и понимания, что позволит каждому получить необходимые знания.

Одним из разновидностей интеллектуальных систем является интегрирование экспертных систем. Например, в программном обеспечении «Мика», разработанном Карнеги Лирнинг, используются когнитивные науки и технологии искусственного интеллекта, чтобы обеспечить индивидуальное обучение и обратную связь в реальном времени для обучающихся различных образовательных учреждений, особенно для новичков в колледже, которым в противном случае потребовались бы дополнительные курсы обучения. Так данное информационно технологическое сопровождение предоставляет обучающимся гибкое и персонализированное обучение.

Программа NetexLearning позволяет преподавателям разрабатывать цифровые учебные планы и контент для разных устройств, интегрируя мультимедийные средства, такие как видео и аудио, а также само- или онлайн-инструкторы. Nextex также предоставляет персонализированную облачную платформу обучения, разработанную для современного рабочего места, в которой работодатели могут создавать настраиваемые системы обучения с при-

¹ См.: Макаров А.В. Искусственный интеллект и новое содержание обучения // Человек, общество и государство в современном мире: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф: в 2 т. 2016. С. 384.

ложениями; геймификация и симуляции; виртуальные курсы; самооценки; видео-конференция; и другие инструменты. Платформы обучения для современного рабочего места предназначены для того, чтобы сотрудники могли овладеть дополнительными навыками и получать постоянную и автоматическую обратную связь, а при стратегическом использовании могут повысить производительность и увеличить производительность². Таким образом, обучение по данной программе поможет студенту, преподавателю и административному персоналу контролировать образовательный процесс и эффективно им управлять.

Одновременно, необходимо отметить, что внедрение цифровых технологий в сферу образования призвано, с одной стороны, повысить эффективность образовательного процесса путем расширения каналов передачи знаний, более адаптивного предоставления материала и упрощения работы преподавателя, а с другой стороны, направлено на активизацию концепции персонализированного подхода к обучающимся и поддержку составления индивидуальных образовательных траекторий.

Также в последнее время, все чаще применяются такие технологии ИИ как чат-боты, – приложения, которые создаются для имитации поведения человека при общении, а также выполнения дополнительных функций. Однако данная программа имеет свойство запоминать слова человека и в дальнейшем формирует свое мнение в каждой конкретной ситуации. Данная функция несет риск того, что программа начнет копировать недостойное поведение людей – агрессию, грубость³. Следовательно, искусственный интеллект не способен заменить человека. В частности, в случае если у обучающегося возникнут затруднения в процессе изучения того либо иного вопроса, ответ на него может дать только преподаватель. Преподаватель является не столько источником новых знаний, но и наставником и гидом для ориентации в мире больших массивов информации, а также помощником в построении траектории профессионального развития и мониторинге движения в нужном направлении в процессе обучения. Следовательно, технологии искусственного интеллекта в сфере образования могут являться очень полезными помощниками для преподавателей, но не его заменой⁴.

Таким образом, по мере того, как ИИ продвигается в сфере образования, появляется все больше

² См.: Examples of Artificial Intelligence in Education. URL: <https://emerj.com/ai-sector-overviews/examples-of-artificial-intelligence-in-education/> (дата обращения: 10.06.2019).

³ См.: Измайлова Ю.М., Пискарева Е.М. Искусственный интеллект в образовательном процессе // Среднее профессиональное образование. 2018. № 10. С. 40–42.

⁴ См.: Шарунов Н.Д. Технология искусственного интеллекта как эффективная форма, применяемая в системе образования // Вестник научных конференций. 2018. № 3-2 (31). С. 122–124.

доказательств в поддержку идеи, что и умные системы, и люди необходимы для управления различными аспектами академической и социальной компетентности студентов.

Важно отметить, что образование (в особенности школьное) выполняет функцию воспитания будущих граждан, направленно на формирование ценностей, гуманистических качеств, коммуникативных навыков. Особую роль для реализации данной функции играет непосредственно сам педагог,

его личностные качества, профессионализм, умение творчески и грамотно преподнести ту или иную информацию, что свойственные только людям.

Таким образом, не смотря на положительные аспекты искусственного интеллекта, вероятно, он не заменит, но послужит бесценным дополнением в образовательном процессе, помогая учителям, преподавателям более эффективно удовлетворять разнообразные потребности многих обучающихся.

Д.С. Чайковский,

к. ф.-м. н., доцент Саратовской государственной юридической академии

e-mail: chaikovskys@gmail.com

АНАЛИТИКА БОЛЬШИХ ДАННЫХ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

Аннотация: рассматриваются потенциал и возможные угрозы принятия решений с помощью автоматизированных систем. Приводятся примеры внедрения больших данных БД в работу органов государственной власти, как в России, так и за рубежом. Выявлены основные причины «непрозрачности» принятия решений искусственным интеллектом (ИИ): защищенность алгоритмов частными лицами от публичного представления; небольшой круг специалистов-разработчиков; непрерывное саморазвитие систем ИИ. Поднимаются вопросы нарушения права на конфиденциальность информации в процессе занесения ее в системы искусственного администрирования, а также принятия неверных управленческих решений, связанных с использованием БД, которые будут ущемлять права и свободы граждан. Анализируя возможные угрозы, сделан вывод о том, что внедрение технологий БД в государственное управление должно сопровождаться разработкой определенных правил, при которых они могут быть использованы в отношении граждан, чтобы неверные управленческие решения не повлекли за собой ущемления их прав. А решения, принимаемые автоматизированными системами БД, от которых будут зависеть права и свободы граждан, должны подвергаться проверке со стороны человека.

Ключевые слова: большие данные, машинное обучение, искусственное администрирование, государственное управление, информационные технологии.

D.S. Chaikovsky,

PhD in Physico-mathematical sciences, Associate Professor, Saratov State Law Academy

e-mail: chaikovskys@gmail.com

BIG DATA ANALYTICS IN PUBLIC ADMINISTRATION

Annotation: discusses the potential and possible threats to the decision-making with automated systems. Examples of implementing big data DB in the work of public authorities. The main reasons for the «opacity» of decision-making artificial intelligence (AI): security algorithms individuals from public view; a small circle of developers; continuous self-development of AI systems. Raises issues of violations of the right to confidentiality of information in the process of recording it in the system of artificial administration, as well as the adoption of incorrect management decisions associated with the use of the database, which will infringe the rights and freedoms of citizens. Analyzing the possible threats, it can be concluded that the implementation of database technologies in public administration should be accompanied by a set of conditions under which they can be used against citizens and organizations to incorrect management decisions does not entail a violation of their rights. And the decisions of automated systems, which will depend on the rights and freedoms of citizens, shall be inspected by humans.

Keywords: big data, machine learning, artificial administration, public administration, information technology.

Мы живем в эпоху больших данных¹ (БД). Искусственное управление, основанное на БД, уже хорошо зарекомендовало себя в коммерческих структурах, а сейчас становится все более востребованным в государственном управлении. Причина лежит не только в высокой эффективности рассматриваемых технологий, но и в наличии у большинства развитых государств огромных массивов данных о гражданах.

¹ См.: Чайковский Д.С. Перспективы развития технологии «Big data» в России // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации*: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф.: в 4 ч. 2017. Ч. 1. С. 199.

На смену администрированию приходит искусственное администрирование, которое объединяет в себе технологии и процессы для получения большого объема цифровых данных, поиска закономерностей, создание прогнозной аналитики. Искусственное администрирование подразумевает замену человека, принимающего решения автоматизированными процедурами. Нейронные сети и прогнозная аналитика, несомненно, необходимы в механизме управления, однако необходима ясность условий, при которых они могут быть использованы.

К настоящему времени накопилось немало успешных примеров использования технологий БД как в России, так и за рубежом. Например, депар-

тамент информационных технологий Москвы уже на протяжении нескольких лет закупает у мобильных операторов данные о перемещении горожан. «Чиновников интересует и как горожане передвигаются по городу. Операторы описывают, сколько человек совершают поездки на метро, когда и как долго люди едут на работу и обратно. Для этого операторы выбирают станции метро как отдельные зоны, фиксируют, когда человек попал в такую зону, когда и в какой зоне вышел. Данные операторов о горожанах произвели революцию в транспортном планировании, позволили отказаться от дорогих и очень приблизительных моделей, которые использовались десятилетиями»¹.

Другой успешный пример использования БД продемонстрировала Федеральная налоговая служба, где обработкой деклараций по НДС занимается автоматизированная система «АСК НДС-2»², которая позволяет охватить 100 % налогоплательщиков. Данные по каждой сделке объединяются в единую базу и проверяются в автоматическом режиме. А уже с начала 2018 г. заработала новая система «АСК НДС-3»³, которая позволяет отслеживать движение денежных потоков по счетам, как организаций, так и физических лиц. Кроме того, эта система автоматически формирует отчеты о расхождениях в налоговой отчетности, на основании которых стало возможным завести уголовные дела о неуплате налогов.

В США технологии БД используют в прогностическом полицейском контроле. Технологию «Blue CRUSH» (Crime Reduction Utilizing Statistical History) разработала компания IBM. Blue CRUSH, на базе имеющихся статистических данных о преступлениях, предоставляет полицейским информацию о потенциальных зонах совершения преступлений в пределах нескольких кварталов с указанием дня недели и времени. Внедрение этой системы в г. Мемфисе позволило снизить уровень преступности на 31 %⁴.

В Китае власти вводят систему оценки граждан по степени их благонадежности, согласно которой, каждый гражданин будет иметь свой рейтинг, от которого будет зависеть его дальнейшая жизнь. В некоторых регионах уже собираются цифровые записи о гражданах, которые включают данные

о социальной жизни, финансовые операции. Эти данные войдут в так называемый рейтинг благонадежности человека, который в дальнейшем предоставит доступ к различным возможностям – получению образования, возможности путешествовать и многим другим⁵.

Машинное обучение⁶, включающее в себя методы построения алгоритмов, способных обучению обладает огромным потенциалом для улучшения принятия правительственных решений. Автоматизированные системы позволят не только снизить затраты но и уменьшить или полностью устранить когнитивные отклонения, в процессе принятия решений. Алгоритмы принятия решений можно рассматривать не более чем набор заданных человеком действий, которые система проводит с данными для получения решения. Поэтому использование новых технологий для совершенствования автоматизированного принятия правительственных решений, снижения затрат и повышения эффективности является перспективным направлением.

Несмотря на вышеописанные преимущества, не стоит забывать и о возможных негативных последствиях. Стоит учитывать, что технологии БД тесно связаны с машинным обучением, которое представляет собой некий «черный ящик». Можно выделить целый ряд факторов, скрывающих прозрачность машинного обучения: непрозрачны алгоритмы, которые представляют коммерческую тайну и защищены частными лицами от публичного представления; ввиду нетривиальности алгоритмов круг специалистов, которые способны разобраться в алгоритмах, достаточно ограничен. По мере того, как эти системы становятся все более сложными, сложнее понять внутреннюю часть алгоритма, объясняющую, как он приходит к решению.

Использование вышеописанных технологий для вмешательства в права и интересы отдельных лиц, является спорным. Способность систем *прогнозировать* будущие действия человека на основе методов машинного обучения, означает, что на основе сведений о человеке машина не просто следит за человеком, она пытается спрогнозировать и контролировать противоправные действия человека, которые, возможно, он никогда не совершит. Угроза привлечения к юридической ответственности лица за еще не совершенное преступление является пока исключительно теоретической, однако на практике имею место ситуации с негативными последствиями. Например, при обращении потенциального заемщика в банк, система может отказать в кредите, если в результате анализа данных о нем система по-

¹ Как мэрия Москвы следит за перемещениями горожан. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2019/03/03/795527-moskvichi> (дата обращения: 18.09.2019).

² См.: *Голендухина О.Ю.* Система АСК НДС -2 автоматизирует налоговые процедуры и сводит к минимуму влияние человеческого фактора. URL: https://www.nalog.ru/rn66/news/activities_fts/5541861/ (дата обращения: 18.09.2019).

³ См.: АСК НДС-3: как работает и кого проверят первыми. URL: <https://www.klerk.ru/buh/articles/471297/> (дата обращения: 18.09.2019).

⁴ См.: *Thompson T.* Crime Software May Help Police Predict Violent Offences // *The Guardian*. 2010. July 25. URL: <http://www.theguardian.com/uk/2010/jul/25/policesoftware-crime-prediction> (дата обращения: 18.09.2019).

⁵ См.: *Condliffe J.* China Turns Big Data into Big Brother. URL: <https://www.technologyreview.com/s/602987/china-turns-big-data-into-big-brother/> (дата обращения: 18.09.2019).

⁶ См.: *Чайковский Д.С.* Средства обработки больших данных // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Естественные и технические науки. 2018. № 12. С. 102.

считает высокой вероятностью того, что кредит не будет выплачен. Подобным образом можно получить отказ в приеме на работу – система-рекрутер может признать соискателя не лояльным компании.

Даже когда вышеописанные методы обработки данных используются для сбора информации в целях информирования правительства о принятии решений, последствия могут вызывать опасения. Во-первых, нельзя исключать, что информационные технологии могут содержать предубеждения и ошибки своих разработчиков. Во-вторых, эксперты технологий машинного обучения, будут иметь гораздо больше знаний, чем представители общественности, о том, как работает искусственное управление. В-третьих, лица, принимающие решения на основе рекомендаций, полученных с помощью компьютера, с большей вероятностью будут следовать рекомендациям, чем выносить независимое суждение. В-четвертых, занесение информации

в системы искусственного администрирования зачастую нарушает ее конфиденциальность.

Итак, технологии искусственного управления, основанные на работе с БД, становятся связанными с нормами административного права, административной справедливостью и могут их нарушать. Очевидно, что слепо доверять права и свободы граждан решениям искусственного интеллекта нельзя.

«Возможно, в будущем придется искать баланс между решением, принимаемым полностью в автоматическом режиме, и решением, принимаемым человеком – по-разному для разных сфер управления, а также с учетом значимости юридических последствий указанных решений»¹, – к такому выводу приходит в своей работе российский ученый С.Е. Чаннов.

Актуальность данной проблемы в настоящее время высока, и ее решение не должно остаться без внимания.

¹ Чаннов С.Е. Большие данные в государственном управлении: возможности и угрозы // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 121.

Т.З. Шалаева,

к.ю.н., доцент, доцент юридического факультета Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина (Республика Беларусь)
e-mail: t.shalaeva@mail.ru

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация: статья направлена на выявление теоретико-правовых и прикладных проблем формирования подходов к определению новых функций государства в рамках формирования цифрового общества. В работе исследовано важнейшее белорусское законодательство, регламентирующее цифровую трансформацию государственной деятельности на современном этапе. Автором уделено внимание проблемам разработки и кодификации информационного законодательства, предложены возможные пути их преодоления.

Ключевые слова: информационное право, информационное законодательство, систематизация законодательства, цифровая трансформация, цифровое общество, электронное правительство.

T.Z. Shalaeva,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Law Faculty of the Brest State University named after A.S. Pushkin (Republic of Belarus)
e-mail: t.shalaeva@mail.ru

DIGITAL SOCIETY: NEW STATE FUNCTIONS

Annotation: the article is aimed at identifying the theoretical and legal and applied problems of the formation of approaches to the definition of new functions of the state in the framework of the formation of a digital society. The article explores the most important Belarusian legislation governing the digital transformation of state activity at the present stage. The author pays attention to the problems of developing and codifying information legislation, and suggests possible ways to overcome them.

Keywords: information law, information legislation, systematization of legislation, digital transformation, digital society, e-government.

Актуальность проблем, связанных со становлением и развитием глобального цифрового общества, привлекает к ним обоснованный интерес, как ученых, так и политиков, экономистов и государственных деятелей. Одним из наиболее важных факторов, определяющих развитие современного общества, является продолжающаяся цифровая, по сути информационная, революция, благодаря которой существенно расширились не только возможности реализации права человека на свободу информационной деятельности, но и значительно повысились вызовы и риски в сфере информационной безопасности государства. Складываются новые общественные отношения, объектами которых становятся цифровая трансформация и цифровая информационная инфраструктура, и, как следствие, возникают условия для перехода общества к новой, цифровой фазе его развития, часто называемой информационным либо цифровым обществом¹, требующим адекватного развития новых функций государства.

Окинавская Хартия глобального информационного общества, принятая лидерами «большой

восьмерки» 22 июля 2000 г., гласит: «информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) являются одним из наиболее важных факторов, влияющих на формирование общества XXI века»².

Глобальная цифровизация современного общества, затрагивающая практически все стороны деятельности людей, предприятий, организаций, государства, породила новую сферу общественных отношений, получивших не так давно закрепление в юридической науке как «информационных». В информационных отношениях происходит изменение сферы регулирования – территория государства заменяется информационным (цифровым по сути) пространством как сферы правового воздействия³.

Существенную роль оказывает также глобализация процессов цифрового развития и активной цифровизации управления непосредственно информатизацией важнейших направлений деятель-

¹ См.: URL: http://sociosfera.ucoz.ru/publ/konferencii_2011/mnogopoljarnyj_mir_predposylki_problemy_i_perspektivy_stanovlenija/globalizacija_informacionnogo_prostranstva_problemy_i_tendencii/37-1-0-825 (дата обращения: 15.10.2011).

² См.: Окинавская Хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 52.

³ См.: Шалаева Т.З. Информационные ресурсы государства: традиционные категории и проблемы правового регулирования: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. «Государство и право в условиях инновационного развития: теоретико-методологические и прикладные проблемы» (Брест, 24–26 июня 2011 г.).

ности государства как субъекта таких отношений, в том числе на его обеспечительные функции.

Цифровое (электронное) государство формируется посредством цифровизации ветвей власти (цифровой парламент, цифровое правительство, цифровое правосудие), цифровизации контрольно-надзорных и иных функций, что вызывает необходимость адекватного правового обеспечения и эффективного регулирования.

В результате бурной цифровизации возникают проблемы правового регулирования отношений, возникающих при реализации функций государства в цифровом обществе. Проблемы выражаются, прежде всего, в осмыслении и теоретико-правовой разработке категории «функция государства в сфере цифровизации» в современных цифровых процессах глобализации.

Заметим, функции государства – основные направления его деятельности, обусловленные объективной потребностью объединенных конкретными устойчивыми отношениями граждан по эффективному решению общих дел, содержание которых задано характером исторически определенного общества.

Функции государства проявляются в настоящее время в его цифровом взаимодействии с обществом, бизнесом, гражданами и носят стихийный, подчас запаздывающий характер. Функции государства должны своевременно изменяться на основе научного прогноза и предвидения реализации новой цивилизационной модели цифрового развития общества.

Определенные отличия современного цифрового общества от предшествовавших традиционных позволяют говорить о неисчерпаемых возможностях цифровой информации, как фундаментальной категории, способной описать, сохранить, обработать и т.п. колоссальный объем данных о технических, естественных и социальных системах. Специализация и плюрализм технических, естественных и социальных систем требуют от функциональной деятельности государства более разветвленного и интенсивного информационного цифрового обмена, который обеспечивается институционализацией государственных подсистем, отвечающих за снабжение информацией¹.

Отметим, что цифровое общество, определяющее доминирующую тенденцию постиндустриальных обществ, зиждется на интенсивном цифровом информационном обмене в целях оптимизации функций государства в разрезе предоставления государственных электронных услуг и обеспечения административных процедур посредством единого информационного, в том числе цифрового, пространства государства.

¹ См.: Шалаева Т.З. Инфокоммуникационная институционализация государства – стратегия устойчивого развития // Институционализм: теория, методология, прикладные аспекты: сб. науч. ст. Брест: Альтернатива, 2010. С. 207–209.

Известно, что функции государства не должны являться статичными, неизменными, они обязаны соответствовать реальным потребностям цифрового общества.

В современной Беларуси применительно к предметам ведения, определенным Конституцией Республики Беларусь, можно выделить определенные группы государственных функций, направленных на возможность формирования цифрового общества. Мы не ставим задачу описания их признаков и приведения их исчерпывающего перечня классификации видов, форм основных и неосновных функций. Вопросы функций государства и его органов, функций управления и их классификации уже основательно исследованы в правовой литературе².

Будем исходить из концепта, что функции государства определяются как особый механизм государственного воздействия на общественные отношения и процессы, охватывающий основные направления его деятельности по управлению цифровым обществом, обеспечению его информационной безопасности, стимулирования цифровой экономики и развития человеческого капитала.

Важнейшим документом, устанавливающим государственную политику в сфере развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг., стало Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23 марта 2016 г. № 235 (посл. изм. от 9 апреля 2019 г.), утвердившее Государственную программу (далее – Программа). Программа включает следующие подпрограммы, содержащие системообразующие мероприятия национального масштаба в сфере цифровой трансформации («Информационно-коммуникационная инфраструктура»; «Инфраструктура информатизации»; «Цифровая трансформация»).

В программе одно из основных мест занимает проект Белорусская интегрированная сервисно-расчетная система, внедрение которой позволит вместо национальных паспортов белорусов использовать ID-карты. Применение ID-карты дадут возможность цифровой идентификации граждан, а также цифровизации прав человека на доступ к государственным электронным услугам и административным процедурам.

Программой прописан проект «Национальная система безбумажной торговли» (НСБТ), реализация которого в Беларуси создаст цифровую инфраструктуру электронного взаимодействия всех субъектов внешнеэкономических отношений. Важнейшим представляется в рамках цифровизации функций государства проект «Национальный портал открытых данных». Программа закрепляет данный проект как эффективное средство раскрытия информации цифрового правительства. Портал будет содержать в себе базы данных о режиме работы государственных и общественных учреждений,

² См.: Бачило И.Л. Функции органов управления. М.: Юрид. лит., 1976.

графиках движения всех видов транспорта, информацию по услугам ЖКХ и т.п.

Представляется необходимым и экономически востребованным разработка и принятие соответствующих нормативных правовых актов, регламентирующих правовые режимы цифрового взаимодействия граждан, бизнеса, общества, в том числе порядок цифровизации функций государства в рамках реализации Государственной программы цифровой экономики и информационного общества.

Декрет Президента Республики Беларусь № 8 от 21 декабря 2017 г «О развитии цифровой экономики» установил для резидентов белорусского Парка высоких технологий (ПВТ) новые виды деятельности (более 35 видов), включая проекты с использованием блокчейн-технологий, майнинг криптовалют и проведение ICO. Декретом разрешено использовать в Беларуси токены, в том числе криптовалюты; определен порядок их оборота; установлены определения таким терминам как майнинг, токен, криптовалюта, смарт-контракт. Легализуется майнинг и использование токенов физическими лицами. При этом такая деятельность не признается предпринимательской, что дает реальную возможность опробовать пилотный проект цифровизации экономики в целом.

В Республике Беларусь разработана и принята в марте 2019 года Концепция информационной безопасности, в которой государственным органам и иным организациям рекомендовано руководствоваться закрепленными в ней принципами при осуществлении государственных функций. Данная концепция направлена на формирование и закрепление функции государства в условиях цифрового развития по обеспечению безопасности информационного пространства как одного из важнейших условий развития суверенного, демократического социального государства. В этом случае, имеет значение сохранность традиционных функций государства по сохранению безопасности массовой информации, а также современное цифровое обеспечение информационных процессов, правоотношений.

В концепции особое внимание направлено на решение вопросов обеспечения безопасности информационной инфраструктуры, в том числе национального сегмента сети интернет, а также эффективное современное противодействие киберпреступности, определены стратегические функции и приоритеты государства в условиях цифрового развития общества.

Наличие концепции значительно повышает уровень информационной безопасности в Республике Беларусь, однако, на наш взгляд принятие Закона «Об информационной безопасности» стало бы своеобразной отправной точкой по обеспечению информационной безопасности посредством использования инновационных цифровых методов защиты информации, в том числе с применением организационно-правовых средств.

Принятие закона позволит обеспечить комплексный подход к проблеме информационной безопасности, создаст методологическую основу для совершенствования государственной деятельности по ее укреплению, послужит основанием для формирования государственной политики, выработки соответствующих мер по совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности в условиях формирования цифрового общества.

Тем не менее наряду с успехами цифровизации, следует отметить на недостаточность глубокой теоретической проработки, отсутствие законодательного регулирования механизма стратегического планирования развития цифрового общества, недостаточную реализацию положений стратегий и концепций в нормативных правовых актах. Запаздывание в своевременном эффективном правовом регулировании ведет к деконсолидации определенных функции государства, рассредоточенности и расплывчатости их содержания, возможности манипулирования и дублирования функциями отдельных государственных органов.

В заключение отметим, что для выявления тенденций развития информационного законодательства, определения места правовому регулированию функций государства в период цифрового развития общества, большое значение имеет общий теоретико-правовой анализ законодательства Республики Беларусь в разрезе соотношения различных его источников. И как не банально звучит тезис, но следует повышать роль закона и эффективно противодействовать разрастанию регулирования через иные акты законодательства.

Глубокая теоретико-правовая разработка детального классификатора функций государственного органа, правовой основы регулирования правил и процедур формирования цифровой модели по каждой функции и операции, по каждому каналу получения и передачи информационного продукта от исполнителя к исполнителю, порядку обмена информацией позволит создать условия для ускоренного развития государственных электронных услуг и административных процедур в едином цифровом пространстве.

Разработка и внедрение соответствующих нормативных актов будет содействовать развитию цифрового общества, и способствовать повышению качества и эффективности правового регулирования информационных отношений населения, бизнеса и государства.

Целостная, внутренне согласованная, стабильная система информационного законодательства, слитого в единый кодифицированный акт, послужит своеобразным индикатором цифрового развития подлинно демократического, социального и правового государства.

М.А. Голубитченко,

*к.ю.н., старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии
e-mail: bearpaw-margo@yandex.ru*

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИИ

Аннотация: стремительное формирование отечественной цифровой экономики потребовало и развитие правового регулирования оборота цифровых финансовых активов (криптовалюты). В связи с этим в марте текущего года в Государственную Думу РФ были внесены на рассмотрение два федеральных законопроекта: «О цифровых финансовых активах» и «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)», основная цель которых является обеспечение государственного регулирования правоотношений по выпуску и обороту криптовалюты.

В законопроектах отражены такие необходимые дефиниции, как: криптовалюта, токены, цифровой кошелек, смарт-контракт, предусмотрен порядок осуществления деятельности Операторов инвестиционных платформ и лиц, привлекающих инвестиции. Однако указанные официальные документы имеют некоторые недостатки, которые требуют устранения.

Проведя исследование законопроектов, автор статьи выявил такие недостатки, как, например, отсутствие необходимых самостоятельных определений: инвестор, квалифицированный инвестор, аккредитованный инвестор; отсутствие механизма государственного страхования инвестиций; отсутствие ответственности за деятельность Операторов информационных платформ и лиц, привлекающих инвестиции в случае разглашения конфиденциальной информации об инвесторе и его сделках и т.д. В связи с этим автор приходит к выводу, что законопроекты, представленные в Государственную Думу РФ, нуждаются в серьезной методологической доработке, и разрабатывает предложения, которые будут способствовать повышению качества законопроектов и совершенствованию всего механизма оборота цифровых финансовых активов.

Ключевые слова: цифровая экономика, криптовалюта, токен, инвестор, квалифицированный инвестор, Оператор инвестиционной платформы.

М.А. Golubitchenko,

*PhD in Law, Senior Lecturer in the Department of Financial, Banking and Customs Law
Saratov State Law Academy
e-mail: bearpaw-margo@yandex.ru*

THE DEVELOPMENT OF THE LEGAL REGIME OF CRYPTOCURRENCY IN RUSSIA

Annotation: development of the digital economy in Russia contributed legal regulation of the digital financial assets (crypto-currencies) turnover. Therefore, on March 20, 2018, two federal bills were submitted to the State Duma of the Russian Federation: «On Digital Financial Assets» and «On Alternative Ways of Investments Raising (Crowdfunding)», whose main task is to regulate legal relations for the issuance and circulation of crypto-currency. These draft laws contain such fundamental definitions as: crypto-currency, tokens, a digital wallet, a smart contract, and also provide procedure for carrying out the activities by Operators of investment platforms and raising investment persons. However, projected laws have certain shortcomings which require elimination.

Among such shortcomings author points out lack of independent definitions of investor, qualified investor and accredited investor; absence of the state insurance mechanism for the investments; lack of responsibility for the activities of Operators of information platforms and raising investments persons in case of disclosure of confidential information about investor and his transactions, etc. In this regard, author concludes that bills submitted to the State Duma of the Russian Federation require serious methodological refinement. Therefore, author works up proposals that will improve the quality of bills and the entire mechanism for the circulation of digital financial assets.

Keywords: digital economy, crypto currency, token, investor, qualified investor, operator of investment platform

Стремительное развитие современных цифровых технологий оказало масштабное влияние на развитие экономики. Государство не только поддерживает комплексное развитие цифровых достижений, но и способствует максимальному развитию нового стратегического направления право-

вой политики. В последнее время в юридической науке идут дискуссии о возможности применения в гражданском обороте криптовалюты (виртуальной валюты), которую совершенно логично можно рассматривать как продолжение модернизации цифровой экономики и цифровых технологий.

Можно констатировать, как отмечают И.И. Кучеров, И.А. Хаванова, ускорение процесса «дематериализации» денег, который сопровождается широким использованием альтернативных платежных средств – альткоинов, представленных так называемыми виртуальными валютами, а также криптовалют¹.

В отечественной правовой литературе нет единого мнения о том, что представляет собой гражданско-правовая природа криптовалюты? Какие механизмы правового регулирования необходимо использовать в процессе ее выпуска и оборота? Если криптовалюта – это объект гражданских правоотношений, то к какой известной категории она относится? Виртуальные деньги – это средство платежа или все-таки обмена?

Поэтому перед юридическим сообществом стоит глобальная задача определить суть криптовалюты, разработать эффективные механизмы ее правового регулирования. Указанные проблемы не могут быть разрешены на уровне одного государства, так как с технической стороны и цифровой природы криптовалют ответы на поставленные вопросы могут быть найдены только при тесном международном сотрудничестве².

Анализ международной практики показывает, что некоторые страны лишь информируют потребителей финансовых услуг о возможных экономических и юридических рисках в процессе ее применения, в целом не запрещая использование криптовалюты. Однако наше государство пошло по пути нормативного регулирования правоотношений по обороту криптовалюты, в связи с чем в Государственную Думу РФ были внесены законопроекты (законопроекта № 419059-7 и законопроекта № 419090-7), связанные с выпуском и оборотом виртуальных денег.

Предметом регулирования законопроекта № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» являются отношения, возникающие при создании, выпуске, хранении и обращении цифровых финансовых активов, а также осуществлении прав и исполнении обязанностей по смарт-контрактам. Законопроект № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинг)» направлен на регулирование отношений по привлечению инвестиций коммерческими организациями или индивидуальными предпринимателями с использованием информационных технологий посредством инвестиционных платформ, а также определяет правовые основы деятельности операторов инвестиционных платформ по организации розничного финансирования (краудфандинга).

¹ См.: Кучеров И.И., Хаванова И.А. Налоговые последствия использования альтернативных платежных средств (теоретико-правовые аспекты) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 35. С. 66–72.

² См.: Ситников Е.С. Правовой режим криптовалют в России // Юридические науки. 2018. № 13. С. 155–157.

В основании указанных законопроектов лежит принцип баланса частных и публичных интересов, который мы можем заметить, как, например, в создании распределенного реестра цифровых транзакций, разработка механизма осуществления контроля за деятельностью Операторов инвестиционных платформ, так и, например, в предоставлении возможности инвестору определить объем инвестиций, обменивать криптовалюту на рубли, иностранную валюту или иное имущество и т.д. Несмотря на наличие в законопроектах ряда положительных моментов, разработчиками, однако, допущены ряд ошибок и неточностей, на которые стоит обратить внимание. В пункте 1 ст. 3 «Особенности выпуска токенов» предусматривается, что приобретение токенов одного выпуска неквалифицированным инвестором может осуществляться на сумму не более 50 000 рублей.

Мы полагаем, что приведенное ограничение не совсем верно. Из пояснительной записки к законопроекту не усматривается, на основании каких аргументов была определена названная сумма. Если разработчики законопроекта использовали критерий «квалифицированный инвестор», который в соответствии с действующим законодательством вправе совершать сделки на сумму более 6 000 000 рублей (гл. 2 Указаний Банка России от 29 апреля 2015 г. № 3629-У «О признании лиц квалифицированными инвесторами и порядке ведения реестра лиц, признанных квалифицированными инвесторами»), то логично предположить, что «неквалифицированный инвестор» вправе совершать сделки до указанной суммы.

В положениях законопроекта, а именно в п. 1 ст. 4, не предусмотрено механизма правового регулирования оборота криптовалюты с участием иностранного субъекта. Так, например, осталось не раскрыто, каким образом должна регулироваться сделка, когда покупателем актива выступает российское юридическое лицо, а продавцом – иностранное юридическое лицо и покупка цифрового актива совершается на зарубежной площадке.

Нужно ли после покупки такого актива российской компании направлять уведомление Оператору обмена цифровых финансовых активов на территории России. Отметим, что практика, когда юридическое лицо, зарегистрированное в Российской Федерации, совершает определенные юридические действия за рубежом и при этом обязано уведомлять государственные органы в России, существует.

Таким примером может быть открытие или закрытие российским юридическим лицом счета в зарубежном банке, когда юридическое лицо обязано проинформировать налоговую инспекцию о своих действиях (ч. 2 ст. 12 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»). В законопроекте «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинг)» следует обратить внимание на некоторые недостатки.

Статья 2 под названием «Основные понятия» не раскрывает такие важные дефиниции, как, например, инвестор, квалифицированный инвестор, аккредитованный инвестор. Законопроект не проводит соотношения между названными определениями. Из законопроекта не следует, каким объемом прав и обязанностей обладает каждый из них? Несмотря на то, что в законодательстве есть определение квалифицированного инвестора (ст. 51.2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»), требования, которые предъявляются при определении его статуса, с учетом принятия ФЗ о краудфандинге, должны быть пересмотрены.

При этом существующее определение «квалифицированный инвестор» устарело и не соответствует потребностям современного развития цифровой экономики. В связи с этим одно из приоритетных направлений, которое стоит перед разработчиками законопроекта и в целом перед учеными-юристами, заключается в том, чтобы правильно сформулировать и закрепить в законопроекте названные определения.

При этом, принимая основные критерии, которые помогут определить юридический статус инвестора, нельзя исключать возможность инвестиционных платформ самостоятельно устанавливать дополнительные критерии к инвесторам. Кроме того, с учетом положений, предусмотренных Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», необходимо предусмотреть, что идентификации и аутентификации участников инвестиционной платформы осуществляется Оператором самостоятельно. Пункт 1 ст. 5 «Способы вложения инвестиций посредством инвестиционной платформы и ограничения инвестирования» предлагаем дополнить указанные в статье способы опционом в связи с тем, что в 2015 г. в ГК РФ были внесены изменения и дополнения, которыми была введена ст. 429.2 «Опцион на заключение договора» и ст. 429.3 «Опционный договор» (Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Несомненно, возможность использования опциона будет способствовать привлечению зарубежных инвесторов и их инвестиций. Стоит отметить, что не совсем верно предусматривать в статье законопроекта «исчерпывающие» способы инвестирования, так как, в первую очередь, ограничивается возможность Оператора инвестиционной платформы самостоятельно разрабатывать инвестиционные продукты и предлагать их инвесторам.

В пояснительной записке к законопроекту № 419090-7 не дается объяснения, каким образом был определен размер общей суммы инвестиций одного инвестора. Возможно, что разработчики законопроекта попытались использовать аналогию

правовой нормы по смыслу п. 2. ст. 11. ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации», которая предусматривает, что: «возмещение по вкладам в банке, в отношении которого наступил страховой случай, выплачивается вкладчику в размере 100 процентов от суммы вкладов в банке, но не более 1 400 000 рублей» (Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»).

Однако разработчики законопроекта могли исходить из того, что существуют квалифицированные и неквалифицированные инвесторы. На наш взгляд, указанное тоже требует дополнительного пояснения. Согласно п. 1 ст. 8 «Ответственность оператора инвестиционной платформы» предусматривает случаи, когда Оператор несет ответственность за убытки, причиненные участникам инвестиционной платформы.

При этом статья не дает никаких гарантий инвесторам, что в случае причинения убытков им действительно будут компенсированы соответствующие потери. Так, например, в случае объявления Оператора, у которого отсутствует имущество для покрытия требований кредиторов, банкротом кредиторы могут не получить никакого возмещения. В связи с этим кредиторы-инвесторы являются наиболее уязвимым звеном. Для того чтобы максимально защитить права инвесторов и при этом повысить уровень ответственности Операторов, необходимо ввести в законопроект положение о том, что привлекаемые инвестиции физических лиц подлежат обязательному государственному страхованию.

В указанной норме следует предусмотреть механизм страхования по аналогии со страхованием банковских вкладов физических лиц, которое осуществляет Агентство по страхованию вкладов, когда в случае наступления страхового случая физические лица могут получить возмещение на сумму до 1 400 000 рублей. Осуществлять страхование необходимо из критерия «квалифицированный и неквалифицированный инвестор», исходя из специфики деятельности краудфандинга.

Кроме того, п. 2 ст. 8 предусматривает, что: «Оператор инвестиционной платформы не отвечает перед инвесторами по обязательствам лица, привлекающего инвестиции». Приведенная формулировка направлена на защиту Операторов от возможных действий иных лиц, которые *de jure* привлекают инвестиции. Вместе с тем говорить о снижении уровня ответственности Оператора, на наш взгляд, не представляется возможным.

Если допустить такую ситуацию, то на рынке краудфандинга могут появиться мошенники или иные недобропорядочные субъекты гражданского права, основная цель которых будет заключаться только в том, чтобы не выполнить свои обязательства, а получить денежные средства или имущественные права инвестора.

На наш взгляд, необходимо предоставление Оператору безотзывной банковской гарантии на сумму размера привлекаемых инвестиций в целях повышения безопасности взаимодействия между Оператором и лицом, привлекающим инвестиции. Введение указанной модели максимально снизит риск Оператора от «проблемных» инвестиционных продуктов. Также нельзя ограничивать право Оператора самостоятельно устанавливать дополнительные требования к лицам, привлекающим инвестиции. В соответствии со ст. 14 «Полномочия Банка России» Банк осуществляет контроль над деятельностью Операторов. В связи с чем Банк России:

1) ведет реестр операторов инвестиционных платформ, определяет порядок ведения такого реестра, состав включаемых в него сведений;

2) проводит проверки деятельности операторов инвестиционных платформ в установленном им порядке;

3) направляет операторам инвестиционных платформ обязательные для исполнения предписания об устранении выявленных нарушений и т.д. Несмотря на принятые меры контроля, в названной статье, также как и в целом по всему тексту законопроекта, отсутствует требование о том, чтобы Оператор входил в саморегулируемую организацию (СРО). Мы полагаем, что в связи с отсутствием лицензирования деятельности краудфандинга (по причине того, что он не относится к финансовому рынку) необходимо предусмотреть обязанность Операторов инвестиционных платформ образовывать СРО.

Указанные организации нужны для разработки стандартов и правил краудфандинговой деятельности, а также в процессе осуществления контроля над соблюдением принятых требований стандартов и правил (п. 2 ст. 2 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»).

В заключение стоит отметить, что в законопроекте отсутствуют положения о защите интересов

инвестора от разглашения конфиденциальной информации. Оператор инвестиционной платформы так же, как и лицо, привлекающее инвестиции, обязан гарантировать инвестору тайну о проводимых им операциях, о его персональных данных, счетах, способах и условиях инвестирования. На наш взгляд, указанная информация должна быть приравнена к банковской тайне.

В связи с этим следует установить административную, уголовную и гражданско-правовую ответственность за ее разглашение Оператором инвестиционной платформы и (или) лицом, привлекающим инвестиции. Кроме названных, стоит отметить законопроект «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации».

Указанный официальный документ предлагает ввести в гражданское законодательство понятия «цифровое право» и «цифровые деньги». Стоит обратить внимание, что ст. 1 законопроекта предусматривает: «Цифровые деньги... в случаях и на условиях, установленных законом, могут использоваться физическими и юридическими лицами в качестве платежного средства». Следовательно, законопроект фактически уравнивает статус криптовалюты со статусом платежного средства.

Указанное положение недопустимо, так как это противоречит нормам конституционного и гражданского законодательства о том, что законным платежным средством является рубль, и введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются. Указанный законопроект следует доработать с учетом понятийного аппарата и правовых положений других вышеназванных законопроектов. Подводя итог вышеизложенному, отметим, что представленные в Государственную Думу РФ законопроекты нуждаются в обстоятельной методологической доработке прежде всего в целях защиты прав и интересов инвесторов и повышения уровня ответственности Операторов инвестиционных платформ и лиц, привлекающих инвестиции разработать.

А.Г. Кунец,

*научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения правовой информатизации управления правовой информатизации Национального центра правовой информации Республики Беларусь, магистр юридических наук, аспирант кафедры конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета
e-mail: nastia.kunets@gmail.com*

СУЩНОСТНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГЕНЕЗИСА ПОНЯТИЯ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО»

Аннотация: в данной статье автором осуществляется анализ генезиса понятия информационного общества на основе предложенной авторской классификации подходов к пониманию информационного общества, основанной на анализе экономических трансформаций, происходящих в постиндустриальном обществе, а также на возрастающей роли и трансформирующемся значении информации в общественных отношениях. Подобная классификация направлена на систематизирование существующих разрозненных и зачастую мозаичных исследований, посвященных данной проблематике, фрагментарно отражающих различные подходы понимания информационного общества. Также автором обращается внимание на невозможность описывать происходящие трансформационные процессы в обществе посредством устаревшего терминологического аппарата.

Ключевые слова: информационное общество, классификация концепций, постиндустриальное общество, общество знаний, сетевое общество.

A. H. Kunets,

*research officer of the Scientific and Methodological Department of Legal Informatization of the Legal Informatization Department of the National center of legal information of the Republic of Belarus, LL.M., Doctoral student of the Constitutional Law Department of the Faculty of Law of the Belarusian State University
e-mail: nastia.kunets@gmail.com*

ESSENTIAL BACKGROUND OF THE GENESIS OF NOTION "INFORMATION SOCIETY"

Annotation: In this article, the author analyses the genesis and the background of the concept of the information society based on the author's classification of approaches to understanding this notion, based on the analysis of economic transformations taking place in the post-industrial society, as well as on the increasing role and transformative importance of information in public relations. Such classification seeks to systematize existing mosaic research on the subject, reflecting some fragmented approaches to the understanding the information society. The author also draws attention to the inability to describe the ongoing transformational processes in society through an outdated terminology apparatus.

Keywords: information society, classification of concepts, post-industrial society, knowledge society, network society.

Информация как предмет отношений известна столь же давно, как и сами человеческие отношения. С течением научно-технического прогресса, распространением процессов информатизации и цифровизации информация начала выступать как самостоятельный ресурс и фигурировать в качестве товара и объекта работ и услуг. Подобные процессы способствовали смене природы информации и ее научному переосмыслению. Взаимоотношения общества и новейших технологий стало полноценным объектом научных исследований. Однако специфика современной ситуации заключается в том, что изменения в информационной индустрии столь стремительны и обладают масштабным действием,

что приходится одновременно изучать процессы как на эмпирическом, так и теоретическом уровнях. Как справедливо отмечает С.И. Мелюхин, многие перспективные направления развития информационного общества сегодня лишь намечаются, однако они настолько быстро могут воплотиться в жизнь, что времени для ожидания, пока они окончательно оформятся, нет, так как можно будет оказаться за бортом не только технологического прогресса, но трансформации правового регулирования зарождающихся общественных отношений¹.

¹ См.: Мелюхин И.С. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М.: Изд-во Моск. ун-

Поэтому несмотря на общую проработку, в новом тысячелетии идея информационного общества выдвигается в качестве универсальной идеологии в условиях глобализации, отражая нарастание проблем, прежде всего, социально-экономических. Принимаются национальные и международные декларации и программы, проводятся исследования с целью обоснования практических шагов правительств и мирового сообщества по поддержанию стабильности в новых условиях цифровой трансформации¹.

В настоящее время информация представляет собой самостоятельную предметную область исследований и правового регулирования.

Научная новизна данного исследования состоит в том, что оно представляет собой первое междисциплинарное исследование, посвященное теоретическим и практическим основам непосредственного участия граждан в управлении государством в условиях цифровой трансформации общества. В свою очередь цифровая трансформация государственного управления, включая переход к электронному правительству, является комплексным объектом исследования, область изучения проблематики создания и функционирования которой носит междисциплинарный характер, так как лежит одновременно в областях исследования нескольких отраслей юридических наук (таких как конституционное право, информационное право), а также политологии, социологии, информатики и кибернетики.

В доктрине различные аспекты информационного общества анализировались в трудах М.С. Абламейко, Н.В. Аниськович, В.В. Анищенко, М.К. Булова, Г.А. Василевич, В.Н. Венгерова, Н.Н. Довнар, С.Н. Князев, А.А. Лазаревича, Н.В. Литвак, И.С. Мелюхина, Г.Н. Науменко, В.В. Познякова, А.Е. Саликова, М.А. Федотова, В.Г. Федотовой, А.В. Ханкевич, Д.И. Широконова, С.Ю. Янковской, Л. Лессиг.

Однако несмотря на широкую разработку проблематики содержания понятия «информационное общество» на данный момент не существует его общепризнанного определения. При всем существующем разнообразии подходов к пониманию информационного общества, разработанные в доктрине подходы основываются либо на терминологических предпосылках происхождения данного термина, что по нашему мнению ограничивает междисциплинарное понимание данного понятия, либо они основываются на содержательных категориях, связанных с ростом значения и роли информации и знаний в современном обществе (И. Винер, Д. Дюбарль, К. Шеннон). Многие исследователи предпринимали попытки классифицировать научные подходы к пониманию информационного общества (В.В. Анищенко, Ю.Р. Вольсон, А.Е. Вольчина, Н.В. Литвак, А.В. Ханкевич).

та, 1999.

¹ См.: Литвак Н.В. К вопросу о классификации концепций информационного общества // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 3–12.

В рамках данной научной работы мы обратим наше внимание на генезис концепций информационного общества, основанный на авторской классификации подходов к пониманию информационного общества, которая представляет собой разделение доктринальных подходов на: постиндустриальную концепцию, концепцию «общества знаний», истинно информационную концепцию, а также концепцию сетевого общества.

1. Постиндустриальная концепция

Предпосылки концепции информационного общества были заложены еще в начале XX в. В 1914–1916 гг. академик В.И. Вернадский озложил основы учения о ноосфере, представляющей собой качественно новый этап эволюции биосферы, определяемый историческим развитием человечества, его трудом и разумом².

В середине XX в. в работах экономиста К. Кларка³ и социолога Ж. Фурастье⁴ были предсказаны рост доли третичного сектора экономики по сравнению с первичным и вторичным как в совокупной рабочей силе, так и в структуре валового национального продукта⁵. Таким образом, уже к началу 60-х гг. сформировались важнейшие методологические основы, позволяющие рассмотреть становление нового состояния общества с позиции отхода от традиционного индустриализма и развития экономики услуг, сопряженного с повышением влияния нового класса квалифицированных профессиональных менеджеров и технократов и качественным изменением места теоретического знания и информации в общественном производстве. Подобным образом постиндустриальное развитие общества становится инструментом социального прогнозирования с учетом динамичного развития и специализации производства, механизмом преобразования общественных отношений нового общества.

В 1973 г. американским социологом Д. Беллом была выдвинута концепция перехода западного общества, характеризуемого как «индустриальное общество», в постиндустриальную стадию, получившую название постиндустриального общества (далее – ПИО)⁶. Что касается понятия «информационное общество», то в своей работе Д. Белл рассмотрел многие его черты, которые через два десятилетия действительно проявились, однако сам термин так и не был расшифрован. Причиной

² См.: Рассолов И.М. Информационное право: учебник и практикум для академического бакалавриата. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016.

³ См.: Clark C. The Conditions of Economic Progress // London Macmillan, 1957.

⁴ См.: Fourastié J. Le grand espoir du XX siècle // Presses Universitaires de France, 1949.

⁵ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования: пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. М.: Academia, 2004.

⁶ См.: Шапцев В.А., Бидуля Ю.В. Теория информации. Теоретические основы создания информационного общества: учеб. пособие для вузов; Тюм. гос. ун-т. М.: Юрайт, 2016.

тому, по мнению В.Г. Федотовой, является терминологическая неразработанность сути определений «доиндустриальное общество» и «постиндустриальное общество», так как в отношении последнего определения очевиден лишь факт того, что приставка «пост-» лишь семантически указывает на тот факт, что это общество, которое приходит вслед за индустриальным¹.

Работа по изучению формирующегося на базе ПИО общественного строя была проведена в трудах французского социолога А. Турена, обозначившего зарождающееся новое общество как «программируемое» общество². Впоследствии стало достаточно очевидным, что в русле этого подхода наиболее популярными будут понятия, так или иначе связанные с указанием на новую технологическую и информационную природу современного общества³.

2. Концепция «общества знаний»

В отношении авторства и первого употребления термина «информационное общество» у современных исследователей нет единства: лавры первенства присваиваются поочередно либо представителям американской науки (Ф. Махлупу, Д. Беллу)⁴, либо идеологами «информационного общества» провозглашают представителей японской научной мысли (Ю. Хаяши, Й. Масуда, Т. Умесао)⁵. Следует отметить, что предпосылкой работ американцев и японцев послужило осознание особой важности сбора, обработки и последующего использования информации в условиях быстро развивающегося научно-технического прогресса, стимулируемого двумя основными факторами: гонкой вооружений и торгово-промышленной конкуренцией в послевоенной конфигурации мира⁶.

В данной связи, следует отметить, что ссылки на первое упоминание термина «информационное общество» в работе Ф. Махлупа «Производство и распределение знания в США»⁷ (1962 г.) являются не полностью верными. В рамках своего исследования Ф. Махлуп исследовал научно-технический прогресс в контексте развития наукоемких производств, капитализации знаний и образования в конкретной исторической обстановке. В своих научных исследованиях Ф. Махлуп разрабатывал концепт «знаниевое производство» (англ. *knowledge production*). Посредством анализа 30

¹ См.: Федотова В.Г. Информационное общество. URL: <http://iph.ras.ru/page46589323.htm> (дата обращения: 27.05.2019).

² См.: Touraine A. La société postindustrielle. Paris, 1969.

³ См.: Белл Д. Указ. соч.

⁴ См.: Мелюхин И.С. Указ. соч.

⁵ См.: Kasperkiewicz W. The concept of an information society in the european union. Acta universitatis lodziensis. Folia oeconomica 182, 2004. PP. 309–318.

⁶ См.: Лумвак Н.В. Указ. соч.

⁷ См.: Machlup F. The Production and Distribution of Knowledge in the United States. URL: <https://www.mises.at/static/literatur/Buch/machlup-production-and-distribution-of-knowledge-in-the-us.pdf> (date of access: 20.06.2019).

отраслей производства он вывел структуру «знаниевого общества», объединяющими элементами которого явились образование, наука и средства массовой информации. Исследования проведенные Ф. Махлупом послужили отправной точкой для последующего исследований, использующих «информационную» терминологию и посвященных социально-экономическим, политическим, психологическим, коммуникационным вопросам. Так теория «знаниевого общества» была дополнена положениями исследователей⁸, которые обозначили современный социум, отталкиваясь от постоянно возрастающего количества информации и знаний, и взаимосвязанного последующего стремительного технического прогресса, который, с одной стороны упростил интеракцию между широким перечнем субъектов, а с другой стороны обнажил многочисленные противоречия⁹: обработка больших массивов данных, избыточность сбора данных, цифровое неравенство, киберпреступность и терроризм, шпионаж и т.п.

Таким образом, «знаниевая» концепция Ф. Махлупа позволила сформировать базисное понимание ключевой роли знаний и информации для описания экономических и социальных изменений, произошедших во второй половине XX в. Однако в контексте новых вызовов современному мировому порядку ни постиндустриальная, ни «знаниевая» концепции информационного общества не обладают необходимым инструментарием для разрешения проблемных ситуаций. Как справедливо отмечает Л.З. Карвалиц, в контексте формирования сложных массивов информации, потребности в обеспечении ее безопасности, информационной трансформации традиционных отраслей производства понятийный аппарат постиндустриальной эпохи стали более непригодны для использования в области анализа и прогнозирования последующего развития и усложнения информационных отношений в обществе, государстве и экономике¹⁰.

3. Истинно информационная концепция

Термин «информационное общество» в том виде, в котором оно используется в настоящее время, впервые появилось в японской науке в начале 60-х гг. XX в. Японская версия термина (яп. *joho shakai, johoka shakai*) впервые была использована в 1961 г. в интервью Кисе Курокавой, выдающимся японским архитектором, и Тудао Умесао, известным историком и антропологом. В печати термин «ин-

⁸ См.: Lane R.E. The Decline of Politics and Ideology in the Knowledgeable Society // American Sociological Review, 1966. Vol. 31. P. 649–662; Dickson D. The New Politics of Science. N.Y., 1984. P. 163–216; Sakaiya T. The Knowledge-Value Revolution or A History of the Future. Tokyo; N.Y., 1991. P. 57–58, 267–287.

⁹ См.: Лумвак Н.В. Указ. соч. С. 3–12.

¹⁰ См.: Karvalics L.Z. Information Society – what is it exactly? The meaning, history and conceptual framework of an expression. Budapest, 2007.

формационное общество» появился в письменных текстах как название исследования, опубликованного в январе 1964 г.¹ В последующие несколько лет в Японии также были опубликованы несколько книг на подобную тематику: в 1968 г. – «Введение в информационное общество», книга Енеджи Масуды и Кониичи Кохимы, в 1969 г. – бестселлер Юджи-ро Хаяси «Информационное общество: от трудного к мягкому обществу».

Достоянием научной общественности термин «информационное общество» стал в 1972 г., когда японский социолог и футуролог Е. Масуда представил на обсуждение доклад под названием «План информационного общества – национальная цель к 2000». После презентации данного доклада публично термин «информационное общество» уже в английском варианте получил общемировое распространение. В 1980 г. представленный Е. Масуда план был расширен и издан в виде книги «Информационное общество как постиндустриальное общество»².

В рамках концепции Е. Масуды феномен информатизации общества был подвергнут глубокому философскому анализу. Е. Масуда рассматривал компьютерные, информационные технологии как основу будущего общественного устройства, подчеркивая доминирующую роль умственного труда в производственных отношениях, направленных не на производство как таковое, а на систематизацию информации. Отдельное внимание в исследовании Е. Масуда уделил перспективам развития информационной промышленности и инфраструктуре Японии. Также Е. Масуда настаивал на ключевой роли инноваций в информационных технологиях как скрытой силы социальной трансформации, которая выражается в радикальном увеличении количества и качества информации, а также в возрастании объемов ее обмена информацией³. Е. Масуда первым из ученых выделил особые характеристики информатизации, легшие в основу современных концепций информатизации:

- 1) информация является неделимой и не исчезает при потреблении;
- 2) качество и ценность информации повышается по мере прироста новых данных;
- 3) информация представляет собой знание нового типа, формирующее новые организационные, правовые и технологические структуры современного общества.

Таким образом, Е. Масуда заложил основу современного понимания концепции информационного общества, выделив информатизацию и компьютеризацию как отдельные сферы в развитии обще-

ства, за что Е. Масуда зачастую называют «отцом информационного общества»⁴.

4. Концепция сетевого общества

На смену информационному обществу, продуктивность которого определяется информационным сектором в большей мере, чем производственным сектором и сферой услуг⁵, приходит цифровое общество, основывающееся на технических предпосылках одновременно сбора, обработки, хранения и предоставления информации. «Информационная революция» стала прежде всего результатом слияния мира вычислений и мира связи, технологий обработки и технологий передачи информации, о чем в частности писал еще Д. Белл⁶.

Постоянный технологический процесс сопровождается не только неустанной модификацией портативных устройств (компьютеров, планшетов, сотовых телефонов), но и созданием трансграничного и непрерывного потока информации. Информация теперь отныне не просто собирается и хранится на определенном сервере, компьютере, она постоянно перемещается. По нашему мнению информация более не характеризуется только ее количеством, неотъемлемыми характеристиками информации являются: доступность информации, целостность, актуальность информации, а также ее конфиденциальность.

Как справедливо отмечает Я. Ван Дейк в контексте цифровой трансформации информационное общество представляет собой не только смену содержания видов деятельности и процессов в современном обществе, но и смену организационных форм и структур данного общества⁷. Новой характеристикой информационного общества становится его пространственное распределение и сетевая структура, обеспечивающая его функционирование⁸. Таким образом, за счет отсутствия единого центра и вертикали власти, широкого использования информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении обеспечивается непосредственная, открытая коммуникация как между гражданами, так и между гражданами и государственными органами. Подобный переход представляет собой сетевое общество, основанное на открытости информации, вовлеченности граждан в процессы информатизации, развития цифровой экономики.

⁴ См.: *Curtiss A.* 1984 Redux: Say Hello to Big Brother; USA, Author-House, 2011.

⁵ См.: *Шанцев В.А., Бидуля Ю.В.* Теория информации. Теоретические основы создания информационного общества: учеб. пособие для вузов; Тюм. гос. ун-т. М.: Юрайт, 2016. С. 17.

⁶ См.: *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / под ред. П.С. Гуревича. М., 1986.

⁷ См.: *Johannes A.G.M. van Dijk.* A theory of the digital divide. Routledge, 2013. P. 29–51.

⁸ См.: *Паршин П.Б.* Глобальное информационное общество и мировая политика // Аналитические доклады. М., 2009. № 2 (23).

На основании изложенного выше, мы можем сделать вывод, что присутствует определенная неоднозначность в классификации концепций информационного общества, связанная с разнообразием доктринальных подходов к процессам информатизации. Как видно из проведенного исследования большинство научных подходов основывают свое понимание информационного общества на положениях постиндустриального развития общества

и экономического сектора (постиндустриальная концепция), в последствии объясняя экономическое развитие ростом третичного сектора экономики (концепция «общества знаний»), иные же ученые концентрировали свое внимание на технологических аспектах информатизации (истинно информационная концепция), а также на сетевом аспекте информационных трансформаций (концепция сетевого общества).

Radim Chalupa,

*JUDr., Ph.D., Assistant Professor Faculty of Law, Masaryk University, Brno, Czech Republic
e-mail: radim.chalupa.ak@gmail.com*

ELECTRONIZATION OF THE CZECH JUDICIARY

Anotation: to a large extent and quickly emerging information and communication technologies are being promoted in all aspects of the lives of people and society, so it is not surprising that it penetrates the exercise of judicial power and the functioning of the judiciary. Author focuses on the directions and areas, in which the penetration of the information technology into the work of the Czech judiciary is manifested especially and evaluates current status of the process of electronizing of the Czech judiciary.

Keywords: electronization, judiciary, payment order, voice-record, videoconferencing, registers of persons, insolvency register, data mailboxes.

Р. Халупа,

*к.ю.н., доцент юридического факультета Университет Масарика (Брно, Чехия)
e-mail: radim.chalupa.ak@gmail.com*

ЭЛЕКТРОНИЗАЦИЯ ЧЕШСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация: в значительной степени и быстро формирующиеся информационно-коммуникационные технологии внедряются во все сферы жизни людей и общества, поэтому неудивительно, что они проникают в сферу осуществления судебной власти и функционирования судебной системы. Автор акцентирует внимание на направлениях, в которых особенно проявляется проникновение информационных технологий в работу чешской судебной системы, и оценивает современное состояние процесса электронизации чешской судебной системы.

Ключевые слова: электронизация, судебная власть, платежное поручение, голосовая запись, видеоконференцсвязь, реестры лиц, реестр неплатежеспособности, почтовые ящики данных.

Technology development and the enormous increase in the requirement for the capacity of the judiciary lead to an attempt to adapt the functioning of the justice system of modern society. One of the manifestations of penetration of information technology into the judiciary is the electronization of judiciary.

Electronization of the Judiciary

The penetration of the information technology into the work of the Czech judiciary is manifested especially in the following directions and areas:

- possibility to issue an electronic payment order,
- possibility to voice-record a hearing before judge,
- the introduction of the possibility of conducting court proceedings in the form of videoconferencing,
- running the official Justice.cz information server,
- electronic registers of persons,
- electronic insolvency register and conducting of the electronic insolvency proceedings,
- electronic files,
- delivery of documents via «data mailboxes».

Electronization of the payment order proceedings

An electronic payment order is a decision of the court that is issued in the order. An electronic payment order has so many common features with a simple payment order that it cannot be considered as a separate (unique) form of a decision. It is therefore a decision that can be described as a kind of (simple) payment order.

Legal regime of the electronic payment orders

Electronic payment order is regulated in the provisions of Section 174a of the Code of Civil Procedure (procedural code governing the disputed proceedings in the Czech Republic). The law determines: 5 positive and 3 negative conditions for issuing an electronic payment order.

The court shall grant the claimed entitlement by electronic payment order:

- a) if the claim is claimed for payment of a sum of money,
 - b) if the claim arises from the facts relied on by the applicant,
 - c) where the application is submitted electronically on a special form,
 - d) where the form is signed by a recognized electronic signature,
 - e) if the request contains an express request for the court to decide by an electronic payment order.
- Decisions by an electronic payment order is impossible if:
- f) the stay of the defendant is unknown,
 - g) is to be served to the defendant abroad,
 - h) the plaintiff claims a claim exceeding CZK 1 million.

The State motivates creditors to use electronic payment order proceeding at a reduced court fee rate. Submission of a motion to initiate proceedings for an electronic payment order is subject to a court fee of 4 % of

the claimed sum of money (in the case of „ordinary» proceedings, the court fee is 5 % of the sum).

A court will order a hearing and will continue in proceedings if an electronic payment order would not be issued or would be cancelled.

A general view on the electronic payment order proceedings

The implementation of the electronic payment order into the Czech civil procedure must be seen in two levels – from the point of view of the legal regulation of the proceedings and the prism of the technical equipment of the courts.

From the point of view of the legal regulation, it is much more appropriate for the electronic payment order proceedings to use the form of proceedings which is dispensed with by the necessity to allege the facts and prove the facts. In this kind of proceedings, the applicant claims (in an action) only the legal title of the claim. In the proceedings so drafted, the claim can be awarded almost automatically without an inger of the judge.

Effectiveness of the payment order proceedings is fully dependent on the ability of the court to transform the content of an electronic form into a payment order without the direct ingenuation of a human, or the ability to control the admissibility of the claim, the admissibility and the relevance in the electronic action of the said legal title of the claim; this latter aspect is applicable only in electronic commemorative proceedings (in proceedings in which the claimant does not have to state the facts and the court does not have to assess whether the claim is existent).

The third aspect of the efficient electronization of specific electronic proceedings is the electronic delivery of an electronic payment order. Electronization of the proceeding is incomplete if the court system is forced to print and deliver the electronic payment order generated by the system in the usual paper form. In the Czech Republic, the possibility of electronic delivery of court decisions is made possible by the establishment of data mailboxes designed for authorized delivery (dispatch and receipt) of the official documents. Just briefly: not all the parties to the proceedings have the data mailboxes available, so the functionality of this electronic order proceedings depends on the fact that the parties have a data mailbox and whether they are represented by a lawyer (lawyers have a data mailbox obligatory).

Currently, the process of processing information from an electronic action into an electronic payment order is automated, the text of an electronic payment order is generated by the transmission of the applicant's electronic submission. The current state of the processing of proposals for issuing electronic payment orders is such that the application for the payment order is filled in an electronic form by the claimant and sent with a secured electronic signature to the court, while the system reports any missing details in the proposal. After processing of the action and paying a court fee, the court generates a payment order and sends it again electronically (possibly the so-called hybrid) to the defendant. If the defendant does not have a data mailbox to which the

electronic payment order can be delivered, the court delivers the so-called hybrid mail. Hybrid mail is delivered by sending the electronic document to the postal service provider who prints it and delivers it to the addressee in the paper form.

Transforming the electronic file management of these electronic payment order proceedings is in the phase just before completion. Fully computerized is the agenda of keeping files in the electronic payment order proceedings at 5 courts, at all other courts the electronic version of the file agenda is currently being implemented.

Audio records of the court hearings

Procedural rules¹ already demand that a hearing is recorded with audio recording equipment. Although this rule has been in force for a number of years, the cabinets are rarely equipped with recording devices. Consequently, the usual practice is that the recorded acts are minimal and the conduct is still logged (either through the dictatorship of a court recorder or through a dictaphone).

Recording of a hearing substantially accelerates the course of the hearing and guarantees a fair, complete and undistorted reproduction of the course of the hearing. Replacing the logging of court proceedings by making a voice record represents a significant step towards the efficiency and fairness of the proceedings, as it speeds up negotiations by avoiding delays in the proceedings caused by the logging and eliminates the inaccuracies that usually arise in the dictation protocol. Records of a hearing are conducted on CDs and parties may request a copy of the CD containing the record of the hearing (at a reasonable fee) at the information center of the court which conducts the proceedings.

Court hearing in the form of videoconference

The Code of Civil Procedure as a procedural law allows to conduct court hearings via videoconference. The technical background of the courts makes this form of the court hearings only exceptionally, as there is not many courtrooms equipped with the video transmission devices.

The court hearing in the form of videoconferencing is usually conducted due to the complicated way of a witness to the hearing. For example, cases where a witness is in custody, because securing video transmission of witness testimony is often easier than securing a witness escort to the courtroom.

Justice.cz – Official Information server of the Czech judiciary

On the website www.justice.cz, anyone can find information about ongoing court proceedings (including information whether a hearing is ordered, what is the name of the judge hearing the case and also the names of the persons between whom the proceedings are conducted), in courts of all levels, inspect the official record of the Ministry of Justice, courts and prosecutors' offic-

¹ Section 40 of Act No. 99/1963 (Code of Civil Procedure) states that "acts in which the court acts with the parties, does proving or issue a decision shall be recorded in the form of a sound or a phonogram ("record"). The record is kept on a permanent data carrier that is part of the file documents".

es, obtain contacts of the courts and prosecution offices, and also obtain published decisions of the supreme courts of the Czech Republic as well as the Constitutional Court's decision. It is also possible to search the portal in public registers and obtain information from insolvency proceedings.

Even after entering the relevant data, it is not possible to obtain specific information about the proceedings (for example, what kind of proceedings it is – for payment of money or divorce proceedings etc.) nor information about identity of subjects of the proceedings or the name of the judge in the proceedings.

Personal registers

The Commercial Register

The Commercial Register is a public register in which the following entities are legally registered:

- a) commercial companies and cooperatives (business corporations);
- b) natural persons who are entrepreneurs residing in the Czech Republic and applying for registration;
- c) natural persons who are entrepreneurs and reside in the territory of the EU and who carry on business in the Czech Republic and apply for registration;
- d) other persons if the obligation of their registration stipulates a law.

In the Commercial Register, the information on above mentioned entities can be found. This is all relevant information about a legal entity, for example:

- the name and registered office or address of the place of stay or, where applicable, the place of residence, if are different from the address of the place of residence,
- the subject-matter of business or business, or the purpose of the person,
- the legal form of a legal person,
- the date of the establishment and termination of a legal entity,
- the identification number of the person assigned to the registered person by the Registry, and many others.

The Commercial Register is always kept by the competent court of registry, which is always the regional court according to the seat or place of business of the registered entity.

A part of the public register is the Collection of Documents, in which there are law documents related to the business activity of registered entities, namely: – the founding legal acts of a legal entity and a status if there is any,

- a decision on election or appointment, revocation or proof of another termination of the duties of persons who are members of the statutory body, liquidator, insolvency administrator or head of the branch,
- annual reports, ordinary, extraordinary and consolidated financial statements,
- the decision to abolish a legal person, and many others.

The collection of documents is currently being electronized and documents are accepted in electronic form only. The collection of documents is also available electronically, which means that all the documents

stored in it can be viewed through the public data network.

Other registers of persons

In addition to the Commercial Register, other special registers are established in the Czech Republic. These are the following registers for the purpose of recording:

- an association register; association records,
- a foundation register; evidence of foundations and foundation funds,
- a register of institutes; records of institutes,
- a register of the owners' associations; records of the owners' associations,
- a register of public service companies; records of the public service companies,
- a register of trust funds; records of trust funds.

Common information on persons' registers

The issue of these registers as well as the Commercial Register is regulated by the Act No. 304/2013 Coll., on public registers of legal and natural persons (entities).

All listed registers and the data recorded therein (except for the information contained in the register of trust funds) are freely available through the public data network (the Internet) and anyone can view and extract from them, including documents included in the Collection of Documents. In public registers, information can be searched both with current validity and backwards. The search in all public registers is done electronically via the Justice.cz portal.

Everyone can look at the register and extract extracts from it; without requiring official listings, anyone can do this through the public data network. The law also allows the issuance of a certified outputs from the register, which is a public document, and certifies that the register of a certain fact at the date of the extract was included. Also, obtaining authenticated outputs from the registry can be done by remote access through a wide network of the authorized interfaces. Verified outputs from the registers are provided by places of public administration «Czech point» – most often offices of municipalities, towns and regions, notaries and Czech Post.

Insolvency Register and Electronization of the Insolvency Proceedings

In this register, after submitting the name of the subject, the name of the person or the IR, the complete files are available, i.e.:

- all submissions,
- all court decisions, which were made in specific insolvency proceedings,
- as well as any documents based on the file, both in the proceedings in progress and in the proceedings already legally terminated.

Information that is subject to the Personal Data Protection Act, such as the date of birth and residence of persons other than the debtor, are not published in this register in individual submissions (the details are tinted on individual documents in such a way that they are not legible).

The insolvency register therefore contains all the documents in the proceedings that are in the proceedings, ie from the insolvency proposal, through

individual statements of the debtor and creditors, receivables, insolvency administrator's reports, of course the court's ruling in the proceeding, as well as all documents from potential incidents disputes.

The insolvency register is fully electronized. The files that are filed for individual insolvency proceedings are electronized (not fully, because there are parallel paper writings). Insolvency proceedings can also be considered as electrified.

As a negative aspect of the electronized insolvency proceedings, I consider the fact that the insolvency proceedings files are accessible to everyone in the insolvency register without any restrictions. All information about the debtor's liabilities, economic situation and assets is disclosed in the Insolvency Register and is accessible through remote access through the public data network.

Electronic files

The widespread management of the file agenda in the form of electronic files is yet to be improved. However, there is a functional pilot project on electronic file management in the Czech judiciary. In the Czech Republic, the transfer of the electronic agenda of electronic orders to all courts is currently being carried out in a fully electronic form without the current «paper file». This project started in the Czech Republic at five courts and, as it proved, the introduction of this system is also underway at all other courts in the Czech Republic. Data protection against loss is accomplished by duplicate files management on two independent servers.

Data mailboxes

One of the beneficial elements of the electronization of justice lies in the implementation of the possibility of a court to the communication with some parties (with legal persons and lawyers exceptionally) and court participants through data mailboxes. The regulation of this communication channel was incorporated into the legal system by the Act No. 300/2008 Coll., on Electronic Actions and Authorized Document Conversion. Data mailboxes allow

- providing courts with this effective way to the courts if they have a data mailbox established (lawyers and legal entities have data mailboxes set up obligatory),
- possibility of the parties to submit notions to the courts (of course also to other state authorities) in an electronic form of filing, which significantly facilitates and streamlines official electronic communication with courts by connecting to the Internet.

The existence of data mailboxes can be considered one of the most successful expressions of electronization of justice. Data mailboxes allow easy authorized communications with the courts (and other state authorities) without the need to use a secured electronic signature.

The legislator also responded to the establishment of data mailboxes by modifying procedural rules. In the field of civil procedural law, this is another duty of the court to deliver documents primarily through data boxes, unless the document can be served during a procedural act.

For example, the relatively small amount of portable data (particularly when multiple attachments need to be attached) can be identified as a disadvantage of data boxes.

Conclusion

(Not only in terms of the Czech Republic), a step that offers a number of benefits to both parties and the public, and for the courts themselves and, in particular, improving the functioning of the judicial system, which has only been partially implemented in the Czech Republic.

Completed (or almost completed) steps towards electronicising justice can be considered as the introduction of electronic payment orders and insolvency proceedings, the operation of the official Justice.cz information portal of Justice.cz and the operation of registers of persons and insolvency restrictions. I also perceive the delivery of documents by data mailboxes as a good element of the electronization of judiciary.

The widespread introduction of electronic files is no longer in the infancy, but a long way to go is still to be achieved. Likewise, making voice records from court hearings has not gone far enough. With the exception of insolvency proceedings, there is only a stage of preparation for the introduction of the possibility of remote viewing of files.

I find the process of electronizing of the Czech judiciary as well started, with some tangible results. Due to the extremely rapid development of information and communication technologies, the process of electronization of justice will never be considered complete as scientific and technological progress will always open up new opportunities and create new challenges.

Д.П. Суровягин,

к. филос. н., доцент кафедры философии Саратовской государственной юридической академии, магистрант факультета компьютерных наук и информационных технологий Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
e-mail: surovayagin@hotmail.com

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОБРАБОТКА ТЕКСТОВ С ПОМОЩЬЮ ГЛУБОКИХ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ*

Аннотация: обработка естественного языка является одной из ключевых областей применения искусственного интеллекта. Глубокое обучение нейронной сети – это вариант машинного обучения, где модели представлены длинными цепочками геометрических функций, применяемых друг за другом. Сегодня модели глубокого обучения для обработки последовательностей способны на основе текста формировать понимание естественного языка в простейшей форме, достаточной для таких применений, как классификация документов, анализ эмоциональной окраски, идентификация автора и получение ответов на вопросы. В статье выделяются и классифицируются разрешимые на сегодняшний день задачи в области обработки естественного языка (синтаксические, семантические и генеративные), а также обсуждаются проблемы использования искусственного интеллекта для восприятия и анализа текстовой информации. В заключение рассматривается возможность использования рекуррентных нейронных сетей для анализа глобальной протяженной структуры текстов и решения сложных задач обработки естественного языка.

Ключевые слова: искусственный интеллект, глубокое обучение, интеллектуальная обработка текста, векторизация текста, рекуррентная нейронная сеть.

D.P. Surovyagin,

PhD in Philosophy, assistant professor Department of Philosophy, Saratov State Law Academy
Master student of Faculty of Computer Science and Information Technologies
of Saratov State University
e-mail: surovayagin@hotmail.com

INTELLECTUAL TEXT PROCESSING USING DEEP NEURAL NETWORKS: MAIN PROBLEMS AND RESULTS

Annotation: natural language processing is one of the key areas of application of artificial intelligence. Deep learning of a neural network is a variant of machine learning where models are represented by long chains of geometric functions applied one after another. Today, deep learning models for processing sequences are capable of forming, on the basis of text, an understanding of the natural language in the simplest form, sufficient for such applications as classification of documents, sentiment analysis, identification of the author and obtaining answers to questions. The article identifies and classifies the currently resolvable tasks in the field of natural language processing (syntactic, semantic and generative), and also discusses the problems of using artificial intelligence for the perception and analysis of textual information. In conclusion, the possibility of using recurrent neural networks to analyze the global extended structure of texts and solve complex problems of natural language processing is considered.

Keywords: artificial intelligence, deep learning, language processing, text vectorization, recurrent neural network.

Машинное обучение (*machine learning*) – это обширный подраздел технологии искусственного интеллекта, изучающий методы построения алгоритмов, способных обучаться, а также наука о создании и применении моделей, извлеченных из данных в процессе обучения. В 2005–2006 годах группы исследователей под руководством Джеффри Хинтона

из университета Торонто и Йошуа Бенгио из университета Монреаля научились обучать глубокие нейронные сети (*deep neural networks*). Это событие произвело революцию в мире машинного обучения. Теперь в самых разнообразных предметных областях (от распознавания лиц до вождения автомобилей) лучшие результаты получаются с помощью глубоких нейронных сетей¹. С 2014 года машинное

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-311-00091.

¹ См.: Николенко С., Кадури А., Архангельская Е. Глубокое обучение: погружение в мир нейронных сетей. СПб.:

обучение занимает центральное место среди стратегических продуктов таких компаний как *Google*, *Facebook*, *Intel* и *Microsoft*.

Задачи, связанные с обработкой естественного языка, составляют одну из ключевых областей применения искусственного интеллекта. Первый импульс к развитию этой области дали работы Ноама Хомского о порождающих грамматиках. В своей работе «Синтаксические структуры»¹ Хомский предложил идею, которая произвела революцию в лингвистике: он преобразовал предложение на естественном языке в древовидную модель, которая показывает, в каких отношениях находятся разные слова в предложении.

Порождающая грамматика Хомского – это набор правил вида *S* (предложение) → *NP* (именная составляющая), *VP* (глагольная составляющая), с помощью которых можно порождать синтаксические деревья. С помощью деревьев синтаксического разбора можно строить строгие конструкции с аксиомами и правилами вывода, позволяющие определять логику естественного языка. Сейчас такой подход к синтаксическому анализу называется анализом на основе структуры непосредственных составляющих, или анализом фразово-структурных грамматик (*phrase-structure based parsing*)².

Первоначально представлялось, что для искусственного интеллекта лингвистический прорыв Хомского открывает безграничные возможности. Если естественный язык можно представить в виде строгих математических конструкций, то скоро мы сможем окончательно его формализовать и формализацию перенести в компьютер. Однако на практике эта задача встретила существенные трудности: оказалось, что естественный язык во многом зависит от неявных предположений и скрытого смысла, которые формализовать нелегко.

Простой пример такой сверхсложной для ИИ задачи – разрешение анафоры (*anaphora resolution*), то есть понимание того, к чему относится то или иное местоимение в тексте. Сравним два предложения: «Мама вымыла раму, и теперь она блестит» и «Мама вымыла раму, и теперь она устала». Структурно они абсолютно идентичны, поэтому компьютеру очень сложно определить, к чему относится местоимение «она» в каждой из этих фраз.

Несмотря на то, что специалисты добиваются значительных успехов в области интеллектуальной обработки текстов, компьютеры еще не научились разговаривать и понимать язык на человеческом уровне. Поэтому целесообразно выделить разрешимые на сегодняшний день задачи в области обра-

ботки естественного языка. Множество задач можно разбить на три класса.

1. *Синтаксические задачи*, то есть задачи классификации или порождения дискретных объектов. Например:

а) *частеречная разметка (part-of-speech tagging)*: разметить в заданном тексте слова по частям речи (существительное, глагол, прилагательное и др.) и, возможно, по морфологическим признакам (род, падеж и др.);

б) *морфологическая сегментация (morphological segmentation)*: разделить слова в заданном тексте на морфемы, то есть синтаксические единицы вроде приставок, суффиксов и окончаний;

в) *стемминг (stemming)*, то есть выделение основы слов, и *лемматизация (lemmatization)*, то есть приведение слова к базовой форме (например, к форме единственного числа мужского рода);

г) *выделение границ предложения (sentence boundary disambiguation)*: разбить заданный текст на предложения;

д) *распознавание именованных сущностей (named entity recognition)*: найти в тексте собственные имена людей, географических и прочих объектов, разметив их по типам сущностей (фамилии, топонимы и др.);

е) *разрешение смысла слов (word sense disambiguation)*: выбрать, какой из омонимов или какой из разных смыслов одного и того же слова используется в данном отрывке текста;

ж) *синтаксический парсинг (syntactic parsing)*: по заданному предложению (и, возможно, по его контексту) построить синтаксическое дерево по Хомскому;

з) *разрешение кореференций (coreference resolution)*: определить, к каким объектам или другим частям текста относятся те или иные слова и обороты; частный случай этой задачи – разрешение анафоры, которое упоминалось выше.

2. *Семантические задачи*, то есть задачи, которые в общем случае требуют понимания текста, но по форме все еще представляют собой хорошо определенные задачи с правильными ответами, для которых легко предложить не вызывающие сомнений метрики качества. Например:

а) *языковые модели (language models)*: по заданному отрывку текста предсказать следующее слово или символ; эта задача очень важна для распознавания речи;

б) *информационный поиск (information retrieval)*, центральная задача, которую решают поисковые системы: по заданному запросу и огромному множеству документов найти среди них наиболее релевантные данному запросу;

в) *анализ тональности (sentiment analysis)*: определить по тексту его тональность, то есть позитивное отношение несет этот текст или негативное;

г) *выделение отношений (relationship extraction)* и *выделение фактов (fact extraction)*: выделить из текста хорошо определенные отношения или

Питер, 2019. С. 7–9.

¹ См.: Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. Вып. 2. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. С. 412–527.

² См.: Плас Дж. В. Python для сложных задач: наука о данных и машинное обучение: пер. с англ. СПб.: Питер, 2018. С. 197.

факты об упоминаемых в нем сущностях; например, кто с кем находится в родственных отношениях, в каком году основана компания и т.п.;

д) *ответы на вопросы (question answering)*: дать ответ на заданный вопрос.

3. *Генеративные задачи* – это задачи, в которых требуется не только понять уже созданный текст, но и породить новый. Здесь метрики качества не всегда очевидны:

а) *порождение произвольного текста (text generation)*;

б) *автоматическое реферирование (automatic summarization)*: по тексту породить его краткое содержание (*Annotation*);

в) *машинный перевод (machine translation)*: по тексту на одном языке породить соответствующий текст на другом языке;

г) *диалоговые модели (dialog and conversational models)*: поддержать разговор с человеком.

Первые два класса задач сегодня относительно легко решаются с помощью глубоких нейронных сетей. Однако важной и не до конца решенной проблемой для моделей последнего класса является оценка качества. Можно иметь набор параллельных переводов, которые мы считаем хорошими, но как оценить новый перевод, сделанный моделью? Как оценить ответ диалоговой модели в разговоре? Один из возможных ответов на эти вопросы – *BLEU (Bilingual Evaluation Understudy)*, класс метрик, разработанных для машинного перевода, но применяющихся и для других задач¹. *BLEU* – это модификация точности (*precision*) совпадения ответа модели и «правильного ответа». Существуют и другие подобные метрики², но оптимальными их назвать сложно.

В некоторых работах³ приводятся интересные результаты использования подобных метрик качества в контексте оценки ответов модели в диалоге. Подсчитываются корреляции (как обычные, так и ранговые) человеческих оценок качества ответов и оценок по разным метрикам. Оказывается, что эти корреляции практически всегда близки к нулю, а иногда и вовсе отрицательны. В наилучшем случае метрика *BLEU* сумела достичь корреляции с человеческими оценками около 0,35 на одном наборе данных, а на другом только 0,12.

Более того, столь низкие результаты не означают, что правильного ответа не существует вовсе: оценки разных людей всегда имели корреляцию

¹ См.: BLEU: a Method for Automatic Evaluation of Machine Translation / K. Papineni et al. // Proceedings of the 40th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics (ACL), 2002. Pp. 311–318.

² См.: Николенко С., Кадушин А., Архангельская Е. Указ. соч. С. 283–284.

³ См.: How NOT To Evaluate Your Dialogue System: An Empirical Study of Unsupervised Evaluation Metrics for Dialogue Response Generation / C. Liu et al // Proceedings of the Conference on Empirical Methods on Natural Language Processing and Computational Natural Language Learning 2016 (EMNLP). 2016. Pp. 2122–2132.

друг с другом на уровне 0,95. Следовательно, стандарт оценки качества существует, но как его формализовать, исследователи пока не понимают.

Критика существующих метрик уже привела к новым конструкциям автоматически обучаемых метрик качества, и, вероятно, появятся новые результаты в этом направлении. Однако легко применимых альтернатив метрикам типа *BLEU* на сегодняшний день не существует.

Несмотря на плодотворные попытки сравнения компьютерного и человеческого методов интеллектуальной обработки текстов, следует помнить, что ни одна из моделей глубокого обучения в действительности не понимает текст в человеческом смысле. Модели лишь отражают статистическую структуру письменного языка, но этого вполне достаточно для решения многих простых задач обработки текста.

Как любые другие нейронные сети, модели глубокого обучения не могут принимать на входе простой текст – они работают только с числовыми тензорами. Векторизация текста – это процесс преобразования текста в числовые тензоры⁴. Собираются разные единицы, на которые можно разбить текст (слова, символы или *n*-граммы), называют токенами, а разбиение текста на токены называют токенизацией. Все процессы векторизации текста заключаются в применении некоторой схемы токенизации и последующем связывании числовых векторов с полученными токенами. Эти векторы упаковываются в тензоры последовательностей и передаются в нейронные сети глубокого обучения для вычислений. Два основных способа связать вектор с токеном: прямое кодирование и векторное представление (последний метод обычно используется только в отношении слов и называется также векторным представлением слов).

Прямое кодирование (*one-hot encoding*) – наиболее простой способ преобразования токенов в векторы. Он заключается в присваивании каждому слову уникального целочисленного индекса *i* с последующим его преобразованием в бинарный вектор размера *N* (размер словаря); все элементы этого вектора содержат нули, кроме *i*-го элемента, которому присваивается 1. Прямое кодирование можно также выполнить и на уровне символов⁵.

Другим популярным способом связывания вектора со словом является использование плотных векторов слов, или векторного представления слов (*word embeddings*). В отличие от векторов, полученных прямым кодированием, – бинарных, разреженных (почти полностью состоящих из нулей) и с большой размерностью, – векторные представ-

⁴ См.: Jurafsky D., Martin J.H. Speech and Language Processing. An Introduction to Natural Language Processing, Computational Linguistics and Speech Recognition. С. 189–230. URL: <https://web.stanford.edu/jurafsky/slp3/ed3book.pdf> (дата обращения: 09.06.2019).

⁵ См.: Шолле Ф. Глубокое обучение на Python: пер. с англ. СПб.: Питер, 2018. С. 213.

ления слов являются малоразмерными плотными векторами вещественных чисел.

В отличие от векторов, полученных прямым кодированием, векторные представления слов конструируются из данных. При работе с огромными словарями размерность векторов слов нередко может достигать 256, 512 или 1024, однако прямое кодирование слов обычно влечет за собой создание векторов с числом измерений 20 000 или больше. Иначе говоря, векторное представление слов позволяет уместить большой объем информации в меньшее число измерений¹.

Простейший способ связать плотный вектор со словом – выбрать случайный вектор. Однако пространство векторов, которое получится в этом случае, не имеет структуры: например, слова «смелый» и «храбрый» могут получить совершенно разные векторные представления, даже при том, что в большинстве случаев они взаимозаменяемы. Глубокой нейронной сети трудно будет понять такое искаженное, неструктурированное пространство векторов.

Говоря более абстрактно, геометрические отношения между векторами слов должны отражать семантические связи между соответствующими им словами. Предполагается, что векторные представления слов должны отображать человеческий язык в геометрическое пространство. Например, от правильно сконструированного пространства векторных представлений разумно ожидать, что синонимы будут представлены похожими векторами, и в целом геометрическое расстояние между любыми двумя векторами будет зависеть от семантического расстояния между соответствующими словами.

Как следствие, представляется разумным обучать новое векторное пространство слов для каждой новой задачи. Иногда обучающих данных оказывается слишком мало, чтобы можно было обучить векторное представление слов для конкретной задачи. Что можно сделать в этом случае? Вместо обучения векторного представления совместно с решением задачи можно загрузить предварительно сформированные векторные представления, хорошо организованные и обладающие полезными свойствами, которые охватывают основные аспекты языковой структуры².

Обратим внимание на еще одну проблему интеллектуальной обработки естественного языка. Главной характеристикой всех обычных однонаправленных нейронных сетей (*feedforward networks*) является отсутствие памяти. Каждый вход обрабатывается ими независимо, без сохранения состо-

яния между ними. Чтобы с помощью таких сетей обработать последовательность или временной ряд данных, необходимо передать в сеть всю последовательность целиком, преобразовав ее в единый пакет.

Однако человек, читая предложение, осмысливает его слово за словом, быстро перескакивая глазами с одного на другое и запоминая предыдущие; это позволяет постепенно вникать в смысл, передаваемый предложением. Биологический интеллект воспринимает информацию последовательно, сохраняя внутреннюю модель обрабатываемой информации, основываясь на предыдущих данных и постоянно дополняя эту модель по мере поступления новой информации.

Рекуррентная нейронная сеть (*Recurrent Neural Network, RNN*) использует тот же принцип, хотя и в чрезвычайно упрощенном виде: она обрабатывает последовательность, перебирая ее элементы и сохраняя состояние, полученное при обработке предыдущих элементов. Фактически RNN – это разновидность нейронной сети, имеющей внутренний цикл³.

Сеть RNN сбрасывает состояние между обработкой двух разных, независимых последовательностей, поэтому одна последовательность все еще интерпретируется как единый блок данных: единственный входной пакет. Однако теперь блок данных обрабатывается не за один шаг; сеть выполняет внутренний цикл, перебирая последовательность элементов.

Таким образом, с помощью RNN можно решать специфические задачи, связанные с обработкой последовательностей. Рассмотрим основные типы таких задач. По характеру входов и выходов их можно разделить на пять классов:

а) *один вход, один выход (one-to-one)*: в этом случае мы просто должны независимо обработать каждый элемент входов и получить соответствующий выход, никакие скрытые состояния не передаются;

б) *один вход, последовательность выходов (one-to-many)*: развернуть вход, который сам по себе не имеет структуры последовательности, в последовательность выходов; например, аннотирование картинок представляет собой такую задачу: на входе картинка, на выходе текст (последовательность);

в) *последовательность входов, один выход (many-to-one)*: в этот тип задач укладываются любые задачи классификации последовательностей (например, анализ тональности текста);

г) *последовательность входов, последовательность выходов (many-to-many)*: в данном случае речь идет о том, чтобы свернуть входную последовательность, закодировать ее неким скрытым состоянием, а потом развернуть это скрытое состояние обратно в уже совершенно другую последовательность; например, по этой общей схеме работают системы

¹ См.: Ramsundar B., Zadeh R.B. TensorFlow for Deep Learning. From Linear Regression to Reinforcement Learning. Sebastopol, CA: O'Reilly Media, 2018. P. 253.

² См.: Geron A. Hands-On Machine Learning with Scikit-Learn and TensorFlow. Concepts, Tools, and Techniques to Build Intelligent Systems. Sebastopol, CA: O'Reilly Media, 2017. P. 230.

³ См.: Schmidhuber J. Deep Learning in Neural Networks: An Overview // Neural Networks. 2015. Vol. 61. P. 86.

машинного перевода (вход – предложение на одном языке, выход – на другом) и диалоговые системы (вход – реплика собеседника, выход – своя собственная реплика);

д) *синхронизированные последовательности входов и выходов (synchronized many-to-many)*: здесь нужно снабдить своей меткой каждый элемент последовательности, но также есть смысл переносить на следующий временной шаг некое скрытое состояние; например, нам нужно разметить видеопоток, в котором каждый последующий кадр представляет собой самостоятельную картинку, но она обычно очень похожа на предыдущую и следующую.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Модели глубокого обучения для обработки последовательностей могут на основе текста формировать понимание естественного языка в простейшей форме, достаточной для таких применений, как классификация документов, анализ эмоциональной окраски, идентификация автора и получение ответов на вопросы (в ограниченном контексте). Как любые другие нейронные сети, модели глубокого обучения не могут принимать на вход простой текст, они работают только с числовыми тензора-

ми. Векторизация текста – это процесс преобразования текста в числовые тензоры, который может происходить несколькими способами.

Если простые задачи по анализу текстовых данных (например, определение эмоциональной окраски) более эффективно решаются с помощью полносвязных нейронных сетей, то при анализе глобальной протяженной структуры текстов и решении сложных задач обработки естественного языка (таких как регрессия, классификация, выделение аномалий и маркировка последовательностей) лучше применять рекуррентные архитектуры сетей.

Несмотря на то, что глубокое обучение – лишь один из множества подходов к машинному обучению, оно не равноценно другим подходам, потому что в течение всего лишь нескольких лет достигло огромного успеха в решении широкого круга задач, которые прежде воспринимались как слишком сложные для компьютеров, особенно в области обработки естественного языка. При наличии достаточного объема обучающих данных и эффективных алгоритмов модель глубокого обучения сегодня может извлечь из текста почти все то же, что может извлечь человек.

Е.В. Архангельская,

*к. ф.-м. н, доцент, доцент кафедры Информационного права и цифровых технологий
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: katysar@rambler.ru*

СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ОБУЧАЮЩИХ РАЗРАБОТОК ДОСТУПНЫМИ ПРОГРАММНЫМИ СРЕДСТВАМИ

Аннотация: в статье представлены этапы разработки и создания электронного пособия по изучению блок-схем, описывающих алгоритмы циклической структуры. Изучение блок-схем осуществляется в рамках таких дисциплин как «Информатика», «Информационные технологии в профессиональной деятельности» для записи алгоритмов и развития алгоритмического мышления. В статье излагаются возможности разработанного электронного ресурса, а именно формирование исходных данных и условий для практических задач. Показано, каким образом можно обеспечить уникальность вариантов блок-схем на каждом компьютере. Описана реализация автоматической проверки правильности решения задач, а также и показа этапов решения задач в мультимедийном режиме. Для разработки пособия выбран широко распространенный программный продукт – табличный процессор Microsoft Excel. Функционирование электронного учебного пособия обеспечивается созданными программными кодами в среде VBA Excel. В том случае если у обучающегося возникают затруднения при решении задач, он может просмотреть процесс решения в мультимедийном режиме. В статье описано, как можно организовать показ решения при нажатии кнопок, расположенных на листе Excel. Электронное пособие представляет собой цельный программный продукт, успешно используемый на практических занятиях в компьютерных классах. Пособие может использоваться для самостоятельного и дистанционного обучения.

Ключевые слова: алгоритм, блок-схема, электронное пособие, автоматическая проверка результата, мультимедийный показ решения.

E.V. Arkhangelskaya,

*candidate of physical-mathematical Sciences, associate Professor of Information law and digital technologies Department, Saratov state law Academy
e-mail: katysar@rambler.ru*

CREATION OF THE ELECTRONIC TRAINING DEVELOPMENTS BY AVAILABLE SOFTWARE

Annotation: the article presents the stages of development and creation of an electronic manual for the study of flowcharts describing the algorithms of cyclic structure. The study of flowcharts is carried out within the framework of such disciplines as “Computer Science”, “Information Technologies in Professional Activities” for recording algorithms and developing algorithmic thinking. The article describes the capabilities of the developed electronic resource, namely the formation of the source data and conditions for practical tasks. It is shown how to ensure the uniqueness of variants of flowcharts on each computer. Realization of automatic check of correctness of the solution of tasks, as well as display of stages of the solution of tasks in the multimedia mode is described. A widespread software product, the Microsoft Excel spreadsheet processor, was selected for the development of the electronic textbook. The functioning of the electronic textbook is provided by the created program codes in the VBA Excel environment. In the event that the student has difficulties in solving problems, he can view the solution process in multimedia mode. In article it is described how it is possible to organize display of the decision when pressing the buttons located on the sheet Excel. The electronic textbook represents a complete software product which is successfully used on a practical training in computer classes. The electronic textbook can be used for self-study and distance learning.

Keywords: algorithm, flowchart, electronic textbook, automatic check of result, multimedia display of the solution.

Для оперативного решения поставленных задач и достижения желаемого результат необходимо разработать алгоритм действий. Подходы к созданию алгоритмов получили свое развитие в ходе эволюции процесса информатизации обще-

ства. Составление алгоритмов для принятия оптимального решение за конкретное число шагов необходимо в любой практической деятельности, в том числе при анализе правой информации как информационной системы и нахождения решения

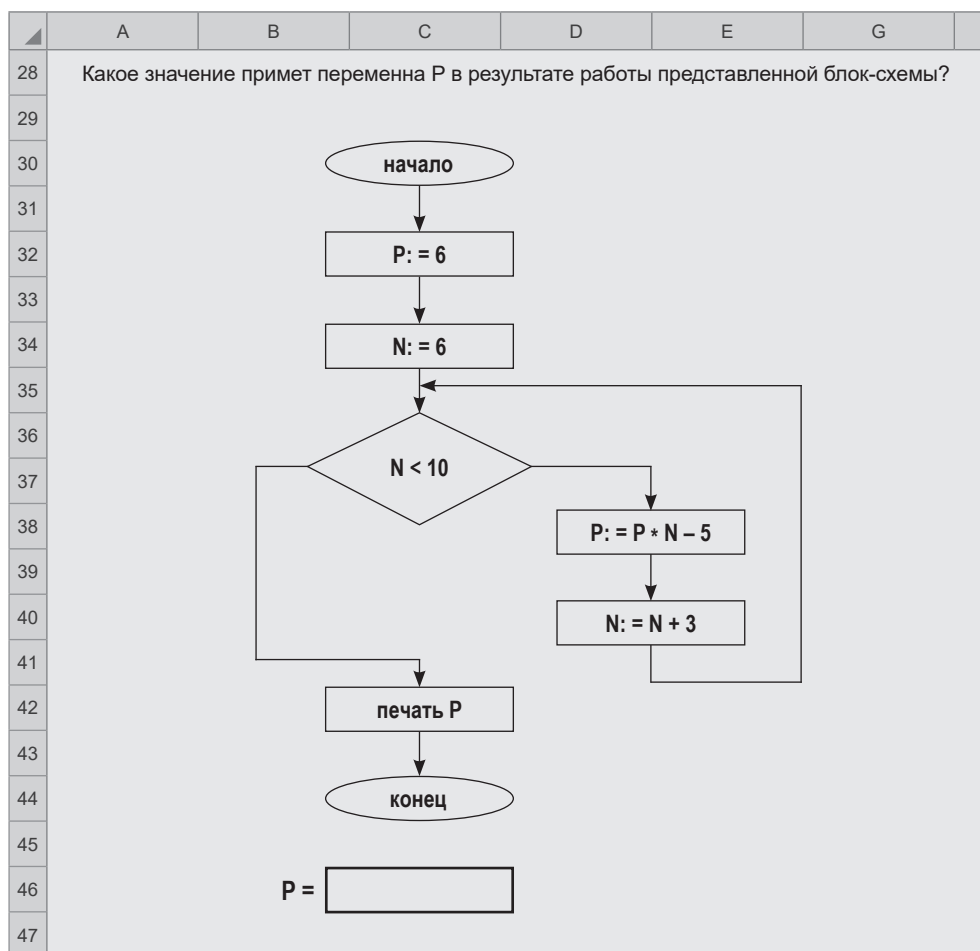

Рис. 1. Задание, сформированное в файле пособия

управленческо-правовых задач¹. В правоохранительной деятельности разрабатываются алгоритмы расследования отдельных видов преступлений, начисления заработной платы, обмена жилых помещений и др., реализация права и правоприменения сама по себе является алгоритмическим процессом.

Составление и анализ алгоритмов осуществляются в рамках дисциплин, связанных с изучением информатики и информационных технологий². Согласно определению, алгоритм – это описание последовательности действий для решения поставленной задачи или достижения запланированной цели. Перед началом разработки алгоритма необходимо четко уяснить задачу, а именно – что требуется получить в качестве результата, какие исходные данные необходимы и какие имеются в наличии,

какие существуют ограничения на эти данные. Далее требуется записать, какие действия нужно выполнить для получения из исходных данных требуемого результата.

На практике используются различные формы представления алгоритмов, в том числе словесная, которая является записью на естественном языке, и графическая в виде блок-схем. Для записи алгоритма в виде схем используются специальные обозначения – блоки. Блок-схема по своей сути – это графическая интерпретация алгоритма. Как показывает практика, использование блок-схем позволяет сделать работу алгоритма более наглядной и упростить ее понимание. Блок-схема намного превосходит правила, инструкции, и записанные по порядку алгоритмы действий, по своей наглядности и читаемости. Блок-схемы активно используются для обучения составлению алгоритмов и развития алгоритмического мышления.

С развитием информационных технологий процесс обучения, в том числе в высших учебных заведениях, невозможно представить без их использования. При изложении материала используются мультимедийные и интерактивные средства и со-

¹ См.: Архангельская Е.В. Изучение комплексного взаимодействия офисных программ при использовании информационных технологий в практике юриста // Информатизация образования и науки. 2019. № 2 (42). С. 146–153.

² См.: Архангельская Е.В. Курс информатики для юристов: учеб.-метод. пособие. Саратов, 2008.

	A	B	C	D	E	F	G	H
1	№ варианта	Начальное значение	Значение N	Условие	Выражение	Шаг	S/P	Ответ
2	1	17	N:=1	N <= 8	S:=S*2+(N+1)/2	N:=N+2	S	298
3	2	6	N:=8	N>1	P:=P*(-1)*N/2	N:=N/2	P	-48
4	3	46	N:=2	S<100	S:=S+N*(N-1)	N:=N*2	S	16
5	4	1	N:=0	P<35	P:=P*(P-1)-2	N:=N-1	P	-4
6	5	6	N:=9	N>=1	S:=S+S*N	N:=N/3	S	480
7	6	6	N:=1	N<10	P:=P*N-5	N:=N+3	P	-12

Рис. 2. Структура таблицы с исходными данными

ответствующие компьютерные программы¹. Наряду с этим преподаватели самостоятельно создают и активно используют в своей практике электронные учебники, тесты, электронные учебные пособия, при разработке которых учитываются особенности преподавания конкретной дисциплины, а также учитываются возможности непосредственно разработчика, а именно возможность доступа к программным средствам, умением программировать в различных средах и т.п. Электронные учебные пособия особенно актуальны, когда практические занятия проводятся в компьютерном классе, и каждый обучаемый может выполнять задания на персональном компьютере².

Автором статьи разработано электронное учебное пособие, предназначенное для изучения блок-схем, описывающих алгоритмы циклической структуры. При работе с пособием пользователю необходимо выполнить алгоритмы, представленные в виде блок-схем, определить значения искоемых величин как результат работы каждого алгоритма и записать ответы к задачам. Для разработки пособия был выбран широко распространенный программный продукт – табличный процессор Microsoft Excel, который предоставляет большой набор инструментов для обеспечения функционирования и использования пособия на практических занятиях, таких как встроенные функции программы Excel и возможность создания программных кодов в среде программирования VBA.

Файл пособия представляет собой книгу Excel с поддержкой макросов. При открытии файла пользователь видит на экране шесть блок-схем, описывающие шесть различных алгоритмов циклической

структуры, и задание к каждой блок-схеме с указанием, какую величину нужно определить. Пример одного из заданий представлен на рисунке 1.

Условия каждой блок-схемы формируются при открытии файла на основе таблицы с исходными данными, которая расположена на листе, скрытом от пользователя. Таблица содержит исходные данные для пятнадцати вариантов блок-схем. Структура таблицы представлена на рисунке 2.

В таблице данные столбцов A, C, D, E, F, G представляют текстовые строки, введенные вручную. Значение шага для цикла, условия окончания цикла подобраны так, чтобы алгоритм состоял из трех, четырех или пяти шагов. Значения столбцов B и H формируются при каждом открытии файла. Значения столбца B зависят от двух случайных чисел, которые определяются функциями ЦЕЛОЕ(СЛ-ЧИСЛО*10) и ЦЕЛОЕ(СЕКУНДЫ(ТДАТА())/10)+1, введенными в ячейки листа, невидимые пользователю. При открытии файла выполняется программный код, который записан внутри процедуры Workbook_Open. В данном коде происходит копирование значения первой функции в ячейку J1 и копирования значения второй функции в ячейку L1. Данные действия нужны для того, чтобы значения величин не менялись во время работы с файлом пособия. Значения ячеек J1 и L1 используются при вычислении начальных значений переменных для каждой блок-схемы до выполнения шагов цикла, которые записываются в столбец B таблицы с исходными данными. Для задачи, представленной на рисунке 1, который соответствует шестой вариант заданий (рис. 2), начальное значение вычисляется в ячейке вычисляется в ячейке B7 с помощью формулы L1+1. Все формулы в ячейках столбца B таблицы подобраны так, чтобы избежать громоздких вычислений при расчетах, т.к. основной целью разработки пособия является приобретение навыков по выполнению действий, предписанных блок-схемами.

Для заполнения ячеек столбца H таблицы с данными в коде процедуры Workbook_Open выполняются пятнадцать циклов, определяющих результирующие значения для каждой блок-схемы. Все ре-

¹ См.: Изотова В.Ф. Электронные и дистанционные технологии в организации самостоятельной работы студентов // Непрерывная предметная подготовка в контексте педагогических инноваций: сб. науч. тр.: в 2 ч. 2016. С. 190–193.

² См.: Архангельская Е.В. Об одной реализации метода динамического программирования для решения задачи о замене оборудования с помощью прикладной программы // Системы и средства информатики. 2018. № 2. Т. 28. С. 178–188.

	I	J	K	L	M	N
28		Этапы цикла				
29						
30		P = 6				
31		N = 1				
32		Т.к. N<10, то переходим к следующему шагу цикла				
33						
34	1 шаг:	$P = P * N - 5 = 6 * 1 - 5 = 1$				
35		$N = N + 3 = 1 + 3 = 4$				
36		Т.к. N<10, то переходим к следующему шагу цикла				
37						
38	2 шаг:	$P = P * N - 5 = 1 * 4 - 5 = -1$				
39		$N = N + 3 = 4 + 3 = 7$				
40		Т.к. N<10, то переходим к следующему шагу цикла				
41						
42	3 шаг:	$P = P * N - 5 = -1 * 7 - 5 = -12$				
43		$N = N + 3 = 7 + 3 = 10$				
44		Т.к. N>=10, то цикл завершен				
45						
46	Ответ:	-12				

Рис. 3. Показ решения задачи по шагам

результаты записываются в соответствующие ячейки столбца N для каждого варианта.

Наборы вариантов блок-схем также определяются при каждом открытии файла пособия. Номер варианта первого отображаемого задания вычисляется с использованием значений ячеек J1 и L1, сформированных случайным образом, с помощью функции ЕСЛИ(J1+L1<=12;J1+L1;J1+L1-12), далее номера идут по порядку и вычисляются следующим образом – если значение в предыдущей ячейке равно 12, то задается первый номер, в противном случае следующий порядковый номер. Так при очередном открытии файла задание, представленное на рисунке 1, является второй задачей, которую необходимо выполнить пользователю, но ему соответствует шестой вариант исходных данных (рис. 2). Определение номеров вариантов заданий и начальных значений искомых величин описанными выше методами позволяют формировать индивидуальный набор задач на каждом компьютере, что обеспечивает самостоятельную работу каждого пользователя, работающего с электронным пособием.

В блок-схемы данные из таблицы, представленной на рисунке 2, подставляются с помощью функции ВПР, которая выбирает значения из определенной ячейки таблицы. Так, например, в ячейку C33 (рис. 3) введена функция ВПР(J3;Лист5!\$A\$1:\$H\$16;3), здесь в качестве аргументов используется ячейка J3, в которой указан номер варианта, далее сама таблица с данными, рас-

положенная на Листе5 книги Excel, и номер столбца таблицы, в данном случае столбца C, из которого подставляются значения. Аналогичные функции введены в ячейки C36, D38, D40, в которых в качестве последнего аргумента указан номер соответствующего столбца. В ячейку C31 введено выражение, содержащее соответствующие функции ВПР и оператор сцепки, которое соединяет в одну строку имя искомой переменной, указанной в столбце G с данными, с ее начальным значением, которое, как говорилось выше, формируется случайным образом и записывается в ячейки столбца B. Разные имена переменных используются для разнообразия условий задач. Аналогичным образом формируются записи в ячейках C43 и B47, в которых содержится имя искомой переменной P для представленной задачи.

После выполнения алгоритма пользователю необходимо ввести найденное значение в соответствующую ячейку, в частности для задачи, представленной на рисунке 1, ответ должен быть введен в ячейку C47. В электронном пособии предусмотрена автоматическая проверка правильности решения поставленных задач. Осуществляется она сравнением ответов, введенных пользователем, и значений столбца N таблицы с данными, которые являются решениями каждой задачи. Для сравнения используются функции ЕСЛИ, записанные на отдельном листе файла пособия вместе с номерами задач. Для каждого алгоритма функция принимает значения «ОК», если введенный результат и ответ задачи со-

впадают, в противном случае значение «Неверно!!!». Таким образом, для оценки работы и проверки правильности всех выполненных заданий нужно перейти на другой лист книги Excel, в ячейках которого будут представлены наглядные результаты правильности выполнения каждого задания.

В том случае, если у пользователя возникают сложности с решением задачи, в файле электронного пособия предусмотрен показ хода решения, который можно запустить нажатием кнопки «Этапы цикла», расположенной на листе книги рядом с условием задачи. Так как цикл выполняется по этапам, то показ решения осуществляется в мультимедийном режиме по шагам, что делает более удобным и наглядным восприятие расчетов на каждом шаге.

При показе решения задачи, представленной на рисунке 1, справа от блок-схемы сначала появляется содержимое строк 30–32 с начальными условиями задачи, затем с интервалом в три секунды

содержимое строк 34–36, в которых отображаются результаты расчетов первого шага алгоритма, и т.д. На последнем этапе показа в ячейке J46 отображается ответ задачи. В программном коде, выполняемом при нажатии кнопки «Этапы цикла», используются команды, осуществляющие задержку времени для обеспечения последовательного отображения шагов цикла.

Описанный в статье электронный ресурс, предназначенный для изучения работы алгоритмов циклической структуры, представляет собой разработанный программный продукт, который эффективно используется в преподавательской практике. Полная автоматизация при формировании условий заданий, проверки правильности решения и организации показа этапов решения позволяет применять данное учебное пособие как на практических занятиях в компьютерной классе, так и для самостоятельного и дистанционного обучения.

Е.А. Новикова,

*старший преподаватель кафедры информационного права
и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии
e-mail: terridan@yandex.ru*

СОДЕРЖАНИЕ ИТ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Аннотация: в статье описываются результаты исследования, посвященного выявлению составляющих компетенций в области использования информационных технологий в учебной и профессиональной деятельности юриста. На основании результатов анкетирования делаются выводы о степени мотивации обучающихся к освоению информационных технологий. Выявляются запросы студентов, необходимые для успешной учебной деятельности.

Ключевые слова: информационные технологии, компетентность в области информационных технологий юристов, анкетирование, мотивация.

E. A. Novikova,

*senior lecturer Department of Information Law and digital technology
of Saratov State Law Academy
e-mail: terridan@yandex.ru*

THE CONTENT OF IT COMPETENCIES OF STUDENTS IN A LAW SCHOOL

Annotation: the article describes the results of a study on the identification of constituent competencies in the use of information technology in the training and professional activities of a lawyer. Based on the results of the questionnaire, conclusions are drawn about the degree of motivation of students to master information technology. Students' needs are identified that are necessary for successful learning activities.

Keywords: information technologies, competence in information technologies of lawyers, questionnaires, motivation.

В условиях стремительного развития цифровых технологий, информатизации всех сфер деятельности, при подготовке будущих юристов особое внимание уделяется формированию и развитию компетенций в области использования информационных технологий (ИТ-компетенций).

В соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата), принятого приказом № 1511 1 декабря 2016 года, у будущий юрист должен обладать двумя общекультурными компетенциями (ОК) в области информационных технологий:

■ «владением основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, навыками работы с компьютером как средством управления информацией (ОК-3)»;

■ «способностью работать с информацией в глобальных компьютерных сетях (ОК-4)».

Содержание указанных компетенций, как правило, определяется разработчиками рабочей программы дисциплины (РПД), формирующей данные компетенции, на основе анализа будущей профессиональной деятельности обучающихся. Проблема заключается в том, что необходимым условием успешного формирования компетенций посред-

ством какой-либо дисциплины, является достаточный уровень мотивации обучающихся к изучению этой дисциплины, но первокурсники не всегда понимают, какие виды профессиональной деятельности им придется осуществлять, и, соответственно, не имеют потребности к освоению каждой из составляющих компетенции.

Мотивацию как побуждение к действию, подразделяют на внешнюю и внутреннюю, устойчивую и неустойчивую. Устойчивая внутренняя мотивация к изучению определенного предмета базируется на осознании обучающимся необходимости данного предмета в текущей учебной и будущей профессиональной деятельности. Следовательно, наиболее успешным будет формирование у обучающихся именно тех составляющих ИТ компетенций, значимость которых для учебы и работы осознается в полной мере. Основной задачей данного исследования было определить, насколько первокурсники юридического вуза оценивают необходимость изучения каждой из составляющих ИТ компетенций, с целью выработки дальнейшей стратегии повышения уровня мотивации к изучению дисциплины «Информационные технологии в профессиональной деятельности».

Исследование проводилось в рамках более масштабного исследования тенденции формирования

уровня ИТ компетенций у Z-поколения. Для решения указанной выше задачи была разработана анкета «Самооценки необходимости информационных технологий в учебной и профессиональной деятельности» (в дальнейшем, «Анкета»), состоящая из двух частей. В первой части «Анкеты» первокурсникам предлагалось оценить, на сколько им будут необ-

ходимы указанные ниже информационные технологии, в процессе обучения и в будущей профессиональной деятельности по пятибалльной шкале – от 1 (совершенно не нужно), 2 (скорее всего не понадобится), 3 (наверное, иногда будет нужно), 4 (будет нужно достаточно часто), до 5 (понадобится с вероятностью в 100 %) в виде следующей таблицы:

Информационная технология	Оценка необходимости данной технологии	
	в процессе обучения в вузе	в будущей профессиональной деятельности
Устройство компьютера		
Операции с файлами		
Метод «слепой» печати		
Работа в текстовом редакторе		
Создание презентаций		
Расчеты в электронных таблицах		
Настройка программного обеспечения		
Установка и деинсталляция программ		
Умение архивировать файлы		
Рисование в графическом редакторе		
Подключение к компьютеру оборудования		
Поиск информации в сети Интернет		
Работа с электронной почтой		
Общение в социальных сетях		
Осуществление антивирусной защиты		
Защита информации от потери		
Создание собственных сайтов		
Работа с правовыми базами данных		
Разработка собственных баз данных		
Навыки написания программ		
Знание основ высшей математики		
Другое:		

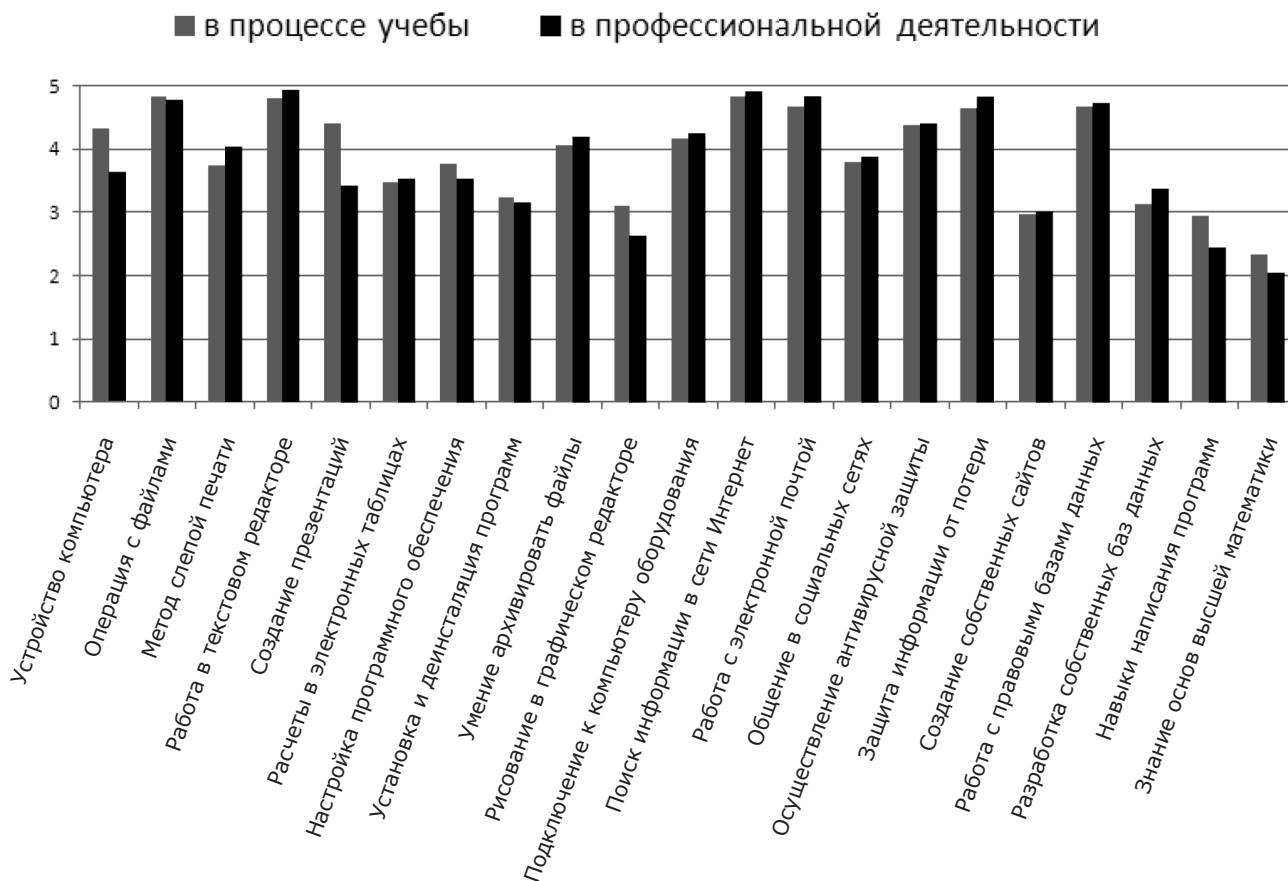
Во второй части анкеты респонденты должны были определить, что из ниже перечисленного им требуется для успешного освоения информационных технологий. Ответы можно было выбирать из заранее составленного списка требований, и/или указать свои личные пожелания. Список заранее составленных требований состоял из следующих пунктов:

- Новая современная техника и программное обеспечение
- Индивидуальные занятия с преподавателем
- Увеличение количества часов на изучение заявленного содержания дисциплины
- Доступ к материалам лекционных и практических занятий через сеть Интернет

- Постоянная связь с преподавателем посредством on line консультаций
- Следует выделять студентам большего времени для самоподготовки и выполнения практических заданий
- Свои требования: _____

В анкетировании принимали участие 45 студентов первого курса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная академия права», обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция». После обработки анкет были получены результаты, представленные в Таблице 1.

Информационные технологии, нужные студенту-юристу

Анализ приведенных в таблице 1 результатов, заставляет обратить внимание на следующие, достаточно неожиданные показатели. Так, 3 % опрошенных полагают, что такие основополагающие для учебной и профессиональной деятельности юриста информационные технологии, как «Работа в текстовом редакторе» и «Работа с правовыми базами данных» скорее всего не понадобятся, хотя процент опрошенных, считающих, что указанные технологии будут нужны постоянно, достаточно высок: для учебной деятельности 87 % и 80 % соответственно, а для профессиональной – 93 % и 83 % (см. диаграммы). Такие результаты могут свидетельствовать о том, что некоторые из студентов совершенно не представляют в чем заключается их будущая профессиональная деятельность и имеют низкую мотивацию к обучению, требующую корректировки со стороны преподавательского состава.

К сожалению, ожидаемо низок процент мотивации к освоению информационных технологий

технической, алгоритмической и математической направленности в юридической деятельности, например, «Устройство компьютера» (20 % – скорее всего не понадобится и только 30 % будет нужно постоянно), «Установка и деинсталляция программ» (10 % – совершенно не нужно, 20 % скорее всего не понадобится, и только 23 % будет нужно постоянно), «Расчеты в электронных таблицах» (7 % – совершенно не нужно, 20 % – скорее всего не понадобится, 37 % – наверное иногда будет нужно, 17 % – будет нужно достаточно часто и 30 % – будет нужно постоянно).

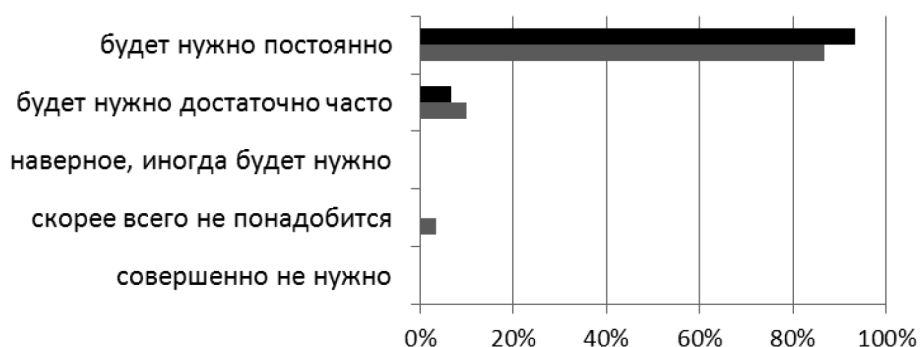
Результаты второй части «Анкеты» представленные в таблице 2 и на соответствующей ей диаграмме, свидетельствуют о желании современного студента использовать в обучении возможности сети Интернет (доступ к материалам курса через Интернет требуется 63 % опрошенных); о перегруженности и ощущении недостаточности времени для освоения информационных техно-

**Результаты анкетирования самооценки необходимости
информационных технологий в учебной и профессиональной деятельности юриста**

Информационная технология	1 – совершенно не нужно		2 – скорее всего не понадобится		3 – наверное, иногда будет нужно		4 – будет нужно достаточно часто		5 – будет нужно постоянно	
	студенту	юристу	студенту	юристу	студенту	юристу	студенту	юристу	студенту	юристу
Устройство компьютера	0 %	0 %	0 %	20 %	20 %	27 %	27 %	23 %	53 %	30 %
Операции с файлами	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	3 %	17 %	17 %	83 %	80 %
Метод «слепой» печати	3 %	7 %	10 %	3 %	27 %	17 %	30 %	27 %	30 %	47 %
Работа в текстовом редакторе	0 %	0 %	3 %	0 %	0 %	0 %	10 %	7 %	87 %	93 %
Создание презентаций	3 %	7 %	7 %	10 %	7 %	40 %	13 %	20 %	70 %	23 %
Расчеты в электронных таблицах	7 %	7 %	10 %	10 %	30 %	37 %	37 %	17 %	17 %	30 %
Настройка программного обеспечения	13 %	10 %	0 %	7 %	17 %	30 %	37 %	27 %	33 %	27 %
Установка и деинсталляция программ	7 %	10 %	20 %	20 %	33 %	37 %	23 %	10 %	17 %	23 %
Умение архивировать файлы	0 %	0 %	0 %	3 %	33 %	20 %	27 %	30 %	40 %	47 %
Рисование в графическом редакторе	10 %	17 %	17 %	30 %	40 %	37 %	20 %	7 %	13 %	10 %
Подключение к компьютеру оборудования	3 %	3 %	0 %	0 %	20 %	20 %	30 %	23 %	47 %	53 %
Поиск информации в сети Интернет	0 %	0 %	0 %	0 %	3 %	0 %	10 %	10 %	87 %	90 %
Работа с электронной почтой	0 %	0 %	0 %	0 %	3 %	0 %	27 %	17 %	70 %	83 %
Общение в социальных сетях	10 %	7 %	7 %	0 %	23 %	33 %	13 %	20 %	47 %	40 %
Осуществление антивирусной защиты	3 %	3 %	3 %	3 %	3 %	7 %	33 %	23 %	57 %	63 %
Защита информации от потери	0 %	0 %	0 %	0 %	10 %	3 %	17 %	10 %	73 %	87 %
Создание собственных сайтов	10 %	7 %	27 %	37 %	30 %	23 %	23 %	17 %	10 %	17 %
Работа с правовыми базами данных	0 %	0 %	3 %	3 %	7 %	3 %	10 %	10 %	80 %	83 %
Разработка собственных баз данных	10 %	10 %	20 %	20 %	30 %	20 %	27 %	23 %	13 %	27 %
Навыки написания программ	20 %	37 %	13 %	13 %	33 %	30 %	20 %	10 %	13 %	10 %
Знание основ высшей математики	40 %	43 %	20 %	33 %	17 %	7 %	13 %	10 %	10 %	7 %

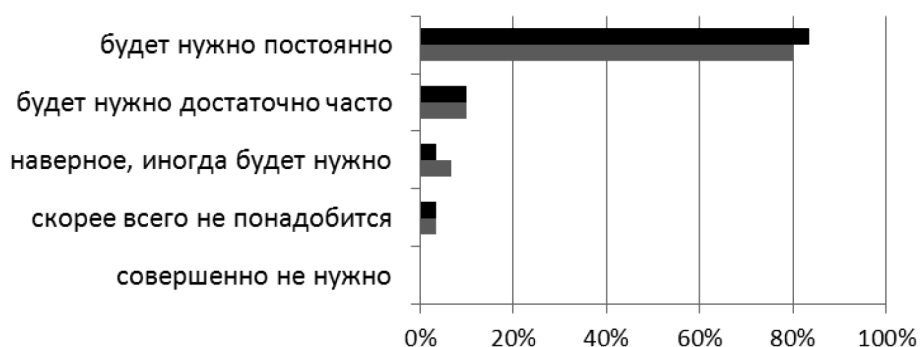
Нужны ли юристу навыки работы в текстовом редакторе

■ в профессиональной деятельности ■ в процессе обучения

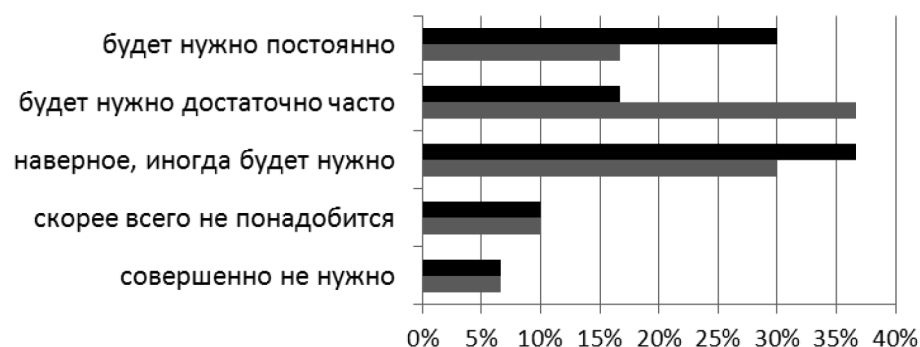
Нужны ли юристу навыки работы с правовыми базами данных

■ в профессиональной деятельности ■ в процессе обучения

Нужны ли юристу навыки расчетов в электронных таблицах

■ в профессиональной деятельности ■ в процессе обучения

логий в объеме, заявленном в РПД дисциплины «Информационные технологии в профессиональной деятельности» (увеличение количества часов требуется 20 % опрошенных, больше времени для самоподготовки нужно 23 % опрошенных). Также остро ощущается студентами необходимость в постоянном обновлении технической базы и программного обеспечения: новая современная техника и программное обеспечение требуется

абсолютному большинству опрошенных – 57 %. Свои требования сформулировали всего 7 % опрошенных, среди которых хочется отметить такие как «самоотверженность» и «ежедневная практика», свидетельствующие о том, что обучающимся по направлению подготовки «Юриспруденция» требуются значительные усилия для изучения информационных технологий в связи с чем ощущается недостаток практики.

Таблица 2

Результаты анкетирования требований студентов для успешного освоения информационных технологий

Требования для успешного освоения информационных технологий	Процент выбравших данное требование
Новая современная техника и программное обеспечение	57 %
Индивидуальные занятия с преподавателем	17 %
Увеличение количества часов на изучение заявленного содержания дисциплины	20 %
Доступ к материалам лекционных и практических занятий через сеть Интернет	63 %
Постоянная связь с преподавателем посредством on line консультаций	13 %
Следует выделять студентам больше времени для самоподготовки и выполнения практических заданий	23 %
Свое требование	7 %

Что требуется студенту для успешного освоения информационных технологий

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы: уровень внутренней мотивации к формированию и развитию ИТ компетенций у обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция» недостаточен для нескольких составляющих ИТ компетенций. Задачей преподавательского состава является последовательное повышение этого уровня, посредством профессионально ориентированных практических

заданий для аудиторной и внеаудиторной самостоятельной работы, интерактивных методов обучения, например, круглых столов по темам «Собираем компьютер для юриста», «Программное обеспечение для юриста», «Расчеты в юридических исследованиях» и т.п. Также, желательно удовлетворять потребности студентов в обратной связи посредством сетевых технологий и постоянному обновлению программного обеспечения и компьютерной техники.

А.И. Геращенко,

*студентка 1-го курса магистратуры факультета права НИУ ВШЭ,
младший юрист-эксперт Фонда развития интернет-инициатив,
стажер-исследователь Международной лаборатории по праву информационных
технологий и интеллектуальной собственности НИУ ВШЭ
e-mail: alena_gerashchenko@mail.ru*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБЕЗЛИЧЕННЫХ МЕДИЦИНСКИХ ДАННЫХ ПРИ РАЗРАБОТКЕ, ТЕСТИРОВАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ МЕДИЦИНСКОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация: в статье рассматривается процесс развития медицинских информационных систем в США и Российской Федерации. Целью статьи является исследование проблемы использования обезличенных медицинских данных в информационных системах и их применения при разработке, тестировании и использовании медицинского искусственного интеллекта. Подчеркивается необходимость соблюдения требований о защите персональных данных и соблюдения врачебной тайны в случае выстраивания новой модели взаимодействия государства и частных бизнес-структур, занятых в сфере IT и привлекающих к анализу данных искусственный интеллект. Автор анализирует следующие релевантные нормативные правовые акты США и РФ: American Recovery and Reinvestment (ARRA) Act, Health Information Technology for Economic and Clinical Health (HITECH) Act, Open, Permanent, Electronic, and Necessary (OPEN) Government Data Act, Executive Order on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence; Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральный закон от 29.07.2017 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» и пр. Также автор обращается к позиции европейского законодателя относительно защиты медицинских данных, изложенной в GDPR и сопутствующих ему консультативных документах. В целях глубокого анализа проблемы использования обезличенных медицинских данных и защиты интересов граждан, бизнеса и государства применяются исторический, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. **Ключевые слова:** обезличенные медицинские данные, персональные данные, государственные информационные системы, медицинские системы, телемедицина, врачебная тайна, IT-бизнес, системы искусственного интеллекта.

A.I. Gerashchenko,

*1st year student of the Master program of the NRU HSE legal faculty, Paralegal-expert
of the Internet Initiatives Development Fund, Research intern at International Laboratory
for Information Technology and Intellectual Property Law of NRU HSE
e-mail: alena_gerashchenko@mail.ru*

PROSPECTS FOR THE USE OF IMPERSONAL MEDICAL DATA IN DEVELOPMENT, TESTING AND THE USE OF MEDICAL ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Annotation: the article deals with the development of medical information systems in the United States and the Russian Federation. The purpose of the article is to study the problem of using depersonalized medical data in information systems and their application in the development, testing and use of medical artificial intelligence. The need to comply with the requirements for the protection of personal data and medical secrecy in the case of building a new model of interaction between the state and private business structures engaged in the field of IT and involving artificial intelligence in data analysis is emphasized. The author analyzes the following relevant regulatory legal acts of the USA and the Russian Federation: American Recovery and Reinvestment (ARRA) Act, Health Information Technology for Economic and Clinical Health (HITECH) Act, Open, Permanent, Electronic, and Necessary (OPEN) Government Data Act, Executive Order on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence; Federal law of 21.11.2011 № 323-FZ "About bases of health protection of citizens in Russian Federation", Federal law of 29.07.2017 No. 242-FZ "On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation for application of information technologies in health" etc. the author Also refers to the position of the European legislators on the protection of medical data as set out in the GDPR and related Advisory documents. Historical, comparative legal and formal legal methods are used in order to thoroughly analyze the problem of using impersonal medical data and protect the interests of citizens, business and the state.

Keywords: impersonal medical data, personal data, state information systems, medical systems, telemedicine, medical secrecy, IT-business, artificial intelligence systems.

Данные о здоровье граждан – важный ресурс, который используется государством в целях формирования медицинской статистики, медицинской политики и пропаганды здорового образа жизни. Данные о пациентах и об оказываемых им медицинских услугах аккумулируются в первую очередь в локальных медицинских системах, с соблюдением установленных законодательством требований о защите персональных данных и соблюдением врачебной тайны.

Сегодня государства берут курс на укрупнение информационных систем и монополизацию баз медицинских данных. Примером является создание Реестров федеральных данных в США (Enterprise Data Inventory): одним из таких реестров, например, является самая крупная специализированная медицинская информационная система США – Veterans Health Information Systems and Technology Architecture – начала формироваться в 1970-е годы и содержит данные о здоровье американских военнослужащих. Другим примером является создание Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения в России¹ в 2017 г.: вместе с ее региональными сегментами (например, Единой медицинской информационно-аналитической системой Московской области (ЕМИАС), содержащей персонифицированную информацию о пациентах Московской области, а также о фактах обращения гражданина за оказанием медицинской помощи; о состоянии здоровья и диагнозе; иные сведения, полученные при медицинском обследовании и лечении; о видах и объемах оказанной медицинской помощи; иную персонифицированную информацию²).

Вместе с укрупнением государственных информационных систем государства становятся заинтересованными в выстраивании системы взаимодействия с частными бизнес-структурами, занятыми в сфере ИТ и привлекающими к анализу данных искусственный интеллект.

В данной статье анализируются преимущественно американский и российский подходы к использованию государством обезличенных медицинских данных граждан; перспективы использования обезличенных медицинских данных, в частности при разработке, тестировании и использовании медицинского искусственного интеллекта.

¹ См.: Часть 13 ст. 2 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья».

² См.: Пункт 1.4 Постановления Правительства МО от 30 июля 2018 г. № 474/26 «О государственной информационной системе «Единая медицинская информационно-аналитическая система Московской области» (вместе с «Положением о государственной информационной системе «Единая медицинская информационно-аналитическая система Московской области»).

О подходах американского законодателя к использованию обезличенных медицинских данных

В 2009 г. в США был принят American Recovery and Reinvestment Act (далее – ARRA³), который определил направления по реабилитации национальной экономики после финансового кризиса 2007–2008 года. Одним из направлений стало повышение уровня компьютеризации медицинских учреждений и одновременно обеспечение безопасности медицинских данных пациентов, фиксируемых в электронных медицинских записях (Electronic medical records или EMR⁴), владельцами которых являются сами медицинские учреждения. Актом ARRA также была предусмотрена возможность обмена медицинскими данными через региональные центры и центры Штатов по хранению данных, что уже в 2007 г. подняло волну критики. Стали формироваться консолидированные базы медицинских данных.

С учетом критики и в целях повышения безопасности аккумулируемых медицинских данных в 2009 г. был принят Health Information Technology for Economic and Clinical Health (HITECH) Act, которым были введены крупные штрафы за нарушение в сфере хранения, обработки и передачи медицинских данных.

Важно принять во внимание, что совместно с актами ARRA и HITECH, продолжает действовать Health Insurance Portability and Accountability Act (HIPAA), принятый в 1996 г. и в соответствии с которым федеральные органы (например, Управление по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (далее – Управление)) имеют право изучать электронные медицинские записи (и EHR, и EMR) и делать их копии в целях проведения клинических исследований.

³ См.: American Recovery and Reinvestment Act, 111th Congress (2009–2010). URL: <https://www.congress.gov/bill/111th-congress/house-bill/1/text>

⁴ Компьютеризация медицинских учреждений в США представляет процесс перехода от использования Electronic health records (EHR) к использованию Electronic medical records (EMR).

EHR содержат сведения об обращении пациента в разные медицинские учреждения; владельцем EHR является сам пациент или заинтересованное лицо; пациент имеет постоянный интерактивный доступ к EHR – может дополнять запись своими данными самостоятельно; EHR подключена к Nationwide Health Information Network.

EMR включают в себя юридически значимые сведения о пациенте и медицинском учреждении, формируемые медицинскими учреждениями; сведения о факте предоставления пациенту тех или иных медицинских услуг в медицинском учреждении; владелец EMR – медицинское учреждение; пациентам предоставляется доступ к результатам его медицинских исследований через специальный портал – сервис не интерактивный, т.е. пациент не может вносить изменения в данные системы.

См. подробнее: *Garets D., Davis M. Electronic Medical Records vs. Electronic Health Records: Yes, There Is a Difference // A HIMSS Analytics™ White Paper, 2006.* URL: <https://www.aao.org/asset.axd?id=8e9b1f20-0ed6-4d2b-92f8-e28fbaf378ec&t=634962799822530000>

По общему правилу Управление обезличивает медицинские данные (убирает Ф.И.О. пациента), но также может использовать полноценные медицинские данные, если это необходимо для достижения цели исследования (реализации государственной миссии). Во втором случае обеспечивается конфиденциальность данных, хотя сохраняется возможность их раскрытия в исключительных случаях третьим лицам – например, в зале суда¹. Впрочем, такой же подход характерен и для российского законодателя: данные, составляющие врачебную тайну, могут передавать без уведомления субъекта этих данных по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, по запросу органов прокуратуры в связи с осуществлением ими прокурорского надзора, по запросу органа уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением уголовного наказания и осуществлением контроля за поведением условно осужденного, осужденного, в отношении которого отбывание наказания отсрочено, и лица, освобожденного условно-досрочно².

Данные, обрабатываемые Управлением, становятся федеральными данными. В соответствии с Open, Permanent, Electronic, and Necessary (OPEN) Government Data Act (S. 760 / H.R. 1770)³, принятом 29 марта 2017 года, федеральные данные – это данные, обрабатываемые федеральными органами власти в государственных информационных системах⁴. Федеральные данные публикуются в реестрах федеральных данных США. 11 февраля 2019 Дональд Трамп подписал указ – Executive Order on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence⁵, которым было утверждено, что к обра-

ботке федеральных данных и улучшению системы функционирования государственных информационных систем могут привлекаться фирмы, занимающиеся исследованиями в сфере искусственного интеллекта (далее – AI-фирмы). Цель указа – облегчить управление данными, обрабатываемыми государственным органами⁶. Толкуя указ, можно сделать вывод, что медицинские данные американских граждан как особая категория персональных данных может передаваться США третьим лицам без согласия на то пациентов, но во имя улучшения функционирования ГИСов. Стоит заметить, что, будучи обезличенными, а именно такими по общему правилу являются федеральные данные в США, они не утрачивают свою связь с субъектом персональных данных, в связи с чем возникает множество рисков использования данных пациентов третьими лицами в корыстных целях.

В работе «Matching Known Patients to Health Records in Washington State Data» Л. Суини приводит пример, как обезличенные (потенциально идентифицируемые) медицинские данные, включающие индексы пациентов, их пол, возраст, коды диагнозов и оказанных медицинских услуг, стоимость оказанных услуг, опубликованные Департаментом здравоохранения штата Вашингтон в форме баз данных на своем официальном сайте в 2011 году и продаваемые по цене \$50 (цена на сайте Департамента указана за один файл с данными за один год)⁷, могут быть «воссоединены» с субъектами персональных данных посредством обращения к средствам массовой информации, содержащим сведения о случаях госпитализации в штате⁸. При этом следует заметить, что согласие пациента на передачу данных Департаментом не берется, но заключается Data Sharing Agreement (DSA) с лицом, которое приобретает эти данные. В соответствии с DSA покупатель базы обезличенных данных не имеет права как-либо совмещать ее с другими базами данных или связываться напрямую с субъектами, которых он смог идентифицировать ненамеренно. Подобная практика вызывает некоторые сомнения относительно защищенности особо чувствительных данных граждан США.

Думается, что передача IT-организациям, разрабатывающим искусственный интеллект – например, IBM Watson⁹ – огромных массивов медицинских

[whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-maintaining-american-leadership-artificial-intelligence/](https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-maintaining-american-leadership-artificial-intelligence/)

⁶ См.: Federal Data Strategy. URL: <https://strategy.data.gov/>

⁷ См.: Comprehensive Hospital Abstract Reporting System: Hospital Inpatient Dataset: Clinical Data. Washington State Department of Health. URL: <https://www.doh.wa.gov/DataandStatisticalReports/HealthcareinWashington/HospitalandPatientData/HospitalDischargeDataCHARS>

⁸ См.: Sweeney L. Matching Known Patients to Health Records in Washington State Data // Harvard University. URL: <https://thedatamap.org/1089-1.pdf>

⁹ См.: Об использовании когнитивной системы IBM Watson Analytics для анализа данных о работе сердца.

¹ См.: Use of Electronic Health Record Data in Clinical Investigations, Guidance for Industry // U.S. Department of Health and Human Services Food and Drug Administration, Center for Drug Evaluation and Research (CDER), Center for Biologics Evaluation and Research (CBER), Center for Devices and Radiological Health (CDRH), July 2018 Procedural. URL: <https://www.fda.gov/media/97567/download>

² См.: Пункт 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 6 марта 2019 г.).

³ См.: Open, Permanent, Electronic, and Necessary (OPEN) Government Data Act (S. 760 / H.R. 1770). URL: <https://www.congress.gov/115/bills/s760/BILLS-115s760is.pdf>

⁴ К федеральным данным в соответствии с Open, Permanent, Electronic, and Necessary (OPEN) Government Data Act (S. 760 / H.R. 1770) относятся: публичные данные, непубличные данные (в т.ч. ПД), открытые данные; данные, используемые в информационной системе одного госоргана; данные, используемые в нескольких информационных системах государственных органов и бюро; данные, используемые в нескольких информационных системах государственных органов или создаваемые более чем одним государственным органом. В соответствии с Memorandum for the heads of executive departments and agencies – программные данные, статистические данные, а также данные государственных миссий.

⁵ См.: Executive Order on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence. URL: <https://www>

данных, пусть и обезличенных, и преобразованных в федеральные данные, грозит тем, что любое третье лицо (например, разработчик такого AI) сможет выделить интересующие его данные и определить субъектов, которым они принадлежат, обратившись к каким-нибудь муниципальным газетам или социальным сетям. Такая возможность представляет особый интерес для работодателей, банков и вообще злоумышленников.

О подходах российского законодателя к использованию обезличенных медицинских данных

В Российской Федерации медицинские данные лица, т.е. сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении, составляют врачебную тайну¹. С началом создания Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения в России в 2017 году возникло много вопросов о том, будут ли по-прежнему защищены такие персональные данные лица, если они будут обезличены² и аккумулированы у государства, а также будет ли вообще существовать режим врачебной тайны, если медицинские данные будут передаваться организациям, осуществляющим предпринимательскую деятельность в сфере телемедицины³.

Складывающиеся подходы российского законодателя очень похожи на американские: обезличенные медицинские данные концентрируются в единой государственной информационной системе, и предусматривается возможность их передачи, пока что, только третьим лицам – гражданам и должностным лицам в целях медицинского обследования и лечения пациента, проведения научных исследований, их опубликования в научных изданиях, использования в учебном процессе и в иных целях. Положительным моментом является то, что в Российской Федерации передача сведений, составляющих врачебную тайну, осуществляется с согласия пациента. В США передача таких данных (федеральных данных) разработчикам искусственного интеллекта должна осуществляться с учетом принципов надежности, безопасности, защиты частой жизни и конфиденциальности (safety, security, privacy, and confidentiality)⁴, однако прямого указа-

ния на то, что для этого у американского гражданина должно запрашиваться согласие, в федеральных актах не содержится.

Выше было указано, что медицинские данные в Российской Федерации могут передаваться – пока что – только гражданам и должностным лицам для достижения определенных целей. В соответствии с проектом Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения сведений, составляющих профессиональные тайны», одобренным рабочей группой по направлению «Нормативное регулирование» автономной некоммерческой организации «Цифровая экономика» (протокол от 14 ноября 2018 г. № 34), предлагается допустить разглашение врачебной тайны с письменного согласия пациента или его законного представителя не только другим гражданам, в том числе должностным лицам, но также организациям (занимающимся, например, предоставлением телемедицинских услуг). В отличие от американского законодателя российский законодатель заинтересован в поиске баланса интересов граждан, бизнеса и государства, поэтому предусматривает наличие согласия субъекта на передачу медицинских данных организациям. Такой подход роднит Российскую Федерацию с Европейским союзом, где Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation или GDPR) придает институту согласия субъекта персональных данных на обработку его данных особое значение⁵. Что касается обработки медицинских данных, то рекомендательном документе Opinion of the European Economic and Social Committee on «Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on enabling the digital transformation of health and care in the Digital Single Market; empowering citizens and building a healthier society» в п. 1.10 говорится, что только граждане могут решать передавать ли и когда передавать свои особо чувствительные данные на обработку⁶. Здесь же государствам-участникам ЕС рекомендуется при выборе своих административно-правовых подходов ориентироваться на положения GDPR, который стоит на страже права гражданина контролировать то, как используются его данные – особенно медицинские⁷.

Если в США заявленной целью привлечения IT-организаций к обработке обезличенных медицинских данных (федеральных данных) является

URL: <https://habr.com/ru/company/ibm/blog/400493/>

¹ См.: Часть 1 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 6 марта 2019 г.).

² См.: Пункт 4 ч. 3 ст. 91.1. Там же.

³ См.: Закон о телемедицине ставит под угрозу врачебную тайну. Эксперты считают, что его принятие может привести к самым непредсказуемым последствиям. URL: <https://www.mk.ru/social/health/2017/06/22/zakon-otelemedicine-stavit-pod-ugrozu-vrachebnuyu-taynu.html>

⁴ См.: Executive Order on Maintaining American Leadership in Artificial Intelligence. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/executive-order-maintaining-american-leadership-artificial-intelligence/>

⁵ См.: Article 7, Recital 32 Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation)

⁶ См.: Opinion of the European Economic and Social Committee on «Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on enabling the digital transformation of health and care in the Digital Single Market; empowering citizens and building a healthier society» (COM(2018) 233 final) (2018/C 440/09)

⁷ См.: Ibid.

облегчение управления данными, обрабатываемыми государственными органами, то в Российской Федерации акцент сделан на развитии телемедицинских сервисов, т.е. на упрощении взаимодействия пациента с медицинской организацией. Телемедицинские сервисы, получают доступ к медицинской тайне, устанавливая связь между медицинским учреждением и клиентом, проводят специализированные исследования, используя медицинский искусственный интеллект, в том числе с привлечением третьих лиц. Накладывание ответственности за защиту информации на организации, а не на должностных лиц, связано с развитием инфраструктуры информационной безопасности, а не с компетенциями отдельных людей¹.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что и Россия, и США идут по пути компьютеризации медицинских организаций и монополизации медицинских данных в федеральных информационных системах. Вместе с тем государства заинтересованы во взаимодействии с частным бизнес-сектором, осуществляющим деятельность в сфере информационных технологий и разрабатывающим системы искусственного интеллекта.

Однако если США не принимает во внимание согласия пациентов на передачу их данных третьим лицам; охотно торгует обезличенными данными пациентов на сайте Департамента здравоохранения

штата Вашингтон и обращается к частному сектору, создающему AI, с целью улучшения функционирования государственных информационных систем, то Российская Федерация защищает частную жизнь своих граждан, поддерживая институт согласия на обработку данных; не продает базы обезличенных данных на сайтах государственных органов и выражает заинтересованность не только в техническом улучшении работы ГИСов, но и в повышении качества связи пациента и медицинской организации посредством привлечения телемедицинских организаций и осуществляющих поддержку таких организаций третьих лиц. Российским законодатель, анализируя международный опыт в сфере регулирования данных, формирует свой собственный, уникальный подход, защищая частную жизнь граждан, способствуя развитию субъектов малого и среднего предпринимательства и поддерживая публичные интересы.

Представляется, что использование обезличенных медицинских данных при разработке, тестировании и использовании медицинского искусственного интеллекта сопряжено с множеством рисков, в том числе с размыванием института врачебной тайны. Тем не менее оно стремится упростить систему взаимодействия граждан с медицинскими учреждениями и в целом способствует информационно-технологическому прогрессу.

¹ См.: Эксперты предложили ослабить регулирование банковской и других видов тайн. Какая частная информация может стать доступна третьим лицам. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/25/02/2019/5c701a259a79472b2180b2ff

М.М. Лапунин,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: lapuninm@yandex.ru*

НЕОБХОДИМОСТЬ ТРАНСФОРМАЦИИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В СВЕТЕ СКВОЗНЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ*

Аннотация: в публикации рассматривается необходимость комплексного правового подхода к решению проблемы ответственности за причинение вреда при эксплуатации техники в условиях так называемых сквозных цифровых технологий. На примерах обосновывается, что уже сегодня необходимо совершенствовать уголовное законодательство для охраны от преступных посягательств с использованием искусственного интеллекта. Основная проблема правового регулирования в обозначенной сфере состоит в том, что современное право, включая уголовное, слабо приспособлено для единообразного его применения даже человеком. Это обусловлено, среди прочего, очень большим числом пограничных явлений, категорий понятий. Необходима выработка общепринятой на правовом уровне иерархии социальных ценностей. Доступ искусственного интеллекта к генетическим профилям граждан в юридических, а не медицинских целях, может привести к крайне негативным последствиям, связанным с дискриминацией лиц по самым разным признакам. Существует потребность в конвергенции различных отраслей права применительно к регламентации ответственности за нарушения в области эксплуатации робототехники. Так, на период становления соответствующих новых положений уголовного права РФ, видится позитивным опыт более широкого использования института обязательного страхования ответственности лиц, эксплуатирующих робототехнику.

Ключевые слова: преступления, сквозные технологии, генетические технологии, искусственный интеллект, робоправо.

М.М. Lapunin,

*candidate of Juridical Sciences, Associate Professor lecturer of faculty Criminal and Penal Law
State educational institution of higher education «Saratov State Law Academy»
e-mail: lapuninm@yandex.ru*

THE NEED TO TRANSFORM CRIMINAL LAW IN THE ASPECT OF END-TO-END DIGITAL TECHNOLOGIES

Annotation: the publication discusses the need for a comprehensive legal approach to solving the problem of liability for harm during the operation of equipment in the so-called end-to-end digital technologies. It is proved by examples that already today it is necessary to improve the criminal law to protect against criminal attacks with the use of artificial intelligence. The main problem of legal regulation in the indicated area is that modern law, including criminal law, is poorly adapted for its uniform application even by a person. This is due, among other things, to a very large number of borderline phenomena, categories of concepts. It is necessary to develop a hierarchy of social values generally accepted at the legal level. The access of artificial intelligence to the genetic profiles of citizens for legal rather than medical purposes can lead to extremely negative consequences associated with discrimination of individuals on various grounds. There is a need for convergence of different branches of law in relation to the regulation of liability for violations in the field of robotics operation. So, for the period of the formation of the relevant new provisions of the criminal law of the Russian Federation, the experience of wider use of the institute of compulsory liability insurance of persons operating robotics seems to be positive.

Keywords: crimes, end-to-end technologies, genetic technologies, artificial intelligence, robot law.

Научно-технический прогресс в XXI в. ставит перед уголовным правом ряд фундаментальных проблем. Они, в первую очередь, касаются разработки «сильного» искусственного интеллекта (далее – ИИ) – подобного человеческому мозгу универсального инструмента, гибко приспособляющегося

к решению различных задач. Проблема оценки результатов деятельности «слабого» (прикладного) ИИ является хотя и более насущной (подобные технологии уже применяются в реальной жизни – например, беспилотники), но не настолько сложной и масштабной, как первая.

Основная загвоздка правового регулирования ИИ состоит не в том, что это новая и чрезвычайно сложная технология. И даже не в том, что право –

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-14036.

достаточно косный социальный институт, не слишком-то желающий оперативно перестраиваться под актуальные нужды. Главная сложность в том, что современное право, включая уголовное, недостаточно рассчитано на единообразное его применение даже человеком. В частности, нет никаких однозначных границ относительно пределов крайней необходимости. Пример с данным обстоятельством, исключаяющим преступность деяния важен, поскольку, во-первых, указывает на пограничные ситуации – когда даже опытный юрист зачастую сомневается, преступление перед ним или нет? Во-вторых, проблема пределов крайней необходимости четко проявляется в сформулированной Ф. Фут дилемме вагонетки.

Современное человечество до сих пор не выстроило приоритеты, позволяющие простому человеку, не юристу заранее понимать, совершит ли он преступление. Если задавить очень дорогую собаку, победительницу многочисленных соревнований, пытаться спасти котенка, можно ли такой вред рассматривать как причиненный в состоянии крайней необходимости? А спасая двух детей, сбить одного пожилого человека? Люди до сих пор не определились с приоритетами ценностей для себя, не говоря уже про потенциальных роботов. Представляется, наряду с крайней необходимостью сегодня в УК РФ нужна статья, регламентирующая «вынужденный альтернативный вред». Другое дело, для ее применения потребуются та самая иерархическая система ценностей. Причем, как показывают исследования, при принятии решения в подобных ситуациях имеется сильная корреляция с географическим и экономическим положением, спецификой культуры тех регионов, откуда были респонденты¹.

Аналогично обстоит дело и с необходимой обороной. На страницах учебников по уголовному праву сплошь и рядом можно встретить утверждение о примате человеческой жизни над интересами собственности. Действительно, практика складывается так, что причинение тяжкого вреда здоровью или смерти грабителю в целях защиты собственности расценивается как превышение пределов необходимой обороны. Однако если взять сферу инкассирования денежных средств, то мы видим другой подход: причинять смерть посягнувшему на имущество банка очень даже допустимо в условиях правового поля. Какого же решения ожидать от робота-патрульного (подобные технологии уже используются в военном деле)?

Ничуть не проще вынести решение современному вдумчивому и ответственному судье относительно малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ), при назначении наказания, определении необходимости условного осуждения и т.д.

¹ См.: Нимин В. Тест: кого должен сбить самоуправляемый автомобиль? URL: <http://android.mobile-review.com/articles/57480/> (дата обращения: 03.07.2019).

Следует учитывать и еще один фактор. Психологи попытались воплотить «проблему вагонетки» в реальную жизнь. Участники эксперимента должны были выбрать, ударить током пять мышей или одну. Результаты сравнили с теоретическим опросом. Получилось, что использование в исследованиях морали гипотетических задач – не самый надежный метод². Теоретические измышления относительно преступности или не преступности поведения (речь про пограничные ситуации – обстоятельства, исключаящие преступность деяния, малозначительность деяния и т.п.) далеко не всегда указывают на реальное положение дел. Попросту говоря, юрист, яростно и абсолютно искренне отстаивавший позицию о превышении лицом пределов необходимой обороны, возможно, в реальности сам поступит, как и подсудимый.

Более того, даже использование иностранного языка может повлиять на выбор человека: «при решении неоднозначных нравственных задач, представленных на иностранном языке, люди меньше руководствуются моральными принципами и больше – полезностью определенного выбора»³.

Здесь следует повториться, что проблему принятия решений со стороны искусственного разума нужно разделить на две. Для слабого ИИ нужно разработать четкие, логически безупречные правила поведения, насколько это вообще возможно. Одновременно их нужно будет распространить и на людей, не допуская двойных стандартов поведения для разных «участников» отношений, двойной иерархии ценностей.

Если же рассмотреть ситуацию со стороны создания в будущем так называемого сильного ИИ, то его «поведение» по существу мало чем будет отличаться от сегодняшнего принятия решений человеком. Это не значит, что они будут такими же по результату, но они будут осознанными, волевыми, предсказуемыми лишь с малой долей вероятности.

Здесь нужно отметить тот факт, насколько внушаемым существом является человек. Человеческая вера в науку, высокие технологии столь сильна, что сегодня информирование о наличии у лица генетических особенностей влияет на результаты его деятельности сильнее, чем сами генетические особенности⁴. Ученые пришли к выводу, что сооб-

² См.: Bostyn D.H., Sevenhant S., Roets A. Of Mice, Men, and Trolleys: Hypothetical Judgment Versus Real-Life Behavior in Trolley-Style Moral Dilemmas // *Psychological Science*. 2018. Vol.: 29 issue: 7. P. 1084–1093.

³ См.: Hayakawa S., Tannenbaum D., Costa A., Corey J.D., Keysar B. Thinking More or Feeling Less? Explaining the Foreign-Language Effect on Moral Judgment // *Psychological Science*. 2017. Vol.: 28 issue: 10. P. 1387–1397.

⁴ См.: Tiisonen J., Rautiainen M.-R., Ollila H.M., Repo-Tiisonen E., Virkkunen M., Palotie A., Pietiläinen O., Kristiansson K., Joukamaa M., Lauerma H., Saarela J., Tyni S., Vartiainen H., Paananen J., Goldman D., Paunio T. Genetic background of extreme violent behavior // *Molecular Psychiatry*. 2015. No. 20. P. 786–792.

щение участнику эксперимента о наличии у него «благоприятных» или «неблагоприятных» генов сильнее влияет на физиологические показатели, чем сами гены¹. Озвученные медиками результаты секвенирования генома оказывают мощное воздействие на сознание современного человека, а эффекты плацебо и ноцебо важно учитывать при применении генетических технологий в борьбе с болезнями. С другой стороны, геном сам выступает как информация, подлежащая особой защите. При расшифровке своего генома пациент передает медицинской компании приватную информацию не только о себе, но и о родственниках. Использование ИИ таких данных, не обезличенных в рамках проектов big data, а персонифицированных, может привести к непредсказуемым последствиям. Уже сегодня многие юристы злоупотребляют проведением ряда экспертиз, зачастую не нужных по сути рассматриваемого дела. Прикрываясь же модными «всемогущими» словами «генетика», «ИИ», правоведа могут выносить совершенно несправедливые объективно решения.

Доступ ИИ юридического предназначения (в медицине ИИ уже работает с генетическими данными) к генетическим профилям населения страны будет означать, по сути, легализацию дискриминации по ряду признаков. Стоит задуматься над простым вопросом: захочет ли человек дать знакомому в долг большую сумму на длительный срок, зная, что с вероятностью 90 % тот умрет раньше от неизлечимой наследственной болезни? Почему же кто-то надеется, что принимающий решения в банковской сфере робот должен выбирать иные решения, более гуманные, чем среднестатистический человек?

В результате, совмещение возможностей ИИ и современной генетики нанесет колоссальной силы удар по принципу равенства граждан перед законом. Необходим мораторий на использование генетической информации в подобной сфере, пока социум не определится с концептуальными вопросами обеспечения естественных прав человека, а также реальным соотношением влияния генов и жизненного опыта на наше поведение и существование.

Уже есть примеры дискриминации со стороны ИИ. Робот-работник отдела кадров Amazon при приеме на работу сам научился выделять работников-мужчин, ущемляя трудовые права женщин². Используемая в США система COMPASS при принятии необходимого для условно-досрочного освобождения решения о вероятности совершения осужденным нового преступления, отдает предпочтение

¹ См.: Bradley P. Turnwald, J. Parker Goyer, Danielle Z. Boles, Amy Silder, Scott L. Delp & Alia J. Crum. Learning one's genetic risk changes physiology independent of actual genetic risk // *Nature Human Behaviour*. 2019. Vol. 3. P. 48-56.

² См.: *Dastin J.* Amazon scraps secret AI recruiting tool that showed bias against women. URL: <https://reut.rs/20d9fPr> (дата обращения: 15.07.2019).

европеоидам в ущерб представителям негроидной расы. Вместе с тем, Верховный суд штата Висконсин признал соответствующим Конституции США использование COMPAS при вынесении приговоров. Обвиняемые до сих пор не могут узнать, что предопределило вердикт судьи по тому или иному делу: он просто принял к сведению результаты оценки риска программой или же его решение базировалось на этих результатах. Так, Эрику Лумису отказали в объяснениях под предлогом авторского права на алгоритм частной компании³. Кроме того, COMPAS подозревают и в низкой эффективности. Сравнение точности предсказаний алгоритма с точностью предсказаний обычных людей без юридического образования дало результат 65 % против 67 % в пользу последних⁴. Но интерес к подобным технологиям не остывает: недавно разработана программа, предсказывающая убийцу в детективном фильме⁵.

Вместе с тем, ИИ – это лишь зеркало, которое отражает недостатки юридического регулирования, которые копились всю историю права. Ведь если посмотреть статистику заключенных большинства тюрем США, данные о рецидиве «уличных» преступлений, будет видно, что ИИ предвзято относится к афроамериканцам на основании человеческого, а не машинного опыта. Аналогично с мужчинами – физические возможности, отсутствие декретного отпуска у сильного пола прельщают ИИ точно так же, как и самого рядового современного работодателя. Только вот человека-судью может удержать от принятия социально вредного решения, например, наличие ст. 305 УК РФ, работодателя – ст. 145 УК РФ, а не наделенная (пока) эмоцией страха робототехника и вовсе не признается субъектом преступления. Кого привлекать к ответственности, если робот-«начальник отдела кадров» отбрасывает кандидатуры беременных женщин (применение ст. 145 УК РФ фактически будет заблокировано)? Кто понесет ответственность, если банковская программа перестанет выдавать кредиты инвалидам, представителям национальных меньшинств исходя из статистики неплатежей? Конечно, компании давно пользуются подобными программами, но каждый раз решение, все-таки, принимается конкретным человеком, которого в случае общественно опасного поведения можно привлечь к ответственности по ст. 136 УК РФ. Что касается России, то массовое применение программ-роботов уже дело не завтрашнего, а сегодняшнего дня в сфере

³ См.: *Салтанова С.В.* Роботы в законе. Должен ли искусственный интеллект отвечать за свои проступки. URL: <https://issek.hse.ru/news/227178200.html> (дата обращения: 10.06.2019).

⁴ См.: *Yong E.* A Popular Algorithm Is No Better at Predicting Crimes Than Random People. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2018/01/equivant-compas-algorithm/550646/> (дата обращения: 11.06.2019).

⁵ См.: *Губин О.* Следствие ведет компьютер // *Знание-сила*. 2018. № 11. С. 16-17.

кредитования, налогового администрирования¹, биржевой торговле².

В качестве одного из путей решения проблемы юристы видят наделение роботов самостоятельным правовым статусом. Думается, такой шаг лишь еще плотнее защитит злоумышленников от уголовной ответственности, как тресты помогали мошенникам избежать наказания на заре бурного развития капитализма. Юридическая фикция с правосубъектностью юридических лиц вполне работает в гражданском праве, но обоснованно не применена в российском уголовном праве. Аналогично, введение слабого ИИ в отечественное уголовное право в качестве самостоятельного субъекта преступления приведет к тому, что злоумышленники смогут совершать самые разные преступления, прикрываясь оплошностями робототехники.

С другой стороны, без преодоления данной проблемы невозможно опережающее развитие России в области высоких технологий.

Часто человек боится не самой деятельности, а неопределенности – когда не понимает, как именно принимаются решения. Технология сильного ИИ «непрозрачна» для проверяющего – никакой «черный ящик» не покажет, почему электронный судья назначил в качестве наказания осужденному именно 5 лет лишения свободы, а не месяцем больше. В принципе, ситуация с живым судьей объективно не лучше: его можно расспросить о причинах решения, но, скорее всего, ответ будет лишь интерпретацией уже сложившегося приговора. Проблематично объяснить, почему 8 лет лишения свободы по конкретному делу позволит эффективнее достичь целей наказания, чем 9 лет. Особенно ярко это проявляется при вынесении приговора за совершение деяния, лишь недавно криминализованного, когда еще нет сложившейся судебной практики.

Как видно, проблема оценки возможности использования ИИ в качестве судьи или его помощника неразрывно связана с потенциальной возможностью признания в будущем сильного ИИ субъектом преступления. Ведь если ИИ дает оценку поведению с позиции общественной опасности в уголовном процессе, значит, он же может оценить и собственное «поведение». Одновременно обострится проблема дифференциации юридической

ответственности: робот должен понимать, где имеют место общественно опасные, где – вредные, где – нейтральные, а где – полезные поступки.

Современное право, и уголовное – не исключение, построено на базе антропоцентризма. Рассмотрение носителя ИИ на роль субъекта преступления и субъекта ответственности – лишь одна из грядущих в ближайшие десятилетия проблем. Что, если близкий к человеческому интеллект будет у и других существ? Например, у химеры (в биологическом понимании). Ученые имплантировали мышам выращенные в пробирке клетки человеческого мозга и изучили, каким образом это повлияло на их поведение. Сначала подопытные животные стали показывать лучшие результаты при прохождении тестов на память, но (представляется, к счастью) через некоторое время вернулись к стандартным показателям³. Если же взглянуть на эксперименты более реалистично, то, вероятно, генетически модифицированные обезьяны – далеко не последний потенциальный претендент на роль субъекта преступления в будущем.

Вывод из сказанного тривиальный – чтобы помочь работающим над использованием ИИ в праве программистам, нужно законодателю, ученым, правоприменителям определиться с социальной пирамидой ценностей на уровне правовых актов, установить более четкие границы между смежными юридическими понятиями, категориями, явлениями, минимизировать судебское усмотрение и количество оценочных признаков.

В качестве одного из дополнительных путей решения возникающей проблемы на современном этапе видится более широкое использование института обязательного страхования ответственности. Так, например, работодатели должны страховать свою ответственность на случай причинения решением робота вреда охраняемым законом правам и интересам граждан. Также в УК РФ могут появиться новые меры уголовно-правового характера: в частности, временный или бессрочный запрет на эксплуатацию конкретным лицом техники на основе ИИ, что дополнило бы институт конфискации имущества в уголовном праве, неприменимый в данном случае по ряду причин.

Таким образом, будущее в данном вопросе за конвергенцией различных отраслей права.

¹ См.: ФНС начала использовать искусственный интеллект для работы с физлицами. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3475827> (дата обращения: 23.11.2017).

² См.: Сбербанк в 2018 году выдаст кредиты физлицам на основе решений искусственного интеллекта. URL: <http://www.banki.ru/news/lenta/?id=10105695> (дата обращения: 18.01.2018).

³ См.: Mansour A.A., Gonçalves J.T., Bloyd C.W., Li H., Fernandes S., Quang D., Johnston S., Parylak S.L., Jin X., Gage F.H. An in vivo model of functional and vascularized human brain organoids // Nature Biotechnology. 2018. Vol.: 36. P. 432–441.

И.И. Брянцев,

*к. социол. н., доцент кафедры государственного
и муниципального управления ПИУ РАНХИГС
e-mail: iibry@yandex.ru*

О.В. Брянцева,

*к.ф.-м.н., доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий
Саратовской государственной юридической академии, почетный работник высшего
профессионального образования РФ
e-mail: obryanceva@yandex.ru*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПОЛЯ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Аннотация: в статье рассмотрено влияние цифровизации на повышение эффективности законодательного процесса через увеличение ресурсной экспертной составляющей. Показано, что внедрение новых коммуникационных технологий позволяет отдельным индивидам влиять на происходящие в обществе процессы, в том числе законодательные и управленческие. Авторы отмечают, что решение задач национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» является очередным шагом по формированию информационного общества, а цифровизация переводит современные разрабатываемые модели государственного управления в плоскость их практического применения. В качестве примера реформирования системы государственного управления на основе расширения поля публичной политики рассмотрена концепция good governance. Расширение коммуникативных возможностей акторов публичной политики содействует усилению их влияния на качество законодательного процесса, что способствует его демократизации. Проведенный статистический анализ динамики мобильного доступа в Интернет показывает динамичный рост числа пользователей, что говорит об изменении качества поля публичной политики, где это техническое средство становится коммуникационным ресурсом и потенциалом для развития, что вызывает необходимость изменения формата работы.

Ключевые слова: цифровизация, коммуникация, законодательство, демократизация, публичная политика, good governance.

I.I. Bryantsev,

*PhD in sociology, associate Professor of the Department of state and municipal management
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) –
Stolypin Volga Region Institute e-mail: iibry@yandex.ru*

O.V. Bryantseva,

*candidate of physical and mathematical Sciences, associate Professor, Professor of information
law Department and digital technologies of the Saratov state law Academy, honorary worker
of higher professional education of the Russian Federation
e-mail: obryanceva@yandex.ru*

DIGITALIZATION OF THE FIELD OF PUBLIC POLICY AS A FACTOR OF DEMOCRATIZATION OF THE LAWMAKING PROCESS

Annotation: the article considers the impact of digitalization on improving the efficiency of the legislative process by increasing the resource expert component. It is shown that the introduction of new communication technologies allows individuals to influence the processes taking place in society, including legislative and administrative.

The authors note that the solution of the tasks of the national program «Digital economy of the Russian Federation» is the next step in the formation of the information society, and digitalization transforms the modern developed models of state management into the plane of their practical application. The concept of good governance is considered as an example of reforming the system of state management on the basis of expanding the field of public policy. The expansion of the communicative capabilities of public policy actors helps to the strengthening of their influence on the quality of the lawmaking process, which contributes to its democratization.

The statistical analysis of the dynamics of mobile Internet access shows a dynamic growth in the number of users, which indicates a change in the quality of the field of public policy, where this technical tool becomes a communication resource and potential for development, which necessitates a change in the format of work.

Keywords: digitalization, lawmaking, democratization, public policy, good governance.

Цифровизация – современное направление развития не только экономики, но и общества в целом на основе представления информации в цифровом виде, что способствует повышению эффективности всех сфер жизни, в том числе социальной, государственного управления, политических процессов и т.п. Повышение эффективности связано в первую очередь с возможностями в результате цифровизации увеличить ресурсную составляющую, повысить оперативность деятельности государства на всех его уровнях. Так в системе государственного управления на основе информатизации повышается качество выработки управленческих решений за счет вовлечения в этот процесс широкого круга заинтересованных экспертов. В политике – это возможность повышения эффективности политического процесса на основе его открытости, состязательности и возможности получить более широкое общественное представительство. В социальной сфере

– повысить обратную связь с обществом и возможность дойти до каждого члена общества с точки зрения учета его потребностей и реализации им своих возможностей. При этом особо следует отметить, что внедрение информатизации предъявляет особые требования к обеспечению и сохранению личных, политических, социально-экономических, культурных и экологических прав человека.

Предпосылок цифровизации много, одной из них является активное развитие информационных технологий, в том числе интернет технологий, повышение мощности вычислительной техники, распространение мобильных устройств и их совершенствование, использование информационных технологий в повседневной жизни, для общения, в том числе в социальных сетях. Возрастает роль мобильных устройств, в том числе и мобильного интернета.

На рисунках 1, 2 показано изменение количества населения, использовавших сотовую и стационар-

Рис. 1. Изменение использования стационарной и сотовой связи

Рис. 2. Изменение использования мобильного интернета

ную телефонную связь и изменение числа абонентов мобильного доступа в Интернет на 100 человек населения с 2010 г. по 2017 г. Данные взяты с сайта госстатистики¹.

Данные диаграммы подтверждают, что с каждым годом уменьшается число абонентов, использующих стационарный телефон, а число абонентов, предпочитающих сотовую связь и мобильный доступ в Интернет, увеличивается.

В соответствии с Указом Президента РФ № 204 для реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» необходимо решить ряд задач, в том числе разработать систему правового регулирования цифровой экономики в каждой сфере, внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий, а также внедрение платформенных решений цифровых технологий в государственное управление².

Последовательное решение обозначенных в программе задач станет очередным шагом по формированию информационного общества, как в локально-государственном, так и глобальном общепланетарном масштабе. В этой связи все явнее и отчетливее воплощается когда-то обозначенная Норбертом Винером аналогия между функционированием нейронной системы человека и электронно-вычислительных машин³. Цифровизация становится тем технологическим средством, которое уже переводит эти аналогии в реальные практики окружающего нас мира. Материальной основой этого выступают процессы обработки, хранения и передачи информации в рамках единого коммуникационного сетевого пространства. Функционирование сетевого пространства как самоорганизующейся системы предполагает выполнение требования по ее открытости и свободного обмена с окружающей средой. В современных условиях глобальная сеть Интернет наиболее близко соответствует технологическому обеспечению функционирования такой сети.

Расширение технологических коммуникационных возможностей отдельного индивида в обществе создает возможности для его оперативного и непосредственного влияния на происходящие в обществе процессы, в том числе и связанные с управлением. Это влияние имеет значительный позитивный и ресурсный потенциал, так как формирует пространство публичного взаимодействия, что дает возможность индивидуальным, личным интересам становиться частью «общего блага». Это становится возможным, когда поле публичной политики реализует функцию артикуляции общественных

интересов в системе взаимодействия общества с государством и формирует механизмы их реализации в виде управленческих решений в государстве⁴.

В рамках подходов, обозначенных в работах А. Сунгурова, субъектами поля публичной политики выступают государство, экспертное сообщество и другие институты гражданского общества⁵. Артикуляция «общественной повестки», через СМИ, общественные организации, бизнес сообщества и созданные при их участии системы коммуникационного взаимодействия с властью в виде общественных палат, общественных советов и т.д., в настоящее время можно рассматривать как основные технологические звенья, влияющие на процесс выработки и принятия управленческих решений. В этой связи для оценки эффективности работы, сформированной таким образом системы коммуникации власти и общества, становится актуальным вопрос, насколько полно и оперативно эти акторы реагируют на запросы общества и насколько высок их экспертный уровень. Значимость этих обстоятельств была в частности выявлена в ходе исследования, проведенного в рамках гранта РФФИ⁶.

В ходе экспертного интервью представителями органов власти, общественных палат и советов, научного сообщества отмечалось, что при формировании общественных советов и отборе кандидатур в их состав кандидатам на вхождение в тот или иной совет необходимо подтверждать свою экспертную компетенцию в той или иной сфере или обозначать возможности, как организационные, так и материальные для привлечения в советы экспертов к обсуждению тех или иных проблем. Кроме того, большинство опрошенных экспертов высказалось о необходимости расширения возможностей членов общественных советов по их работе с информационно-коммуникационными ресурсами. В частности, необходимо информировать сообщества о деятельности общественных советов и формировать интерактивное взаимодействие с различными целевыми аудиториями и отдельными гражданами через создание и продвижение собственных Интернет сайтов.

Цифровизация пространства публичной политики повышает оперативность и расширяет представительство интересов общества, переводя его фактически в онлайн режим.

Цифровизация повышает практическую значимость и дает внедренческий прагматизм, переводя из пространства теоретических исследований

¹ См.: Цифровая экономика Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/figure/anketa1-4.html (дата обращения: 15.06.2019).

² См.: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (в ред. от 19 июля 2018 г.) // СЗ РФ. 2018. № 20, ст. 2817.

³ См.: Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине. 2-е изд. М.: Наука, 1983.

⁴ См.: Шматко Н. Феномен публичной политики // Социс. 2001. № 7. С. 106–112.

⁵ См.: Сунгуров А.Ю. Публичная политика как поле взаимодействия и как процесс принятия решений // Публичная политика 2005. СПб., 2006. С. 8.

⁶ См.: Грант РФФИ № 17-03-00328 «Институты и практики взаимодействия власти, экспертного сообщества и общественных организаций в российских регионах» / рук. Р.В. Евстифеев, ООО «РАПН». URL: <http://www.rfh.ru/downloads/2017/all.pdf>

в плоскость практического применения современные разрабатываемые модели государственного управления, которые направлены на разрешение проблемы соотношения политики и управления на основе выстраивания оптимальных взаимосвязей общества с государственными институтами. В качестве примера реформирования системы государственного управления на основе расширения поля публичной политики может быть рассмотрена концепция – *good governance*, понимаемое как хорошее, эффективное управление. Это модель политической, экономической и административной деятельности, осуществляемая в рамках государственного управления, включающая возможность выражения гражданами своих интересов, а также реализации их прав и обязанностей. В рамках этой модели государственное управление становится менее жестким, детализированным и регламентированным, которое формируется, предпочтительнее, через горизонтальные, а не через вертикальные связи между государственными органами, ассоциациями гражданского общества и бизнесом¹.

В рамках этой модели государственное управление рассматривается как функция общественной координации, реализуемая не только государственными служащими на профессиональной основе, но и структурами и институтами гражданского общества через их непосредственное соответствующим образом регламентированное участие. В такой модели система государственных отношений, деятельность госорганов их должностных лиц становятся открытыми для общества и общественного обсуждения, что повышает ресурсную составляющую управленческого процесса за счет вовлечения в этот процесс широкого спектра представителей экспертного сообщества. Основанием выработки политических и организационно-управленческих решений становится стремление к достижению общего блага, общего интереса, которые определяются государством и другими акторами поля публичной политики.

Элементы внедрения данной модели можно увидеть в практике функционирования многих современных демократических государств. Рассматривая практику административной реформы, проводимой в Российской Федерации, следует отметить одно из ключевых ее направлений, связанных с повышением открытости и прозрачности органов власти, повышением их эффективности. Технологией реализации этого стала сформированная на основе развития информационно-коммуникационных технологий системы «Открытое правительство», «Общественная инициатива», развитие системы общественного контроля на основе принятого Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», открывающего новые возможности для функционирования в этом

¹ См.: *Сморгунов Л.В.* Сравнительный анализ политико-административных реформ: от нового государственного менеджмента к концепции «Governance» // Политические исследования. 2003. № 4.

качестве общественных палат, а также внедрение в практику их функционирования технологии обсуждения и внесения поправок и дополнений в разрабатываемые нормативно-правовые акты на основе так называемых «нулевых» чтений².

Таким образом, развитие коммуникативных возможностей акторов публичной политики на основе формирования платформенных решений в результате цифровизации будет содействовать расширению их влияние на качество законотворческого процесса субъектами которого они все чаще и чаще выступают в сформированной системе взаимодействия власти и общества, что способствует демократизации законотворческого процесса.

Анализируя содержание понятия законотворческий процесс, отметим, что это достаточно широкое понятие, он шире, чем законодательный процесс, это процесс творческий, он может стать основой, началом законодательного процесса. Он начинается с анализа и выявления проблем, требующих законодательного решения, с правового мониторинга, который можно осуществить с использованием цифровых технологий. Законотворческий процесс может быть инициирован различными группами лиц, отдельными гражданами, отдельными элементами гражданского общества³. Цифровые технологии позволяют организовать широкое обсуждение проблемы и законотворческой инициативы, привлечь к этому процессу как можно больше людей.

Отдельно можно отметить одну из последних инициатив по совершенствованию и развитию Конституции РФ, в рамках заложенных в ней демократических принципов на основе концепции, известной как «живая Конституция», реализуемых во многих государствах⁴. Нормы Конституции должны быть реализованы не только в существующем законодательстве, но и в том, которое будет разработано в ближайшем будущем для «новых сфер технологического и социально-экономического развития, которые на сегодняшний день в правовом плане еще не урегулированы. Речь идет, например, о цифровизации, больших данных, искусственном интеллекте, цифровой безопасности, генных и биотехнологиях, робототехнике. Во всех этих сферах возникают вопросы о соблюдении прав человека, конституционных принципов»⁵.

² См.: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // СЗ РФ. 2014. № 30, ч. 1, ст. 4213.

³ См.: Законотворческий и законодательный процесс: разграничение и соотношение полномочий. URL: <https://to09.minjust.ru/mobile/ru/node/212311> (дата обращения 10.09.19).

⁴ См.: *Арановский К.В.* Государственное право зарубежных стран. М., 1988.

⁵ Живая Конституция развития. Статья Председателя Государственной Думы Вячеслава Володина. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwww.pnp.ru%2Fpolitics%2Fzhivaya-konstituciya-razvitiya.html&d=1> (дата обращения: 10.09.2019).

Проработка законодательных инициатив в этих сферах также может послужить основой для создания равных возможностей для участников поля публичной политики выражать общественные интересы и выступать профилактическим средством, не позволяющим узурпировать выражение общего интереса. Более сбалансированная система интересов позволяет процессу политико-управленческой деятельности становиться более насыщенным новыми формами и механизмами, включающими такие непривычные для прежних моделей составляющие, как общественная экспертиза, общественные форумы, государственно-общественные комиссии и т.д., что в последнее десятилетие стало неотъемлемой частью нашей общественно-политической действительности. Формирование на основе цифровизации интеграции акторов поля публичной политики в законотворческий процесс можно рассматривать как дальнейший этап в реализации модели good governance.

Приведенный статистический анализ динамики мобильного доступа в Интернет показывает динамичный рост числа пользователей. В связи с этим можно говорить об изменении качества поля публич-

ной политики, где эти технические нововведения становятся ее неотъемлемым коммуникационным ресурсом и потенциалом для развития. Вследствие этого возникает объективная необходимость изменений в формах работы созданных «переговорных площадках», например, таких как общественные палаты и общественные советы. Их востребованность и авторитет в пространстве публичной политики во многом будет зависеть от того, смогут ли эти структуры оперативно реагировать на новые вызовы и гибко встраиваться в современное коммуникационное пространство, в котором преобладают сетевые, а не иерархические принципы взаимосвязей.

Происходящие процессы цифровизации поля публичной политики с одной стороны запускают процесс его атомизации, делая отдельного индивида заметным и влиятельным его актором, а с другой, через процесс актуализации формируемой коллективной «повестки», происходят процессы консолидации общественного ресурса, который становится объективной предпосылкой для влияния на процесс принятия управленческих решений органами власти, в том числе и через участие граждан в законотворческом процессе.

П.В. Ересько,

*к. пед. н., доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: pv.eresko@yandex.ru*

Е.В. Варламова,

*к. пед. н., доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: ev.varlamova@yandex.ru*

Е.А. Новикова,

*старший преподаватель кафедры информационного права и цифровых технологий
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: terridan@yandex.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ФГОС У ОБУЧАЮЩИХСЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ВУЗА ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ ПОСРЕДСТВОМ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ТЕМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация: в статье рассматривается вопрос формирования компетенций ФГОС у обучающихся по информационным технологиям в условиях цифровых трансформаций посредством структурирования тем дисциплины по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция в процессе внеаудиторной самостоятельной работы. Приводится методический прием структурирования тем дисциплины для их распределения в практических упражнениях, который способствует формированию компетенций ФГОС и повышает качество учебного процесса.

Ключевые слова: компетенции ФГОС, структурирование, методический прием, информационные технологии, цифровые трансформации.

P.V. Eresko,

*Associate Professor of Department of information law of digital technologies of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Saratov State Law Academy,
Candidate of Pedagogical Sciences
e-mail: pv.eresko@yandex.ru*

E.V. Varlamova,

*Associate Professor of Department of information law of digital technologies of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Saratov State Law Academy,
Candidate of Pedagogical Sciences
e-mail: ev.varlamova@yandex.ru*

E.A. Novikova,

*senior lecturer of Department of information law of digital technologies of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Saratov State Law Academy
e-mail: terridan@yandex.ru*

DEVELOPMENT OF COMPETENCES OF FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD BY LAW STUDENTS REGARDING INFORMATION TECHNOLOGIES THROUGH STRUCTURING TOPICS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATIONS

Annotation: in the article there are given some consideration to the matter of development of competences of Federal State Educational Standard by students regarding information technologies in the context of digital transformations through structuring topics of discipline in the direction of training 40.03.01 Jurisprudence in the process of extracurricular independent work. Teaching technique structuring topics of discipline is provided for their distribution in practical exercises that contributes to development of competences of Federal State Educational Standard as well as improves the quality of the educational process.

Keywords: competences of Federal State Educational Standard, structuring, teaching technique, information technologies, digital transformations.

При постоянном развитии и совершенствовании федеральных государственных стандартов высшего профессионального образования (ФГОС) в условиях цифровых трансформаций у преподавателей российского вуза возникает вполне резонный вопрос, связанный с возможностью своевременного формирования компетенций ФГОС, в том числе и во время внеаудиторной самостоятельной работы обучающихся по дисциплине. Такая работа выполняется обучающимися без помощи преподавателя в домашних условиях или в аудиториях вуза, предназначенных для самостоятельной работы (методические кабинеты, читальный зал библиотеки и т.п.). Рассмотрим формирование компетенций ФГОС по дисциплине «Информационные технологии в профессиональной деятельности» при помощи методического приема структурирования тем на вопросы для изучения (основные) и вопросы для повторения (дополнительные) для их распределения по внеаудиторным домашним практическим заданиям.

В стандарте дисциплины указаны следующие компетенции ФГОС¹:

ОК-3: Владение основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, навыками работы с компьютером как средством управления информацией;

ОК-4: Способность работать с информацией в глобальных компьютерных сетях.

В настоящее время к рабочей программе дисциплины (РПД) предъявляются требования распределения вопросов по всем изучаемым темам на лекции, практику (семинары) и самостоятельную работу. Следовательно, в процессе организации внеаудиторной самостоятельной работы обучающихся посредством практических упражнений, формирующих компетенции, соответствующие данным вопросам тем, необходимо учесть как упражнения на закрепление пройденных тем, так и упражнения на освоение вопросов тем самостоятельной работы.

Цифровая трансформация требует внесения коренных изменений в процесс создания практических заданий, формирующих соответствующие компетенции ФГОС. Авторы статьи предлагают использовать методический прием структурирования тем дисциплины для их распределения в практических упражнениях, который будет способствовать формированию компетенций ФГОС. Для чего все вопросы тем РПД предварительно перераспределяются на блоки, которые будут входить в конкретные практические задания для самостоятельной внеаудиторной работы обучающихся:

■ лекции: вопросы для изучения (основные) и вопросы для повторения (дополнительные),

■ практические: вопросы для изучения (основные) и вопросы для повторения (дополнительные),

■ самостоятельные: вопросы для изучения (основные) и вопросы для повторения (дополнительные).

Вопросы для изучения (основные) – это вопросы, на освоение которых направлено данное упражнение. Вопросы для повторения (дополнительные) – это вопросы, повторяющие предыдущие темы, которые необходимы как для их закрепления, так и для успешного выполнения данного упражнения. И вопросы для изучения, и вопросы для повторения подразделяются соответственно на темы, которые рассматриваются и изучаются на лекциях, практических занятиях и отведены на самостоятельное изучение. Вопросы для самостоятельного изучения включают как уже рассмотренные на аудиторных практических занятиях темы, так и новые темы.

Весь описанный выше процесс будем называть структурированием тем дисциплины для их отображения в практических упражнениях.

Представим прием структурирования темы «Технологии переработки информации в табличном процессоре» дисциплины «Информационные технологии в профессиональной деятельности» для их отображения в практическом упражнении для формирования компетенции ОК-3 и формирования знаний, умений и навыков применения в формулах Microsoft Excel относительных, абсолютных и смешанных ссылок.

Обучающиеся должны знать, что такое ссылка (адрес ячейки, записанный в формуле), виды этих ссылок, правила их записи и способы их получения в формуле, их изменение в процессе копирования формулы.

Согласно РПД дисциплины «Информационные технологии в профессиональной деятельности» лекционный материал по данной теме отсутствует, а в качестве основных вопросов практики является вопрос, непосредственно посвященный видам ссылок в формулах Microsoft Excel. Любые формулы выполняются на основе исходных данных, которые обучающийся должен предварительно ввести в ячейки Microsoft Excel. К этому моменту обучающийся должен иметь навыки по вводу и оформлению данных различного типа. В результате анализа вопросов РПД получаем следующее распределение вопросов темы для подготовки практического упражнения.

Вопросы для изучения (*основные вопросы практики*), предназначенные для освоения и закрепления нового материала:

1. Адреса ячеек (ссылки). Относительные, абсолютные и смешанные ссылки. Автоматический пересчет ссылок при копировании и перемещении содержимого ячеек. Автоматический пересчет выводимого формулой результата при изменении данных в ячейках.

¹ См.: Приказ Минобрнауки России от 1 декабря 2016 г. № 1511 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата)» (в ред. от 11 января 2018 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Вопросы для повторения (*дополнительные вопросы практики*) для повторения и углубления ранее изученных вопросов:

1. Типы данных: текст, число, формула. Форматирование данных в таблицах.

2. Ввод, редактирование и форматирование текста. Расположение содержимого относительно ячейки. Отображение текста в ячейке в нескольких строках.

3. Форматы данных: общий, числовой, денежный, финансовый, текстовый и др.

4. Автозаполнение ячеек Excel данными различного типа.

5. Числовые данные: ввод, редактирование. Форматы числовых данных.

6. Функции в Excel. Классификация функций. Синтаксис функций, имя, аргументы функций и возвращаемое значение. Использование Мастера функций. Способы ввода функций. Вложенные функции. Математические функции.

Вопросы для изучения (*основные вопросы самостоятельной работы*): отсутствуют согласно РПД.

Вопросы для повторения (*дополнительные вопросы самостоятельной работы*):

1. Формулы. Ссылки на ячейки других листов.

2. Автоподбор высоты строк/ширины столбцов.

Данный прием структурирования тем был применен авторами работы ко всем изучаемым темам РПД дисциплины «Информационные технологии в профессиональной деятельности» по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция. В результате по теме «Технологии переработки информации в табличном процессоре» было получено 11 блоков, а по теме «Технологии переработки информации в текстовом процессоре» – 13 блоков и т.д. По каждому блоку были разработаны и апробированы практические упражнения для внеаудиторной самостоятельной работы, включенные в учебно-методическое пособие «Практикум по дисциплине «Информационные технологии в профессиональной деятельности» для юридических специальностей». Пособие было подготовлено авторами статьи для организации внеаудиторной самостоятельной работы обучающихся юридических вузов с целью обеспечения выполнения часов рабочей программы дисциплины, отводимых на данную форму работы.

Рассмотрим процесс подготовки практического упражнения по теме, соответствующей блоку «Относительные, абсолютные и смешанные ссылки».

Для ввода данных, необходимых для работы, обучающимся следовало подготовить файл для выполнения домашнего задания – новую книгу Excel из двух листов с названиями **Фемида** и **Моя задача** (остальные листы удалить), которую сохранить под именем Ссылки-Фамилия-Группа.xlsx, где Фамилия – фамилия обучающегося, а Группа – номер его группы.

Затем на листе **Фемида** ввести данные и оформить их, как показано на образце (см. рис. 1 на

стр. 121). При этом обучающийся должен воспользоваться ранее приобретенными компетенциями, входящими в список дополнительных вопросов практики, указанных выше, такими как вводом, редактированием и форматированием данных различного типа, приемами автозаполнения, а также дополнительными вопросами самостоятельной работы, в том числе автоподбором высоты строк и ширины столбцов.

Далее необходимо заполнить отформатированную таблицу исходными данными, применив при этом прием автозаполнения названий месяцев (ячейки A8:A19) и математические функции =СЛУЧМЕЖДУ(10;100) (ячейки B8:B19) и =СЛУЧМЕЖДУ(1;100) (ячейки C8:C19).

На этом вопросы для повторения и закрепления предыдущих тем были исчерпаны. Все последующие пункты упражнения были разработаны для закрепления новой темы, пройденной во время аудиторной практической работы (семинаре). Обучающиеся должны были с помощью формул Excel, содержащих относительные, абсолютные и смешанные ссылки, заполнить предложенную таблицу: подсчитать общее количество первичных и повторных консультаций за месяц (только относительные ссылки), оплату всех видов консультаций (относительные и абсолютные ссылки), отчисления от итоговой суммы (смешанные ссылки), в столбце «Всего за месяц» (D8:D19) сложить количество первичных и повторных консультаций (здесь только относительные ссылки).

В результате выполнения упражнения обучающийся должен последовательно получать формулы, представленные на рисунках 2, 3, 4.

На рисунке 2 (стр. 121) представлены формулы для ввода исходных данных для получения количества первичных и повторных консультаций за месяц, а также формула для получения их суммы за месяц с относительными ссылками.

На рисунке 3 (стр. 122) добавлены формулы для получения оплаты за первичные и повторные консультации с использованием относительных и абсолютных ссылок.

Ячейки H8:K19 необходимо заполнить одной формулой со смешанными ссылками для подсчета отчислений от итоговой суммы за месяц, умножив «Итого за месяц» (ячейки из столбца G) на проценты отчислений из ячеек H7, I7, J7, K7. Для подсчета столбца «Доход» (ячейки L8:L19) надо от «Итого за месяц» отнять сумму ячеек с отчислениями (использовать только относительные ссылки). Для всех ячеек D2, D3, E8:L19 установить денежный формат с рублями и округлением до целых.

Результатом выполнения указанных пунктов упражнения по подсчету отчислений от итоговой суммы получаем формулы, отображенные на рисунке 4 (стр. 122).

В практическом упражнении на листе с названием **Моя задача** обучающимся предлагалось придумать, ввести и решить вычислительную задачу

	A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L
1	Отчет по предоставленным консультациям юридической фирмы «Фемида»											
2	Цена первичной консультации			500								
3	Цена повторной консультации			350								
4												
5	Месяц	Количество консультаций		Всего за месяц	Оплата консультаций			Отчисления от итоговой суммы за месяц			Доход	
6		Первичные	Повторные		Первичные	Повторные	Итого за месяц	на аренду офиса	на расходные материалы	на зарплату	на налоги	
7								9%	2%	67%	14%	
8												

Рис. 1

	A	B	C	D
1				
2	Цена 1 первичной консультации		500	
3	Цена 1 повторной консультации		350	
4				
5	Месяц	Количество консультаций		
6		Первичные	Повторные	Всего за месяц
7	Январь	=СЛУЧМЕЖДУ(10;100)	=СЛУЧМЕЖДУ(1;100)	=B8+C8
8	Февраль	=СЛУЧМЕЖДУ(20;160)	=СЛУЧМЕЖДУ(1;100)	=B9+C9

Рис. 2

	A	B	C	D	E	F	G
1							
2	Цена 1 первичной консультации		500				
3	Цена 1 повторной консультации		350				
4							
5		Количество консультаций			Оплата консультаций		
6	Месяц						
7		Первичные	Повторные	Всего за месяц	Первичные	Повторные	Итого за месяц
8	Январь	=СЛУЧМЕЖДУ(10;100)	=СЛУЧМЕЖДУ(1;100)	=B8+C8	=B8*\$D\$2	=C8*\$D\$3	=E8+F8
9	Февраль	=СЛУЧМЕЖДУ(20;160)	=СЛУЧМЕЖДУ(1;100)	=B9+C9	=B9*\$D\$2	=C9*\$D\$3	=E9+F9

Рис. 3

	H	I	J	K	L
8	=\$G8*\$H\$7	=\$G8*\$I\$7	=\$G8*\$J\$7	=\$G8*\$K\$7	=G8-СУММ(H8;K8)
9	=\$G9*\$H\$7	=\$G9*\$I\$7	=\$G9*\$J\$7	=\$G9*\$K\$7	=G9-СУММ(H9;K9)

Рис. 4

A	B	C	D	E	F	G	H	I	J	K	L	
1	Отчет по предоставленным консультациям юридической фирмы «Фемида»											
2	Цена 1 первичной консультации		500									
3	Цена 1 повторной консультации		350									
4												
5	Месяц	Количество консультаций			Оплата консультаций			Отчисления от итоговой суммы за месяц				
6		Первичные	Повторные	Всего за месяц	Первичные	Повторные	Итого за месяц	на аренду офиса	на расходные материалы	на зарплату	на налоги	Доход
7												
8	Январь	84	86	170	42 000 р.	30 100 р.	72 100 р.	6 489 р.	1 442 р.	48 307 р.	10 094 р.	5768 р.
9	Февраль	117	30	147	58 500 р.	10 500 р.	69 000 р.	6 210 р.	1 380 р.	46 230 р.	9 660 р.	5 520 р.
	Март	73	9	82	36 500 р.	3 150 р.	39 650 р.	3 569 р.	793 р.	26 566 р.	5 551 р.	3 172 р.
	Апрель	65	8	73	32 500 р.	2 800 р.	35 300 р.	3 177 р.	706 р.	23 651 р.	4 942 р.	2 824 р.
	Май	47	8	55	23 500 р.	2 800 р.	26 300 р.	2 367 р.	526 р.	17 621 р.	3 682 р.	2 104 р.
	Июнь	107	67	174	53 500 р.	23 450 р.	76 950 р.	6 926 р.	1 539 р.	51 557 р.	10 773 р.	6 156 р.
	Июль	84	53	137	42 000 р.	18 550 р.	60 550 р.	5 450 р.	1 211 р.	40 569 р.	8 477 р.	4 844 р.
	Август	153	47	200	76 500 р.	16 450 р.	92 950 р.	8 366 р.	1 859 р.	62 277 р.	13 013 р.	7 436 р.
	Сентябрь	45	97	142	22 500 р.	33 950 р.	56 450 р.	5 081 р.	1 129 р.	37 822 р.	7 903 р.	4 516 р.
	Октябрь	75	32	107	37 500 р.	11 200 р.	48 700 р.	4 383 р.	974 р.	32 629 р.	6 818 р.	3 896 р.
	Ноябрь	155	89	244	77 500 р.	31 150 р.	108 650 р.	9 779 р.	2 173 р.	72 796 р.	15 211 р.	8 692 р.
	Декабрь	90	17	107	45 000 р.	5 950 р.	50 950 р.	4 586 р.	1 019 р.	34 137 р.	7 133 р.	4 076 р.

Рис. 5

в виде таблицы с данными, для решения которой нужно было использовать формулы с относительными, абсолютными и смешанными ссылками. В качестве примера такой задачи можно было бы рассчитать квартплату по квартирам, исходя из установленных тарифов. Данное творческое задание не является обязательным для выполнения по данной теме, и выполняется обучающимися по усмотрению преподавателя.

Практическое задание выполняется средствами программы Microsoft Office Excel, сохраняется в виде файла, и затем файл в виде вложения в письмо отправляется по электронной почте преподавателю для проверки.

В итоге получится, например, следующая таблица данных, рассчитанных с помощью формул, использующих различные виды ссылок (см. рис. 5).

Практические упражнения, составленные при помощи структурирования вопросов и отображенные в пунктах задания, обеспечивают обучающихся дидактическим материалом, при помощи которого может быть организована и оценена практическая, самостоятельная и домашняя работа в соответствии с учебными планами по вышеуказанной дисциплине.

Представление изучаемого материала в виде созданных практических заданий путем структурирования тем:

- учитывает объем, качество существующей рабочей программы дисциплины;
- способствует формированию заявленных в ФГОС компетенций;
- позволяет обучающимся успешно подготовиться к практическим занятиям, зачетам и экзаменам.

Составленные задания по структурированным вопросам помогут освоить обучающимся вопросы, вынесенные на внеаудиторную самостоятельную работу; качественно закрепить материал, рассматриваемый на учебных занятиях по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция.

Использование метода структурирования тем дисциплины для их отображения в практических упражнениях позволяет:

- сформировать у обучающихся основные компетенции ФГОС по информационным технологиям в условиях цифровых трансформаций;
- организовать практические, контрольные, самостоятельные и домашние работы по информационным технологиям;
- повысить качество учебного процесса.

В.Ф. Изотова,

*к. ф.-м. н., доцент, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: vf-izotova@yandex.ru*

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА КИБЕРФИЗИЧЕСКИХ СИСТЕМ И РОБОТОТЕХНИКИ

Аннотация: целью работы является анализ проблем правового регулирования искусственного интеллекта, робототехники, и киберфизических систем. Рассматриваются стратегические направления правового регулирования создания, применения и развития робототехники в России и за рубежом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, правовое регулирование робототехники, роботы, киберфизические системы.

V.F. Izotova,

*Ph.D. in Physics and Mathematics, associate professor of the chamber of computer science
Saratov state law Academy
e-mail: vf-izotova@yandex.ru*

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE CYBER-PHYSICAL SYSTEMS AND ROBOTICS

Annotation: the aim of the work is to analyze the problems of regulation of robotics, artificial intelligence and cyberphysical systems. The strategic directions of legal regulation of creation, application and development of robotics in Russia and abroad are considered.

Keywords: artificial intelligence, legal regulation of robotics, robots, cyberphysical systems.

Одним из ключевых и приоритетных направлений развития цифровых технологий является развитие и широкое применение искусственного интеллекта (ИИ) во всех сферах деятельности человека. По утверждению экспертов скоро «многие сферы общественной жизни будут обеспечиваться и контролироваться технологиями ИИ»¹.

Сегодня большое внимание уделяется внедрению систем ИИ в государственное управление, другие сферы жизни общества для облегчения выполнения профессиональных функций². Внедрение систем ИИ, несомненно, будет способствовать росту эффективности экономики, реализации стратегических государственных задач, обеспечению национальных интересов.

Исследования в области ИИ, робототехники, киберфизических систем во всем мире ведутся очень интенсивно специалистами в разных областях науки и техники. Причем результаты этих исследований, как любые научные результаты, не всегда прогно-

зируемы, и могут оказать как позитивное, так и негативное влияние на жизнь общества. Современные роботы, являющиеся носителями искусственного интеллекта стали настолько автономны, что в иногда могут выступать субъектом преступлений. Широко известен прецедент, когда беспилотный автомобиль сбил женщину, которая скончалась от полученных травм. Поэтому проблемами ИИ занимаются не только технические специалисты и экономисты, а также ученые-гуманитарии: философы, социологи, политологи, правоведа. Всестороннее правовое регулирование общественных отношений в сфере ИИ является крайне актуальной задачей.

Эта задача имеет важное международное значение, она получила развитие во многих ведущих странах мира. Как отмечают В.В. Архипов и В.Б. Наумов³, полноценный закон о робототехнике существует только в Южной Корее. В большинстве же стран, ведущих исследование в этой сфере, отношения «регулируются только на уровне концепции». В 2015 г. принята пятилетняя стратегия развития робототехники в Японии.

¹ См.: Доклад Антимонопольного центра БРИКС в рамках VI Конференции по конкуренции под эгидой Брикс. URL: <https://cljournal.ru/news/18216/> (дата обращения: 09.11.2019).

² См.: Изотова В.Ф., Иконников Д.Ю. Проблемы предъявления электронных доказательств // Проблемы управления в социально-экономических и технических системах: сб. науч. ст. Саратов: Наука, 2019. С. 262–265.

³ См.: Архипов В.В., Наумов В.Б. Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России Закона о робототехнике // Труды СПИИРАН. 2017. № 6. С. 46–62. URL: <http://robopravo.ru>, https://vk.com/page-135261864_52392566 (дата обращения: 12.04.2019).

В 2018 г. Китай принял так называемый план развития технологий ИИ нового поколения. На основе развития технологию ИИ в стране планируется модернизация сферы управления, в частности административное управление, управление судебной системой, городское управление и охрана окружающей среды. В стране создается платформа ИИ, на которой будет базироваться оказание государственных услуг и разработка механизмов для принятия решений. С использованием платформы ИИ планируется решение сложных общественных проблем, анализ политической ситуации, ликвидация чрезвычайных ситуаций и выполнение особо важных стратегических решений. Китай планирует укрепить интеграцию государственных информационных ресурсов в целях точного прогнозирования социальных потребностей и обеспечения прямого взаимодействия между общественностью и правительством страны.

Аналогичные стратегические программы были приняты в Германии и Эстонии. Разработана стратегическая программа исследований в области робототехники Европейского союза¹. В данной программе определена стратегическая основа для исследований в области робототехники, проанализирована рыночная перспектива этой отрасли, основная область применения, технологии, определен вектор развития отрасли, изложены основные цели и задачи развития ИИ.

В ходе конференции «Beneficial 2017» в Азиломаре (Калифорния, США) были разработаны основные принципы, так называемые 23 Азиломарских принципа ИИ² в рамках которых рекомендуется проводить дальнейшие исследования в сфере ИИ. Эти принципы, хотя и соответствуют высоким идеалам нравственности в научных исследованиях, по существу являясь весьма утопическими, на самом деле обозначают ключевые проблемы, возникающие у человечества с развитием ИИ.

Первые семь принципов провозглашают развитие ИИ только на благо человека, призывают инвесторов финансировать исследования, сопутствующие разработке ИИ, то есть философские, социологические и пр. исследования. Также звучат призывы к конструктивному сотрудничеству политиков и ученых, к взаимному доверию разработчиков ИИ разных стран и открытой публикации результатов в сфере ИИ, призывы разработчиков к ответственности разработчиков за безопасность использования ИИ.

Далее речь идет о возможностях высокоуровневого ИИ, которые некоторым кажутся пока неосуществимыми, и в связи с этим не требующими право-

вого регулирования. Однако, возможна недооценка современной ситуации развития систем ИИ. И вполне реальна ситуация формирования зависимости личности от ИИ, по аналогии зависимости некоторых от Интернета, когда человек не стремится к саморазвитию, целиком полагаясь на информационные источники глобальной сети. На наш взгляд опасность порабощения личности с использованием ИИ вполне реальна и велика, особенно, когда сама личность жаждет большую часть своих функций, особенно когнитивных доверить ИИ.

Таким образом, можно констатировать, что принимая «Азиломарские принципы», ученые пытаются обратить внимание на возможность использования систем ИИ не на благо человека в политических, военных, коммерческих интересах, которое может быть отнюдь не безопасно для общества. И только адекватное правовое регулирование, как на государственном, так и международном уровне может предотвратить, или хотя бы ослабить негативное воздействие ИИ на человека.

Следует отметить, что мнение российских³ и зарубежных ученых близки при определении наиболее важных проблем правового регулирования ИИ и робототехники. В частности, П. Асаро в качестве ключевых выделил следующие направления:

- определение ответственности разработчика и производителя роботов и систем ИИ;
- определение правового статуса роботов, с учетом возрастающей сложности выполняемых ими функций;
- ограничение ответственности систем ИИ, которые в силу их природы не могут нести полную ответственность за свои действия.

Важным шагом в определении стратегических направлений развития систем ИИ в Российской Федерации стало принятие «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»⁴. Документ определяет цели и основные задачи развития ИИ в России. Он базируется на Конституции РФ, Федеральном законе № 172-ФЗ «О стратегическом планировании», «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», «Стратегии научно-технологического развития» и др.

В Стратегии закреплены ключевые понятия в рассматриваемой области: искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта (ТИИ), открытая библиотека искусственного интеллекта и т.д. В частности, искусственный интеллект определяется как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции

¹ См.: Strategic Research Agenda for Europe 2014-2020. URL: https://www.eu-robotics.net/sparc/upload/topic_groups/SRA2020_SPARC.pdf (дата обращения: 12.04.2019).

² См.: Азиломарские принципы искусственного интеллекта. URL: http://robopravo.ru/azilomarskiie_printsipy_ii; Подробнее о проекте см. URL: <https://futureoflife.org/bai-2017/> (дата обращения: 12.04.2019).

³ См.: Незнамов А.В., Наумов В.Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. № 2. С. 69–89.

⁴ См.: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Насущной проблемой правового регулирования является совершенствование системы понятий, на которую оно опирается. Как уже отмечалось, в стратегии робототехники закреплён ряд важнейших дефиниций: это и искусственный интеллект, и система ИИ, и пр. Однако, мы не найдем в законодательстве, например, такого важного понятия как «киберфизическая система». Хотя одним из ключевых направлений развития ИИ является, как раз, разработка киберфизических систем, то есть систем, подразумевающих интеграцию вычислительных компонент ИИ как в биологические так и рукотворные объекты.

Недостаточное междисциплинарное взаимодействие исследователей также является проблемой, которая может привести к недооценке последствий совершенствования систем ИИ на различные области жизни общества.

Пожалуй, самой важной проблемой регулирования искусственного интеллекта и робототехники и является проблема ответственности: кто несет ответственность за действия робота, особенно автономного или разумного. Трудно не согласиться с мнением ученых о значимости проблем уголовной ответственности за деяния, совершаемые посредством или с участием искусственного интеллекта¹.

С использованием систем ИИ усугубляется проблема информационной безопасности. Системы ИИ способны анализировать большие объемы информации, в том числе персональных данных, выявляя неочевидные закономерности и тенденции, которые могут затем использоваться для принятия решений и не только во благо государства, общества, человека.

И, наконец, проблема риска нанесения необратимого ущерба человечеству в результате применения так называемого «сильного» ИИ. Вопросы правового регулирования искусственного сильного интеллекта пока юристами всерьез не рассматриваются, однако недооценивать их не правильно.

Кроме правового регулирования защиты создаваемых баз данных, открытых библиотек ИИ и пр. в поле рассмотрения попали проблемы регулирования авторских прав на интеллектуальные продукты, созданные системами ИИ и роботами².

Если говорить о стратегии возможного регулирования систем ИИ, киберфизических систем и робототехники, представляется необходимым решать

¹ См.: *Денисов Н.Л.* Концептуальные основы формирования международного стандарта при установлении уголовной ответственности за деяния, связанные с искусственным интеллектом // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2019. № 4. С. 18–20.

² См.: *Харитонов Ю.С.* Правовой режим результатов деятельности искусственного интеллекта // *Современ-*

ные информационные технологии и право: монография / отв. ред. Е.Б. Лаутс. М.: Статут, 2019. С. 68–83.

ее на нескольких уровнях³. Первый уровень – Государственная программа (концепция) развития, робототехники, базовый документ, Второй уровень – основы законодательства о киберфизических системах. Которые изложены в Платформе мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации»⁴.

Третий уровень – изменения федеральных законов в конкретных отраслях, где внедряются или ожидается внедрение киберфизических систем. По существу, речь идет обо всех основных законах и кодексах, так как любая отраслевая корректировка затрагивает целый пласт регулирования.

Четвертый уровень – пакетные адресные изменения подзаконных актов, что предполагает изменение норм непосредственного действия: административных и технических регламентов, указов, приказов и постановлений и т.д.

Пятый уровень – международное регулирование. Ряд авторов считают, что одним из вариантов решения проблемы должен быть международный документ. Основой такого документа может быть использована «Модельная конвенция о робототехнике и ИИ», в которой проанализированы и обобщены различные предложения, касающиеся данного предмета⁵.

Должны быть исследованы и урегулированы: предмет и общие принципы регулирования; предметная терминология; состав субъектов, их права и обязанности; механизмы ответственности; проблемы обеспечения безопасности и защиты информации о частной жизни; вопросы стандартизации; основы саморегулирования. Такие изменения на наш взгляд могли бы стать базой для дальнейших изменений законодательства.

Совершенствование законодательства в соответствии с вышеуказанными направлениями должно носить комплексный характер и осуществляться поэтапно. Причем законодательный подход должен обеспечиваться сочетанием решения разнообразных задач не только в области информационного права и применения электронных технологий, но и в рамках гражданского, административного, налогового, финансового права.

³ См.: *Незнамов А.В., Наумов В.Б.* Указ. соч. С. 69–89.

⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 2 марта 2019 г. № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (вместе с Положением о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации») // *СЗ РФ.* 2019. № 11, ст. 1119.

⁵ См.: Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте. Правила создания и использования роботов и искусственного интеллекта. Адрес URL: http://robopravo.ru/modelnaia_konvientsiia (дата обращения: 12.05.2019).

А.М. Хлус,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

e-mail: hlus.home@mail.ru

ИНФОРМАТИЗАЦИЯ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА В АСПЕКТЕ ВЛИЯНИЯ НА РАЗВИТИЕ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация: современное развитие техники способствует переходу всего мирового сообщества вначале в информационное, а затем в цифровое общество, функционирующее в едином информационном пространстве. В связи с этим прогнозируются некоторые опасные последствия в развитии информационного и цифрового общества. Одним из проявлений информатизации и цифровизации общества является широкое распространение негативной информации, которая оказывает отрицательное воздействие на не устойчивых в психологическом и психическом плане людей, количество которых с каждым годом только увеличивается, что представляет не только медицинскую, но и проблему безопасности. В связи с этим возникает необходимость обеспечения на государственном и на мировом уровне безопасности пользования информацией, которая должна обеспечиваться во всех информационных ресурсах, особенно сосредоточенных в сети Интернет. Не меньшую опасность представляют проблемы реализации в информационной сфере различных технологий манипулирования сознанием пользователей информацией, использования информационного пространства для ведения информационной войны между государствами, а также совершения преступлений. Создается основа для всеобщего контроля за населением в масштабах как отдельно взятых государств, так и мирового сообщества в целом. Содержание этих тенденций и определяют роль современной науки в системе мер ограничения проявлений их негативного воздействия на личность, общество и государство. Сделан вывод о невозможности решения обозначенных проблем традиционными методами. Предлагается разработка новых методик исследования, и требуются новые научные подходы к решению обозначенных в данной работе проблем глобального масштаба.

Ключевые слова: информатизация, цифровизация, общество, информация, информационное пространство, преступная деятельность, технологии манипулирования, информационная война.

A.M. Khlus,

PhD, Associate Professor, Associate Professor of Department of Criminalistics

Belarusian State University (Minsk, Republic Belarus)

e-mail: hlus.home@mail.ru

INFORMATIZATION AND DIGITALIZATION OF SOCIETY IN THE ASPECT INFLUENCE ON THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL ACTIVITIES

Annotation: the modern development of technology contributes to the transition of the entire world community, first to the information and then to the digital society, functioning in a single information space. In this connection, some dangerous consequences are predicted in the development of the information and digital society. One of the manifestations of informatization and digitalization of society is the wide dissemination of negative information, which has a negative effect on psychologically and psychologically unstable people, whose number only increases every year, which represents not only medical, but also – security issue. In this regard, there is a need to ensure the security of information use at the state and world level of security, which should be provided in all information resources, especially those concentrated on the Internet. Not less dangerous are the problems of the implementation in the information sphere of various technologies of manipulating the consciousness of users of information, using the information space for waging information war between states, and also committing crimes. A basis is being created for universal control over the population on the scale of both individual states and the world community as a whole. The content of these trends and determine the role of modern science in the system of measures to limit the manifestations of their negative impact on the individual, society and the state. It is concluded that it is impossible to solve the indicated problems by traditional methods. It proposes the development of new research methods and new scientific approaches are needed to solve the global problems identified in this paper.

Keywords: informatization, digitalization, society, information, information space, criminal activity, manipulation technologies, information war.

Современная наука оказалась в переходном состоянии, когда происходит осознание необходимости нового знания. Это обусловлено переходом к новому этапу в развитии общества: от информационного к цифровому. Такой переход требует от научного сообщества пересмотра многих научных позиций, формирования новых подходов к исследованию теоретических и прикладных проблем. А в аспекте противодействия преступности необходимо использование всего позитивного, что связано с этими процессами. Для понимания влияния этих этапов на развитие преступной деятельности, необходимо в начале рассмотреть их сущность.

Информационное общество представляет собой современный этап в развитии цивилизации. Его формированию предшествует внедрение компьютерной техники, современных средств получения, обработки и передачи информации в различные сферы жизнедеятельности человека, что послужило процессу информатизации.

Информационное общество отличается доминирующей ролью знаний и информации во всех сферах жизнедеятельности человека, общества и государства. Информационно-коммуникационные технологии оказывают воздействие на образ жизни людей, их образование и работу, а также на взаимодействие государства и гражданского общества.

Информационное общество характеризуется не только как процесс компьютеризации, но и как создание условий для доступа к источникам информации. Но этот процесс будет иметь положительный характер в случае использования людьми позитивной (полезной) информации. Доступ человека к информации деструктивного характера, в ряде случаев, лучше ограничить. Это связано с влиянием негативной информации на психику людей. По заключению Всемирной организации здравоохранения «сотни миллионов людей в мире страдают психическими заболеваниями»¹. Получается впечатляющая цифра и, следует заметить, она имеет тенденцию к увеличению в связи с теми процессами, которые имеют отношение к информатизации и цифровизации общества.

Информационное общество наряду с положительными характеристиками, имеет и недостатки. Не анализируя весь спектр негативных проявлений, связанных с информатизацией общества, укажем на те, которые имеют преступный характер как в отношении отдельных личностей, их неопределенного количества, так и в отношении государств и мирового сообщества в целом.

Во-первых, на личность человека может оказать отрицательное воздействие нежелательная информация, которая умышленно «заброшена» в популярный информационный ресурс. В связи с этим возникает необходимость обеспечения на государ-

¹ См.: Десять процентов населения Земли страдает психическими заболеваниями. URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/cr-who-mental-health/2861213.html> (дата обращения: 04.06.2019).

ственном уровне безопасности пользования информацией. Причем эта безопасность должна обеспечиваться во всех информационных ресурсах. Особенно это касается образовательных информационных ресурсов, сосредоточенных в Интернете, где нередко размещено «огромное количество недостоверной, тенденциозной, идеологически вредной информации, порой, выходящей за рамки этических норм»². В связи с этим представляется недостаточным контроль и управление доступа субъектов системы образования (школьников и студентов) к образовательной информации в Интернете. Главным здесь, по нашему мнению, должна быть «жесткая фильтрация» информации на сайтах Интернета, которой пользуется молодое поколение. Это достаточно сложный процесс, но в этом направлении должны приниматься соответствующие меры на государственном уровне. В противном случае, не приходится говорить о надлежащем воспитании подрастающего поколения, формировании у него патриотических чувств и нравственных основ.

Во-вторых, информационная сфера является не только источником информации, которая может быть как позитивной, так и негативной. Информационная сфера – это «поле» для реализации различных технологий манипулирования сознанием пользователей информацией. В зависимости от целевой направленности эти технологии могут иметь различный характер: как откровенно враждебные для человека, разрушающие его личность, так и формирующие у него отрицательные качества (стяжательство, корысть и т.п.).

В аспекте этой проблемы вспоминается организованная в сети Интернет игра для подростков «Синий кит», в результате которой имели место случаи суицидальных смертей детей, участвующих в этой игре. Общественность забила тревогу в связи с этой игрой после публикации в «Новой газете» 15 мая 2016 года под названием «Группы Смерти». Журналисты утверждали, что в период с 2015 по начало 2016 годов из-за участия в игре погибли около 130 детей³.

Не анализируя в деталях технологию воздействия на личность данной игры, мы считаем, подобные негативные проявления возможными. Свои убеждения подкрепим примерами реализации манипуляционных технологий, которые применяются на законных основаниях практически ежедневно и с ними каждый гражданин сталкивается по многу раз. Например, сфера торговли «грешит» постоян-

² См.: *Абламейко С.В., Воротницкий Ю.И., Листопад Н.И.* Стратегия информатизации и информационная безопасность системы образования в условиях развития информационного общества. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/105304/4/12-17.pdf> (дата обращения: 27.05.2019).

³ См.: Синий кит (игра). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%B8%D1%82_\(%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B9_%D0%BA%D0%B8%D1%82_(%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0)) (дата обращения: 27.05.2019).

ным использованием манипуляций сознанием потребителей и способствует формированию того, что сейчас называется «потребительским обществом».

Манипулятивные технологии психологического воздействия на личность широко применяются в экономической сфере деятельности. В качестве примера манипулирования потребителями можно назвать такие приемы, используемые в торговле, как «скидки! 30%! 50%! 70%!», «распродажа» и др. Вместе с тем, следует отметить пассивный характер применения этих приемов в отношении неопределенного количества покупателей, которые не лишены свободы выбора. Эти приемы как своеобразные «капканы», в которые попадают хоть и многие, но недостаточно просвещенные люди, а также те, кто, сознательно рискуя, рассчитывает на выгодную сделку.

Манипулирование соотносится с мошенничеством как общее с частным. Мошенничество это, по сути, также манипулирование, но противозаконными способами, преследуемыми Уголовным кодексом. Способы манипулирования потребителями на грани мошенничества нами рассмотрены ранее. Они связаны с новым, ранее неизвестным, способом реализации товаров. Реализуются товары, как правило, массового потребления. В их числе различная техника (бытовая, медицинская, для отдыха), постельные принадлежности, кухонная посуда, ортопедические матрасы, косметика и др. Реализация таких товаров осуществляется строго определенным образом, на так называемых «презентациях»¹. Деятельность презентантов внешне согласуется с действующим законодательством и только на первый взгляд ничего явно противоправного не содержит. Но это только на первый взгляд. Упомянутые «презентации» можно также отнести к числу «честных» способов отъема денег. Дело в том, что действия «презентантов» вписываются в обычную схему мошенничества, представляет собой управляющее воздействие субъекта на объект. Причем субъект скрывает истинную цель, афишируя объекту иную, привлекательную для него цель, то есть оказываемое на объект воздействие основывается на обмане и носит скрытый характер.

С момента опубликования нами работы², посвященной обозначенной проблеме, ничего не изменилось. Можно даже отметить, что количество проводимых «презентаций» увеличилось. Причина такой ситуации и бездействия правоохранителей кроется в следующем: во-первых, манипулирование сознанием потребителя на грани мошенничества имеет высокий уровень организации, что, как следствие, во-вторых, не влечет за собой жалоб (претензий) со стороны потенциальных «жертв», которые в подавляющем большинстве случаев даже не в состо-

янии оценить те действия, которые в отношении их совершены. В-третьих, нет жалоб – нет реагирования правоохранителей, которые подобные ситуации рассматривают как дела частного обвинения.

В целом по аналогичной схеме действуют мошенники, убеждающие потребителей в необходимости утепления оконных проемов, заменой резинок на окнах. Если бы не было обращений потребителей в правоохранительные органы, то до сих пор мошенники, «специализирующиеся на окнах» чувствовали бы себя в полной безопасности³.

Приведенные примеры показывают, что реагируют правоохранители только в случаях обращения к ним потерпевших за защитой нарушенных прав, что не является верным, так как они должны принимать меры, направленные на выявление признаков совершенных преступлений.

В-третьих, современное информационное пространство все чаще превращается в арену противоборства государств, вражда которых достигает уровня информационной войны, которая представляет собой организованное на государственном уровне вмешательство в информационное пространство другого государства⁴.

В-четвертых, создается основа для всеобщего контроля за населением в масштабах как отдельно взятых государств, так и мирового сообщества в целом. Данная проблема имеет конспирологический характер. В Республике Беларусь данная проблема не подлежит обсуждению. Но это только на сегодняшний день. Никто не может гарантировать, что в скором будущем она не проявит себя.

В качестве примера можно рассмотреть принятый еще в 2010 году закон «Об организации предоставления населению государственных и муниципальных услуг». На его основании гражданам Российской Федерации выдавалась универсальная электронная карта (далее – УЭК). Универсальность этой карты состояла в визуальной (графической) и электронной (машинночитываемой) информации о пользователе картой. Она же обеспечивала доступ к информации о пользователе картой, используемой для удостоверения прав пользователя картой на получение государственных и муниципальных услуг, иных услуг, в том числе для совершения юридически значимых действий. В настоящее время действие указанного закона и, соответственно, программы обязательной выдачи гражданам УЭК приостановлены. Но это не означает, что проблема снята. В связи с этим, возникает вопрос: не последуют ли после шага назад два шага вперед? Тем более, что сохраняется в неизменном состоянии Стратегия развития электронной промышленности России на период до 2025 года (далее – Стратегия), соглас-

¹ См.: Хлус А.М. Мошенничество или способ современной торговли? // Законность и правопорядок: правовой науч.-практ. жур. Минск. 2016. № 3. С. 28–33.

² См.: Там же.

³ См.: Мошенничество с заменой резинок на окнах. URL: <https://finfex.ru/moshennichestvo-s-zamenoj-rezinok-na-oknah/> (дата обращения: 27.05.2019).

⁴ См.: Почепцов Г.Г. Информационные войны: базовые параметры. URL: <http://psyfactor.org/psyops/infowar9.htm> (дата обращения: 12.04.2019).

но которой «внедрение нанотехнологий должно еще больше расширить глубину ее проникновения в повседневную жизнь населения», а также «должна быть обеспечена постоянная связь каждого индивидуума с глобальными информационно-управляющими типа Интернет»¹. Более детально обозначенную проблему мы рассмотрели ранее².

В-пятых, в информационном пространстве все больше совершается преступлений, что определяет тенденцию увеличения их удельного веса в объеме всей преступности.

Формирования мирового информационного общества связано с расширением преступного интереса в информационной сфере. Уже сейчас имеет место тенденция ежегодного увеличения так называемых «компьютерных преступлений». Можно с уверенностью прогнозировать в ближайшем будущем значительный рост преступлений, совершаемых в информационном пространстве.

Выше мы обозначили только некоторые проблемы, связанные с информатизацией общества. А что же цифровизация общества? Какие преимущества и недостатки она имеет?

Цифровизацию в настоящее время ученые рассматривают в узком и широком смысле. В узком смысле цифровизация – это преобразование аналоговой информации в цифровую форму. Дальнейшее использование такой «оцифрованной» информации возможно только в случае ее обратного преобразования в аналоговую. Положительным в вопросе цифровизации в узком смысле является возможность преобразования огромного массива обычной (аналоговой) информации в ее цифровую форму.

С точки зрения широкого понимания цифровизации, она представляет собой «современный общемировой тренд развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшению жизни»³. Такое представление цифровизации звучит весьма оптимистично и отражает только положительные стороны данного процесса. На его начальном этапе еще трудно судить о влиянии цифровизации на экономику государств. При этом остается без ответа вопрос о равных преимуществах цифровизации для государств с разным уровнем развития экономики.

В целом для цифровизации, учитывая ее тесную

¹ См.: Приказ Минпромэнерго от 7 августа 2007 г. № 311 «Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 года». URL: [https://base.consultant.ru/cons/cgi/online/cgi?base=LAW;n=99457;reg=doc](https://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW;n=99457;reg=doc) (дата обращения: 06.04.2016).

² См.: Хлус А.М. Глобализация как причина коррупции и роль криминалистики в ее нейтрализации // Вестник Карагандинского государственного университета. Сер.: Право. 2017. № 3(87). С. 41–51.

³ См.: Халин В.Г. Цифровизация и ее влияние на Российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски / В.Г. Халин, Г.В. Чернова // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–62.

связь с информатизацией, характерны те же проблемы, на которые мы уже обратили внимание.

Что касается «улучшения жизни» в связи с цифровизацией, то здесь опять же невозможно дать однозначный ответ. С одной стороны, процессы цифровизации (а равно и информатизации, как ее основы) расширяют возможности современного человека в получении и использовании разносторонней информации, приобретении услуг и товаров. Но с другой стороны, эта сфера представляет и опасности для человека. И здесь мы имеем в виду не только возможности внешнего воздействия на человека, что непременно наличествует в реальности. Сама по себе цифровизация, как бы это нелогично не выглядело, является ограничивающим фактором в развитии человека, что в итоге приводит его к страхам, к постоянному стрессу и, как результат, к психическим расстройствам. Не с этим ли связано появление в ряду человеческих зависимостей таких как «игромания», «компьютерные игры», которые с точки зрения медицины трактуются как психические расстройства?

Увлечение компьютерными играми, Интернетом приводит к тому, что молодое поколение, приспособившись к новым технологиям, «теряет базовые социальные навыки, происходит их угасание, социальное поведение ухудшается»⁴.

В настоящее время востребован человек компетентный, наделенный творческими способностями, быстро приспособившийся к изменившимся условиям жизнедеятельности. А как быть с теми, кто не отвечает этим требованиям? В связи с этой проблемой появились высказывания идеи о новом институте семьи, о необходимости контроля над рождаемостью с целью сокращения количества проживающих на Земле.

Противоречивые мнения в вопросе о населении земного шара не создают препятствий для возможной реализации деструктивных мер. В качестве таковых мы воспринимаем чипизацию населения в любой форме: добровольной или принудительной. И если на первоначальном этапе проводится добровольная чипизация (таких примеров уже много), то не исключено, что в дальнейшем она приобретет принудительную форму и это в силах любого государства.

Традиционная наука не в состоянии решить многие обозначенные проблемы. С учетом изложенного напрашивается вывод о том, что для решения глобальных проблем требуются не только новые методики исследования, но и новые научные подходы.

⁴ См.: Чернышев А.Г. Цифровизация и технологизация общественной жизни как социально-политическая проблема: сохранение идентичности и роль государства в условиях развития глобальных сетей. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tsifrovizatsiya-i-tehnologizatsiya-obschestvennoy-zhizni-kak-sotsialno-politicheskaya-problema-sohranenie-identichnosti-i-rol> (дата обращения: 23.05.2019).

С. Ф. Афанасьев,

*д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии, заведующий сектором
Саратовского филиала Института государства и права РАН
e-mail: af.73@mail.ru*

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СООТНОШЕНИЕ НОРМ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА*

Аннотация: в статье имеет место постановка проблемы о соотношении норм процессуального и материального права в аспекте четвертой промышленной революции. Обосновывается, что новейшие цифровые и информационные технологии не только сами нуждаются в правовом регулировании, но и активно воздействуют на право, как один из важнейших социальных регуляторов. При этом такое воздействие выражается прежде всего в том, что различные субъекты общественных отношений в условиях научно-технического прогресса не столько нуждаются в императивном или диспозитивном юридическом регламентировании, сколько в процессуальном правовом инструментарии, который способствует быстрому и эффективному разрешению возникших спорных ситуаций. Как следствие процессуальные правила поведения занимают в правовом регулировании доминирующее положение.

Ключевые слова: четвертая промышленная революция, цифровые и информационные технологии, процессуальное и материальное право, эффективный механизм разрешения споров.

S. F. Afanasiev,

*doctor of law, Professor, head of the Department of arbitration process Saratov state law
Academy, head of sector of Saratov branch Institute of state and law RAS
e-mail: af.73@mail.ru*

INFLUENCE OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON THE RATIO RULES OF PROCEDURAL AND SUBSTANTIVE LAW

Annotation: the article deals with the problem of correlation of procedural and substantive law in the aspect of the fourth industrial revolution. It is proved that the latest digital and information technologies not only need legal regulation, but also actively influence the law as one of the most important social regulators. At the same time, such an impact is expressed primarily in the fact that various subjects of public relations in the conditions of scientific and technological progress do not so much need imperative or dispositive legal regulation as in procedural legal tools that contribute to the rapid and effective resolution of disputes. As a consequence, procedural rules of conduct occupy a dominant position in legal regulation.

Keywords: the fourth industrial revolution, digital and information technologies, procedural and substantive law, effective dispute resolution mechanism.

В последнее время много говорят о влиянии промышленной революции и ее составной части – цифровых и информационных технологий на право. Некоторые утверждают, что зарождается «право второго модерна, регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, Больших данных, роботов, искусственного интеллекта»¹. Другие полагают, что как такового нового права нет, есть лишь право упоря-

дочивающее и организующее информационного права². Но в любом случае практически никто не рассуждает о детерминирующей роли промышленной и цифровой революции в контексте соотношения норм процессуального и материального права.

Итак, проблема соотношения процессуального и процессуального права не является новой, она возникла в силу разной юридической природы данных норм, в то или иное время она разрешалась по-разному. Так, в древнем римском обществе, которое характеризуется устным и текстологическим способами передачи правовой информации, вопрос о выяснении указанного выше соотношения не

* Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

¹ Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 2018. 29 мая.

² См., подробнее: Сергиенко Л.А. История формирования информационного права в СССР и Российской Федерации 1960–2000 годов. М., 2013.

был принципиально важным, поскольку само право воспринималось как единое и неделимое. При этом начинались законодательные акты, как правило, с процессуальных положений и продолжались материальными, недаром всем известные Законы XII таблиц открываются предписанием о судоговорении¹.

Лишь значительно позднее под влиянием теории разделения властей материальное право стало восприниматься как самодостаточное, обслуживаемое посредством процессуального инструментария. Официальный статус любого права и его отраслей связывался со строгой формальной процедурой принятия и опубликования текста нормативного правового акта. Описание судебной власти во многих европейских государствах приобрела сугубо правоприменительный характер, а отдельные слабые законодательные проявления со стороны судейского сообщества стали рассматриваться в качестве исключения. Исторически это проявилось и в принятии законодательных актов, дифференцирующих и оформляющих материальное и процессуальное право в виде обособленных документов.

Особенно активно последнее явление наблюдалось в середине XIX в., когда в ряде германских государств, а затем и в России, были приняты многочисленные уставы, регламентирующие, в частности гражданское и уголовное судебное производство². С этого момента прочно утверждается традиция разграничения материальных и процессуальных норм, и как следствие, обостряется доктринально-практическая дискуссия относительно их соотношения³.

Таким образом, на протяжении тысячелетий никто не ставил вопрос о зависимости соотношения материального и процессуального права от технологической формы передачи юридически значимой информации; это не было особенно важным. Главное заключалось в ином – каким образом политическая власть под влиянием различных объективных и субъективных факторов этот баланс конституирует. Однако в рамках четвертой промышленной революции многие ранее очевидные истины уже не выглядят таковыми. О.В. Гуторович среди прочего пишет: «В настоящее время мы находимся у истоков четвертой промышленной революции, которая по сложности и масштабу не имеет аналогов в предыдущем опыте человеческой цивилизации. Ее сущность в переходе на полностью автоматизированное цифровое производство, управление которым будет возложено на интеллектуальные систе-

мы, а также в создании глобальной промышленной сети вещей и услуг»⁴.

Действительно, глобальные экономические, индустриальные и информационные и иные преобразования активно модифицируют правовую сферу, отличающуюся определенным консерватизмом и инерционностью. Если ранее институция права во многом предопределяла новизну общественных отношений, то в настоящее время она все более фиксирует уже имеющиеся фактический материал и социальные взаимосвязи как данность, иногда выказывая свою неспособность и к этому. Клаус Шваб, основатель всемирного экономического форума в Давосе, отмечает, что четвертая промышленная революция сегодня охватывает три основные группы дополняющих друг друга корреляций, а именно в области материалов, цифры и биологии. Все это требует отклика со стороны права, которое одновременно является средством регулирования и объектом воздействия, поскольку само по себе преобразуется под воздействием вновь возникающих технологических платформ. «Нам нужен новый нормативно-правовой климат, без которого невозможно уверенное применение инновационных технологий, – констатирует автор. – Устаревшие законодательства плохо приспособлены к решению описываемых проблем – это огромная помеха»⁵.

Ряд правоведов, прежде всего европейских, в связи с изложенным предположили, что цифровизация существенно меняет функционал права, т.е. если сегодня в целом внимание акцентируется на регуляторном значении, а стало быть, на материальном праве, то в контексте цифровой коммуникации фокусировка будет иметь место на информационной составляющей и ее эффективности. Другими словами, как отмечает Дэвид Хаус, материально-правовое регулирование для субъектов четвертой промышленной революции становится менее ценным по сравнению с оперативностью рассмотрения и разрешения возникающих конфликтов, для них важна общая направленность и контурность материальных норм при внутренней содержательности норм процессуальных или процедурных. Последнее обусловит обновление привычной архитектуры концепции разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную⁶.

Как ни парадоксально, в этом прослеживаются некие параллели с древним римским правом, в котором тщательно прописанные процессуальные положения позволяли преторам за счет прецедента синтезировать и дополнять материально-правовые парадигмы. Не случайно утверждалось, что основа

¹ См., подробнее: *Никольский В.В.* XII Таблиц. Исследование по истории римского права. СПб., 1897.

² См., подробнее: Судебные уставы Российской империи 1864 г.: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии (к 150-летию Судебной реформы) / под ред. Д.Я. Малешина. М., 2014.

³ См.: *Рязановский В.А.* Единство процесса. Иркутск, 1920. С. 1–3.

⁴ *Гуторович О.В.* Четвертая промышленная революция и ее возможные последствия // Дискурс. 2018. № 6. С. 11.

⁵ См.: *Шваб К.* Технологии четвертой промышленной революции. М. 2018. С. 11.

⁶ См.: *Howes D.* E-Legislation: Law-Making in the Digital Age // *McGill Law Journal*. 2001. P. 50.

римского правопорядка покоится не на материальном законе, а на процессуальной форме¹.

Российские ученые не отрицают тезу о том, что четвертая промышленная революция необратима, при этом она не сосредотачивается только на новейших технологиях, например цифровых, речь идет об институциональной системе, существенно трансформирующей классические общественные, экономические, правовые и прочие отношения. Вопрос состоит лишь в том, насколько глубоко будут эти структурные преобразования, и каким образом это отразится на человеческой деятельности. С одной стороны право сталкивается с big data, обработка и классификация которых позволяет повысить качество принимаемых решений, автоматизировать (например, при использовании искусственного интеллекта) их с учетом критерия серийности и повторяемости, с другой – право, будучи специфическим общественным регулятором, явно не успевает за динамикой развития предмета регулирования. Как небезосновательно отмечает Т.Я. Хабриева, «законодатель из-за формата своего сознания не всегда в состоянии понять логику и механизм процессов создания и функционирования цифровых технологий, погружения общественных отношений в цифровую матрицу, правового поведения людей, интегрированных в новую реальность. Поэтому сейчас трудно рассчитывать на адекватные и эффективные законодательные решения. Тем не менее регулирование требуется»².

Модель такого регулирования может быть различной, но уже сейчас вполне очевидно, что императивные средства юридической регламентации перестают быть эффективными, по причине чего страдает конкретное правоприменение, среди прочего судебное. Об этом среди прочего свидетельствует небезызвестное решение Таганского районного суда г. Москвы от 13 апреля 2018 г., которым было установлено ограничение доступа на территории России к информационным системам и (или) программам для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети «Интернет» и работа которых обеспечивается Telegram Messenger Limited Liability Partnership³.

Несмотря на все предпринятые попытки данное решение органа правосудия до сих пор не исполнено, поскольку, по утверждениям специалистов, ключи секретных чатов «точка-точка» производятся на конечных пользовательских устройствах и ни в какой момент времени не попадают на сер-

¹ См.: Покровский И.А. История римского права. СПб, 1998. С. 127–132.

² Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровизации. СПб., 2019. С. 15.

³ См.: URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/taganskij/services/cases/civil/details/2cc72aea-39e7-4f8e-adc9-37d170966efa> (дата обращения: 08.11.2019).

вера Telegram⁴. Получается, что технологии четвертой промышленной революции «просачиваются» сквозь материально-правовую ткань, а процессуальный инструмент перестает отличаться особыми свойствами, позволяющими принудительно реализовать волю государства, выраженную в судебном решении.

Следовательно, эмпирически подтверждается мысль, высказанная Т.Я. Хабриевой, о том, что законодатель не всегда уясняет смысл работы новейших цифровых технологий, пытаясь воздействовать на них привычными запретительными мерами. Быстро эволюционирующие цифровые, информационные и иные технологии вынуждают право быть более гибким, диспозитивным, подстраиваемым под новейшие жизненные условия, целостную картину которых еще только предстоит осознать. В этой связи М.В. Залоило и Д.А. Пашенцев справедливо отмечают, что «в цифровом обществе изменения происходят стремительно, динамика правопорядка возрастает, любой текст правового акта устаревает уже в момент его принятия. В итоге центр тяжести в правовом регулировании смещается с текста правового акта, который фактически утрачивает самостоятельную ценность, на возможность динамичного разрешения возникающих конфликтов. Главной ценностью, способствующей поддержанию правопорядка, становится эффективный механизм разрешения споров. В итоге процессуальные нормы приобретают гораздо большую значимость, чем нормы материальные»⁵.

Правда, с этим согласны далеко не все, некоторые авторы полагают, что четвертая промышленная революция ничуть не поменяет природу и назначение права, его текстуальный образ, а равно соотношение материальных и процессуальных отраслей. Происходящая цифровизация права представляет собой лишь дополнительный способ оптимизации юридического регулирования при помощи новых технологических средств⁶.

Видимо, истина находится где-то посередине, однако нельзя не заметить, что в условиях новых информационных технологий элементы формулы ius-actio постепенно меняются местами, а альтернативные способы разрешения споров приобретают все большую популярность, для субъектов материальных правоотношений быстрота и удобство урегулирования возникшего конфликта становятся самоценными и решающими⁷.

⁴ См.: URL: https://agora.legal/fs/a_delo2doc/57_file_Telegram_Vesnin.pdf (дата обращения: 08.11.2019).

⁵ Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, вып. 2. С. 202.

⁶ См.: Тонков Е.Е. Вызов времени или конъюнктурный фейк? (несвоевременные мысли о цифровизации права) // Вестник Воронежского государственного университета. Право. 2019. С. 113–115.

⁷ См., подробнее: Альтернативное разрешение споров / под ред. Е.А. Борисовой. М., 2019.

В.Ф. Борисова,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: Vfb2709@yandex.ru*

МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ*

Аннотация статьи: в статье раскрываются проблемы правового регулирования электронного правосудия: фрагментарность, поверхностность, несоответствие уровню технического развития цифровых технологий в сфере судопроизводства. Для решения этих проблем предлагается использовать комплексный подход к реформированию законодательства с учетом методологии, учитывающей специфику гражданских процессуальных правоотношений.

Ключевые слова: государственная автоматизированная система «Правосудие», электронное обращение в суд, правовое регулирование.

V.F. Borisova,

*assistant professor of the Department of Civil Procedure, Saratov State Law Academy, PhD
e-mail: Vfb2709@yandex.ru*

METHODOLOGY OF LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC JUSTICE IN CIVIL CASES

Annotation: the article reveals the problems of legal regulation of electronic justice: fragmentation, superficiality, inconsistency with the level of technical development of digital technologies in the field of justice. To solve these problems, it is proposed to use a comprehensive approach to the reform of legislation, taking into account the methodology that takes into account the specifics of civil procedural legal relations.

Keywords: state automated system «Justice», electronic appeal to the court, legal regulation.

Современное состояние нормативной базы, регулирующей гражданские процессуальные правоотношения, опосредованные применением электронных технологий, можно охарактеризовать как зачаточное. Упоминания о возможности использования автоматизированных информационных систем содержатся в трех цивилистических процессуальных кодексах – АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ. В поле правового регулирования этих кодексов попадают общие правовые институты, предусматривающие порядок обращения в суд в электронной форме, реализации прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, извещений и вызовов, представления доказательств в электронном виде, размещения на сайтах судов вынесенных судебных актов, их направления участникам судебного процесса. Несмотря на общность сферы правового регулирования, его нельзя назвать единообразным. Помимо нормативных актов в этой сфере параллельно действуют:

■ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Ар-

битражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве»;

■ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов»;

■ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 26 ноября 2015 г. № 362 «Об утверждении Перечня основных понятий и терминов, применяемых в нормативных правовых актах Судебного департамента, регламентирующих использование информационно-телекоммуникационных технологий в деятельности судов, управлений Судебного департамента в субъектах Российской Федерации и учреждениях Судебного департамента»;

■ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»;

■ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2016 г. № 252 «Об утверждении Порядка подачи в арбитражные суды Россий-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16111.

ской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа»;

■ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 11 сентября 2017 г. № 168 «Об утверждении Порядка подачи мировым судьям документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа».

Множественность документов, распространяющихся на конкретную подсистему или звено судов, противоречит идее стабильности правового регулирования одной и той же сферы правоотношений. Постановления, приказы, исходящие от различных органов, не решают многих насущных проблем электронного правосудия, расширяя круг вопросов и расхождений. Кроме того, в силу отсутствия единообразия в применении цифровых технологий в гражданском, арбитражном процессе и административном судопроизводстве, Верховный Суд РФ предписывает использовать аналогию закона и аналогию права при решении вопросов, связанных с использованием документов в электронном виде (Постановление Верховного Суда РФ № 57 от 26 декабря 2017 г.).

Перечисленные документы по своей адресации носят смешанный характер, то есть являются руководством для всех пользователей автоматизированных информационных судебных систем. Вместе с тем, судебные АИСы состоят из модулей, доступных для участников судебных процессов, и модулей, обрабатываемых персоналом судов. Следовательно, информационные ресурсы имеют дифференцированный интерфейс и набор инструментария в зависимости от пользователя и предназначения. Особенность правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений заключается в том, что их обязательным участником является суд, занимающий руководящее положение в процессе, и его полномочия корреспондируют процессуальным правам и обязанностям иных участников гражданского судопроизводства. Процессуальные права и обязанности реализуются посредством действий, которые должны влечь за собой определенную реакцию со стороны суда, независимо от формы их осуществления – привычным способом или посредством информационных технологий. Соответственно, правовое регулирование не может быть односторонним, то есть воздействовать лишь на действия стороны или третьего лица вне связи с судом. В аспекте электронного правосудия особое значение приобретает градация действий, совершаемых при эксплуатации государственных автоматизированных судебных систем, на процессуальные и служебные действия. Для приобретения статуса процессуальных, совершаемые работниками суда и судьей действия должны быть урегулированы гражданском процессуальным законодательством. В противном случае они не входят в состав гражданской процессуальной деятельности и характеризуются как служебные (ведение статистического учета, архива и др.).

В область правового регулирования процессуальных кодексов входят сервисы, непосредственно связанные с реализацией участниками гражданского судопроизводства своих прав и обязанностей, проведением судебных заседаний, обжалованием судебных постановлений. В первую очередь, надлежащей правовой регламентации должна подвергнуться процедура подачи документов в электронном виде, а также обмена процессуальными документами. В настоящее время право на обращение в суд в электронной форме закреплено в ст. 3, 35, 131, 138 ГПК РФ. Согласно этим нормам в суд в электронном виде можно подать иски, заявления, жалобы, представления и иные документы. Если документы поданы в суд в электронном виде, суд вправе потребовать представления оригиналов. Перечень предлагаемых вариантов не является исчерпывающим, то есть заявитель может подать документ, не поименованный на сайте, через вкладку «Иное». Круг процессуальных документов, подлежащих подаче в электронном виде, очень широк, но обратим внимание на отсутствие предусмотренного законом механизма «отклика» суда на поданное через сайт ходатайство или заявление, кроме подтверждения его получения. Дальнейшие действия суда и других участников процесса, связанные с продвижением электронного обращения, законодательно не регламентированы. Последовательность их совершения предусмотрена Инструкцией по судебному делопроизводству в районном суде¹, а также Порядком подачи документов в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде. В Гражданском процессуальном кодексе РФ применительно к реализации процессуальных прав и обязанностей через ГАС «Правосудие» содержатся лишь отдельные упоминания (ст. 3, 13, 35, 71, 77, 130, 131, 139 ГПК РФ и др.). Закон в большинстве своем не описывает процессуальный механизм и корреспондирующие действия суда и лиц, участвующих в деле, оставляя эту проблему «на откуп» ведомственным документам. Адекватность способа правового регулирования гражданских процессуальных правоотношений, отвечающего императивным началам гражданского судопроизводства, требует сбалансированного соотношения регламентации комплекса прав и обязанностей суда и других участников гражданских дел, реализуемых в электронной процессуальной форме.

Правовые проблемы также возникают из-за отставания нормативной базы от технического прогресса в сфере информатизации судов. «Электронное» дело пока не получило регламентации в процессуальных кодексах со всеми вытекающими последствиями: невозможностью ознакомиться

¹ См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 «Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 июня 2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

с материалами посредством он-лайн сервисов, получить заверенную копию судебного акта, направить материалы дела в электронном виде на экспертизу или в вышестоящую судебную инстанцию. Ведомственные судебные документы содержат указания на соответствующие модули, которые гипотетически могут применяться на практике. Очевидно, что автоматизированные информационные системы готовы к эксплуатации «на будущее» с учетом непрекращающейся работы над их совершенствованием.

Юристы видят разные варианты устранения пробелов в законе как факторов, тормозящих развитие электронного правосудия. М.Д. Омаров предлагает решить обозначенную проблему путем принятия Федерального закона «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие», а также внести необходимые изменения по регламентации использования информационных систем в судебном процессе в процессуальное законодательство¹. По мнению Н.И. Соловяненко, помимо изменений процессуального законодательства, следует принять федеральный закон «Об электронном документе»². Представляется, что увеличение числа законов не приведет к желаемому результату по формированию стабильной нормативной базы электронного правосудия.

Цель, обозначенная в Плане мероприятий по направлению «Нормативное регулирование программы «Цифровая экономика Российской Федерации»»³ сформулирована достаточно глобально: формирование правовых условий в сфере судопроизводства и нотариата в связи с развитием цифровой экономики. Среди задач фигурирует нормативная унификация правил подачи исковых заявлений, жалоб, ходатайств, а также иных заявлений в электронной форме, допустимости электронных доказательств, разработка гарантий участников процесса на дистанционное участие в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи,

создание электронной системы альтернативных механизмов разрешения споров. Решение поставленных задач должно привести:

- к устранению правовых ограничений на электронный документооборот посредством отмены обязанности истца направлять копии искового заявления и приложений к нему участникам процесса в случае подачи заявления в электронном виде;

- к установлению обязанности суда при получении заявления в электронном виде размещать его на определенном ресурсе с предоставлением права на ознакомление с ним;

- к закреплению права сторон судебного процесса, будь то физическое или юридическое лицо, подать любой документ доказательства, фото, аудио- и видеозапись по делу в электронной форме в личном кабинете на сайте суда или в системе ГАС «Правосудие»;

- к установлению порядка электронного взаимодействия участников процесса, судов и Федеральной службы судебных приставов, иных органов и организаций, исполняющих судебные решения;

- к унификации положений процессуальных кодексов по вопросам представления в суд доказательств в электронной форме⁴.

В этом смысле следует согласиться с В.А. Вайпаном в том, что формирование новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий невозможно путем точечных изменений в отдельных нормативных правовых актах.⁵ Поправки законов должны быть системными, взаимосвязанными и масштабными. В первую очередь учеными предлагается выявить устаревшие, неработающие нормы либо нормы, имеющие неоднозначное толкование. В перспективе видится создание электронных кодексов и единых нормативных документов, имеющих автоматизированную систему поддержки правовых решений с автоматической генерацией документов⁶.

¹ См.: Омаров Д.М. Правовое регулирование информатизации судов общей юрисдикции Российской Федерации – необходимое условие перехода к «электронному правосудию» // Российская юстиция. 2014. № 6. С. 54–55.

² См.: Соловяненко Н.И. Вопросы развития электронного правосудия в условиях цифровой экономики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 130–131.

³ См.: План мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: утв. Правительственной комиссией по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 18 декабря 2017 г. № 2) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 6–8.

⁶ См.: Колга О.В., Калашникова Е.Б. «Цифровое» направление развития правосудия в России // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. XVI Междунар. науч.-практ. конф. № 11(15). Новосибирск: СибАК, 2018. С. 51–57.

А.Н. Юсупова,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: Asiya.yusupova@mail.ru

О.А. Кухарева,
к.ю.н., доцент кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: Ilya12361@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВОСУДИИ

Аннотация: данная статья посвящена развитию информационных технологий в судебной системе и тому, как решались до недавнего времени и как решаются сегодня две проблемы: проблема информатизации судопроизводства и проблема правового регулирования информатизации судопроизводства.

Какое место право занимает в процессе информатизации социальных отношений, какие необходимо применять нормативные стандарты при использовании технических новшеств в судопроизводстве. Освещается ряд задач, которые стоят перед правом, без разрешения которых невозможно перспективное развитие информационных технологий в судебной системе.

Анализируется проблема, относительно того, что право не успевает за стремительным развитием информационных технологий и для этого законодательная активность в области применения информационных технологий должна опираться не только на научные и теоретические разработки, но и выработать комплексное нормативное регулирование.

В статье также затрагивается вопрос «электронного правосудия», а именно, какие же подходы сложились между учеными в понимании данного термина, его трактовка в юридической доктрине понимается как в узком, так и в широком понимании. Указывается на необходимость более точной и детальной проработки понятия «электронное правосудие».

Ключевые слова: информационные технологии, «электронное правосудие», судебная система, судопроизводство, право, нормативные основы.

A.N. Yusupova,
candidate of law, associate Professor, associate Professor of arbitration process Department
of Saratov state law Academy
e-mail: Asiya.yusupova@mail.ru

O.A. Kukhareva,
candidate of law, associate Professor of arbitration process Department
of Saratov state law Academy
e-mail: Ilya12361@yandex.ru

CONCEPTUAL BASES OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN JUSTICE

Annotation: this article is devoted to the development of information technologies in the judicial system and how two problems were solved until recently and how they are solved today: the problem of Informatization of legal proceedings and the problem of legal regulation of Informatization of legal proceedings. What place does law occupy in the process of Informatization of social relations, what regulatory standards should be applied when using technical innovations in legal proceedings. The article highlights a number of tasks facing the law, without the resolution of which it is impossible to develop information technologies in the judicial system.

The article analyzes the problem that the law does not keep pace with the rapid development of information technology and for this purpose legislative activity in the field of information technology should be based not only on scientific and theoretical developments, but also to develop a comprehensive regulatory framework.

The article also addresses the issue of "electronic justice", namely, what approaches have developed between scientists in the understanding of this term, its interpretation in the legal doctrine is understood both in a narrow and in a broad sense. The need for a more precise and detailed study of the concept of "electronic justice" is indicated.

Keywords: information technologies, "electronic justice", judicial system, legal proceedings, law, regulatory framework.

Развитие информационных технологий оказывает всестороннее влияние на современное общество, затрагивая, в том числе, и судебную систему. Определяющую роль в процессе информатизации социальных отношений играет право, своевременно и адекватно отражающее потребности общества и отдельных граждан в реализации социальных и правовых возможностей.

Информатизация общественных отношений требует от права как от особого социального института решения задач формирования концептуального подхода к внедрению информационных технологий во все сферы социальных отношений, определения целей и принципов такого внедрения.

Концептуальное единство правовых положений в подходе к информатизации всей правовой системы обеспечит создание универсальных нормативных стандартов использования технических новшеств в судопроизводстве. Особое значение приобретает принцип органичного внедрения новых институтов в существующее правовое регулирование и изменение действующих норм без разрушения основ существующих ранее судебных отраслей. Главная задача права заключается в создании корректных, точных и универсальных норм, оформляющих применение технических достижений в судебной системе, рассчитанных на неограниченное количество случаев применения, максимально адаптированных под нужды такого применения в конкретной области, обеспечивающих равенство возможностей при использовании информационных технологий всеми участниками правоотношений.

Немаловажной задачей права является также создание необходимых и достаточных ограничений в использовании информационных технологий с целью предотвращения угроз правопорядку, государственному строю, нравственности и безопасности граждан, общества в целом, определение правомерных и неправомерных способов использования технических средств. В число задач права входит, также, подготовка нормативных основ для перспективного развития информационных технологий и их дальнейшего внедрения в жизнь общества и государства¹.

Решение названных задач – весьма трудоемкий процесс, рассчитанный на долговременную перспективу. Не смотря на, наметившийся прогресс, нормативное регулирование использования информационных технологий в судопроизводстве находится сейчас на начальном этапе. Как показывает сложившаяся практика и анализ нормативных документов, в настоящее время определены лишь наиболее общие цели внедрения информационных технологий на уровне программных актов. Право не успевает за стремительным развитием информационных технологий, не являясь в силу объективных

¹ См.: Решетняк В.И., Смагина Е.С. Информационные технологии в гражданском судопроизводстве (российский и зарубежный опыт): учеб. пособие. М.: Городец, 2017. С. 8.

причин источником технического прогресса. Для правильного правового применения информационных технологий, необходимо их четкое нормативное закрепление, которое невозможно без объединения усилий как ученых и практиков в области юриспруденции, так и представителей технологической сферы. В то же время право не должно оставаться в стороне от решения проблемы регулирования использования информационных технологий в широком спектре общественных отношений. Задача права заключается в том, чтобы аннулировать разницу между развитием базовых технологий и их правовым закреплением.

Были сделаны первые шаги по оцифровке и созданию электронных архивов судов. Важным итогом развития использования информационных технологий в деятельности судов стало внесение изменений в процессуальное законодательство, регулирующих непосредственно совершение отдельных процессуальных действий в электронной форме. В статье 14 ГПК РФ² и 18 АПК РФ³ закреплялся порядок формирования состава суда для рассмотрения конкретного дела с учетом нагрузки и специализации судей в порядке, исключающем влияние на его формирование лиц, заинтересованных в исходе судебного разбирательства, в том числе с использованием автоматизированной информационной системы.

Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ⁴ были внесены изменения в АПК РФ⁴, устанавливающие извещение лиц, участвующих в деле, с помощью сайта арбитражного суда и электронной почты. Стало возможным участие в судебном заседании с помощью видеоконференций. Получило распространение аудиопrotocolирование судебного разбирательства. Изменилась форма подачи исковых заявлений и иных документов в арбитражный суд.

Использование информационных технологий при совершении процессуальных действий в новых формах судопроизводства стали прорывом для арбитражного и гражданского процессов. Изменения, произошедшие в процедуре судопроизводства привели к тому, что стало необходимо различать такие понятия как «информатизация правосудия» и «электронное правосудие», а также уточнением их содержательной и терминологической разницы. Сегодня трудно себе представить организацию, которая бы не использовала в своей деятельности компьютеры и другие виды техники, суды в этом смысле не являются исключением. Однако не стоит думать, что техника может выступить в качестве процессуального средства, они носят только вспомогательный характер.

² См.: Федеральный закон от 14 июня 2011 г. № 140-ФЗ // СЗ РФ. 2011 № 25, ст. 3533.

³ См.: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 228-ФЗ // СЗ РФ. 2010 № 3, ст. 4197.

⁴ См.: СЗ РФ. 2010. № 31, ст. 4197.

Правовое регулирование применения информационных технологий при разрешении споров является одним из направлений реформирования гражданского правосудия. В соответствии с федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», приоритетными направлениями развития информационных технологий в арбитражных судах и судах общей юрисдикции являются создание условий для электронного судопроизводства, которое предусматривает, в частности, упрощенную процедуру подачи исковых заявлений и жалоб в электронном виде, а также, возможность ознакомления с материалами дела и получения копий документов. Российское законодательство разработало порядок обращения в суд в электронной форме, опираясь на успешный опыт других стран, процессуальное законодательство которых уже активно использует электронную форму обращения в суды в течение длительного периода.

Новые формы судопроизводства явились прорывом для гражданского и арбитражного процессов в использовании информационных технологий при совершении процессуальных действий. Изменения в процедуре судопроизводства повлекли за собой необходимость уточнения терминологической и содержательной разницы в понятиях информатизации правосудия и «электронного правосудия». В соответствии с распространенным мнением, информатизация судов предполагает использование в своей деятельности компьютеров и иной техники в качестве не процессуального, а вспомогательного средства. Было признано отсутствие однозначного толкования в юридической литературе термина «электронное правосудие». Как правило, «электронное правосудие» понимается как способ осуществления правосудия, основанный на использовании информационных технологий¹.

Последующий период информатизации судопроизводства характеризуется расширением научной дискуссии вокруг содержания понятия «электронное правосудие». В соответствии с широкой трактовкой, «электронное правосудие» включает как способы получения информации о деятельности судов, так и порядок совершения процессуальных действий в электронной форме. Такой подход сформулирован в работах С.В. Романенковой, различающей понятие электронного правосудия в широком и узком смыслах. В широком смысле под «электронным правосудием» следует понимать совокупность различных автоматизированных информационных систем, используемых для публикации судебных актов, ведения «электронного дела» и доступа сторон к материалам «электронного дела». В узком смысле «электронное правосудие» представляет собой возможность суда и лиц,

¹ См.: Романенкова С. В. Понятие электронного правосудия, его генезис и внедрение в правоприменительную практику зарубежных стран // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 4. С. 26–31.

участвующих в процессе, осуществлять предусмотренные нормативными правовыми актами действия, непосредственно влияющие на начало и ход судебного процесса.

И.В. Стюфеева определяет «электронное правосудие» как способ осуществления правосудия, основанный на использовании информационных технологий, позволяющих применять в судопроизводстве безбумажный обмен информацией между всеми участниками судебного процесса². Подобная точка зрения соответствует Рекомендациям Комитета министров Совета Европы государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии³. «Электронное правосудие» понимается в этих рекомендациях и отождествляется с использованием информационных технологий в реализации правосудия всеми заинтересованными сторонами в юридической сфере с целью повышения эффективности и качества государственных служб. «Электронное правосудие», таким образом, должно подразумевать возможность электронного общения и обмена данными, а также возможность доступа к информации судебного характера.

В то же время Н.Н. Телешина сужает границы «электронного правосудия», понимая под «электронным правосудием» способ осуществления правосудия, основанного на использовании информационных технологий в процессе производства процессуальных действий⁴. Она относит к «электронному правосудию» деятельность по организации электронного документооборота в судах, формирование электронного банка судебных документов, и использование информационных сервисов судов. А.В. Аносов указывает на активное внедрение в практику судов систем информатизации и автоматизации судопроизводства, получивших название «электронное правосудие»⁵.

Многие юристы указывают на необходимость более точной и детальной проработки понятия «электронное правосудие», установления рамок этого понятия в соответствии с общепринятыми подходами к определению содержания деятельности суда по осуществлению правосудия.

В.А. Пономаренко, опираясь на сравнительный анализ российского и иностранного законодательства, предлагает определять «электронное правосудие» как судебный порядок рассмотрения гражданских дел, который всецело опосредуется электрон-

² См.: Стюфеева И. В. Новый уровень правосудия // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Приняты Комитетом министров Совета Европы 18 февраля 2009 г. URL: <http://www.pandia.ru/text/78/246/35624.php> (дата обращения: 18.01.2015).

⁴ См.: Телешина Н. Н. Реализация электронного правосудия в России (на примере Арбитражного суда Владимирской области) // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 6. С. 44–50.

⁵ См.: Аносов А. В. Теоретико-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2016. № 5 (137). С. 142–147.

ной формой выражения процессуальной информации и взаимодействия участников гражданского судопроизводства¹.

Многие ученые обращают внимание на то, что содержание понятия «электронное правосудие» не включает как организационно-обеспечительные информационные сервисы суда, так и анализ правосудной деятельности совершения процессуальных действий на основе использования информационных технологий. Независимо от содержания

деятельности по отправлению правосудия, всеми юристами разделяется мнение, что технические новинки, обеспечивающие традиционную процессуальную форму, не могут рассматриваться как электронное правосудие. По настоящему о возникновении «электронного правосудия» можно говорить лишь тогда, когда в российское процессуальное законодательство будут внесены изменения, позволяющие совершать процессуальные действия в цифровой форме.

¹ См.: Пономаренко В. А. Новое упрощенное производство: эра электронного правосудия наступила? // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 3. С. 25–30.

Т.А. Григорьева,

*д.ю.н., профессор, профессор кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: tgrigorieva17@mail.ru*

А.В. Кружалова,

*соискатель кафедры арбитражного процесса
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: a.kruzhalova@mail.ru*

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Аннотация: электронное судопроизводство в Республике Казахстан отличается быстрыми темпами развития в настоящий период времени. Электронная подача документов ограничена исковым заявлением и подачей ходатайства о получении протокола судебного заседания, а также замечаний на него. Открытый доступ к принятым судебным решениям не предоставлено для неопределенного круга лиц. Названные «ограничения» компенсируются внедрением проекта Виртуального суда, проекта мобильной видео-конференц-связи, фиксацией хода судебного заседания с помощью средств аудио- и видеозаписи.

Ключевые слова: мобильная видео-конференц-связь, гражданский процесс, виртуальный суд, электронное правосудие, Республика Казахстан.

T.A. Grigoryeva,

*doctor of law, Professor, Professor of arbitration process Department Saratov state law Academy
e-mail: tgrigorieva17@mail.ru*

A.V. Kruzhalova,

*person attached to the department of arbitration Saratov state law Academy
e-mail: a.kruzhalova@mail.ru*

E-JUSTICE IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Annotation: e-court proceedings in the Republic of Kazakhstan are characterized by fast development rates in the current period of time. The electronic filing of documents is limited to the statement of claim and the filing of a request for a protocol of the court hearing, as well as comments on it. Open access to court decisions is not provided for an indefinite number of people. The aforementioned «restrictions» are compensated by the implementation of the Virtual Court project, the mobile video conferencing project, and the recording of the trial by means of audio and video recording.

Keywords: mobile videoconferencing, civil procedure, virtual court, E-justice, Republic of Kazakhstan.

Электронное судопроизводство в Республике Казахстан является прогрессивным и развивающимся. Рассмотрение гражданских споров, а также споров в сфере предпринимательской деятельности регулируется Гражданским процессуальным кодексом Республики Казахстан¹ (далее по тексту – ГПК РК). Имущественные и неимущественные споры в Республике, где стороной процесса является индивидуальный предприниматель без образования юридического лица, юридические лица, а также корпоративные споры рассматриваются специализированными межрайонными экономическими судам, в количестве 14 штук.

В Республике Казахстан возможно подача трех

¹ См.: Кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан» (с изм. и доп. от 22 июля 2019 г.) // Казахстанская правда. 2015. 3 ноября; 2019. 3 апреля. URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=33119259 (дата обращения: 30.09.2019).

видов документов в электронном виде: электронного искового заявления, электронного ходатайства о предоставлении протокола судебного заседания, электронных замечаний на протокол в форме электронного документа, а также возможно получение протокола судебного заседания и судебных актов в форме электронного документа, согласно Инструкции «О порядке приема и учета электронных исковых заявлений и других электронных документов, переданных посредством портала “электронного правительства” Республики Казахстан»². Реализация на практике происходит посредством

² См.: Инструкция «О порядке приема и учета электронных исковых заявлений и других электронных документов, переданных посредством портала “электронного правительства” Республики Казахстан»: утв. Распоряжением Председателя Правительства Верховного Суда Республики Казахстан от 11 января 2012 г. № 5. URL: kzl.sud.kz/system/files_force/instr-ya_po_priemu_el.zayav_.pdf?download=1 (дата обращения: 30.09.2019).

применения Правил технического применения средств подачи документов в суды в форме электронного документа, их регистрации, обработки, ознакомления с ними 2018 г.¹, также Постановления Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2018 г. № 703 «Об утверждении Правил документирования, управления документацией и использования систем электронного документооборота в государственных и негосударственных организациях»² (далее по тексту – Правила № 703). Для подачи электронных документов в суд необходимо зарегистрироваться в сервисе «Судебный кабинет», для которой необходимо получить ЭЦП, используя Руководство физического лица для получения регистрационных свидетельств в Национальном удостоверяющем центре Республики Казахстан³, с последующей сдачей документов в указанный центр для подтверждения учетной записи, также для подачи электронных документов необходимо наличие индивидуального идентификационного номера либо бизнес-идентификационного номера и пароля. Копии электронных документов, загруженных заявителем, хранятся в сервисе «Судебный кабинет» не более шести месяцев, согласно п. 26 Правил № 703. Согласно п. 30 Правил № 703 доступ к информации по судебному делу предоставляется по запросу, в котором указываются данные места рассмотрения спора, наименование суда, вынесшего судебный акт, год рассмотрения дела, а также данные на сторону рассмотрения дела, по рассмотрении которого предоставляется список дел с доступом к материалам дела, ограниченные теми сведениями, которые указаны в запросе. Открытого доступа всем заинтересованным лицам, как это реализовано в арбитражных судах России, не предоставлено. Новым для российской судебной системы является наличие в судах Республики Казахстан сервиса «Календарь участника процесса», который позволяет субъектам гражданского процессуального правоотношения занести сведения о своей

неявки в судебное разбирательство либо занятости в определенное время, который позволяет оперативно получать сведения судом (пп. 31, 32 Правил № 703).

Следующим признаком электронного правосудия является возможность использования видеоконференц-связи (далее по тексту – ВКС) при рассмотрении дела в суде. В Республике Казахстан действуют единые Правила технического применения средств видеоконференц-связи⁴, которые регламентируют проведение ВКС в гражданском процессе, в том числе при разбирательстве в специализированных межрайонных экономических судах, в уголовном процессе, а также административном процессе. Данные правила, на наш взгляд, имеют ознакомительный текст, в котором уточняется наличие возможности проведения судебного заседания в названной форме, указываются лица, которые вовлечены в процесс, указывается на действия по проверке технического состояния оборудования, указываются отдельные положения об условиях допроса с помощью ВКС. В гражданском судопроизводстве нормы о возможности использования технических средств указано в ч. 4 ст. 202 ГПК РК, которая регламентирует порядок получения объяснений лиц, участвующих в деле, а также исследования доказательств с помощью технических средств, а ч. 5 указывает на применения вышеназванных Правил применения ВКС в гражданском процессе. Часть 4 ст. 202 ГПК РК до внесения изменений Законом Республики Казахстан от 2 апреля 2019 г. № 241-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития бизнес-среды и регулирования торговой деятельности»⁵ имела сходную, но значительно ограниченную формулировку следующего вида: «Объяснения лиц, участвующих в деле, могут быть получены, а доказательства исследованы судом с помощью средств видеоконференц-связи через суд по месту нахождения данных лиц или доказательств». Такое изменение законодательства вызвано рядом причин по модернизации процессуальных возможностей по исследованию доказательств, а именно если в уголовном процессе Республики Казахстан мы наблюдаем «привычный» нам стаци-

¹ См.: Приказ Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан (аппарат Верховного Суда Республики Казахстан) от 9 июня 2018 г. № 6001-18-7-6/188 «Об утверждении Правил технического применения средств подачи документов в суды в форме электронного документа, их регистрации, обработки, ознакомления с ними». URL: sud.gov.kz/system/files_force/pagefiles/pravila.rus_.pdf?download=1 (дата обращения: 30.09.2019).

² См.: Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 октября 2018 г. № 703 «Об утверждении Правил документирования, управления документацией и использования систем электронного документооборота в государственных и негосударственных организациях». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=39928491#pos=3;-142 (дата обращения: 30.09.2019).

³ См.: Руководство физического лица для получения регистрационных свидетельств в Национальном удостоверяющем центре Республики Казахстан. URL: http://pki.gov.kz/images/instr_rus/instr_fl.pdf (дата обращения: 30.09.2019).

⁴ См.: Приказ Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан (аппарат Верховного Суда Республики Казахстан) от 7 июня 2018 г. № 600-18-7-6/185 «Об утверждении Правил технического применения средств видео-конференц-связи». URL: sud.gov.kz/system/files_force/pagefiles/ob_utverzhdenii_pravil_tehnicheskogo_primeneniya_sredstv_videokonferencsvyazi.pdf?download=1 (дата обращения: 30.09.2019).

⁵ См.: Закон Республики Казахстан от 2 апреля 2019 г. № 241-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам развития бизнес-среды и регулирования торговой деятельности» // Казахстанская правда. 2019. 3 апреля. URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=34380566 (дата обращения: 30.01.2019).

онарный вид использования ВКС, где оборудование находится в зале судебного разбирательства, а также в помещениях государственных органов следственных изоляторов, а также исправительных учреждений, практика реализации которого начата в 2018 г. после внесения изменений в законодательные акты страны, то практическая реализация норм применения ВКС в гражданском и арбитражном судопроизводствах пошло по другому пути. В республике Казахстан в гражданском и административном процессах активно реализуется программа мобильной ВКС, проект Е-Сот, или иногда проект называют Виртуальный суд. Это не передвижные мобильные залы судебного заседания, это участие заинтересованных лиц при помощи специально установленной программы на мобильное устройство. Лицу, которое хочет участвовать в рассмотрении дела буквально «не выходя из дома», необходимо скачать программу TrueConf или программу «Мобильный судебный кабинет»¹ приложения PlayMarket или AppStore и установить на телефон.

Открытость судебного процесса в Республике Казахстан имеет свои особенности. С одной стороны суды имеют веб-сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», но которой в открытом доступе представлена информация о суде, графике рассмотрения дел, новости, ссылки на электронную подачу искового заявления и ходатайства о предоставлении протокола судебного заседания, веб-сайт Верховного Суда РТ имеет записи трансляций пленарных заседаний и иных мероприятий². В части же открытого доступа к материалам дела, основных актов, принятых судом, графика проведения ВКС, проведения видеотрансляций судебных заседаний, ведение аудио- и видеозаписи судебного заседания установлено ограничение, такие данные могут получены лишь лицами, участвующими в деле, по их запросу.

Интересным является решение вопроса фиксации хода судебного заседания с помощью средств

аудио- и видеозаписи. Статья 281 ГПК РК закрепляет обязательное ведение в суде первой инстанции письменного протокола, краткого протокола (при ведении аудио- и видеозаписи, в апелляционной инстанции ведение протокола не обязательно, в суде кассационной инстанции протокол не ведется. Согласно ч. 5 ст. 282 ГПК РК технические вопросы применения аудиопотоколирования и видеопотоколирования закрепляются в Правилах технического применения средств аудио-, видеозаписи, обеспечивающих фиксирование хода судебного заседания, хранения и уничтожения аудио-, видеозаписи, доступа к аудио-, видеозаписи³ (далее по тексту – Правила № 6001-15-7-6/486), в пункте 3 которых указываются случаи, при которых аудио- и видеозапись не должна вестись в суде первой инстанции, а в п. 4 при каком условии запись ведется в суде апелляционной инстанции. На основе анализа норм ст. 427 ГПК РК и п. 10, 16, 17 Правил № 6001-15-7-6/486 технические неполадки в оборудовании для фиксации хода судебного заседания с помощью средств аудио- и видеозаписи не исключает продолжение судебного заседания и не является основание для отмены судебного решения. Аудио- и видеозаписи хранятся на сервере хранения данных суда, который принял судебный акт, не менее одного года (п. 24 Правил № 6001-15-7-6/486), уничтожение которых происходит автоматически по достижении указанного срока (п. 27 Правил № 6001-15-7-6/486), а материальный носитель уничтожается в тот же срок работниками архива. Таким образом, в отличие от правил фиксации судебного заседания в России, где ведется аудиопотокол судебного заседания в обязательном порядке, ведение видеопотокола остается на этапе обсуждения юридическим научным сообществом, в Республике Казахстан реализован иной подход к пониманию фиксации хода судебного заседания с помощью технических средств без открытого доступа для неопределенного круга лиц.

¹ См.: Павлодарский областной суд. Современные возможности ИТ. URL: <http://pvl.sud.kz/rus/news/sovremennye-vozmozhnosti-it> (дата обращения: 30.09.2019).

² См.: Записи трансляций пленарных заседаний и иных мероприятий. URL: <http://sud.gov.kz/rus/content/zapisi-translyaciy-plenarnyh-zasedaniy-i-inyh-meropriyatij> (дата обращения: 30.09.2019).

³ См.: Приказ Руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан (Аппарата Верховного Суда Республики Казахстан) от 24 ноября 2015 г. № 6001-15-7-6/486 «Об утверждении Правил технического применения средств аудио-, видеозаписи, обеспечивающих фиксирование хода судебного заседания, хранения и уничтожения аудио-, видеозаписи, доступа к аудио-, видеозаписи» (с изм. и доп. по состоянию на 11 февраля 2019 г.). URL: https://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=33579155 (дата обращения: 30.09.2019).

О.М. Родионова,
д.ю.н., доцент, профессор кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: omrodionova2014@yandex.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ*

Аннотация: в статье анализируется эволюция правового регулирования отношений в сфере цифровых закупок и делается вывод о том, что уже имеющийся опыт использования электронно-цифровых средств в общественных отношений указанной сферы, его сегодняшнее и предполагаемое будущее состояние зависят не только от технического состояния, но особое значение в правовом регулировании закупочных отношений независимо от используемых при этом средств российским законодателем приобретает обеспечение прав участников закупок.

Ключевые слова: цифровые публичные закупки, цифровая среда, права участников торгов, контроль в сфере закупок.

O.M. Rodionova,
doctor of law, associate Professor, Professor of the Department of civil law
Saratov state law Academy
e-mail: omrodionova2014@yandex.ru

LEGAL REGULATION OF DIGITAL PUBLIC PROCUREMENT: EXPERIENCE AND CHALLENGES

Annotation: the article analyzes the evolution of legal regulation of relations in the field of digital procurement and concludes that the existing experience of using electronic-digital means in the public relations of this sphere, its current and expected future state depend not only on the technical condition, but special importance in the legal regulation of procurement relations regardless of the means used by the Russian legislator acquires ensuring the rights of procurement participants.

Keywords: digital public procurement, digital environment, rights of bidders, control in the field of procurement.

Новые возможности, предоставляемые цифровыми технологиями, могут быть использованы для решения многочисленных социально-экономических проблем, отражающихся на публичном уровне, прежде всего, в проведении государственных и муниципальных закупок. Нельзя не согласиться с тем, что закупочная деятельность, средством которой выступают цифровые технологии, должна быть нацелена на удовлетворение потребности пользователей / граждан. При этом от цифровых публичных закупок ожидается простота и доступность, устойчивость и способность развиваться вместе с потребностями пользователей и технологическим прогрессом. Важно то, что указанная цель точно соответствует направленности правового регулирования закупочной деятельности: обеспечения имущественных и личных неимущественных прав и интересов участников соответствующих общественных отношений.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00163 «Механизм гражданско-правового регулирования в сфере цифровых государственных и муниципальных закупок».

Следует отметить, что сегодня в прикладном фактическом аспекте цифровизация закупочной деятельности означает осмысление, алгоритмизацию и перевод в программный код ее основных этапов: планирования, информирования, торгов, управления поставщиками, управления каталогами, интеграции заказов, статуса заказа, уведомления о доставке, электронного выставления счетов, электронного платежа, управления контрактами, а также запроса информации, предложений, цен и пр. Вместе с тем нельзя утверждать, что указанная сфера может развиваться вне правового регулирования, поскольку сами по себе цифровые возможности не могут гарантировать так называемую «среду доверия». Программы для ЭВМ, являющиеся основой любой цифровой технологии, создают и используют люди, взаимодействия которых может быть санкционировано в настоящее время только правом. То, что разработка и использование цифровых технологий в закупках должно определяться не только нормативно, но и соответствовать легально определенным принципам права, подтверждается электронными закупками, которые можно рассматривать в качестве начального этапа формирования цифровых закупок.

В начале 60-х годов американец Эдвард А. Гильберт разработал стандартный набор электронных сообщений для отправки информации о грузе между отправителем – организацией Du Pont и перевозчиком Chemical Leahman Tank Lines. Создатель опирался при этом на свой военный опыт¹.

Идея о передаче стандартных форм документов по различным видам электрической связи явилась основой для развития электронно-цифровой коммерции и закупок. «Уже в 1965 году Голландско-Американская пароходная линия начала отправлять трансатлантические грузовые документы в виде телексных сообщений, которые затем преобразовывались в бумажную ленту и вводились в компьютеры компании»². К 1968 году так много железных дорог, авиакомпаний, водителей грузовиков и морских перевозчиков использовали электронные документы, что они сформировали Координационный комитет по транспортным данным (англ. Transport Data Coordinating Committee – TDCC) для создания межотраслевых стандартов – и в 1975 году TDCC опубликовал свой первый стандарт электронного обмена данными (англ. Electronic data interchange – EDI)³, который впоследствии стали использовать и в других отраслях.

Следует отметить, что «...в то время, как EDI сэкономила деньги крупных корпораций, избавлявшихся от бумажных носителей, она препятствовала участию поставщиков в обороте. От них требовалось использование дорогостоящего программного обеспечения и сетей с добавленной стоимостью. Причем системы EDI были разными, поскольку никто не использовал одинаковое подмножество стандартов EDI. Но если клиент требовал EDI, выбор был прост: нет EDI, нет продажи»⁴. Со стороны государства не были предприняты попытки правового разрешения проблемы, поскольку, очевидно, она не успела приобрести общественного значения. Тем не менее, при

формировании правового регулирования цифровых закупок следует учитывать первоначальный опыт электронной коммерции, который показывает, что введение новых высокотехнологичных средств в закупочную деятельность может создавать угрозы или нарушать права тех, кто не имеет к ним доступа.

В том смысле положительно следует оценивать опыт Европейского союза, который планомерно и последовательно вводил правила электронно-цифровых закупок на своей территории. В 2000-х годах ЕС видел перспективы развития публичных закупок в переводе их в электронный формат, в связи с чем им принимал нормативные правовые акты, в которых закреплялись соответствующие требования и процедуры общего характера⁵. В частности, предусматривалась «возможность применения заказчиком полностью электронных процедур закупок, таких как динамическая система закупок и электронный аукцион»⁶. И хотя к этому моменту «...электронные закупки стали неотъемлемой частью правовых систем многих государств»⁷, они не использовались большинством стран ЕС. Для перевода публичных закупок в цифровой формат Европейская комиссия утвердила в 2014 г. новые директивы, которые вступили в силу лишь в конце 2018 г. Этот план позволил обеспечить соблюдение прав всех участников закупочной деятельности.

Россия несмотря на первоначальные сложности и значительное отставание в создании в электронно-цифровой среде публичных закупок, смогла значительно продвинуться в решении этой задачи⁸. Причем следует отметить, что заявленные цели создания сначала электронных, а затем и электронно-цифровых закупок, достигаются в полном соответствии с правовой направленностью регулирования отношений в указанной сфере, поскольку основа процесса формируется законодателем в нормативно-правовых актах.

¹ В июне 1948 г., когда СССР перекрыл автомобильный, железнодорожный и баржовый доступ между западной Германией и частями Берлина, которые контролировались США, Англией и Францией после Второй мировой войны, потребовалась организация широкомаштабного воздушного сообщения с Западным Берлином с целью поставки продовольствия и других необходимых товаров. В течение следующих 13 месяцев более 2 млн тонн продовольствия и других предметов было доставлено в Западный Берлин по воздуху. Но отслеживание груза, который должен был быть загружен и выгружен с максимальной скоростью, было почти невозможно с отправкой грузовых документов в разных формах, а иногда и на разных языках. Чтобы решить эту проблему, сержант армии США Эдвард А. Гильберт и другие сотрудники отдела логистики разработали стандартную форму грузовых документов, которая могла передаваться по телефону и другим доступным в то время средствам связи. См.: Hayes F. The Story So Far. URL: <https://www.computerworld.com/article/2576616/the-story-so-far.html>

² См.: Ibid.

³ См.: Schoenherr T. The Evolution of Electronic Procurement: Transforming Business As Usual. Springer. 2018.

⁴ См.: Hayes F. Op. cit.

⁵ В 2004 г. была утверждена Директива Европейского парламента и Совета от 31 марта 2004 г. 2004/18/ ЕС о координации процедур присуждения контрактов на общественные работы, контрактов на общественные поставки и контрактов на общественные услуги. (Directive 2004/18/EC of the European Parliament and of the Council of 31 March 2004 on the coordination of procedures for the award of public works contracts, public supply contracts and public service contracts. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1553596756980&uri=CELEX:32004L0018/>)

⁶ См.: Камалян А. М. Правовое регулирование государственных закупок в Европейском Союзе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 61.

⁷ См.: Лучкова А. П. Регулирование государственных закупок в праве Европейского союза: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 62.

⁸ Например, еще в 2011 г. был создан единый портал для информационного обеспечения государственной закупочной деятельности – www.zakupki.gov.ru. См.: Мажарова Л. А. Системы государственных закупок РФ и США: сравнительный анализ // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Сер.: Управление строительством. 2016. № 1 (8). С. 55–62.

В 2002 г. была принята программа «Электронная Россия»¹. В 2005 году был принят Федеральный закон № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», благодаря реализации которого в России была обеспечена информационная открытость закупок, в частности, создан единый официальный сайт. Новшеством закона стало включение в него специального раздела, посвященного размещению государственных заказов путем проведения открытого аукциона в электронной форме.

1 января 2014 г. вступил в силу федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе), в котором был закреплен целый ряд нововведений, в том числе в сфере электронных закупок. В частности, в нем предусмотрено создание единой информационной системы в сфере закупок, которая представляет собой «совокупность информации о закупках (включая справочную, нормативную информацию, реестры, планы, отчеты, библиотеку типовых контрактов), содержащейся в базах данных, информационных технологий и технических средств, обеспечивающих формирование, обработку, хранение такой информации, а также ее предоставление с использованием официального сайта единой информационной системы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»². Единая информационная система выполняет не только контрольно-информационные функции, но и с 1 января 2016 г. обеспечивает юридически значимый электронный документооборот, включая подачу заявок в электронной форме и подписание контрактов посредством электронной подписи³.

Особое значение в правовом регулировании закупочных отношений независимо от используемых при этом средств российским законодателем придается не только контролю за расходованием бюджетных средств, но и обеспечению прав участников закупок. Федеральная антимонопольная служба⁴

¹ См.: ФЦП «Электронная Россия (2002–2010 годы)»: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/programs/6/>

² См.: Андрианова В. Н. История становления и развития правового регулирования государственных закупок в электронной форме в Российской Федерации // Законность и правопорядок в современном обществе. 2015. № 27. С. 23–32.

³ См.: Соловяненко Н. И. Законодательство об электронном документе как фактор актуализации правового пространства для инновационной (цифровой) экономики // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 3. С. 162–175.

⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 94 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на осуществление контроля в сфере размещения заказов на поставки товаров, вы-

и иные органы уполномочены на проведение мероприятий, направленных на выявление и пресечение нарушений законодательства о закупках (ст. 99 Закона о контрактной системе). К сожалению, нельзя утверждать, что проблемы обеспечения прав участников закупок близки к полному разрешению, однако, очевидно, что уже достигнут определенный прогресс в указанном направлении⁵.

Будущее цифровых закупок уже активно формируется как разработчиками программ, так и специалистами в области закупок⁶. К планируемым нововведениям общего характера можно отнести, прежде всего, создание для заказчиков персонифицированного контента, руководств и рекомендаций, предварительное заполнение форм.

В цифровых закупках на этапе торгов могут появиться такие опции как проверка контрагента (участника закупок) на соответствие единым требованиям; автоматическое формирование досье участника; сбор информации из различных источников и реестров, реестр недобросовестных поставщиков, автоматический контроль и недопуск участника, в том числе в случае наличия сведений в реестре недобросовестных поставщиков; реестр субъектов малого предпринимательства, автоматический контроль привлечения субъектов малого предпринимательства, автоматический контроль выданных лицензий, наличия права на осуществление определенной деятельности и объема таких прав⁷. Кроме того, заключение договора поставки может происходить только путем формирования параметров необходимого товара или даже обо-

полнение работ, оказание услуг для федеральных государственных нужд» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Сводный аналитический отчет по результатам осуществления мониторинга закупок, товаров, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в соответствии с Законом о контрактной системе по итогам 2017 года подготовлен в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2015 г. № 1193. В 2017 г. в ЕИС размещено около 3,16 млн извещений об осуществлении закупок общей стоимостью около 7,1 трлн рублей (С. 4), из них электронных – 1,85 млн извещений на общую сумму 4,67 трлн рублей при объеме заключенных контрактов на сумму 3,9 трлн рублей, а в ФАС России поступило 89 333 жалобы на действия (бездействия) заказчика, уполномоченного органа, уполномоченного учреждения, специализированной организации, комиссии по осуществлению закупок, ее членов, должностного лица контрактной службы, контрактного управляющего, оператора электронной площадки при осуществлении закупок, из которых признано обоснованными и частично обоснованными 31 719 (С. 13). Итак, можно утверждать, что нарушения в закупочных процедурах не имеют широкого распространения и активно пресекаются.

⁶ См.: Pezza S. Revolutionizing Procurement's User Experience With AI. URL: <https://www.digitalistmag.com/cio-knowledge/2018/04/12/revolutionizing-procurements-user-experience-with-ai-06079449/Lfnf> (дата обращения: 28.02.2019).

⁷ См.: Бижоев Б. М. Основы интеллектуальной контрактной системы в сфере государственных закупок // Journal of Economic Regulation. 2018. Т. 9. № 1. С. 117–118.

значения конкретных нужд. Следует отметить, что введение указанных возможностей может повлиять на осуществление прав участниками закупочной деятельности. В частности, интеллектуальный подбор сведений может искажать представление о действительном положении дел и вести к неверному выбору как лиц, создавая в некотором смысле дискриминацию как участников закупок, так и товаров, работ, услуг, влияя на состояние рынков, что, безусловно, создает как общественную опасность, так и угрозы нарушения прав и законных интересов участников гражданского оборота. Параллельно возникают и проблемы определения ответственности заказчиков, поскольку дефекты воли и волеизъявления могут препятствовать образованию состава гражданского правонарушения, создавая опасность злоупотребления предоставленными возможностями.

На другом этапе закупок могут также появиться такие возможности как маркировка денежных средств, автоматический контроль за их расходованием, эскроу-транзакции (возврат обеспечения заявки (обеспечения исполнения контракта), автоматический возврат средств после наступления

события либо подтверждения исполнения обязательств по контракту (публикации в системе документов о приемке), оплата контрактов, автоматическая оплата после наступления события (публикации в системе документов о приемке)¹. Для предотвращения нарушений прав, очевидно, требуется уточнение правил о передаче вещи (ст. 224 ГК РФ), введения нормативно-правовых положений о контроле за перемещением товара и последствиях их несоблюдения, в том числе, определения способов защиты и мер ответственности за нарушение прав контрагентов.

В заключении краткого анализа эволюции правового регулирования отношений в сфере цифровых закупок, следует подчеркнуть, что уже имеющийся опыт опосредования электронно-цифровыми средствами общественных отношений в указанной сфере, его сегодняшнее и предполагаемое будущее состояние позволяют настаивать на бесперспективности их развития вне правового регулирования, поскольку сами по себе цифровые возможности не могут обеспечить удовлетворение интересов участников закупочной деятельности.

¹ См.: Бижоев Б. М. Указ соч.

Л.В. Андреева,

*профессор, д.ю.н., профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
e-mail: andlaw@mail*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЫ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ*

Аннотация: в статье анализируется современная модель государственных и муниципальных закупок и перспективы внедрения цифровых технологий в сферу государственных и муниципальных закупок в аспекте возможности применения действующих правил и изменения законодательства. Созданная в контрактной системе информационная инфраструктура может быть адаптирована путем внедрения соответствующих технологических решений к проведению закупок в цифровой форме. Делается вывод о том, что такой путь апробации цифровых инноваций представляется достаточно эффективным.

Ключевые слова: цифровизация государственных и муниципальных закупок, цифровая экономика, контрактная система, государственные информационные системы в области закупок.

L. V. Andreeva,

*Professor, doctor of law, Professor of the Department of entrepreneurial and corporate law
of the Moscow state University of law named after O.E. Kutafin (MSAL)
e-mail: andlaw@mail*

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE CONTRACT SYSTEM: LEGAL ASPECT

Annotation: this article analyzes the current model of public procurement and the prospects of digitization in the sphere of public procurement in the aspect of possibilities of application of existing regulations and legislative changes. The information infrastructure created in the contract system can be adapted by implementing appropriate technological solutions to the procurement in digital form. It is concluded that this way of approbation of digital innovations is quite effective.

Keywords: digitalization of state and municipal procurement, digital economy, contract system, state information systems in the field of procurement.

Современная модель государственных и муниципальных закупок создана в результате принятия Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее – Закон о контрактной системе). В отличие от ранее действовавшей модели закупок в основу контрактной системы положен системный подход, что позволяет осуществлять взаимосогласованное правовое регулирование всех стадий закупок – от их планирования до приемки результатов. Данная модель, созданная на основе зарубежного опыта, в частности, Федеральной контрактной системы США, облегчает внедрение научно-технических достижений в сферу закупок, включая цифровые технологии, что является актуальной задачей в настоящее время.

Проводимый государством стратегический курс на переход к цифровой экономике, понимаемой не как отдельная отрасль, а в качестве хо-

зяйственной деятельности, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг², с необходимостью должен быть распространен и на сферу государственных и муниципальных закупок. Цифровизация хозяйственной деятельности может рассматриваться в качестве способа ее ведения, при котором определяющее значение приобретает обработка и использование большого объема структурированной и неструктурированной информации и применение различных цифровых технологий.

Как отмечает О.М. Родионова, значимость воздействия «цифровой реальности» на процесс закупок предполагает необходимость правового регулирования не на подзаконном уровне, а пере-

* Доклад (статья) подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16079 «Цифровая экономика: концептуальные основы правового регулирования бизнеса в России».

¹ См.: СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652.

² См.: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

смотра основных положений гражданского законодательства¹. Каковы же перспективы внедрения цифровых технологий в сферу государственных и муниципальных закупок в аспекте возможности применения действующих правил и изменения законодательства?

При решении задачи создания необходимых нормативных правил перехода к цифровизации государственных и муниципальных закупок, разработки новых понятий и процедур, а также снятия административных барьеров следует учитывать нынешнее состояние правового регулирования закупок в контрактной системе.

Первоначальная «эйфория» от создания контрактной системы в сфере закупок и надежда на быстрое повышение эффективности закупок прошли из-за недостаточной проработки ряда правил, предусмотренных в Законе о контрактной системе. Начался процесс бесконечных «точечных» изменений и дополнений правил о закупках. Отсутствие стабильности законодательства, сложность правил о контрактной системе привели к значительным трудностям в правоприменительной деятельности, что свидетельствует об отсутствии концепции развития контрактной системы.

Необходимость разработки концепции развития контрактной системы подчеркивается в литературе². Рассматривая варианты цифровизации экономики, применяемые в зарубежных государствах, А.В.Михайлов отмечает, что рассчитывать следует не на эволюционное развитие цифровизации под влиянием конкурентного рынка, а на поддержку и стимулирование государством³.

Государственная политика по совершенствованию контрактной системы отражена в настоящее время в Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 января 2019 г. № 117-р⁴. В данном документе указывается на необходимость упрощения правил закупок на всех этапах и определены основные направления развития контрактной системы. Такими направлениями являются: усиление

¹ См.: Родионова О. М. Подходы к гражданско-правовому регулированию отношений в сфере цифровых закупок // Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном глобальном контексте: монография / под общ. ред. В. Н. Синюкова, М. А. Егоровой. М.: Проспект, 2019. С. 190.

² См.: Шмелева М. В. Разработка новой концептуальной модели государственных закупок через теоретическое познание основных категорий // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 48–51.

³ См.: Михайлов А. В. Проблемы становления цифровой экономики и вопросы развития предпринимательского права // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 11. С. 69.

⁴ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 января 2019 г. № 117-р «Об утверждении Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах» // СЗ РФ. 2019. № 6, ст. 542.

связи закупок и бюджетного планирования; объединение плана закупок и плана-графика; усиление роли нормирования закупок; формирование в полном объеме каталога товаров, работ, услуг; обеспечение интеграции информационных систем, связанных с процессом закупок; уменьшение количества способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей); развитие функциональных возможностей государственной информационной системы «Независимый регистратор» и др. Данные меры обозначены в качестве системных мер, способствующих устранению существенных недостатков и ограничений, имеющихся в сфере государственных и муниципальных закупок, однако они не предусматривают внедрения цифровых технологий в сферу закупок, поэтому данный документ не может «претендовать» на документ стратегического характера, определяющий основные направления цифровизации в сфере государственных и муниципальных закупок.

Принятые в 2017–2018 годах в Закон о контрактной системе поправки рассматриваются в Концепции повышения эффективности бюджетных расходов в качестве нового этапа развития контрактной системы. Представляется однако, что данный этап, на котором основным достижением является перевод всех конкурентных способов закупок в электронную форму, следует рассматривать в качестве этапа, создающего условия для перехода к этапу цифровизации закупочной деятельности.

«Электронизация» закупок (т.е. перевод всех конкурентных способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) на электронную форму закупок, введенная Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ⁵, а также внесенные дополнения в Закон о контрактной системе правила об электронных площадках и их операторах, правила о проведении электронных процедур, введение правил о закупках малого объема в электронной форме обеспечивают открытость и прозрачность закупочных процедур, повышают уровень конкуренции, способствуют борьбе с коррупцией, облегчают доступ к закупкам, оптимизируют контроль за закупками и способствуют внедрению цифровых технологий в сферу закупок. Данные правила создают условия для перехода к новому этапу в сфере закупок – цифровизации.

Созданная в контрактной системе информационная инфраструктура также может быть адаптирована путем внедрения соответствующих технологических решений к проведению закупок в цифровой форме. Основой информационной инфраструктуры выступает Единая информационная система (ЕИС), с помощью которой в соответствии со ст. 4 Закона о контрактной системе решаются масштабные задачи по формированию, обработке, хранению и предоставлению информационных данных, в том числе автоматизированных, участ-

⁵ См.: СЗ РФ. 2018. № 1, ч. 1, ст. 88.

никам контрактной системы, осуществление контроля, в перспективе, автоматизированного и фиксации нарушений.

ЕИС представляет собой многофункциональную государственную информационную систему, состоящую из многих подсистем, интегрированную с региональными информационными системами в контрактной системе, и взаимодействующую с иными государственными информационными системами.

В качестве основных направлений развития информационных и коммуникационных технологий в Стратегии развития информационного общества обозначены такие как обработка больших объемов данных; искусственный интеллект; доверенные технологии электронной идентификации и аутентификации; облачные и туманные вычисления; интернет вещей и индустриальный интернет; робототехника и биотехнологии; радиотехника и электронная компонентная база; информационная безопасность.

Для устранения технических неполадок и сбоев в работе и обеспечения устойчивого развития ЕИС основными задачами является автоматизация осуществляемых функций, переход на новую технологическую основу, внедрение эффективной системы хранения информации.

Следует отметить, что Распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2019 г. № 1911-р утверждена Концепция создания государственной единой облачной платформы¹, в соответствии с которой планируется обеспечить использование российских унифицированных технических и программных средств и увеличить долю использования облачных технологий в информационно-телекоммуникационном обеспечении деятельности органов государственной власти, обеспечить комплексную защиту информации от внешних угроз.

В целях реализации данной Концепции с 30 августа 2019 г. по 30 декабря 2020 г. проводится эксперимент по переводу информационных систем и информационных ресурсов ряда федеральных органов исполнительной власти и государственных внебюджетных фондов в государственную единую облачную платформу, а также по обеспечению федеральных органов исполнительной власти и государственных внебюджетных фондов автоматизированными рабочими местами и программным обеспечением².

Целями эксперимента являются формирование и апробация методических, организационных

¹ См.: СЗ РФ. 2019. № 36, ст. 5066.

² См.: Постановление Правительства РФ от 28 августа 2019 г. № 1114 «О проведении эксперимента по переводу информационных систем и информационных ресурсов федеральных органов исполнительной власти и государственных внебюджетных фондов в государственную единую облачную платформу, а также по обеспечению федеральных органов исполнительной власти и государственных внебюджетных фондов автоматизированными рабочими местами и программным обеспечением» // СЗ РФ. 2019. № 35, ст. 3979.

и технологических условий для обеспечения возможности создания государственной единой облачной платформы, а также апробация функционала первой очереди федеральной государственной информационной системы «Управление государственной единой облачной платформой».

В рамках эксперимента должна быть сформирована модель бесперебойного функционирования государственных информационных систем с использованием государственной единой облачной платформы. Можно сказать, что создание государственной единой облачной платформы основано на технологии распределенных реестров.

По оценке результатов эксперимента можно будет решить вопрос о целесообразности использования государственной облачной платформы в сфере закупок, что должно значительно снизить затраты на информационное обеспечение и повысить безопасность функционирования ЕИС.

ЕИС в качестве информационной системы, по верному утверждению О.А. Городова, является публично-правовым институтом, который в соответствии с новой ст. 141.1 ГК РФ дополнен гражданско-правовым элементом – цифровым правом, обладателем которого признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы вправе распоряжаться данным правом³. Соответственно, при использовании в ЕИС цифровых технологий должны быть обеспечены права и законные интересы участников контрактной системы, решены вопросы распределения ответственности между участниками при нарушении установленных правил.

Основным вектором развития контрактной системы является упрощение правил для ее участников как для заказчиков, так и поставщиков, подрядчиков и исполнителей, эффективным средством достижения которого является применение цифровых технологий, первоначальной задачей при этом можно считать автоматизацию закупок⁴.

В соответствии с ч. 11 ст. 34 Закона о контрактной системе постоянно увеличивается количество утвержденных федеральными органами исполнительной власти типовых контрактов, размещаемых в ЕИС для применения заказчиками, что позволяет сократить затраты заказчиков на разработку проектов контрактов.

Целесообразно использовать типовые формы и других документов в сфере закупок. Так, Минфином России предложено принять проект Постановления Правительства РФ об утверждении типо-

³ См.: *Городов О.А.* О правовой охране больших данных // Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте: монография / под общ. ред. В.Н. Синюкова, М.А. Егоровой. М.: Проспект, 2019. С. 75.

⁴ См.: *Андреева Л.В.* Государственные закупки в России: правовое регулирование и меры по его совершенствованию: монография. М.: Проспект, 2019. С. 161.

вых форм заявок на участие в электронных процедурах закупок¹.

Необходимо расширять функционал ЕИС путем внедрения новых функций по автоматическому поиску для заказчиков стандартизированных товаров, работ, услуг, расчета стоимости НМЦК и пр.

В настоящее время происходит процесс активной разработки применения новых технологий в различных сферах государственного управления и хозяйственной деятельности, в том числе и в сфере закупок путем разработки различными органами государственной власти проектов нормативных правовых актов.

При переходе к этапу цифровизации государственных и муниципальных закупок большое теоретическое и практическое значение приобретают исследования по возможности использования распределенных реестров, в том числе блокчейна и умных контрактов (*smart contract*).

Не ставя целью рассмотрение правовой природы и существа умного контракта в рамках данной статьи, следует отметить, что ученые отмечают принципиальную возможность их заключения в сфере закупок².

Вместе с тем, как показывают исследования зарубежных ученых, необходимыми условиями заключения смарт-контрактов являются применение технологии блокчейн, легализация криптовалюты и криптографическая защита данных, хранящихся в распределенных реестрах³. В настоящее время в качестве эксперимента Минэкономразвития России вместе с Внешэкономбанком провело тестирование технологии блокчейн на одном из этапов

процедуры закупок с целью автоматического возврата денежного обеспечения заявок участникам закупок по результатам проведенных процедур, что сократило срок возврата денежных средств участникам⁴.

При принятии решения о применении конструкции умного контракта в сфере закупок необходимо, как представляется, учитывать комплексный характер правового регулирования государственных и муниципальных контрактов, что предполагает государственное регулирование в определенном объеме в отличие от механизма саморегулирования при применении умных контрактов в частноправовых отношениях. Во всяком случае целесообразно с целью апробирования применения новых цифровых технологий в сфере закупок установить временный правовой режим регулирования определенных отношений (стадий) закупочного процесса.

Минэкономразвития России разработан проект Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», в котором предусмотрено адресное временное контролируемое установление экспериментального (в отсутствие существующего или отличающегося от существующего) нормативного правового регулирования для применения цифровых инноваций или осуществляемой с их использованием деятельности в РФ⁵. Пилотные проекты, эксперименты проходят в различных областях экономических отношений при применении новых цифровых технологий, в том числе, в сфере торговли, и такой путь апробации цифровых инноваций представляется достаточно эффективным.

¹ См.: Проект Постановления Правительства РФ «Об утверждении типовой формы заявки на участие в электронных процедурах, закрытых электронных процедурах, требований к содержанию, составу, порядку разработки типовой документации о закупке и внесении изменений в дополнительные требования к операторам электронных площадок, операторам специализированных электронных площадок и функционированию электронных площадок, специализированных электронных площадок» // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Шмелева М.В. Цифровая трансформация системы государственных и муниципальных закупок // Юрист. 2019. № 7. С. 19.

³ См.: Брой Штефан. Вызовы блокчейнов и кибервалют антимонопольному законодательству и конкурентному праву // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 1. С. 54.

⁴ См.: Гайва Е. Связанные одной цепью // Российская газета. 2018. 29 января.

⁵ См.: СПС «КонсультантПлюс».

О.А. Беляева,

д.ю.н., профессор РАН, главный научный сотрудник отдела гражданского законодательства и процесса, заведующий кафедрой частноправовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
e-mail: o.believa@rambler.ru

РЕЖИМ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК: ПУТИ ПРАВОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Аннотация: автор рассуждает о проблемах правильной идентификации правовых режимов осуществления закупок как государственными, так и корпоративными заказчиками. Предпринята попытка выявить закономерности установления изъятий из общих правил фиксации режимов проведения закупок в разных сферах законодательного воздействия. Автор формулирует вывод о бессистемности сочетания правил и исключений, об иррациональности ряда норм, о фрагментарности регуляторных подходов, а также о необходимости формирования концепции развития отечественного законодательства о закупках с обязательным юридическим прогнозированием хотя бы в краткосрочной перспективе.

Ключевые слова: публичные закупки, корпоративные закупки, обязательный аудит, положение о закупке, бюджетные учреждения, унитарные предприятия.

О.А. Belyaeva,

doctor of law, Professor of RAS, chief researcher of the Department civil law and process, head of the Department of private law disciplines Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation
e-mail: o.believa@rambler.ru

PUBLIC PROCUREMENT REGIME: WAYS OF LEGAL IDENTIFICATION

Annotation: the author discusses the problems of correct identification of legal regimes of procurement by both state and corporate customers. The attempt is made to reveal regularities of establishment of exceptions from the General rules of fixing of modes of carrying out purchases in different spheres of legislative influence. The author formulates a conclusion about the unsystematic combination of rules and exceptions, irrationality of a number of norms, fragmentation of regulatory approaches, as well as the need to form a concept of development of domestic procurement legislation with mandatory legal forecasting at least in the short term.

Keywords: public procurement, corporate procurement, mandatory audit, procurement regulations, budgetary institutions, unitary enterprises.

Nulla regula sine exceptione

В условиях дуализма¹ отечественного законодательства о публичных закупках вопросы правильной правовой идентификации правового режима осуществления закупок не утрачивают своей актуальности. Тенденций к упрощению и ясности правовой регламентации равным образом не наблюдается. Ранее мы затрагивали данную проблематику, называя ее «экстраполяцией» законодательного воздействия и называя ее системной проблемой современного законодательства в дан-

ной сфере отношений². Но и сейчас приходится констатировать, что сложностей идентификации меньше не стало.

Конечно, весьма затруднительно установить единый правовой знаменатель для осуществления закупок весьма и весьма разнообразными заказчиками, причем их неоднородность является многоаспектной, это и организационно-правовые формы, и цели деятельности, и объем финансирования закупок и множество других факторов.

Так, например, на основании норм Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юриди-

¹ Этот термин можно считать устоявшимся в специальной литературе. См., например: Кичик К. В. «Дуализм» российского законодательства о публичных закупках // Современные проблемы хозяйственного законодательства: матер. I Междунар. науч.-практ. конф. (г. Донецк, 25 октября 2018 г.). Донецк, 2019. С. 47–63.

² См.: Беляева О. А. Тенденции развития законодательства Российской Федерации о регламентированных закупках // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 22; *Ее же*. Корпоративные закупки: проблемы правового регулирования: науч.-практ. пособие. М., 2018. С. 27–29.

ческих лиц» (далее – Закон о закупках) работают детские сады, созданные в форме автономных учреждений, и государственные корпорации – наши экономические гиганты. Очевидно, что единые закупочные стандарты не нужны, если не сказать: невозможны. Регулирование должно быть в своем роде осторожным, адаптивным.

Мы предлагаем использовать такой термин, как «выпадение из правового режима закупок» (по аналогии с «выпадением доходов бюджета»). Что здесь имеется в виду? Мы с очевидностью наблюдаем некую законодательную дисперсию – ситуацию, при которой невозможно, условно говоря, построить заказчиков стройными рядами и четко определить, кто из них по какому закону работает. Предположим, есть субъект, который, по общему правилу, осуществляет свои закупки по правилам Закона о закупках, но при наступлении определенных условий он обязан осуществлять закупки согласно правилам Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе). Есть и обратная ситуация: заказчик в общем правовом режиме проводит закупки на основании норм Закона о контрактной системе, но в неких обстоятельствах его закупки «выпадают» в сферу регулирования Закона о закупках.

Что же выпадает из общего правового режима, установленного Законом о закупках? Во-первых, это заключение договора с аудиторской организацией на проведение обязательного аудита (п. 7 ч. 4 ст. 1 Закона о закупках). Данная норма представляется, мягко говоря, нелогичной, поскольку здесь имеется отсылка к ст. 5 Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», в которой, в свою очередь, зачем-то говорится о необходимости проведения конкурса для выбора аудиторской организации по правилам Закона о контрактной системе. Рационального объяснения такой регламентации мы не находим: все закупки субъект проводит в режиме Закона о закупках и лишь одна закупка (договор на проведение обязательного аудита) выпадает в Закон о контрактной системе.

Однако главная огреха заключается и вовсе в другом: если сопоставить круг лиц, которые являются заказчиками в контексте Закона о закупках, с перечнем аудируемых лиц, обязанных проводить вышеупомянутый конкурс, выяснится, что они не совпадают. Корпоративные заказчики представляют собой, условно говоря, три эшелона, второй и третий эшелоны – это дочерние и внучатые общества, они являются заказчиками в силу так называемого корпоративного родства. И как раз их нет среди аудируемых лиц, обязанных отбирать аудиторскую организацию в соответствии с Законом о контрактной системе. Для таких заказчиков обязательный аудит выпал из Закона о закупках, но

не попал в Закон о контрактной системе¹. Выходит, что такая закупка специального регулирования не имеет, а договор может заключаться на основании общегражданских норм.

Наблюдается интереснейшая антиномия и по другой причине: инициативный аудит для данных заказчиков никуда, собственно говоря, не выпадает.

Во-вторых, если заказчик проводит закупки, не имея специального локального акта, утвержденного и размещенного в единой информационной системе в сфере закупок (ЕИС), – положения о закупке (ч. 1 ст. 2 Закона о закупках), он обязан перевести свои закупки в режим Закона о контрактной системе.

В-третьих, есть заказчики, которые обязаны осуществлять так называемые преференциальные закупки, т.е. им необходимо выполнять квоту закупок у субъектов малого и среднего предпринимательства². Соответственно, осуществление закупок в меньшем объеме означает перевод закупок в режим Закона о контрактной системе. Мы наблюдаем уникальный инцидент в современном отечественном правовом порядке: «выпадение» закупок в другой правовой режим играет роль некоего наказания за невыполнение квотированного объема закупок. Причем наказание это жестокое и беспощадное: выпадение происходит всего лишь на 11 месяцев (с 1 февраля года, следующего за отчетным, и до конца текущего года). Однако алгоритм перехода из режима Закона о закупках в регламент Закона о контрактной системе, а равно и возвращение обратно по истечении срока такого экзотического наказания никак не регламентировано. Прецеденты таких «хождений» огласки равным образом не имеют (мы можем лишь предполагать, что они существуют). Польза такого регулирования видится весьма сомнительной. Изменение правового режима осуществления закупок в виде карательной меры – это откровенная регуляторная нелепица.

В-четвертых, есть отнюдь ненормальное правило о том, что автономное учреждение обязано проводить закупки за счет бюджетных средств, выделенных на осуществление капитальных вложений в объекты государственной и муниципальной собственности. Объяснение этому традиционному правилу (а такой подход практиковался задолго до появления ст. 15 Закона о контрактной системе, правда, регулирование прежде осуществлялось на подзаконном уровне) видится в плоскости контроля за процедурами целевого расходования бюджетных средств.

Итак, основные «выпадения» из общего регламента Закона о закупках изложены, но нельзя не отметить, что и здесь отсутствует ясная система пра-

¹ Мы обращали внимание на этот регуляторный курьез довольно давно. См.: *Беляева О. А.* Как проводить аудит в рамках Закона № 223-ФЗ? // Аукционный вестник. 2013. № 154. С. 1–3.

² См. подробнее: Постановление Правительства РФ от 11 декабря 2014 г. № 1352.

новых координат: перечисленные «выпадения» не связаны единой целью, касаются не всех корпоративных заказчиков, в ряде случаев носят фрагментарный характер (выпадение образует правовой вакуум). Кроме того, «выпадения» предусмотрены разными законами. К примеру, первые три случая следуют из текста Закона о закупках, в то время как четвертый имплементирован в Закон о контрактной системе. Проще говоря, автономное учреждение, работая в рамках Закона о закупках, должно «найти себя» в Законе о контрактной системе, хотя статуса государственного, муниципального или иного заказчика оно изначально не имеет.

Рассмотрим диаметрально противоположную картину: общий правовой режим – это Закон о контрактной системе, но при возникновении неких условий закупка «выпадает» в регуляцию другого закона. Речь пойдет о двух категориях заказчиков – это бюджетные учреждения и унитарные предприятия. Так, бюджетные учреждения могут работать либо единообразно – по правилам Закона о контрактной системе, либо разделить закупки на два правовых режима. Подчеркнем, что заменить правовой режим закупок невозможно, его можно лишь сделать двойственным. Причем «выпадение» касается не сделок, а конкретных денежных средств, определяемых сообразно источнику их получения: дар, пожертвование, завещание, гранты, контракты «второй руки» (вспомогательные сделки, заключаемые в целях исполнения ранее заключенных публичных контрактов, в которых учреждение фигурирует в качестве исполнителя) и средства, полученные от разрешенной доходной деятельности.

Однако компетенция бюджетного учреждения по принятию решения о «раздвоении» правового режима собственных закупок является нулевой, потому как утверждение положения о закупке, в соответствии с которым могут расходоваться вышеобозначенные денежные средства, – прерогатива собственника имущества учреждения. Принудить его к утверждению положения о закупке невозможно.

Есть еще и существенные ограничения, касающиеся времени размещения такого положения в ЕИС: оно должно быть размещено до начала текущего года. Если, допустим, положение утверждено собственником имущества посреди года, то его применение станет возможным лишь в следующем календарном году. И вновь здесь стоит задаться вопросом о рациональности такого подхода, поскольку аргументов в пользу того, что он является целесообразным или способствующим эффективным закупкам, мы не находим.

Схожим образом унитарные предприятия, будучи иными заказчиками согласно ст. 3 Закона о контрактной системе, могут частично применять Закон о закупках в отношении дара, пожертвования, завещания, грантов, собственных средств (ведь они же коммерческие организации, а потому средства, полученные в процессе осуществления предпринимательской деятельности изъяты из-под требований

Закона о контрактной системе), контрактов «второй руки». В последнем случае установлено дополнительное ограничение: нельзя заключать сделки вспомогательного характера в случае если унитарное предприятие выступает так называемым назначенным поставщиком (п. 2 ч. 1 ст. 93 Закона о контрактной системе). Вероятно, такое своеобразное препятствие обусловлено целями контроля за денежными средствами, полученными в качестве вознаграждения по контракту, полученному на неконкурентной основе.

Есть еще и интересный перечень федеральных государственных унитарных предприятий, имеющих существенное значение для обеспечения прав и законных интересов граждан Российской Федерации, обороноспособности и безопасности государства¹ (ни много ни мало, это легальная дефиниция). Перечень насчитывает чуть более 100 предприятий, и они работают полностью только по правилам Закона о закупках. Иными словами, ни виды сделок, ни источник происхождения денежных средств идентификации не подлежат, есть просто предприятия «не такие, как все».

Как мы видим, даже самое незначительное соприкосновение с отечественным закупочным дуализмом демонстрирует отсутствие какой-либо логики в определении «общего» и «особенного» в правовых режимах осуществления закупок. Вплоть до того, что затруднения вызывает и сам применимый закон, в последнем примере это и вовсе так называемая ручная настройка на подзаконном уровне.

К сожалению, мало того, что законодательство о закупках находится в состоянии перманентного реформирования², оно год от года становится все более запутанным и туманным, что демонстрирует отсутствие концепции регулирования как таковой.

На наш взгляд, необходимо более тщательно, более выверенно подходить к любым законодательным инициативам. Прежде всего, каждому законопроекту должно предшествовать его концептуальное обоснование с обязательным юридическим прогнозированием, любое предложение должно быть аргументировано целями воздействия, а ожидаемый результат, пусть даже в краткосрочной перспективе, должен иметь максимально четкую проекцию. В противном случае в самое ближайшее время мы столкнемся с уже необратимыми процессами законодательной деградации³, потому как сейчас мы ежедневно наблюдаем лишь законодательные эксперименты, не обремененные задачами эффективного правоприменения.

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2016 г. № 2931-р.

² См. также: *Кичик К. В.* Законодательство России о публичных закупках // Публичные закупки: проблемы правоприменения: матер. III Всерос. науч.-практ. конф. (9 июня 2015 г., МГУ им. М. В. Ломоносова). М., 2015. С. 92.

³ См. также: *Беляева О. А.* Публичные закупки: негативная динамика правового регулирования // Аукционный вестник. 2019. № 428. С. 1.

М.В. Шмелёва,
к.ю.н., докторант, доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: civil2012@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕХАНИЗМА ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ЗАКУПОК*

Аннотация: система государственных закупок развивается и становится настолько сложной, что это начинает выступать препятствием к ее правильному применению. Решить эту проблему можно за счет использования современных технологий, таких как блокчейн, смарт-контракты, цифровые двойники, криптовалюта. В докладе предлагается погрузить всю сложность организации и проведения закупочных процедур в электронику. Кроме того, автор полагает, что цифровые технологии сделают систему закупок более прозрачной и тем самым позволят решить вопросы нормативного регулирования и ценообразования.

Ключевые слова: система госзакупок, электронные закупки, цифровизация закупок, экономика интеллекта.

M.V. Shmelyova,
PhD, doctorate, associate Professor of civil law Department Saratov state law Academy
e-mail: civil2012@mail.ru

ECONOMIC AND SOCIAL EFFICIENCY OF THE MECHANISM CIVIL-LAW REGULATION OF DIGITAL PROCUREMENT

Annotation: the system of public procurement is developing and becoming so complex that it begins to act as an obstacle to its correct application. This problem can be solved through the use of modern technologies such as blockchain, smart contracts, digital counterparts, cryptocurrency. The report proposes to immerse the complexity of the organization and conduct of procurement procedures in electronics. In addition, the author believes that digital technologies will make the procurement system more transparent and thus allow solving regulatory and pricing issues.

Keywords: public procurement system, electronic procurement, digitalization of procurement, intelligence economy.

Государственные и муниципальные закупки выступают одним из ключевых вопросов государственного управления, поскольку затрагивают все уровни власти, начиная от федерального центра, заканчивая муниципальными образованиями.

Эффективность осуществления государственных закупок предполагает то, как и с каким результатом тратятся бюджетные средства, а, по сути, средства налогоплательщиков, какую отдачу они приносят для решения социальных и экономических вопросов страны¹. «Только создание прозрачных и понятных закупочных процедур может способствовать экономии средств бюджета и росту конкуренции». И главный шаг для достижения по-

ставленных целей – цифровизация. Об определяющей роли государственных закупок в национальной экономике ярко свидетельствуют и статистические данные. Так в 2018г. на закупки в рамках Закона № 44-ФЗ² было выделено 8,6 трлн руб., а на закупки в рамках Закона № 223-ФЗ³ 16,9 трлн руб., что составляет в среднем треть государственных расходов.

Кроме того за 2018 г. объем государственных закупок в рамках Закона № 44-ФЗ возрос на 21,1 %, а в рамках Закона № 223-ФЗ на 29 %. При этом по данным Минфина РФ расходы бюджета за год увеличились только на 4,58 %. Из указанного, оче-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00163 «Механизм гражданско-правового регулирования в сфере цифровых государственных и муниципальных закупок», 2019–2021 гг.

¹ См.: Стенографический отчет о заседании Государственного совета. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57205> (дата обращения: 01.10.2019).

² См.: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 27 июня 2019 г.) // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652; 2019. № 26, ст. 3318.

³ См.: Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (в ред. от 2 августа 2019 г.) // СЗ РФ. 2011. № 30, ч. 1, ст. 4571; 2019. № 31, ст. 4422.

видно, что объем госзакупок растет гораздо быстрее, чем расходы бюджета.

Почему не нравится Закон № 44, спрошу я Вас? Все жалуются на его сложность.

Действительно, система государственных закупок развивается и становится настолько сложной, что это начинает выступать препятствием к ее правильному применению. На наш взгляд, выход из этой ситуации только один – использовать современные технологии и погрузить всю сложность организации и проведения закупочных процедур в электронику.

Цифровые технологии сделают систему государственных закупок прозрачной и позволят государству понять, где есть отклонения с точки зрения нормативного регулирования и ценообразования.

Поэтому сегодня стоит задача автоматизировать сложный процесс хорошего 44-го закона.

Более того, электронные закупочные процедуры способствуют созданию единого экономического пространства и, по сути, стирают географические границы.

В настоящее время просчеты в осуществлении эффективного управления госзаказа ведут к колоссальным потерям. Можно проследить по данным ЕИС.

Для сравнения успешно развивающийся один из прорывных проектов «Портал поставщиков города Москвы». Правительство Москвы представило интегрированный портал поставщиков и инвестиционный портал, ориентированные на привлечение заказчиков и поставщиков из различных регионов страны¹. Указанный портал позволяет не только осуществлять закупки товаров (услуг, работ), но и обеспечивает наглядное представление инвестиционных возможностей Москвы, ее инвестиционной стратегии и инфраструктуры, потенциальных направлений инвестиций. Из анализа размещаемых на портале закупок можно сказать, что конкуренция выше в 1,5 раза, чем на ЕИС, а достигаемая экономия больше, чем в 2 раза.

Тема государственных закупок крайне сложная и многоаспектная. Уже не первый год она обсуждается на разных уровнях и мероприятиях.

Все знают, что сегодня перед страной стоят масштабные задачи, которые требуют максимально эффективно включиться в их решение и органам власти, и гражданскому обществу, и бизнесу.

Еще раз подчеркну, фундаментальную значимость государственных закупок. И это направление является одним из магистральных направлений для достижения государственных целей, о которых было сказано в ежегодном Послании Президента РФ.

Хотела бы обратить внимание всех присутствующих на то, что вопросы обеспечения качественных государственных закупок касается всех уров-

¹ См.: Портал поставщиков. URL: <https://zakupki.mos.ru/#/about?s.onlyMyOffer&s.availability=all&s.isLoadProductionDirectoryPath&v.ps=10&v.s=GivingDate&sd&vt=list> (дата обращения: 19.12.2018).

ней власти. Именно поэтому, уважаемые коллеги, мы сегодня и рассматриваем этот вопрос в таком широком составе.

С каждым годом сфера государственных и муниципальных закупок становится все более технологичной, внедряются новые технологии и решения, автоматизируются закупочные процессы. Быстрые изменения в сфере государственных и муниципальных закупок, вынуждают субъектов таких закупок интенсивно осваивать новейшие технологии, такие как чат-боты, искусственный интеллект, блокчейн и др.

В настоящее время в области госзакупок возможно использование следующих технологий:

1. Технология блокчейн.

Новые технологии в сфере закупок приводят не только к повышению результативности и эффективности закупочных процедур, но и к перекройке всех бизнес-процессов. Например, блокчейн принес важную инновацию: смарт-контракт, технологию, позволяющую формулировать условия контракта и (или) обеспечивать его выполнение².

Хотя на применение технологии блокчейна в качестве базы данных для государственных и муниципальных закупок прямых законодательных ограничений нет³, тем не менее существует, по меньшей мере, три ограничителя для имплементации такой технологии в сфере закупок. Во-первых, технология потребует объединения информационных систем банков, заказчиков, поставщиков, органов исполнительной власти – ни одна из сторон в настоящее время не готова нести издержки для реализации задачи интеграции. Во-вторых, еще одним препятствием на пути к внедрению блокчейна в закупки могут быть ограничения в законе, касающиеся пользования криптовалютами, которые могут существенно сократить число потенциальных транзакций в частности ограничение суммы контракта, заключаемого в криптовалюте, и налог на майнинг⁴. В-третьих, технология потребует резервирования бюджетных средств под исполнение каждого смарт-контракта, поскольку самоисполнимость смарт-контрактов предусматривает, в первую очередь, автоматизацию расчетов между сторонами.

2. Смарт-контракты.

Основная цель смарт-контракта – это внедрить электронный документооборот в закупки на этапе исполнения контракта. В настоящий момент технология смарт-контрактов проходит «обкатку» в ряде компаний в пилотном режиме. Так, в апреле 2018 г. фонд «ВЭБ-Инновации» заключил первый смарт-контракт на электронной площад-

² См.: *Aurélie Bayle*. Smart Contracts : études de cas et réflexions juridiques. France. Open law. 38 pp.

³ См.: *Волос А.А.* Смарт-контракты и принципы гражданского права // Российская юстиция. 2018. № 12. С. 5–7.

⁴ См.: *Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. 2018. № 2. С. 54.

ке B2B-Center. Закупка осуществлялась на блокчейн-платформе «Эфириума» (Ethereum)¹.

3. Цифровые двойники.

Кроме того, до настоящего времени нет утвержденного унифицированного формата электронных версий форм отчетных документов, которые могли бы быть приняты, например, фискальными органами, отсюда возникающие проблемы с налоговым и бухгалтерским учетом операций по смарт-контрактам, также нет автоматически формирующейся отчетности по закупочной деятельности. Во многих процессах пока еще существует необходимость дублировать документооборот на бумаге. Вообще задача использования «цифрового двойника» юридически значимым способом и по всем правилам интеграции, которые задают регулирующие органы, актуальна не только для нас.

4. Онлайн-закупки с автоматической оценкой заявок.

5. Криптовалюта.

Наибольшую эффективность при проведении закупок показали следующие инструменты: виртуальные помощники, когнитивные системы поддержки при принятии решений заказчиками, роботизация в транзакциях, предиктивная аналитика по закупкам.

Так электронная торговая площадка «Центр электронных торгов» построенная на сервисе, основанном на предиктивной аналитике, показала свою эффективность в использовании технологии машинного обучения. Каждому поставщику на основе анализа предыдущей его деятельности площадка с высокой долей вероятности прогнозирует, закупки какого заказчика будут ему интересны.

Да определенные сложности существуют, но в основном это связано с тем, что для внедрения той или иной технологии пока нет нормативно-правовой основы. Речь идет, например, об использовании в закупках технологии блокчейн и смарт-контрактов, которые могли бы упростить и ускорить многие процессы.

Современный период развития системы государственных закупок в России характеризуется колоссальным умножением числа нормативно-правовых, а также судебных и административных актов. Так в настоящее время действуют более 1000 нормативно-правовых актов, касающихся регулирования государственных закупок. Более того, с начала действия Закона о контрактной системе, для внесения в него изменений уже было принято более 60 федеральных законов, изменяющих его содержание. Теперь главная задача – это обеспечить их надлежащую правоприменительную практику.

Перевод закупочных процедур в электронную форму, следует полагать, выступает одним из важнейших шагов, благодаря которому все сложности,

¹ См.: Центр электронных торгов. URL: <https://www.b2b-center.ru/news/?id=18140> (дата обращения: 22.01.2019).

с которыми сталкиваются субъекты контрактных отношений, можно будет погрузить в цифру, сделав для пользователя сами закупки проще.

Последние изменения в ЕИС позволяют заказчикам автоматически оценивать заявки в электронном конкурсе. Это удобно, потому что больше не придется сидеть с калькулятором и высчитывать баллы по заявкам вручную. Но возможность внести результаты в ручном режиме по-прежнему остается.

К сожалению, несмотря на вышеизложенное, в целом по стране системных перемен к лучшему так и не произошло.

Вновь повторю, для прорывного развития страны критически важно обеспечить надлежащее исполнение закупочного законодательства. Однако, несмотря на заявленную задачу – обеспечения результативности закупки, оно так и не достигается, антикоррупционный механизм в этой части также не работает.

Необходимо констатировать тот факт, что исполнение госзаказа идет крайне неравномерно и хаотично. Бюджетные средства выделяются в конце года, в лучшем случае в середине года, поэтому у заказчиков начинается спешное освоение доведенных средств. В итоге осуществляется закупка некачественного товара. Если здесь что-то и меняется, то медленно, просто микроскопическими шагами.

На самом деле ущерб для экономики страны колоссальный. Мы его просто не ощущаем, не чувствуем, но он большой. Подчас мы сталкиваемся и с откровенным игнорированием закона. Приведу некоторые цифры. По данным Счетной палаты, сумма выявленных нарушений законодательства за 2018 год оказалась в 5,5 раза выше суммы нарушений за 2016 год. «294,6 млрд руб. – объем выявленных нарушений в 2018 году. Это в 2,5 раза больше, чем по итогам 2017 года»².

Среди выявленных Счетной палатой коррупционных нарушений в сфере закупок преобладает необоснованное увеличение стоимости контрактов – почти 40 % от общего объема. Нарушение требований законодательства о контрактной системе в сфере закупок, связанных с приемкой и оплатой невыполненных работ, составляет порядка 20 %.

Сразу хочу сказать: это не воровство какое-то, нет, не коррупция. Это просто отсутствие должной финансовой дисциплины. По итогам проверок к дисциплинарной ответственности за эти нарушения привлечено 27 тысяч должностных лиц, 27 тысяч – цифра большая³.

Все вышесказанное считаю показателем системного характера существующих проблем.

² См.: Счетная палата выявила рост нарушений в госзакупках в 5 раз за 2 года. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/04/2019/5cb072fc9a79475d2c90d07b> (дата обращения: 22.09.2019).

³ См.: Заседание Госсовета по вопросу развития конкуренции. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57205> (дата обращения: 22.09.2019).

Когда все открыто – мы с вами хорошо это понимаем и знаем, – прозрачно, сразу бросаются в глаза завышенные цены и странные, а иногда и вовсе нелепые условия госзакупок.

Еще очень многие до конца не понимают выгод от использования цифровых сервисов. В заключение своего выступления, я хотела бы на них остановиться:

Сегодня государство должно обеспечить заказчиков и участников закупок такими сервисами, которые основаны на технологиях искусственного интеллекта, цифрового двойника и блокчейн.

Практически все сервисы основаны на использовании данных, их обработке и выстраивании соответствующих связей, процессов. Поэтому, чем выше будет уровень цифровизации процессов закупки, тем качественнее будут результаты.

К примеру, электронный каталог, содержит данные о ТРУ (товарах, работах, услугах), в том числе из технических условий, ГОСТов. Плюс он может содержать цены различных поставщиков на конкретные позиции. Кроме этого есть возможность фиксировать цены, по которым были заключены реальные контракты. С помощью каталога можно быстро найти нужный товар по нужной цене, сформировать заказ, план закупок или подобрать продукцию на этапе планирования. Также есть возможность создавать обезличенные шаблоны, или как их еще называют цифровые стандарты аналогичности, которые могут быть использованы при формировании заказа в рамках проведения закупочных процедур.

Сейчас в России активно обсуждается идея применения технологии «цифрового двойника». Речь идет о виртуальном моделировании стройки, всех технологических процессов, оцифровке данных как о продуктах, которые производят предприятия, так и о самих производителях.

Что дает цифровизация заказчикам? Так называемые фишки для заказчиков:

1. Оперативные сделки в электронной форме.
2. Конкурентная борьба и снижение цен.
2. Учет и аналитика закупок, автоматическое формирование отчетности.

3. Доступ к разработанной типовой документации (сокращение времени на подготовку закупочных процедур за счет автоматизированного формирования документации). Как следствие, участие в закупках большого количества участников закупки, которым не надо каждый приспосабливаться к новым требованиям заказчиков, и отсутствие жалоб на действия заказчиков со стороны участников.

4. Аккредитация и автоблокировка недобросовестных участников закупки. При этом продолжительность блокировки участия в закупках может зависеть от степени и характера причиненного вреда. При отказе от заключения договора на 3 месяца, при наличии задолженности по исполнению обязательств до полного их исполнения заказчику.

5. Аналитика и статистика по ценам в разрезе и потребителей и поставщиков и товаров. Как результат, не будет контрактов с завышенными ценами.

6. Своевременное исполнение обязательств по контракту за счет использования технологии блокчейн. Блокчейн – это автоматизированное, безопасное и гарантированное выполнение договоров

Что дают цифровые закупки предпринимателям?

1. Возможность подписки на интересующие закупки – интеллектуальная система информирования предпринимателей.
2. Гарантированный доступ к закупкам.
3. Обладание информацией обо всех закупках.
4. Автоматическое исполнение обязательств заказчика по оплате контрактов.

Для регуляторов закупок:

1. Мониторинг и контроль цен.
2. Прозрачность закупок и обоснованность цен.
3. Контроль исполнения и отсутствия просроченной задолженности.
4. Учет бюджетных обязательств в автоматическом режиме.

XXI век – это век экономики интеллекта и система госзакупок, отвечающая такому вызову действительно поможет сделать страну великой державой.

Е.В. Богатова,

*к.ю.н., доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: bogatovaev@yandex.ru*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

Аннотация: в статье рассматриваются типичные нарушения законодательства в сфере электронных государственных закупок. Анализируется практика прокурорского надзора.

Ключевые слова: прокурорский надзор, государственные закупки, типичные нарушения

E.V. Bogatova,

*candidate of law, associate Professor of the Department of prosecutorial supervision
and criminology Saratov state law Academy
e-mail: bogatovaev@yandex.ru*

PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE EXECUTION OF LAWS IN THE FIELD OF ELECTRONIC PUBLIC PROCUREMENT

Annotation: the article discusses typical violations of the law in the field of electronic public procurement. The practice of prosecutorial supervision is analyzed.

Keywords: prosecutorial supervision, public procurement, typical violations.

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ был принят в целях повышения эффективности, результативности, обеспечения гласности и прозрачности осуществления закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в данной сфере. Однако на практике указанные цели достигаются не всегда.

Только за 2018 г. в результате проверок прокуратурой Саратовской области было выявлено 2 667 нарушений закона в рассматриваемой области, что на 16 % больше чем в 2017 г. (2 233). По постановлениям прокуроров к административной ответственности за нарушения законодательства о закупках привлечено 279 лиц (АППГ – 278), инициировано 19 доследственных проверок (АППГ – 20), по материалам которых возбуждено 11 уголовных дел (АППГ – 11)².

Проанализировав практику прокурорского надзора, можно выделить типичные нарушения закона

¹ См.: Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 27 июня 2019 г.) // СЗ РФ. 2013. № 14, ст. 1652; 2019. № 26, ст. 3318.

² См.: Информационное письмо прокурора области С.В. Филипенко «О практике прокурорского надзора за исполнением законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 14 января 2019 г. № 7-06-2019// Информационный бюллетень прокуратуры Саратовской области. 2019. № 1. С. 160.

в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд³, которые условно можно разделить на несколько групп: формальные, процедурные, нарушения бюджетных обязательств, нарушения закона имеющие коррупционную составляющую.

Формальные нарушения (несоответствие документации) заключаются в ненадлежащем нормативно-правовом сопровождении закупок, принятии незаконных правовых актов (например, органами прокуратуры систематически проводятся проверки соответствия Положений о закупках товаров работ и услуг нормам Федерального закона № 44-ФЗ⁴); несвоевременном принятии, нарушении сроков публикации и содержании планов закупок, планов-графиков размещения заказов; дробление контрактов с целью обхода конкурентных процедур по основанию, предусмотренному п. 5 ч. 1 ст. 93

³ Типичные нарушения в сфере государственных закупок в своих работах рассматривали, например: Паламарчук А. Задачи прокурорского надзора за исполнением законов в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд // Законность. 2019. № 1. С. 3–10; Курилова Е.В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. 2016. № 1 (30). С. 129–136.

⁴ См., например: Прокуратурой Предгорного района выявлены нарушения в сфере противодействия коррупции. URL: http://www.proksk.ru/about/info/news/15872/?sphrase_id=46019 (дата обращения: 13.09.2019).

Федерального закона № 44-ФЗ; включение незаконных условий в документацию о закупках; нарушения законодательства при утверждении аукционной, конкурсной и котировочной документации (отсутствие сроков поставки и порядка приемки товара); невключение в контракты обязательных условий об ответственности поставщика (исполнителя, подрядчика).

К процедурным нарушениям (несоответствие порядка осуществления закупок) можно отнести: заключение контрактов без проведения торгов с единственным поставщиком (прямые договоры) в обход конкурентных процедур; заключение (подготовка проектов) контрактов на условиях отличных от документации о закупке; незаконное изменение существенных условий контракта (замена заказчика, изменение срока выполнения работ); несвоевременное направление информации о заключенном (исполненном) контракте в орган кассового обслуживания или опубликования таких сведений в сети Интернет (ЕИС).

В рамках проверки исполнения законодательства о контрактной системе в части обеспечения открытости и прозрачности закупок Генеральной прокуратурой РФ был проведен мониторинг сведений ЕИС. Установлено, что во всех субъектах Российской Федерации допускаются нарушения в данной сфере.

В нарушение ст. 7 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд» по состоянию на 19 июня 2018 г. в ЕИС более 1,1 млн государственных и муниципальных контрактов, подлежащих исполнению в полном объеме в 2014–2017 годах, имели статус неисполненных. При этом свыше 300 тыс. контрактов числятся просроченными с 2016 года, 240 тыс. – с 2015 года, 130 тыс. – более 3 лет.

Наибольшее количество таких контрактов заключено государственными и муниципальными заказчиками в Краснодарском крае (59 тыс.), Ростовской области (43 тыс.), Красноярском крае (41 тыс.), Республике Саха (Якутия) (40 тыс.), Удмуртской Республике и Челябинской области (по 36 тыс.).

Подобное положение дел в большинстве случаев связано с неразмещением в ЕИС уполномоченными должностными лицами заказчиков отчетов об исполнении контрактов, ненаправлением ими сведений для включения в реестр контрактов.

Так, прокуратурой Республики Адыгея в ходе проведенной проверки выявлено 2 049 просроченных контрактов, которые в действительности были исполнены, но сведения об этом не размещены в ЕИС. В целях устранения вскрытых нарушений прокурорами внесено 49 представлений государственным и муниципальным заказчикам, аппаратом прокуратуры республики – премьер-министру республики и руководителю управления Федеральной антимонопольной службы по республике. В результате принятых мер прокурорского реагирова-

ния время актуализированы сведения в отношении 1,8 тыс. контрактов.

Указанное значительное количество государственных и муниципальных контрактов, о которых в ЕИС содержатся недостоверные сведения, свидетельствует об ослаблении прокурорского надзора за исполнением законодательства о контрактной системе.

В связи с этим необходимо во взаимодействии с территориальными органами ФАС России принять дополнительные меры по активизации надзорной деятельности на данном направлении¹.

Нарушения бюджетных обязательств связаны с несвоевременной оплатой заказчиками обязательств по исполненным государственным и муниципальным контрактам; нарушения порядка принятия бюджетных обязательств, влекущих образование долгов по контрактам (превышение утвержденных лимитов бюджетного финансирования), возложение на бюджеты в судебном порядке дополнительных расходов вследствие нарушения сроков исполнения контрактных обязательств (в таких случаях прокуроры предъявляли регрессные иски о взыскании с виновных должностных лиц излишне выплаченных бюджетных средств).

К нарушениям законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, имеющие коррупционную составляющую можно отнести: неправомерный допуск или отказом в допуске к участию в закупочных процедурах заявок, нарушение законодательства при определении победителей аукционов.

Так, прокуратурой Ставропольского края было выявлено нарушение управлением жилищно-коммунального хозяйства администрации города Ессентуки по результатам закупки «Озеленение» вопреки требованиям закона 28 мая 2019 г. заключен контракт не с победителем конкурентной процедуры, обеспечившим существенное снижение его цены, а с иной организацией. По фактам допущенных нарушений закона прокурором города Ессентуки 11 июня 2019 г. внесено представление об устранении допущенных нарушений федерального законодательства, организована проверка в порядке уголовно-процессуального законодательства в отношении должностных лиц администрации муниципального образования. Нарушения законодательства устранены, незаконно заключенный контракт расторгнут².

¹ См.: Информационное письмо первого заместителя Генерального прокурора РФ Буксмана А.Э. от 22 июня 2018 г. № 73/2-1867-2017 «О дополнительных мерах по обеспечению открытости и прозрачности закупок» // Информационный бюллетень прокуратуры Саратовской области. 2018. № 7. С. 14–16.

² См.: В прокуратуре края подведены итоги работы по надзору за исполнением законодательства о контрактной системе в сфере закупок за 1 полугодие 2019 года. URL: <http://www.prokfsk.ru/about/info/>

К указанной группе также можно отнести факты рассмотрения заявок, подлежащих отклонению, конфликт интересов и аффилированность между заказчиками, членами комиссии и участниками размещения заказа непринятие мер по контролю за надлежащим исполнением условий контрактов, фактическим выполнением работ, нереализацией штрафных санкций и мер к расторжению контрактов с недобросовестным исполнителям заказов, заключением договоров минуя конкурсные процедуры.

Например, по материалу проверки прокурора Саратовского района, направленному в порядке ст. 37 УПК РФ, СУ СК России по Саратовской области 30 января 2018 г. возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30 – п. «в», «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ в отношении заместителя главы администрации Дубковского муниципального образования Саратовского муниципального района Х.В.Г. Заместитель главы Х.В.Г. потребовал от представителя коммерческой организации денежные средства в сумме 800 000 рублей за победу общества в электронном аукционе и заключение контракта по максимальной цене

заказа. Впоследствии Х.В.Г. вновь потребовал передачи денежных средств в сумме 600 000 рублей в связи с осуществлением данной закупки. Передача денежных средств в пользу Х.В.Г. не состоялась по независящим от него причинам – представитель коммерческой организации отказал в передаче денег. В дальнейшем он препятствовал принятию фактически выполненных работ по муниципальному контракту и перечислению бюджетных средств за выполненные работы в счет оплаты по ремонту внутрипоселковых дорог.

Заместитель главы администрации Дубковского муниципального образования Саратовского района Х.В.Д. признан виновным в покушении на получение взятки¹.

Таким образом, именно органы прокуратуры способны обеспечить соблюдение законодательства в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, но в связи со спецификой деятельности наиболее эффективным надзор будет в случае проведения проверок совместно с другими контролирующими органами с использованием цифровых технологий.

news/16467/?sphrase_id=45979 (дата обращения: 12.09.2019).

¹ Справка об итогах работы прокуратуры Саратовской области в сфере противодействия коррупции // Информационный бюллетень прокуратуры Саратовской области. 2019. № 1. С. 84–85.

Ю.В. Соболева,

*д.ю.н., и.о. заведующего кафедрой административного и муниципального права
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: j.soboleva@mail.ru*

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ПРИНЦИП ГЛАСНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, НАДЕЛЕННЫХ ПУБЛИЧНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ*

Аннотация: в статье анализируются влияние процессов цифровизации на реализацию принципа гласности. Делается вывод, о необходимости понятие «электронное правительство» предлагается распространить на деятельность не только государственных, но и соответствующих негосударственных структур.

Ключевые слова: цифровизация, гласность, негосударственные организации, электронное правительство.

Yu. V. Soboleva,

*doctor of law, acting head of the Department of administrative and municipal law
Saratov state law Academy
e-mail: j.soboleva@mail.ru*

DIGITALIZATION AND THE PRINCIPLE OF TRANSPARENCY IN ACTIVITIES NONGOVERNMENTAL ORGANIZATION, VESTED WITH PUBLIC AUTHORITY

Annotation: the article analyzes the influence of digitalization processes on the implementation of the principle of publicity. It is concluded that the concept of “e-government” is proposed to extend to the activities of not only state, but also relevant non-state structures.

Keywords: digitalization, publicity, non-governmental organizations, e-government.

Концепция формирования в РФ электронного правительства до 2010 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р², заложила основы функционирования данного института. В ней в частности говорилось о возможности формирования электронного правительства в РФ благодаря тому, что широкое распространение получили информационно-коммуникационные технологии в сфере социально-экономической, а также в органах государственной власти.

В пункте 20 Стратегии научно-технологического развития РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»³ в качестве первого приоритетного направления научно-технологического развития РФ на ближайшие 10–15 лет, позволяющего получать научно-технические результаты и создавать технологии, которые

являются основой инновационного развития как внутреннего рынка продуктов и услуг, так и устойчивого положения РФ на внешнем рынке, назван переход к передовым цифровым, производственным интеллектуальным технологиям, роботизированным системам, новым способам конструирования, создание систем обработки больших объемов данных и искусственного интеллекта.

Вместе с тем, по данным ООН в 2018 г. по уровню, на котором находится развитие электронного правительства, Россия находится на 32 месте⁴.

Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы была утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203⁵. В пункте 24 ее отмечается, что целями формирования такого информационного пространства, которое основано на знаниях, являются обеспечение прав граждан на достоверную, объективную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в развитии, получении качествен-

* Статья опубликована по заданию Министерства образования и науки РФ № 29.8125.2017/8.9 на выполнение государственного проекта в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания по теме «Механизм государственного регулирования применения мер административного принуждения к негосударственным организациям».

² См.: СЗ РФ. 2008. № 20, ст. 2372.

³ См.: СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6887.

⁴ См.: Рейтинг электронного правительства ООН. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 12.09.2019).

⁵ См.: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

ных, достоверных сведений и новых компетенций, расширении их кругозора.

При этом, если требованием действующего законодательства в отношении органов власти является обеспечение открытости и прозрачности их деятельности, то на негосударственные структуры в основном этот принцип не распространяется. Хотя в системе частного сектора в Российской Федерации особую роль приобретают организации, наделяемые государством определенными публичными полномочиями. К последним относятся те, которые выходя за рамки отношений внутри самой организации, передаются ей на основе нормативных актов.

На законодательном уровне установлено, что определенные государственные структуры наделены правом принятия общеобязательных правил – норм права, а также применения мер государственного принуждения при их нарушении. Такие полномочия отсутствуют у организаций негосударственных, кроме случаев, когда последние делегируются им государственными органами.

Так, например, п. 4.12 Устава Общероссийской общественной организации «Союз журналистов России» закрепляет меру принудительного характера, применяемую к членам организации в процессе саморегулирования. По представлению Большого жюри – органа саморегулирования в Союзе журналистов России либо его коллегии член организации может быть исключен из нее за грубое нарушение профессиональной журналистской этики и, кроме того, на члена Союза может быть наложено взыскание в виде аннулирования Международной профессиональной карточки журналиста на определенный срок или бессрочно¹.

Таким образом, например, негосударственные организации, относящиеся к саморегулируемым,

могут быть наделены отдельными публичными полномочиями (ведение реестров, лицензирование и т.п.), то есть правами, выходящими за пределы внутриорганизационных отношений².

Принцип свободы доступа к информации, касающейся деятельности государственной власти и местного самоуправления направлен на то, чтобы обеспечить прозрачности их работы, открытость доступа общественности к информации официальной, за исключением тех случаев, которые установлены федеральным законодательством³. Вместе с тем действие принципа гласности должно иметь свое распространение и на негосударственные организации, наделяемые публичными полномочиями.

Федеральным законодательством предусматриваются основы, посредством которых обеспечивается доступ к информации о деятельности публичной власти⁴. При этом они не распространяются на организации, не являющиеся государственными и муниципальными органами, но наделенные публичными полномочиями. Их деятельность тоже должна быть основана на принципе гласности, поэтому в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁵ предлагается внести изменения с целью распространения данного принципа и на субъектов негосударственного сектора в части той информации, которая касается реализации публичных полномочий.

Таковыми организациями оказываются публичные услуги (например, в сфере саморегулирования), необходимость перевода которых в цифровой формат не вызывает сомнений. С этой целью понятие «электронное правительство» предлагается распространить на деятельность не только государственных, но и соответствующих негосударственных структур.

¹ См.: Устав Общероссийской общественной организации «Союз журналистов России». URL: http://www.ruj.ru/about_organization/charter/ (дата обращения: 24.09.2019).

² См.: Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (в ред. от 3 июля 2016 г.) // СЗ РФ. 2007. № 49, ст. 6076; 2016. № 27, ч. 2, ст. 4293.

³ См.: *Холодная Е.В.* Гласность и открытость как условие законности деятельности органов государственной власти // Вестник СГЮА. 2015. № 1 (102). С. 75.

⁴ См.: Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (в ред. от 28 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. 2009. № 7, ст. 776; 2018. № 1, ч. 1, ст. 7.

⁵ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 18 марта 2019 г.) // СЗ РФ. 2006. № 31, ч. 1, ст. 3448; 2019. № 12, ст. 1221.

Е.В. Холодная,

к.ю.н., доцент кафедры информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
e-mail: eiena-kholodnaya@yandex.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ДАНИИ: ОПЫТ ЛИДЕРА ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО»

Аннотация: в статье рассмотрены направления цифровой трансформации государственного управления на основе опыта Дании, как лидера рейтинга электронного правительства ООН в 2018 году. Отсутствие ожидаемой динамики эффективности обозначенного направления в Российской Федерации актуализирует поднятую тематику. В качестве целей определены возможности использования положительного зарубежного опыта по цифровизации государственного управления в России. Методологическую основу составили формально-логический и методы системного и сравнительного правоведения. Выводы по результатам предложены следующие: перспективным является переход государственного управления к концепции цифрового правительства, основанной на системном преобразовании всей структуры государственного управления. Выделены негативные факторы, тормозящие развитие в нашей стране цифровизации государственного управления и обозначены возможные пути их преодоления с учетом опыта Дании.
Ключевые слова: электронное правительство Дании; цифровая трансформация государственного управления; цифровые данные; государственное управление; цифровой публичный сервис.

E.V. Kholodnaya,

candidate of law, associate Professor of information law and digital technologies
Moscow state law University after O.E. Kutafin (MSAL)
e-mail: eiena-kholodnaya@yandex.ru

DIGITALIZATION OF DENMARK: THE EXPERIENCE OF A LEADER IN THE IMPLEMENTATION OF THE PROJECT «E-GOVERNMENT»

Annotation: the article considers the prospects of digital transformation of public administration based on the experiences of Denmark as the leader of the UN e-government rating in 2018. The absence of the expected dynamics of the effectiveness of the designated direction in the Russian Federation actualizes the raised topic. The possibilities of using positive foreign experience in the digitalization of public administration in the Russian Federation are defined as the goals. The methodological basis was formed by formal-logical and methods of systemic and comparative law. The conclusions of the results are as follows: the transition of public administration to the concept of digital government based on the systemic transformation of the entire structure of public administration is promising. The negative factors hindering the development of digitalization of public administration in our country are highlighted and possible ways to overcome them are outlined taking into account the experience of Denmark.

Keywords: e-government of Denmark; digital transformation of public administration; digital data; public administration; digital public service.

Элементы государственного управления, как системного процесса, объединены с помощью информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ). ИКТ стали частью управленческих систем во всех отраслях и сферах государственного управления, обеспечения безопасности и правопорядка.

Использование ИКТ в государственном управлении связано с развитием инновации «электронное правительство»¹, как способ практической реализации концепции осуществления государственного управления, построенного на возможностях ИКТ

и ценностях открытого гражданского общества². По мнению И.Л. Бачило, формируется новый тип государства, тождественный категории «информационное общество»³. С позиции Л.К. Терещенко показателями движения к информационному обществу выступают упрощение процедур доступа к информации, увеличение объемов информационных услуг, переоценка полномочий органов публичной

² См.: Ковалева Н.Н. Информационное право России: учеб. пособие. М.: Дашков и К, 2007. С. 82.

³ См.: Бачило И.Л. Правовая платформа построения электронного государства. Конфликты в информационной сфере: правовые аспекты: матер. теоретич. семинара сектора информационного права Института государства и права РАН, 2009. С. 271–283.

¹ См.: Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе (правовой аспект): монография. М.: Юриспруденция, 2015. С. 21–22.

власти и граждан в инфосфере в целях повышения качества жизни¹.

Тем не менее основным условием реализации и дальнейшего развития цифровой трансформации в сфере администрирования выступает именно способность (возможность) граждан быть участниками электронного правительства. Нам представляется, что это положение как базис (принцип) должно братья за основу дальнейшего реформирования отечественного законодательства.

Проблематика цифровой трансформации в Российской Федерации² актуализирует рассмотрение вопроса об использовании положительного опыта зарубежных стран по данному направлению.

Так, рейтинг электронного правительства ООН является одним из ключевых индикаторов развития информационного общества в странах мира. Уже в 2016 году Дания, как фаворит по реализации проекта, находилась на 9 позиции, а в 2018 году у нее оказался наибольший рейтинг по развитию инфосферы, оставив позади Австралию, Республику Корея и лидера-2016 года Великобританию³. Рейтинг России по уровню развития электронного правительства составил 32-е место, что несколько улучшило наш показатель 2016 года⁴. Однако наращивание уровня информатизации и количества электронных государственных услуг в настоящий момент являются недостаточными факторами для цифровой трансформации государственного управления.

Ранжирование рейтинга происходит на основании системного анализа трех компонентов с точки зрения качества и количества показателей:

- электронных (цифровых) услуг (e-Government Development Index, EGDI и иных онлайн-сервисов);
- ИКТ-инфраструктуры;
- человеческого капитала.

¹ См.: *Терещенко Л.К.* Правовой режим информации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 5.

² В Государственной программе РФ «Информационное общество (2011–2020 годы)» акцентируется внимание на комплексе проблем государственного управления в условиях использования ИКТ: низкие темпы развития инновационной экономики ведут к недостаточному присутствию на рынке отечественных ИКТ, к зависимости от иностранных информационных технологий, низкой конкурентоспособности российских IT-компаний и отечественной электронной базы; высокий уровень «информационного неравенства» в различных субъектах Федерации и различными слоями населения; рост угроз информационной безопасности, в том числе, кибератак на государственные информационные системы, что может вызывать недоверие к эффективности защиты данных граждан в таких системах и др. См.: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»» (в ред. от 25 сентября 2018 г.) // СЗ РФ. 2014. № 18, ч. 2, ст. 2159.

³ См.: Рейтинг электронного правительства ООН. URL: <http://www.tadviser.ru/> (дата обращения: 18.08.2019).

⁴ См.: Там же. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 18.08.2019).

Оценка электронных (цифровых) услуг происходит на основе принципа синергетического взаимодействия ИКТ и цифровых данных в публичном управлении, что подразумевает перевод публичных услуг в цифровой формат от момента обращения за услугой до их исполнения, опираясь преимущественно на данные, а не на документы.

Архитектурно ИКТ-инфраструктура представлена как совокупность двух систем: информационной (обеспечивает накопление данных или информационных ресурсов) и коммуникационной (обеспечивает передачу и обработку данных) на платформе цифровых технологий.

Показатели человеческого капитала базируются на возможностях информационного общества. Для развития человеческого потенциала как фактора в первую очередь необходим доступ к знаниям, технологиям и инновациям. Исходя из этого убеждения, существует понятие измерения бедности, так называемая «информационная бедность»⁵, основанная на отсутствии навыков работы и иных компетенций в инфосфере.

Дания была одной из первых стран ЕС, начавшей реализацию в 2001 году проекта «электронное правительство». Ключевыми моментами первого этапа являлась трансформация государственных услуг в электронную/цифровую форму. Были автоматизированы технологические операции внутри государственного сектора. Результатом работы стало внедрение электронного портала borger.dk, сервисов электронной подписи и электронного предоставления счетов (NemHandel)⁶. На следующем этапе в 2011–2015 гг. Дания направила усилия на совместное сотрудничество по вопросам цифровой трансформации государственного управления на всех уровнях власти.

Стратегия развития электронного правительства Дании до 2015 года ставила три основные цели:

- отказ от традиционного делопроизводства;
- повышение качества жизни или «цифровое» благосостояние за счет цифровизации социальных услуг;
- переход на цифровое государственное управление.

Особенностью периода являлось «обязательное цифровое самообслуживание», которое потребовало от граждан использовать цифровое самообслуживание для доступа ко всем публичным услугам и сервисам (например, процедура обращения органы публичной власти стала полностью электронной) и это направление планировалось довести до 80 %.

Другими важными направлениями стратегии выступали: создание единой системы «больших

⁵ См.: *Гладышева А.В., Горбунова О.Н.* Особенности человеческого капитала в условиях человеческого общества // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 8. С. 32–35.

⁶ См.: Электронное правительство в Дании. URL: https://elgov.ucoz.ru/index/ehlektronnoe_pravitelstvo_v_danii/0-12 (дата обращения: 19.08.2019).

данных»; централизация управления инфосферы, исключая разработку параллельных систем и содействия повторному использованию данных, уже ранее запрошенных госучреждением; автоматизированная обработка счетов; дистанционная медицина (для лечения хронически больных пациентов на дому); дистанционные образовательные технологии (например, для приема экзаменов, появление образовательных сервисов); безопасные цифровые подписи на мобильных телефонах и др.¹

На данный момент Цифровая стратегия Дании 2016–2020 годов определила три ключевые цели ее реализации:

- 1) производительный и эффективный государственный сектор;
- 2) государственные услуги, создающие ценность для граждан и бизнеса;
- 3) публичная оцифровка, поддерживающая рост бизнеса.

Приоритетными направлениями обновленной стратегии выступают следующие инициативы:

- цифровизация государственных административных процедур;
- лучший пользовательский опыт для граждан и предприятий;
- рамки согласованного цифрового государственного управления;
- управление совместными усилиями общественности по оцифровке;
- цифровое благосостояние;
- обмен данными.

Человеческий капитал Дании занимает 7 позицию среди стран ЕС по наличию «цифровых» компетенций у населения. Как отмечается, в целом 71 % датчан имеют навыки работы с цифровыми технологиями, из них почти 50 % имеют навыки выше базовых. Процент специалистов в области ИКТ достиг 4,4 % в 2018 году, что составляет большую долю

рабочей силы, чем в ЕС в целом (3,7 %). В настоящий момент проект «Цифровые навыки для всех» является одним из шести стратегических направлений плана роста человеческого капитала в Дании. Инициатива «Датский технологический пакт» также включена в национальный план роста по улучшению компетенций в инфосфере. В рамках цифровой стратегии 2016–2020 годов была начата инициатива по обучению граждан, не имеющих базовых цифровых компетенций в общении с государственным сектором².

Российский законодатель сохранил в качестве альтернативы традиционные способы (неэлектронные) оказания публичных услуг, так как часть населения страны нуждается не только в повышении компьютерной грамотности, но и в выравнивании возможностей доступа к этим электронным услугам. Решить эту задачу без государственной социальной поддержки не представляется возможным. Также важнейшим условием развития данного направления является организация систематического повышения квалификации служащих публичных органов по работе с ИКТ и в сфере информационной культуры.

Таким образом, проведенное исследование опыта Дании, как страны-лидера по реализации перехода государственного управления к цифровой модели «электронного правительства», представляется крайне актуальным для его возможного практического воплощения при преобразовании российского государственного управления. В частности, это дает понимание того, что в обозримом будущем наибольшая доля публичных услуг будет предоставляться в цифровом формате и необходима государственная поддержка тем, кто не может получить доступ к цифровым сервисам, а также повышение компьютерной грамотности и информационной культуры государственных служащих и населения.

¹ См.: Стратегия цифрового развития Дании 2011–2015. URL: <https://digitalgov.com.au/denmarks-egov-strategy/> (дата обращения: 18.08.2019).

² См.: Digital Economy and Society Index (DESI). 2019. Country Report Denmark. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/scoreboard/denmark> (дата обращения: 18.08.2019).

А.В. Басова,

к.ю.н., ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения (с курсами правоведения и истории медицины) Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского Минздрава России
e-mail: allsar@rambler.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РОБОТОВ ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Аннотация: статья посвящена исследованию проблем правового регулирования безопасности использования роботов при оказании медицинской помощи и социальной поддержке пожилых людей. Рассматриваются области применения роботов в социальной сфере и базовые идеи российских и зарубежных ученых в сфере формирования законодательства, регулирующего безопасность применения робототехники и искусственного интеллекта людьми. Автором предлагаются рекомендации по решению основных проблем правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: робот, робототехника, права, искусственный интеллект, правовое регулирование, медицинская помощь, социальная поддержка.

A.V. Basova,

Ph. D., assistant of the Department of public health and healthcare (with courses in law and medical history) Saratov state medical University named after V.I. Razumovsky Ministry Of Health Of Russia
e-mail: allsar@rambler.ru

LEGAL REGULATION OF THE USE OF ROBOTS IN PROVIDING MEDICAL CARE TO THE POPULATION AND SOCIAL SUPPORT FOR THE ELDERLY

Annotation: the article is devoted to problems of legal regulation of the safe use of robots in health care and social support of elderly people. Areas of application of robots in the social sphere and basic ideas of the Russian and foreign scientists in the sphere of formation of the legislation regulating safety of application of robotics and artificial intelligence by people are considered. The author offers recommendations for solving the main problems of legal regulation in this area.

Keywords: robot, robotics, law, artificial intelligence, legal regulation, medical care, social support.

Использование социально-вспомогательных технологий при оказании медицинской помощи населению и социальной поддержке пожилых людей все чаще применяется в развитых странах мира, а именно, роботов, оснащенных искусственным интеллектом.

Однако ученые уверены в скором высоком спросе социально-вспомогательных технологий (роботов) в здравоохранении и уходе за пациентами, так как уже в 2050 году число пожилых людей увеличится более чем вдвое во всем мире и возрастет спрос на медико-социальную помощь престарелым. Ожидается, что внедрение роботов в процесс оказания медицинской помощи будет способствовать оптимизации трудовых ресурсов, улучшению качества медицинской помощи, общественного здоровья населения. Исследования, проведенные в Японии, Австралии, США, Голландии, изучающие опыт применения роботов для социальной поддержки пожилых людей в домах престарелых, действительно ука-

зывают на эффективность их внедрения. Пожилые люди отмечают улучшение качества жизни, снижение уровня отрицательных эмоций и депрессий, улучшение эмоционального состояния при общении с роботами¹. Известен успешный опыт применения роботов в уходе за совершеннолетними пациентами, живущими с деменцией (слабоумием). В этом случае роботы позволили обеспечить пациентам максимально возможный уровень независимости, оказали психическую поддержку членам семьи².

Проблема отсутствия правового регулирования использования роботов при оказании медицинской

¹ См.: Jordan Abdi, Ahmed Al-Hindawi, Tiffany Ng, Marcela P. Vizcaychipi. Scoping review on the use of socially assistive robot technology in elderly care // BMJ Open. 2018; 12; 8 (2): e018815. doi: 10.1136/bmjopen-2017-018815.

² См.: Huschilt J., Clune L. The use of socially assistive robots for dementia care // J Gerontol Nurs. 2012 Oct; 38(10):15-9. doi: 10.3928/00989134-20120911-02. Epub 2012 Sep 17.

помощи населению и социальной поддержке пожилых людей является общемировой. Очевидно, потребитель услуг робототехники должен быть уверен в их безопасности. Роботы-партнеры должны уважать человека и правовое регулирование выпуска роботов должно гарантировать его защиту.

Европарламент в резолюции «Нормы гражданского права о робототехнике»¹ от 2017 года отмечает, что замена живых людей роботами в общении с человеком может иметь отрицательный эффект, но поддерживает выполнение роботами рутинных задач, возникающих в процессе ухода за пациентами и пожилыми людьми. В приложении к резолюции Европарламент выступает с инициативой развития законодательства, обеспечивающего обязательное страхование производителями роботов рисков, возникающих в процессе их эксплуатации и предлагает открыть специальный страховой фонд, средства из которого возмещали бы ущерб, превышающий страховые выплаты.

В целом, поддерживая данную инициативу, считаем, что перекладывать ответственность за возможный причиненный вред жизни и здоровью человека только на производителя робототехники не целесообразно. Нельзя исключить нанесение роботами травм людям, вследствие не правомерного поведения человека. Примером может служить известный случай: беспилотная машина Uber сбила женщину-пешехода в США, в результате нанесенных травм она погибла. В результате проверки полиция установила, что женщина переходила дорогу в неполюженном месте и не усмотрела вины беспилотного автомобиля².

Американский ученый Matthew Scherer для решения проблемы безопасности использования роботов с искусственным интеллектом человека предлагает ввести следующие правовые механизмы:

- обязательную сертификацию систем искусственного интеллекта, которая обяжет разработчиков вкладывать определенные ресурсы в обеспечение безопасности таких систем;

- введение солидарной ответственности за использование несертифицированных систем искусственного интеллекта;

- государственное финансирование исследований в области безопасности систем искусственного интеллекта и применение их результатов в практике;

- введение санкций в отношении разработчиков, игнорирующих результаты исследований в области безопасности систем искусственного интеллекта;

¹ См.: Нормы гражданского права о робототехнике: Резолюция Европарламента от 16 февраля 2017 года. URL: http://gobopravo.ru/giezoliutsia_ies (дата обращения: 06.06.2019).

² См.: Полиция не увидела вины беспилотного автомобиля Uber в смертельной аварии в США. URL: <https://auto.newsru.com/article/21mar2018/uber> (дата обращения: 06.06.2019).

- правовое регулирование ввода в эксплуатацию систем искусственного интеллекта, процесс которого включал бы в себя несколько этапов тщательного тестирования на предмет безопасности³.

По мнению некоторых авторов, роботов с искусственным интеллектом необходимо наделить правом на неприкосновенность, включающем в себя санкционированное соответствующей комиссией или уполномоченным органом государственной власти принятие решения о необходимости изменения, модификации, форматирования или ликвидации искусственного интеллекта⁴.

На наш взгляд, признание права роботов на неприкосновенность необходимо в интересах самого человека. Недопустимы некорректные изменения, модификация, форматирование носителей искусственного интеллекта неквалифицированными специалистами, поскольку это может привести к сбою программ обеспечения и причинению вреда жизни и здоровью человека.

Т. Körtner поднимает этические вопросы, которые до сих пор не урегулированы правом. Наиболее важными вопросами, требующими правовой регламентации, он считает конфиденциальность и защиту информации, которую роботы-партнеры могут получать от пациентов в процессе ухода за ними. Эта информация не может передаваться третьим лицам, поскольку это не безопасно и может являться причиной обмана пожилых и больных лиц. Этические принципы неприкосновенности и автономии роботов, благотворительности и справедливости должны быть перенесены на робототехнику⁵.

Таким образом, электронные машины, наделенные искусственным интеллектом, взаимодействующие с людьми, должны гарантировать потребителям безопасность их использования. Необходима правовая регламентация технических условий разработки социальных роботов и их сертификации, условий их функционирования и интеграции в процесс ухода за человеком, а также регламентация контроля качества и безопасности применения технологий искусственного интеллекта в здравоохранении и социальной сфере. Несанкционированное изменение искусственного интеллекта робота необходимо признать правонарушением. Подобные действия должны снимать ответственность с производителя роботов в случаях причинения вреда человеку.

³ См.: *Scherer M.U. Regulating Artificial Intelligence Systems: Risks, Challenges, Competencies, and Strategies // Harvard Journal of Law & Technology. 2016; 29: (2): 353–400. doi:10.2139/ssrn.2609777.*

⁴ См.: *Ужов Ф.В. Искусственный интеллект как субъект права // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 357–360.*

⁵ См.: *Körtner T. Ethical challenges in the use of social service robots for elderly people // Z Gerontol Geriatr. 2016; 49 (4): 303-307. doi: 10.1007/s00391-016-1066-5.*

А.С. Анисимова,

*к.ю.н., младший научный сотрудник Саратовского филиала ФГБУН Института
государства и права Российской академии наук
e-mail: saninp@rambler.ru*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «МЕХАНИЗМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ» С УЧЕТОМ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Аннотация: статья посвящена исследованию категории «механизм правового регулирования» с учетом развития информационных технологий, одной из которых выступает Интернет. Интернет предоставляет большие возможности своим пользователям, начиная от общения и, заканчивая, оформлением правовых документов, заключения договоров и собственно деятельности человека. Все это не может остаться без внимания права, поскольку сферы, где задействован человек так или иначе должны находиться в правовом поле. Механизм правового регулирования выступает той категорией, которая обеспечивает действие права, его элементы в своей совокупности показывают возможности права, его потенциал в регулировании общественных отношений. Обосновано мнение, что в каждом из элементов механизма правового регулирования отношений в Интернете происходят содержательные изменения, что, свою очередь ведет и к трансформации определения механизма правового регулирования. С учетом проведенного анализа, предлагается определение механизма правового регулирования отношений, возникающих в связи с использованием Интернета, а также выделяется его специфика.

Ключевые слова: механизма правового регулирования, трансформация, цифровая технология, Интернет, интернет-отношения, технические средства.

A.S. Anisimova,

*PhD, Junior researcher, Saratov branch INSTITUTE of state and law
of the Russian Academy of Sciences
e-mail: saninp@rambler.ru*

THE TRANSFORMATION OF THE THEORETICAL MODEL “MECHANISM OF LEGAL REGULATION” TAKING INTO ACCOUNT THE DEVELOPMENT OF INNOVATIVE INFORMATION TECHNOLOGY

Annotation: the article is devoted to the study of the category “mechanism of legal regulation” taking into account the development of information technologies, one of which is the Internet. The Internet provides great opportunities for its users, ranging from communication and ending with the registration of legal documents, contracts and the actual human activity. All this cannot remain without attention of the right as spheres where the person is involved anyway have to be in a legal field. The mechanism of legal regulation is the category that ensures the operation of law, its elements in their totality show the possibilities of law, its potential in the regulation of public relations. The opinion is substantiated that in each of the elements of the mechanism of legal regulation of relations on the Internet there are substantial changes, which, in turn, leads to the transformation of the definition of the mechanism of legal regulation. Taking into account the analysis, it is proposed to define the mechanism of legal regulation of relations arising in connection with the use of the Internet, as well as its specificity.

Keywords: mechanisms of legal regulation, transformation, digital technology, Internet, Internet relations, technical means.

Современная наука и техника оказывает глубинное воздействие на все стороны социальной жизни. Меняется не только содержание труда, существенные преобразования происходят и во всем строе культуры и в цивилизации в целом. Прогресс нынешнего общества нельзя представить без внедрения технологических новшеств, но стремительное повышение их роли как фактора социальных преобразований актуализирует сложный спектр мировоззренческих, правовых и других проблем.

На сегодняшний день общество характеризуется все большим ускорением темпов модернизации, замены технических средств производства, созданием новых машин, аппаратов, приборов, интенсивным развитием электроники, радиотехники, авиационной и космической техники, систем автоматического управления и регулирования, лазерной и вычислительной техники, использование которых требует в свою очередь ответной реакции и от правовой науки.

Одной из таких технологий выступает Интернет, возможности которого привели к необходимости пересмотра ряда положений теории государства и права по одной из ее фундаментальных тем, а именно механизм правового регулирования.

Как отмечает Н.И. Матузов, механизм правового регулирования есть некий комплекс юридического инструментария, средств, которые находятся в распоряжении государства и используются для охраны, защиты, регулирования и совершенствования общественных отношений с целью их эффективного развития. Практическое функционирование всего комплекса правовых средств способны обеспечить следующие элементы: юридические нормы; правоотношения; субъективные права и обязанности; правореализующие акты; юридические факты¹. Как известно, правовое регулирование осуществляется в целях упорядочения общественных отношений. Считаем возможным общественные отношения, возникающие в связи с использованием Интернета обозначить как интернет-отношения.

Рассмотрим, каким образом Интернет как информационная технология оказывает влияние на механизм правового регулирования.

Особенностью норм прав в механизме правового регулирования интернет-отношений является их связь с техническими нормами.

Специфика сети, предоставляющей доступ в Интернет, заключается в том, что это многоуровневая система, где первостепенным началом выступают каналы связи, спутниковые каналы, системы доступа к сети. Следующий уровень – это уровень адресного пространства, доменных имен, доменных названий. Верхний уровень – это разного рода сервисы, поисковые системы, веб-сайты, социальные сети, почтовые системы, новостные сайты и т.д.

Таким образом, чтобы попасть на уровень пользователя Интернетом, необходима эффективная и бесперебойная работа первых уровней, основной задачей которых выступает создание условий для непосредственного «вхождения» в виртуальное пространство. В частности, за техническую составляющую Интернета отвечают инженерный совет Интернета (IETF); сообщество Интернета (ISOC)²; ICANN; координационный центр национального домена сети Интернет³. Организации, работа которых заключается в создании, разработке и внедрении технических средств играют наиболее важную роль в работе Интернета как на международном, так и на национальном уровнях.

¹ См.: Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972. С. 52–58; Шундигов К.В. Механизм правового регулирования: учеб. пособие / под ред. А.В. Малько. Саратов, 2001. С. 57–64.

² См.: Internet Society. URL: <http://www.internetsociety.org/ru> (дата обращения: 01.08.2019).

³ См.: Координационный центр национального домена сети Интернет. URL: <http://cctld.ru/ru/> (дата обращения: 04.08.2019).

Вместе с тем, их деятельность не может осуществляться сама по себе и для реализации их проектов, различных инициатив и программ, направленных на развитие возможностей Интернета, а также обеспечения безопасности пользователей, невозможна без поддержания юридическими нормами.

Например, после разработки стандарта беспроводной связи WiFi и распространения его действия на территории всего государства было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 758 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», согласно которому доступ к общественным точкам с доступом в Интернет (где можно воспользоваться интернетом с чужого компьютера: компьютерных клубов, интернет-кафе, отделения почты России и т.д.), может осуществляться только после идентификации пользователей. Для этого оператор должен получить от пользователя его ФИО, подтвержденные документом, удостоверяющим личность⁴.

Согласно изменениям, общественное заведение, предоставляющее доступ в Интернет со своих устройств, обязано формировать реестр посетителей, который в случае необходимости необходимо будет предоставить правоохранительным органам. Тем самым, если пользователь распространяет в интернет-кафе запрещенный контент (призывы к насилию, распространение наркотиков и т.д.), процесс его опознания упрощается, поскольку уже имеется информация о таком посетителе. Такие действия были приняты в рамках пакета законопроектов, ужесточающих меры против терроризма.

Спецификой норм права, как элемента механизма правового регулирования отношений, возникающих в связи с использованием Интернета, выступает то, что их действие сопряжено с сочетанием: правовых норм различных отраслей законодательства. Так, нормы права в механизме правового регулирования отношений, возникающих в связи с использованием Интернета взаимосвязаны с международным правом (изучаются вопросы сотрудничества стран по заключению новых и исполнению уже действующих договоров и соглашений, разрабатываемых в целях обеспечения мира и международной

⁴ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 758 г. «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей”» // СЗ РФ. 2014. № 32, ст. 4525.

безопасности); гражданским правом (используются понятия субъектов и объектов гражданско-правовых отношений, договоров купли-продажи, поставки, аренды, исполнения обязательств и т.д.); финансовым и банковским правом (при осуществлении финансовых действий в электронной форме интернет-право обращается к дефинициям клиента, документа по сделке, налога с физических лиц, кредита, займа, электронной цифровой подписи и др.); административным правом (взаимодействие с которым происходит в случае обращения к правовым нормам, которые оказывают воздействие на деятельность органов государственной власти); уголовным правом (в случае совершенного преступления, применяются категории преступления и наказания, исследуются составы компьютерных преступлений); информационным правом (взаимосвязь проявляется в использовании его категориального аппарата (понятие информации, ее особенности, информационные системы и др.).

Таким образом, от объекта, на который направлены интересы субъектов участников Интернета, будут действовать и нормы соответствующего права (гражданского, уголовного, административного, информационного и т.д.). Особый интерес представляют юридические факты, формирующие право-субъектность участников интернет-отношений.

Юридический факт представляет собой конкретное жизненное обстоятельство (условие, ситуация), с которым норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношения. Однако, это не любые жизненные обстоятельства, а только те, которые в силу своей значимости для общества и государства предусмотрены юридическими нормами в качестве связующего звена между общей программой регулирования и конкретными отношениями.

Исходя из особенностей интернет-отношений, юридические факты можно подразделить на те, которые возникают в связи с использованием Интернета и те, которые возникают непосредственно в виртуальном пространстве. Примером первого может быть заключение договора с компанией для предоставления доступа к Интернету, а вот приобретение книги на сайте в Интернете, несмотря на то, что книга может быть доставлена обычной почтой уже юридический факт в Интернете.

Несмотря на то, какие действия совершаются, они так или иначе связаны с цифровой техникой и Интернетом, в связи с чем, и юридический факт будет иметь электронно-цифровую форму, которая и будет в дальнейшем использоваться к примеру, при защите интересов в суде. Так, предоставление в суде квитанций с онлайн-банка или электронной переписки является допустимым доказательством, на которое может ссылаться каждая сторона, участвующая в деле¹.

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред.

Более того, Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» устанавливается право граждан передавать иски, заявления, ходатайства, жалобы и иные документы в суды общей юрисдикции и арбитражные суды в электронной форме, которые в процессе будут рассмотрены как поданные в бумажном виде².

Однако могут возникнуть проблемы по сбору доказательств, если в Интернете человек подвергся клевете, склонился к совершению преступления или подвергался к призывам суицида. Здесь возникает вопрос по сбору доказательств, ведь переписку можно с легкостью удалить и не останется никаких улик, тогда как суду нужны твердые доказательства.

Так, в свете изменений Уголовного кодекса РФ, была закреплена норма, за склонение подростков к самоубийству, а также увеличено наказание за травлю несовершеннолетних, закончившуюся самоубийством ребенка³. Своевременно установленный факт воздействия на ребенка в Интернете, а также обеспечение достоверности таких сведений и предоставление их в качестве доказательств обосновывают предъявление обвинения преступника.

Проблема обеспечения достоверности доказательств решается с помощью нотариуса. Как отмечено в Федеральной нотариальной палате, сегодня, когда социальная активность россиян в интернет-пространстве очень высока и носит постоянный характер, наличие реально «работающих» в суде доказательств нарушения прав человека в сети необходимо в самых разных ситуациях⁴.

По данным Федеральной нотариальной палаты, ежегодно число обращений к нотариусу за подобной услугой растет в среднем на 15-20 процентов. За год нотариусами России было совершено почти 20 тысяч обеспечений доказательств в Интернете⁵.

Нотариальное заверение информации для обеспечения доказательств, полученных в Интернете заключается в следующем: заявитель сообщает нотариусу определенную интернет-страницу, он,

от 3 августа 2018 г.) // СЗ РФ. 2003. № 27, ст. 270; 2018. № 32, ст. 5133.

² См.: Федеральный закон от 17 апреля 2017 г. № 76-ФЗ «О внесении изменения в статью 196 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 17, ст. 2458.

³ См.: Федеральный закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» // Российская газета. 2017. 9 июня.

⁴ См.: Нотариус@суд. Криминальные факты в интернете стали фиксировать нотариально // Российская газета. 2017. 21 августа.

⁵ См.: Там же.

в свою очередь, заходит на указанную ссылку, распечатывая необходимые страницы сайта. После этого, нотариусом составляется протокол осмотра сайта, где указывает подробно информацию о заявителе, содержание интернет-страницы, место и дата совершения нотариального действия. В качестве непосредственного доказательства факта правонарушения к протоколу прилагаются распечатанные и заверенные скриншоты интернет-ресурса. Дополнительно на диске или флеш-карте к протоколу могут быть приложены аудиозаписи, видеоматериалы, иллюстрации и т.д.

Таким образом, нотариальное удостоверение протокола осмотра интернет-страницы обладает повышенной доказательственной силой, как и любой другой нотариальный акт, что обеспечивает пострадавшему возможность компенсировать понесенный ущерб и моральный вред.

Для наступления юридического факта необходимо идентифицирование лиц, которые совершили определенное действие.

В вышеприведенном примере лицом совершаются активные действия в виде подачи определенных документов, в которых он в обязательном порядке себя идентифицирует, т.е. сообщает всю необходимую информацию о себе. Однако, помимо регистрации на сайте с предоставлением необходимых данных о себе, у граждан при совершении гражданско-правовых сделок, оказании государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных функций, при совершении иных юридически значимых действий есть возможность использования электронной цифровой подписи, правила, в области пользования которой установлены Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (в ред. от 23 июня 2016 г.)¹. Благодаря электронной цифровой подписи обеспечивается целостная идентификация человека, подписавшего документ в Интернете, защита от подделки и предотвращение искажения подписанного документа (как случайного, так и умышленного), а также реализация и защита прав участников электронного документооборота.

Электронная цифровая подпись выступает программным средством, действие которого обеспечивается технико-правовыми нормами, разработанными в целях упрощения совершения определенных действий граждан ее получающих, а также их достоверной идентификации в Интернете.

Кроме того, электронная цифровая подпись имеет международный характер. Электронные подписи, созданные в соответствии с нормами права иностранного государства и международными стандартами, в Российской Федерации признаются электронными подписями того вида, признакам которого они соответствуют на основании насто-

ящего Федерального закона (ст. 7 ФЗ). Отсюда, это электронную подпись можно использовать и при международных сделках, контрактах и т.д., что является положительным примером международного сотрудничества в данной сфере. Это положение закреплено и в разработанном ООН Типовом Законе ЮНСИТРАЛ «Об электронных подписях», согласно которому в случае, когда законодательство требует наличия подписи лица, это требование считается выполненным в отношении сообщения данных, если использована электронная подпись, которая является настолько надежной, насколько это соответствует цели, для которой сообщение данных было подготовлено или передано, с учетом всех обстоятельств, включая любые соответствующие договоренности.

Таким образом, специфика юридического факта в механизме правового регулирования интернет-отношений заключается в следующем:

во-первых, наступление юридического факта взаимосвязано с цифровой техникой и Интернетом, что ведет к его электронно-цифровой форме (предоставление в суде квитанций с онлайн-банка или электронной переписки является допустимым доказательством, на которое может ссылаться каждая сторона, участвующая в деле);

во-вторых, для наступления юридического факта необходима идентификация лиц, совершающих определенные действия в Интернете – адресата;

в-третьих, юридический факт может носить вне-территориальный характер, т.е. действия, совершаемые в Интернете, могут осуществляться из любой страны.

Третья стадия механизма правового регулирования интернет-отношений представляет собой установление конкретной юридической связи между субъектами. На данной стадии на основании нормы права и юридического факта складываются правовые связи. Сам по себе Интернет не может создавать отношений, но внутри системы Интернет, несомненно, развиваются соответствующие правоотношения – интернет-правоотношения.

Основная цель правоотношений заключается в конкретизации условий действия норм права, в конкретизации субъектов, на которых нормы распространяют свое действие.

Следует отметить, что состав интернет-правоотношений составляет большое количество как субъектов, так и объектов. Исходя из специфики самого Интернета, наличия в нем как технической, так и социальной наполняющей, был введен такой термин как «экосистема Интернета», под которым понимают организации и сообщества, помогающие Интернету работать и развиваться, начиная от разработчиков сетей, сетевых операторов, заканчивая политическими структурами и обычными пользователями².

¹ См.: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (в ред. от 23 июня 2016 г.) // СЗ РФ. 2011. № 15, ст. 2036; 2016. № 26, ч. 1, ст. 3889.

² См.: Экосистема Интернета. URL: <http://www.internetsociety.org/ru> (дата обращения: 01.08.2019).

Спецификой интернет-правоотношений выступает тот факт, что они изначально формируются между тремя участниками, к примеру, субъект, чье право в Интернете нарушено, провайдера и лица, нарушившего норму права. Исходя из сказанного, образуется новый вид взаимодействия субъектов в правоотношении.

Таким образом, интернет-правоотношения представляют собой регулируемые правом и находящиеся под охраной государства общественные отношения, возникающие на основе цифровых технологий в виртуальном пространстве.

Акты реализации прав и обязанностей – четвертая стадия, в процессе которой происходит завершающий процесс правового регулирования интернет-отношений. Активными действиями субъекты реализуют свои права и обязанности, которые предоставлены им отведенной нормой права исходя из конкретной юридической ситуации, тем самым реализуют соответствующие цели. Так, при распространении порочащих сведений в Интернете, лицо, в отношении которого такая информация появилась, имеет право обратиться в суд за защитой чести и достоинства.

Перечисленные элементы механизма правового регулирования представляют собой единую систему, которая отражает роль и функциональное назначение каждого юридического инструмента в общей схеме, конечные цели могут быть достигнуты только с помощью всей совокупности юридических средств.

Подводя итог, считаем возможным выделить следующие особенности механизма правового регулирования общественных отношений, возникающих в связи с использованием Интернета.

Во-первых, действие механизма правового регулирования сопряжено с цифровыми технологиями, что ставит перед законодателем задачу в использовании не только правовых средств, но и средств технических, которые будут обеспечивать реализацию механизма определенными способами и программами.

Во-вторых, он имеет сложную структуру, поскольку включает в себя международные, уголовные, гражданские, административные и иные юридические средства упорядочивания отношений в Интернете, в связи с чем, такой механизм приобретает комплексный характер.

В-третьих, рассматриваемый механизм связан с технико-правовыми нормами.

В-четвертых, его действие обеспечивается рядом технических, цифровых средств, программ (например, действия субъектов права в Интернете могут фиксироваться как на бумажных носителях, так и в электронном виде, что ведет к необходимости

разработки дополнительных средств рассматриваемого механизма для их обеспечения и защиты (онлайн квитанция, электронная цифровая подпись и др.).

В-пятых, юридический факт как один из структурных элементов механизма правового регулирования рассматриваемых отношений заключается в том, что его наступление взаимосвязано с цифровой техникой и Интернетом, что ведет к его электронно-цифровой форме (предоставление в суде квитанций с онлайн-банка или электронной переписки является допустимым доказательством, на которое может ссылаться каждая сторона, участвующая в деле); для наступления юридического факта необходима идентификация лиц, совершающих определенные действия в Интернете, – адресата; юридический факт может носить внетерриториальный характер, т.е. действия, совершаемые в Интернете, могут осуществляться из любой страны.

В-шестых, в рамках действия рассматриваемого механизма между субъектами складываются определенные правовые связи – интернет-правоотношения, которые представляют собой регулируемые правом и находящиеся под охраной государства отношения, возникающие на основе технических средств в виртуальном пространстве, с помощью лиц и технических средств, организующих работу Интернета.

Таким образом, считаем, что общетеоретическая категория «механизм правового регулирования» модифицируется с учетом все большего проникновения в него информационных технологий, это не только развитие Интернета, но и внедрение непосредственно таких технико-правовых инструментов, как электронно-цифровая подпись, электронная форма ряда важнейших юридических документов и т.д.

С учетом сказанного, механизма правового регулирования интернет-отношений представляет собой относительно обособленный единый комплекс правовых и технико-правовых средств, направленных на упорядочение общественных отношений, опосредуемых Интернетом, основанных на особенностях таких связей.

Этот механизм будет подвергаться наиболее частым изменениям и дополнением, в связи с быстро развивающимися регулируемыми отношениями, поэтому он должен быть гибким, подвижным и активно адаптироваться к складывающейся ситуации. Его исследование играет важную роль в отражении динамики воздействия на интернет-отношения всех юридических средств в совокупности, что весьма существенно и необходимо для укрепления правовой основы безопасности личности, общества и государства в Интернете.

С. Ф. Ударцев,

д.ю.н., профессор Университета «КАЗГЮУ» им. М.С. Нарикбаева

(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)

e-mail: sudartsev@mail.ru

НЕПРИЗНАННОЕ ЦИФРОВОЕ ГОСУДАРСТВО ASGARDIA: КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Аннотация: в статье анализируются перспективы ускоренного искусственного процесса создания и развития цифровой космической государственности с использованием электронных технологий и освобождением ее от значительной части инфраструктурных и нецелевых для собственно космической деятельности бюджетных расходов. На основе изучения цифрового государства Асгардии делается вывод о том, что данное экспериментальное непризнанное государство представляет определенный интерес как своего рода испытательный полигон некоторых технологий и моделей новых органов государственного управления в информационном обществе, а также в условиях огромных космических пространств при возможной в будущем космической экспансии человечества.

Ключевые слова: конституционная модель, государственные органы власти, государственное цифровое устройство, цифровое государство Асгардия (Asgardia).

S. F. Udartsev,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, M. Narikbaev «KAZGUU» University

(Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

e-mail: sudartsev@mail.ru

UNRECOGNIZED DIGITAL STATE ASGARDIAN: CONSTITUTIONAL MODEL OF THE SYSTEM STATE BODY

Annotation: the article analyzes the prospects of accelerated artificial process of creation and development of digital space statehood with the use of electronic technologies and its liberation from a significant part of infrastructure and non-target budget expenditures for space activities. Based on the study of the digital state of Asgardia, it is concluded that this experimental unrecognized state is of some interest as a kind of testing ground for some technologies and models of new government bodies in the information society, as well as in the conditions of huge space spaces with a possible future space expansion of mankind.

Keywords: constitutional model, state authorities, state digital device, digital state Asgardia (Asgardia).

В мире поднимается мощная волна космической деятельности, которая, вероятно, привлечет к себе всеобщее внимание конкуренцией стран-лидеров в изучении Луны и создании постоянных баз на ней в середине 2020-х – начале 2030-х годов, а также поиском полезных ископаемых и началом подготовки к освоению ресурсов ближнего космоса в обозримом будущем¹. Но уже сегодня эта глобальная тенденция привела к созданию космических подразделений и войск в ряде стран, к новой стратегической тенденции в развитии государственности – есте-

ственному формированию космических государств, прежде всего из числа стран-лидеров², как новому поколению сильных государств³.

В то же время, вырисовывающиеся контуры новой эпохи, привели также к попыткам ускоренного

¹ Пролетевший рядом с Землей в 2015 г. астероид по оценкам экспертов, в своем ядре содержал 90 млн тонн платины стоимостью \$25–50 трлн. Из 16000 астероидов, пересекающих орбиту Земли, астрономы выделили 12, которые считаются идеальными для перевода их на околоземную орбиту для освоения их ресурсов. См.: *Каку Митио*. Будущее человечества: Колонизация Марса, путешествия к звездам и обретение бессмертия: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. С. 92.

² См.: *Ударцев С.Ф.* Космическое государство как государство будущего: возможные варианты формирования и юридического закрепления статуса // Правовая культура. Научный журнал = The Legal Culture. Scientific journal. 2019. № 1 (36). С. 23–37; *Krichevsky S., Udartsev S.* Space State on Earth and Beyond: Philosophy, Models, Experience and Prospects // *Philosophy and Cosmology*. Vol. 23, 2019. P. 30–52.

³ См., например: *Ударцев С.Ф.* Сильное правовое государство и новые вызовы безопасности: вопросы теории // *Право и государство*. 2018. № 1-2 (78-79). С. 4–22; *Понкин И.В.* Сильное государство // *Право и государство*. 2018. № 1-2 (78-79). С. 53–70; *Малько А.В., Затонский В.А.* Правовая политика в сфере формирования сильного государства // *Право и государство*. 2018. № 1-2 (78-79). С. 23–34.

искусственного процесса создания и развития цифровой космической государственности с использованием электронных технологий и освобождением ее от значительной части инфраструктурных и целевых для собственно космической деятельности бюджетных расходов. Первым таким экспериментальным цифровым космическим государством стала учрежденная в октябре 2016 г. непризнанная на сегодня Асгардия (Asgardia) во главе с предпринимателем Игорем Ашурбейли, Председателем Международной комиссии ЮНЕСКО по космосу¹. Позже Асгардия объявила своей территорией спутник, запущенный в космос через год с помощью американских средств выведения.

Конституция Асгардии, принятая в июне 2017 г. путем электронного голосования граждан (референдума) содержит положение, что государственную власть в Асгардии осуществляют граждане с помощью такой формы непосредственной демократии, как проведение референдумов (п. 1 ст. 30)².

Несмотря на непризнанность этого футуристического государства, учитывая, что оно является одним из вариантов поиска новых форм государственности в космическую эпоху и внедрения в государственное управление экономичных электронных технологий, а также, что в его основном законе содержатся некоторые новые для современной государственной системы идеи и институты, кратко рассмотрим систему органов Асгардии.

Для реализации задач, стоящих перед космическим государством, на основании Конституции создается система государственных органов Асгардии. При этом, по сравнению с земными государствами, у космического, даже в плане обеспечения безопасности в Конституции декларируются более сложные космические задачи. Так, согласно п. 1 ст. 22 (Безопасность Асгардии) государство берет на себя обязательства «обеспечивать поддержание и защиту государственного суверенитета, безопасность государства и его ресурсов на космических телах, в космосе и на планете Земля всеми имеющимися в ее распоряжении государственными возможностями, способами и средствами». Но эти задачи в полной мере могут решаться только с появлением соответствующих ресурсов и средств.

¹ См., например: Независимое государство в космосе. 13 октября 2016 // Discover24. URL: <http://discover24.ru/2016/10/nezavisimoe-gosudarstvo-v-kosmose/> (дата обращения: 06.03.2019); Королевство Асгардия – «лохотрон» или будущее человечества? 31.01.2019 // Независимый информационный портал. Голоса городов. URL: <https://www.golosa.gorodov.info/mnenie/korolevstvo-asgardiya-lokhotron-ili-budushchee-chelovechestva.html> (дата обращения: 02.04.2019).

² См.: Ссылки на Конституцию Асгардии даются в тексте с указанием подпунктов, пунктов и статей Конституции по источнику: Constitution of Asgardia – The Space Kingdom [18 июня 2017 г.] // Официальный сайт Asgardia – The Space Kingdom. URL: <https://asgardia.space/en/vote/constitution/> (дата обращения: 15.10.2019).

Статья 24 Конституции в связи с космическим предназначением государства: «неостановимое миропознание, миропреобразование и мирозидание, устремленность человечества в бесконечное будущее, бесконечную Вселенную и в бесконечные новые Вселенные», специально посвящена защите Земли от угроз из космоса. Декларируется, что с этой целью «Государство Асгардия использует государственные и частные ресурсы для построения и оперирования системами защиты планеты Земля от исходящих из космоса угроз самостоятельно, а также во взаимодействии с государствами планеты Земля и международными организациями...» (п. 1 ст. 24). Для обеспечения «сохранения человечества и биологического разнообразия планеты Земля Асгардия организует и обеспечивает построение «Космических Ковчегов» – защитных платформ в космосе, использование которых осуществляется в случае возникновения угрозы для безопасности человечества, а в период отсутствия угроз – для космического туризма» (п. 3 ст. 24). Хотя не говорится о широте или ограниченности этой деятельности, она безусловно потребует значительных ресурсов, специального высокотехнологичного промышленного производства и всех компонентов космической техники и деятельности. Очевидно, все это невозможно осуществить без сотрудничества с другими государствами, что также предполагает официальное признание ими Асгардии, чего пока нет.

Для «защиты планеты Земля и защиты орбитальной космической группировки Асгардии от угроз из Космоса» предполагается создание также пока не существующего воздушно-космического флота (далее – ВКФ) Асгардии (п. 1 ст. 25). В обычное время ВКФ Асгардии подчиняется Правительству, а при введении Главой Государства режимов «чрезвычайного положения, обороны или катастрофы в соответствии с законом Асгардии», переподчиняется Главе Государства, который в этих случаях вправе брать на себя полномочия Верховного Главнокомандующего (п. 3 и 4 ст. 25). Основу ВКФ должны составить «универсальные роботизированные космические платформы» (п. 2 ст. 25). Ожидается, что по вопросам защиты Земли от угроз из космоса ВКФ Асгардии будет действовать «во взаимодействии с государствами планеты Земля и международными организациями во имя мира в Космосе и защиты планеты Земля от космических угроз» (п. 5 ст. 25).

Важной целью внешней политики Асгардии заявлено ее международно-правовое признание (п. 1 ст. 29). Для этого на всех континентах Земли создаются представительства Космического государства. Во внешней политике декларируется стремление «к достижению баланса общекосмических, общепланетарных и собственных государственных интересов» (п. 4 ст. 29).

Государство Асгардия, согласно Конституции, функционирует с учетом принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судеб-

ную, при этом власть Главы Государства не отнесена ни к одной из ветвей власти. Эта распространенная в постсоветских странах модель разделения и взаимодействия властей этажом ниже власти Главы Государства, обеспечивает их единство и интеграцию на уровне полномочий Главы Государства. Согласно Конституции (п. 1 ст. 32) Глава Государства без доверенности «является высшим должностным лицом Асгардии, Гарантом Конституции Асгардии, определяет основные направления внутренней и внешней политики государства, представляет государство внутри страны и за ее пределами, осуществляет полномочия Верховного Главнокомандующего Асгардии». Глава Асгардии, как конституционной монархии, в своих указах, согласно Конституции, не должен нарушать Основной закон (п. 10 ст. 32), имеющий высшую юридическую силу, а также законы Парламента.

Для пребывания на должности Главы Государства установлен предельный возраст – 82 года. За год до его достижения Глава Государства «выдвигает на генеалогическом либо ином основании кандидата» на свою должность. Два других или тот же кандидаты на эту должность (в возрасте 50–65 лет с не менее чем пятилетним космическим гражданством, если выборы не проходят в течение первых пяти лет истории Асгардии, когда еще никто не был пять лет ее гражданином) выдвигаются Парламентом и Верховным Космическим Советом (при этом сегодня Глава Государства является Председателем Верховного Космического Совета, а Председатель Парламента – его членом). После этого избрание Главы Государства происходит на референдуме (п. 4 ст. 32 и ст. 47). В случае смерти Главы Государства или досрочного освобождения им должности по любой причине, временно исполняет должность Главы Государства Председатель Верховного Космического Совета (сегодня он же является Председателем этого Совета).

Глава Государства имеет широкие полномочия в законотворчестве, по назначению высших должностных лиц и решению вопросов государственного управления. Он назначает выборы в Парламент и вправе его распустить (подпункт в) п. 9 ст. 32 Конституции). В соответствии с подпунктом а) п. 9 ст. 32 Конституции, назначает и освобождает от должности: Главного судью; Председателя Верховного Космического Совета; Генерального прокурора; Председателя Счетной палаты; Представителей Асгардии на континентах планеты Земля; Чрезвычайных и полномочных послов Асгардии в государствах Земли.

Государственным документом «планирования внутренней и внешней политики страны» (п. 1 ст. 40) является Послание Главы Государства, обязательное для всех государственных органов. С учетом Послания, для реализации Конституции и высшей ценности космического государства, разрабатываются его законы, планы и программы развития (п. 2 ст. 40).

Законодательным органом в Асгардии является однопалатный Парламент, состоящий из 150 депутатов, избираемых из граждан, в возрасте 40–80 лет «на всеобщих равных и прямых выборах по языковому принципу пропорционально 12 официальным языкам Асгардии с учетом квоты на другие языки в соответствии с законом Асгардии» (п. 2 ст. 33). Заседания Парламента могут проходить очно, заочно или с использованием электронных технологий, открыто или закрыто в соответствии с законом Асгардии (п. 7 ст. 33).

Кроме Главы Государства, правом распустить Парламент обладает Суд по представлению Генерального прокурора, если Суд согласится с доводами, изложенными в представлении (п. 9 ст. 33).

Парламент принимает законы, может назначить референдум, принять решение об отставке Правительства или отдельных министров, проводит парламентские слушания и расследования, назначает ряд должностных лиц и выборы Главы Государства, образует 12 комитетов, сферы деятельности которых соответствуют 12 министерствам.

Высший исполнительный государственный орган Асгардии – Правительство, состоящее из председателя, его заместителей и министров в возрасте 35–60 лет с высшим образованием и соответствующей квалификацией. Правительство цифрового государства может собираться на заседания как очно, так и заочно, с использованием электронных технологий (пункты 1, 2, 3, 4 ст. 34). Председатель Правительства назначается Парламентом по представлению Верховного Космического Совета, согласованному с Главой Государства. Кандидатуры министров представляются главой Правительства и утверждаются Парламентом (п. 4 ст. 34).

В числе различных, традиционных для правительства полномочий, в п. 7 ст. 34 Конституции записаны также: реализация международных договоров, законов, указов Главы Государства, актов Верховного Космического Совета; разработка и внесение в Парламент проектов законов Асгардии; обеспечение поддержания и защиты государственного суверенитета, безопасности государства и граждан, защиты планеты Земля; решение вопросов приобретения и лишения космического гражданства; и др. Правительство принимает постановления, которые должны исполняться и соответствовать Конституции, указам Главы Государства, актам Верховного Космического Совета, международным договорам, законам Асгардии (п. 10 ст. 34).

Судебная власть в Асгардии осуществляется Судом, состоящим из Президиума и четырех коллегий – конституционной, гражданской, административной и уголовной. Председатель Суда, возглавляющий Суд, назначается Главой государства, а судьи (в возрасте от 40 до 80 лет с высшим юридическим образованием и стажем профессиональной работы не менее пяти лет) – Парламентом по представлению Верховного Космического Совета (пункты 2, 3, 4 ст. 35). Заседания Суда могут проводиться очно,

заочно, путем использования электронных технологий, как открытые и закрытые (п. 6 ст. 35).

После пяти лет работы судьи могут быть назначены пожизненно «по представлению Главного судьи и последующему решению председателя Парламента в соответствии с законом Асгардии» (п. 9 ст. 35). Решения Суда обязательны для исполнения гражданами Асгардии и всеми ее государственными органами (п. 10 ст. 35).

Особым органом Асгардии, подконтрольным только Главе государства, является Верховный Космический Совет. Как уже отмечалось, он участвует в назначении ряда высших должностных лиц государства и их замене, но главной его задачей является, в соответствии с п. 1 ст. 36 Конституции, оценка соответствия правовых актов и деятельности государственных органов высшим ценностям Асгардии. Председатель Верховного Космического Совета назначается Главой Государства (сейчас это сам Глава Государства), а его члены – также Главой Государства по представлению Председателя этого органа (п. 2 ст. 36). Ответы государственных органов на запросы Верховного Космического Совета и явка их представителей на заседания по приглашению Совета обязательны (п. 4 ст. 36).

Контрольно-надзорные функции выполняет прокуратура. Она осуществляет надзор и контроль за соответствием актов и деятельности государственных органов, действия (бездействия) граждан Конституции и законодательству Асгардии (п. 2 ст. 37). Генеральный прокурор Асгардии назначается на пять лет и освобождается Главой Государства по представлению Верховного Космического Совета. Всех остальных прокуроров назначает Генеральный прокурор.

Ревизионно-контрольным постоянно действующим органом Асгардии, формируемым на пять

лет и подотчетным Парламенту является Счетная Палата. Назначение Председателя Счетной палаты Парламент производит по представлению Верховного Космического Совета, а аудиторов палаты – по представлению Председателя Счетной палаты (ст. 38 Конституции).

Ответственность за обменный курс, эмиссию и обращение финансов, стабильность суверенной валюты государства и ликвидность банковской системы несет Государственный Банк Асгардии (п. 1 ст. 39). Допускается развитие частных банков, чему также должен содействовать Госбанк. Председатель Государственного Банка Асгардии назначается на пять лет и освобождается от должности Парламентом по представлению Главы Государства или Верховного Космического Совета (п. 3 ст. 39).

В компетенции государственных органов Асгардии имеются некоторые несостыковки, как и в ее конституции – отдельные противоречия. Ряд задач государства в настоящее время имеют декларативный характер, требуются значительные финансовые и научно-технические ресурсы для их решения. Тем не менее, государственные органы Асгардии созданы и начали не очень активную деятельность. Не оправдываются пока планы быстрого увеличения количества граждан. После введения платы за гражданство, число резидентов сократилось более, чем на порядок. Остаются весьма зыбкими перспективы признания в обозримом будущем Асгардии другими государствами. Однако данное экспериментальное непризнанное государство представляет определенный интерес как своего рода испытательный полигон некоторых технологий и моделей новых органов государственного управления в информационном обществе, а также в условиях огромных космических пространств при возможной в будущем космической экспансии человечества.

В.К. Фёдоров,

*к.ю.н., доцент кафедры информационного права и цифровых технологий
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: fdrv@rambler.ru*

Н.В. Афонюшкина,

*старший преподаватель кафедры информационного права и цифровых технологий
Саратовской государственной юридической академии
e-mail: nina-af@yandex.ru*

СОВРЕМЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПРОТИВ «ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ»

Аннотация: в статье рассматривается феномен «фейковых новостей»: разбирается понятие «фейковые новости» с точки зрения закона Российской Федерации; приводится классификация «фейков». Рассматриваются положения Федерального закона от 18.03.2019 №31-ФЗ и первые итоги его применения. Анализируется закон NetzDG – Закон о мерах в отношении социальных сетей, принятый в Германии, обсуждается опыт его применения и статистические данные. Авторы статьи рассматривают законодательные меры по ограничению распространения незаконного контента и меры наказания в различных странах.

Ключевые слова: фейковые новости; недостоверная информация; «закон о фейковых новостях»; закон NetzDG в Германии.

V.K. Fedorov,

*Cand.Sci. (Tech.), Associate Professor of the Department of information law
and digital technologies of the Saratov State Law Academy
e-mail: fdrv@rambler.ru*

N.V. Afonyushkina,

*senior lecturer of the Department of Information Law and digital technologie
of the Saratov State Law Academy
e-mail: nina-af@yandex.ru*

MODERN LEGISLATION AGAINST FAKE NEWS

The article considers the phenomenon of "fake news": the concept of "fake news" is analyzed from the point of view of the law of the Russian Federation; classification of "fakes" is given. The provisions of the Federal Law of March 18, 2019 No. 31-FZ and the first results of its application are considered. The law of NetzDG is analyzed – the Law on measures in relation to social networks, adopted in Germany, the experience of its application and statistical data are discussed. The authors of the article consider legislative measures to restrict the distribution of illegal content and penalties in various countries.

Keywords: fake news; false information; "The law on fake news"; NetzDG law in Germany.

Термин «фейковые новости» (fake, fake news) весьма широко используется политическими лидерами и общественными деятелями. Он постоянно присутствует в официальных заявлениях и постов в соцсетях политиков, парламентариев и медийных персон. В таком контексте «фейк» подразумевает непроверенные или умышленно фальсифицированные данные, служащие как достижению тактических целей (например, в избирательных кампаниях или политических баталиях), так и являющиеся, по существу, оружием в информационных войнах.

Многочисленные примеры фейковых новостей предоставил вооруженный конфликт в Сирии. Среди них взаимные обвинения в атаках на медицинские учреждения, гуманитарные конвои, в «оши-

бочных» бомбардировках, вызвавших большие жертвы среди мирного населения. Российская сторона неоднократно также объявляла «фейковыми» и постановочными репортажи о химических атаках со стороны правительственных войск.

Всплески фейковых новостей обычно сопровождают происходящие стихийные бедствия, а также акции оппозиции.

Феномен фейковых новостей широко обсуждается в научной литературе. Предлагаются следующие способы их классификации¹:

¹ См.: Суходолов А.П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-feykovyh-novostey-v-sovremennom-mediaprostranstve.pdf> (дата обращения: 25.10.2019).

1. По степени недостоверности информации:

- новости, ложные от начала и до конца;
- новости, являющиеся частично ложными;
- новости, искажающие суть события, т.е. фразы или цитаты, которые не рассматриваются в контексте, а вырваны из него.

2. По степени анализа целей создания и распространения:

- новости, использующиеся с целью развлечения потребителей;
- новости, распространяемые с целью достижения политических преимуществ;
- новости, создаваемые с целью дискриминации по половому признаку, национальности, языка, происхождения и др.;
- новости, организованные в целях повышения интернет-трафика;
- новости, целью которых является завладение денежными средствами и другим имуществом потребителя.

3. В зависимости от состава лиц, упоминаемых в новостях:

- новости, которые выставляют второстепенного участника события в качестве главного действующего лица;
- новости, основанные на непроверенных показаниях лиц, якобы являвшихся свидетелями событий.

Критериев определения фейковых новостей, по существу, два: это степень «недостоверности информации» и степень ее «общественной значимости». Законодатели в лице одного из авторов закона – главы парламентского Комитета по информационной политике, информационным технологиям и связи комитета Леонида Левина¹ вышли с предложением создать единый реестр распространителей недостоверной информации, также обсудить с общественностью прозрачные критерии составления подобных списков (признав тем самым, что на момент принятия закона они не существовали).

В законе «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”»², принятом в марте 2019 года, названном в СМИ Законом о фейковых новостях, впервые получило юридическое толкование понятие «недостоверная общественно значимая информация». Согласно принятому закону, это – «распространяемая «под видом достоверных сообщений, создающая угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности

либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи».

Первое применение обновленного Федерального закона произошло через полгода после принятия: 15 октября 2019 г. суд Хорошевского района города Москвы вынес решение по делу издательского дома «Момент Истины» и его главного редактора Е. Гнеушева. Наказание за нарушение статьи КОАП, заключалось в наложении штрафа в 200 тысяч рублей на издательский дом, а также 60 тысяч рублей на главного редактора. Как будет работать закон, покажет дальнейший опыт его использования.

Российская Федерация не находится в авангарде борьбы за чистоту интернета. При обсуждении в Государственной Думе Закона №31-ФЗ отмечалось, что депутаты во многом ориентировались на принятый в июне 2017 года в Германии так называемый закон NetzDG³ – Закон о мерах в отношении социальных сетей (Netzwerkdurchsetzungsgesetz). Этот закон, не вводя новых юридических понятий, требует удалять незаконный контент из соцсетей, имеющих более 2 млн. зарегистрированных пользователей (для сравнения: упомянутое выше дело по «Моменту Истины» было открыто по отношению к каналу на видеохостинге YouTube с 177 тысячами подписчиков). Незаконным контент признается по 22 категориям, среди которых «разжигание ненависти», «формирование террористических организаций», «использование символов неконституционных организаций», «распространение детской порнографии», «нарушение неприкосновенности частной жизни», «угроза совершения тяжкого преступления» и других.

Закон NetzDG еще до своего принятия столкнулся с достаточно резкой критикой, которая, признавая необходимость контроля за распространением незаконного контента, указывала на потенциальные угрозы распространения цензуры. Критика прозвучала, например, со стороны правозащитной организации Human Rights Watch⁴. Одним из аргументов в этой дискуссии было то, что администраторы соцсетей в условиях ограниченности времени на принятие решения предпочтут удалять контент, а не кропотливо заниматься его квалификацией. Как представляется, этот аргумент может оказаться актуальным не только в условиях Германии.

Human Rights Watch также обратила внимание на то, что такие сетевые гиганты как Facebook, Instagram, Twitter и YouTube уже имеют перед поль-

¹ См.: Левин разъяснил механизм выявления фейковых новостей. URL: <https://www.pnp.ru/social/levin-razyasnil-mekhanizm-vyavleniya-feykovykh-novostey.html> (дата обращения: 25.10.2019).

² См.: Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» // СЗ РФ. 2019. № 12, ст. 1221.

³ См.: Gesetz zur Verbesserung der Rechtsdurchsetzung in sozialen Netzwerken (Netzwerkdurchsetzungsgesetz – NetzDG). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/netzdg/BJNR335210017.html> (дата обращения: 18.10.2019).

⁴ См.: Германия: новый закон о соцсетях. Неверный подход к регулированию незаконного интернет-контента. URL: <https://www.hrw.org/ru/news/2018/02/14/314982> (дата обращения: 17.10.2019).

зователями определенные обязательства по защите их прав. Они подразумевают возможности обжалования решений, обеспечение информирования о подозрительном контенте, использование экспертиз в спорных случаях. Интересно, что «фильтрация» контента самими администраторами сетей оказывается более эффективной или, по крайней мере, более жесткой по сравнению с надзорными органами. Подробные сведения можно найти в ежегодных отчетах, публикуемых в Германии сетевыми платформами¹.

Обратимся к отчету Google за 2018 г., в котором выделяются удаления контента по 7 из 22 оснований, присутствующим в уголовном кодексе Германии: «опасные действия», «частная жизнь», «разжигание ненависти», «сексуальные преступления», «политический экстремизм», «насилие», «клевета или оскорбления». Общее количество единиц удаленного контента по этим основаниям составило 54 641, из них всего 12 922 по закону NetzDG и более 41 тысячи в соответствии с принципами, провозглашенными компанией.

Из сведений в том же источнике следует, что наибольшее количество удаленного контента относится к «политическому экстремизму» – 13 499 по правилам сообщества и 6 436 по закону NetzDG. Второе место в списке занимает «сексуальный контент» (9 063 и 66 удалений соответственно) и «клевета и оскорбления» (8 695 и 3 206 удаленных единиц). Значительная часть жалоб на запрещенный контент – более 90 % – удовлетворяется в течение 24 часов (т.е. без рассмотрения экспертиз и жалоб).

Закон NetzDG послужил прецедентом для принятия аналогичных актов в других странах². Наиболее серьезные ограничения и наказания предусмотрены в азиатских странах. Среди законодательных мер вводятся запреты на распространение сведений, наносящих ущерб национальной безопасности и даже материалы антиправительственного характера (Вьетнам, Египет), ужесточение требований к идентификации личности участников форумов и регистрации пользователей сайтов и мессенджеров (Казахстан, Иран, Китай, Шри Ланка), возложение уголовной ответственности за распространение нежелательного контента не только на провайдеров, но и на блогеров и журналистов (Египет, Малайзия). Многие страны разрабатывают и уже используют комплекс технических мер для контроля интернет-пространства: блокировка сети

¹ См.: NetzDG_Tworek_Leerssen_April_2019.pdf. URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwiaqsCbibzIAhVb4KYKHQc3CeEQFjABegQIARAC&url=https%3A%2F%2Fwww.ivir.nl%2Fpublicaties%2Fdownload%2FNetzDG_Tworek_Leerssen_April_2019.pdf&usg=AOvVaw2fLwd5819pkSttLPf3vWze (дата обращения: 27.10.2019).

² См.: Международный опыт борьбы с фейками. На кого равняется Россия. URL: <https://news.rambler.ru/other/41616357-mezhdunarodnyu-opyt-borby-s-feykami-na-kogo-ravnyaetsya-rossiya/> (дата обращения: 18.10.2019).

Тор, программы чтения зашифрованных сообщений в мессенджерах и личной переписки граждан (США, Германия, Австрия, Финляндия). Отметим, что зарубежное законодательство предусматривает гораздо более жесткие меры наказания по сравнению с российским. Например, в Германии сумма штрафа, накладываемого на провайдера, может достигать 50 млн евро, в Египте, Австралии, Малайзии за подобные нарушения возможно тюремное заключение.

Несомненно, вред фейковых новостей, как показывает анализ, осознан во всем мире. Растет число стран, в той или иной степени вводящих контроль над распространением информации в интернете. Усиление законодательных мер встречается в обществе как сдержанным одобрением, так и критикой, и громкими опасениями за судьбу свободного распространения информации. Но трудно не согласиться с авторитетным специалистом по информационным технологиям Игорем Ашмановым: «Цифровое пространство не может быть абсолютной «зоной свободы» – здесь должны действовать те же законы, что и в обычном мире. И еще немного дополнительных правил безопасности – с учетом особой медийной силы этой среды и высоких рисков для национальных интересов, которые она порождает»³.

Но возникает вопрос: а достаточно ли в борьбе против фейковых новостей только ужесточить наказания, перекрыть каналы их распространения, создать реестр их недобросовестных распространителей? Обречена ли на успех эта борьба? По сути, фейковые новости те же слухи, «вирусность» которых в цифровую эпоху многократно возрастает. Слухи, по выражению журналиста Б. Козловского⁴, обладают большей «заразностью» чем скучные опровержения. Попытка Facebook пометать специальным значком сомнительные новости привела к тому, что люди стали репостить их гораздо чаще.

Таким образом, очевидно, что борьба с фейком в СМИ, соцсетях и интернете набирает силу. Основным оружием в этой борьбе пока являются законодательные меры. Дальнейшее развитие событий покажет, насколько они являются эффективными и достаточными.

³ См.: Ашманов И. Рунет гибнет как никогда раньше. URL: <https://ria.ru/20191023/1560067612.html> (дата обращения: 25.10.2019).

⁴ См.: Козловский Б. Отличить фейк от настоящей новости ничего не стоит. URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81%D0%B%D0%B0%D0%B2-%D0%BA%D0%BE%D0%B7%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9-%D0%BE%D1%82%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%B8%D1%82%D1%8C-%D1%84%D0%B5%D0%B9%D0%BA-%D0%BE%D1%82-%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D1%89%D0%B5%D0%B9-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D0%B3%D0%BE-%D0%BD%D0%B5-%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%B8%D1%82/a-46029460> (дата обращения: 21.10.2019).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ
ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА:
тенденции развития
правового регулирования
цифровых трансформаций**

*Сборник научных трудов по материалам
I Международной научно-практической конференции
(17–18 октября 2019 г., Саратов)*

В авторской редакции
Компьютерная верстка – *О. А. Фальян*
Дизайн обложки – *М. А. Шульпин*

Тем. план 2019 г.

Подписано в печать 20.12.2019. Формат 60x84¹/₈.
Гарнитура «Cambria». Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,4. Уч.-изд. л. 16,58. Тираж 500 экз. Заказ № ???.

Издательство
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410028, Саратов, ул. Чернышевского, 135.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, Саратов, ул. Вольская, 1.